

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Луганской Народной Республики**

**«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

И. В. Чеботарева, С. В. Короткова

***Формирование
духовно-нравственных основ
профессиональной модели
поведения будущих педагогов
средствами кейс-метода***

*Научно-методическое пособие
для научно-педагогических кадров и
студентов педагогических специальностей*

Луганск
«Альма матер»
2015

УДК [378.015.31:17.022.1](076)

ББК 74.480.051р3

Ч 34

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (протокол № 4 от 27 ноября 2015 года)

Р е ц е н з е н т ы :

Турянская О. Ф. – доктор педагогических наук, профессор;

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор.

- Ч 34 **Чеботарева И. В. Формирование духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов средствами кейс-метода.** Научно-методическое пособие для научно-педагогических кадров и студентов педагогических специальностей / Ирина Владимировна Чеботарева, Светлана Владимировна Короткова; Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко. – Луганск: Из-во «Альма-матер», 2016. – 492 с.

В научно-методическом пособии раскрываются теоретические основы, содержание и особенности формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов средствами кейс-метода.

Пособие предназначено для педагогических кадров, аспирантов, студентов психолого-педагогических специальностей, желающих повысить уровень профессионально-педагогической компетентности.

УДК [378.015.31:17.022.1](076)

ББК 74.480.051р3

© Чеботарева И. В., 2015.

© Короткова С. В., 2015.

© Изд-во «Альма-матер».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
-----------------------	---

Глава 1.

Теоретические основы формирования духовно-нравственной профессиональной модели поведения будущих педагогов

1.1. Анализ понятий «профессионал» и «профессионализм».....	6
1.2. Духовность и нравственность как связующий элемент профессионализма	12
1.3. Составляющие компоненты духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога.....	37

Глава 2.

Научно-методические аспекты кейс-метода

2.1. История возникновения и развития кейс-метода	80
2.2. Сущность кейс-метода	85
2.3. Методические аспекты использования кейс-метода в формировании духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога	94
2.4. Особенности создания и работы с кейсами на занятиях по педагогическим дисциплинам	102
2.5. Потенциал видео-кейсов в процессе подготовки педагогических кадров	124

Глава 3.

Практика формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов средствами кейс-метода

3.1. Кейсы, способствующие формированию профессионального здоровья будущих педагогов.....	128
3.2. Кейсы, способствующие формированию нравственных чувств и переживаний будущих педагогов	200
3.3. Кейсы, способствующие формированию профессионального идеала у будущих педагогов.....	276
3.4. Кейсы, способствующие формированию системы профессионально-нравственных ценностей будущих педагогов.....	332
3.5. Кейсы, способствующие формированию профессиональной идентичности будущих педагогов.....	399
Заключение	475
Список литературы	477

ВВЕДЕНИЕ

Современные быстро изменяющиеся социокультурные условия актуализировали потребность в специалистах способных быстро реагировать на эти изменения и решать профессиональные задачи в новых нестандартных ситуациях. Педагог не является исключением, напротив, образовательная сфера тесным образом связана со всеми сферами человеческой деятельности и учительское сообщество первым должно реагировать на изменения в обществе и удовлетворять его запросы в подготовке молодого поколения к жизни. Важнейшее значение на рынке труда приобретают такие характеристики педагога, как способность принимать аргументированное, взвешенное решение; способность к саморефлексии; умение формулировать свою профессиональную позицию и отстаивать ее; навыки работы с большим объемом информации, умения ее анализировать, перерабатывать и применять в профессиональной деятельности; способность к творчеству; умения общения, сотрудничества, сотворчества и т.д.

Высшая школа находится в постоянном творческом поиске, внедряя в учебный процесс различные технологии, методы, средства, способствующие формированию нового специалиста для работы в современных условиях. Одним из путей оптимизации учебного процесса является использование кейс-метода (от английского case – случай, ситуация), представляющий собой анализ ситуации из реальной жизни или смоделированной, имеющей в своей основе проблему, которую можно перевести в статус учебной задачи для анализа и решения студентами. Работая над кейсами, студент размышляет, активизирует синергетическое знание, жизненный опыт для принятия оптимального решения. Можно сказать, что кейс-метод является методом обучения принятию профессиональных решений в ситуации неопределенности.

Использование кейс-метода способствует осознанному усвоению студентами профессиональных знаний, которые не ложатся на полку, а актуализируются в процессе решения проблемы. Поиск ответов на поставленную проблему сопровождается самостоятельным пополнением студентами недостающих знаний, что способствует развитию навыков самообразования. Использование кейс-метода требует уси-

лий не только студента, но и преподавателя, находящегося в творческом поиске по проектированию и анализу учебных кейсов.

Кейс-метод нельзя рассматривать как исключительно обучающий метод. В нем заложен огромный воспитательный потенциал формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога. Такие важнейшие элементы профессиональной модели поведения педагога как понимание роли своей профессии в развитии общества; система ценностей; нравственные качества (трудолюбие, уважение к людям труда, самокритичность, эмпатия, порядочность и т.д.); нравственные чувства и переживания (любовь, совесть, справедливость, сочувствие, чувство долга, достоинство, честь и т.д.), целесообразно, как показывает педагогическая практика, формировать в условиях активизации знаний, мыслительной деятельности студентов, чему способствует кейс-метод.

Современный учитель должен быть подготовлен к работе с нынешними детьми, которые ждут не только образованного, но и гуманного педагога. Учителя, умеющего и желающего сделать детскую жизнь яркой, интересной, захватывающей, познавательной, который не боится трудностей и готов к преобразованиям на благо ребенка. Как утверждает Ш.А. Амонашвили, дети ждут педагога, стремящегося построить изумительный Храм Образования, в котором царствуют Вера, Надежда, Любовь, Мысль, Свобода, Совершенство, Устремление, Благородство, Преданность. Где Любовь является матерью всех остальных. Педагога, который будет любовь воспитывать любовью, доброту воспитывать добротой, честность воспитывать честностью, духовность духовностью, нравственность воспитывать нравственностью.

Данное пособие акцентирует внимание читателей на необходимости духовно-нравственной основы подготовки к профессионально-педагогической деятельности. В пособии представлены разработанные авторами кейсы, которые могут быть использованы преподавателями высшей школы на дисциплинах педагогической направленности. Данные кейсы в качестве инструмента саморазвития и самовоспитания рекомендуется использовать студентам для самостоятельного анализа, а также педагогам, желающим повысить уровень профессиональной компетентности и усовершенствовать свою профессиональную модель поведения.

Глава 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

1.1. Анализ понятий «профессионал» и «профессионализм»

Для выявления потенциальных возможностей кейс-метода в формировании духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога прежде разберемся в таких понятиях как «профессионализм» и «профессионал». В них кроется ответ на вопрос – кто такой профессионал – носитель высокого уровня знаний, умений и навыков в определенной профессиональной деятельности или человек, имеющий несколько иные характеристики?

Обратимся к ведущим ученым, исследующим эту проблему. Так, Е.А. Климов считает, что профессионализм это определенная системная организация сознания и психики человека, это сложное образование, состоящее из множества элементов, каждый из которых связан между собой и проявление которых в совокупности дает возможность человеку выполнять работу на профессиональном уровне и считаться профессионалом. Ученый выделяет основные компоненты профессионализма:

- свойства человека как целостного образования – образ мира; профессиональная направленность; отношение к миру, людям, себе; творчество; интеллектуальность; профессиональная умелость; исполнительские способности; эмоциональность; осмысленные родства с другими профессиями; представление о сложных способностях и сочетание их с личностными качествами; представление о своем месте в профессиональной общности;

- практически значимые особенности (праксис): моторика; умения, навыки, действия, обращенные на предметную область труда и на область организации производства; коммуникативные умения; умения, навыки, обращенные на преобразование инфор-

мации; умения, навыки саморегуляции;

- гнозис профессионала – внимание, память, ощущение, восприятие, представление, умение принимать и обрабатывать информацию, умение принимать профессиональные решения, разбираться в нестандартных ситуациях;

- профессиональная информированность, опыт и культура: ориентация в разных научных областях; специфические профессиональные знания (о целях своей деятельности и своей жизни, средствах труда, условиях профессионального развития и достижения успеха);

- особенности силы переживаний, быстроты их смены;

- осмысление вопросов своей возрастной и половой принадлежности в связи с требованиями профессии; осмысление роли физических качеств, внешности, здоровья, противопоказаний к труду в данной профессиональной области [63, с. 387].

Н.В. Кузьмина понятие «профессионализм» употребляет в двух смысловых значениях: как «профессионализм деятельности» и как «профессионализм личности». Профессионализм деятельности – это качественная характеристика субъекта деятельности, как представителя данной профессии, которая определяется мерой владения им современными средствами решения профессиональных задач, продуктивными способами её осуществления. Профессионализм педагогической деятельности учителя определяется, как владение искусством формировать у учащихся готовность к продуктивному решению задач средствами своего предмета (специальности) за отведённое на учебно-воспитательный процесс время. Профессионализм личности – качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокий уровень развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, акмеологических составляющих профессионализма, высокий уровень креативности, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие [73; 74].

Н.В. Кузьмина в зависимости от результатов деятельности педагога выделяет следующие уровни профессионализма: репродуктивный, адаптивный, локально-моделирующий, системно-моделирующий знания, системно-моделирующий творчество. К основным педагогическим умениям Н.В. Кузьмина относит: гностические, проек-

тировочные, конструктивные, коммуникативные, организаторские.

А.К. Маркова понятие «профессионализм» использует в двух значениях как «нормативный профессионализм» и «реальный профессионализм». В первом значении речь идет о совокупности личностных характеристик, которые должен иметь человек для выполнения определенной трудовой деятельности на профессиональном уровне. Это требования, которые работодатель может предъявить потенциальному работнику. Реальный профессионализм, как набор сформированных психологических качеств, человек приобретает в деятельности спустя некоторое время. В таком случае профессионализм становится его внутренней характеристикой.

А.К. Маркова выделяет две стороны профессионализма: состояние мотивационной сферы профессиональной деятельности человека (какие мотивы побуждают человека, какой смысл имеет в его жизни профессиональная деятельность, какие цели он лично стремится достичь, насколько он удовлетворен трудом и т.д.) и состояние операциональной сферы профессиональной деятельности человека (как он достигает поставленные цели, какие технологии использует, какие средства – знания, мыслительные операции, способности применяет).

Ключевым моментом в мотивационной сфере для достижения высокого уровня профессионализма, с точки зрения А.К. Марковой, должно быть духовное наполнение профессии: направленность своей профессиональной деятельности на благо людей; желание остаться в своей профессии; стремление к гуманистическим идеалам, мотивация на достижение высших уровней в труде, достижение успеха с оптимальным сохранением собственных ресурсов.

Ключевым моментом в операциональной сфере является «технологическое» обеспечение духовного наполнения профессии: развитое профессиональное сознание, целостное видение образа успешного профессионала; приведение себя в соответствие с требованиями профессии; реальное выполнение профессиональной деятельности на уровне высоких образцов и стандартов, овладение мастерством; развитие человеком себя средствами профессии; внесение своего творческого вклада в профессию; привлечение интереса общества к результатам своего труда [100, с. 38].

А.К. Маркова отмечает, что овладение новыми технологиями

– это еще не профессионализм, «в погоне за новыми технологиями мы сталкиваемся с тем, что «техники» есть, а духовности (святости) в труде нет» [100, с. 38].

Л.М. Митина, исследуя проблему профессионального становления человека, отмечает, что именно духовное начало, духовность должны определять уровень его профессионального развития. Ученый представляет две модели труда учителя: модель адаптивного поведения и модель профессионального развития. В первой модели наблюдается приспособление педагога к внешним обстоятельствам, а также подчинение среды (родителей, учеников) своим интересам в виде выполнения социальных требований, ожиданий, норм. В данной модели человек старается «вписаться» в трудовой процесс, руководствуясь постулатом экономии времени и сил. Профессиональные задачи решаются на основе отработанных алгоритмов, которые преобразованы в штампы и шаблоны. Л.М. Митина подчеркивает, что модель адаптивного поведения является наиболее распространенной среди отечественных специалистов разных сфер деятельности (80–82%). У представителей этой модели быстро наступает выгорание и «истощение», невосприимчивость к чему-то новому в трудовой деятельности [109].

В модели профессионального развития человек может выйти за пределы своей деятельности и увидеть свою работу в целом. Педагог в такой модели является конструктором своей деятельности на основе выработанных ценностных ориентиров. Трудности, с которыми сталкивается человек в процессе работы, воспринимаются как профессиональный урок и возможность продвигаться вперед, решая сложные задачи. Педагог живет в творческом поиске и ощущает с одной стороны свободу в деятельности, а с другой – ответственность за принятие решений. В разработанной Л.М. Митиной психологической технологии профессионального развития будущего специалиста акцент делается не на обучении новым образцам деятельности, а на «преобразовании мотивационной, интеллектуальной, аффективной и – в конечном результате – поведенческих структур его личности. По сути – это технология оптимизации процесса формирования духовности личности» [108, с. 23].

С точки зрения С.А. Дружилова, профессионал – это человек,

который является индивидуальностью, личностью и субъектом деятельности, поэтому и профессионализм надо рассматривать как системное образование в трех плоскостях: как свойство, как процесс и как состояние человека-профессионала [47].

Как свойство профессионализм дает возможность создать условия достойные жизни человека, быть уверенным в завтрашнем дне, так как профессионалы являются конкурентоспособными на рынке труда и будут иметь более благоприятные условия профессионального роста и самоусовершенствования. Как процесс профессионализм формируется продолжительный период, в каждой профессиональной сфере и у каждого человека этот отрезок времени индивидуальный. Профессионализм как состояние человека может быть внутренним и внешним. Внутренний профессионализм – это зафиксированное сознанием субъекта комфортного или дискомфортного ощущения в подсистемах организма или всего организма. Внешний профессионализм – это степень благополучия, которое можно наблюдать по внешним признакам.

С.А. Дружилов профессионализм педагога определяет как особое свойство специалиста систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях. Ученый профессионализм не отождествляет с характеристиками высококвалифицированного труда, это, по его мнению, особое мировоззрение человека. Для приобретения профессионализма человек должен иметь желание, характер, способности и устремление к самосовершенствованию [45].

Заслуживает внимания исследование А.Р. Фонарева, который выделяет три модуса человеческого бытия, в соответствии с которым происходит становление профессионала: обладания, социальных достижений и служения. Модус обладания заключается в стремлении человека к удобству, минимизации усилий во всех сферах жизнедеятельности. Основная установка человека направлена на удовлетворение своих потребностей. Для человека отсутствуют моральные преграды, других он использует для достижения своих целей, что делает профессионализм невозможным. Модус социальных достижений состоит в сравнении себя с другими, в соперничестве, самоутверждении за счет других, удалении от своей сущности. Модус служения характеризуется любовью к людям, стремлением направить свою профессиональную

деятельность на благо других. В человеке появляется ощущение колоссальной мощи, отдавая себя другим, он освобождает огромную энергию, которая повышает трудоспособность и способствует развитию профессионализма. Автор отмечает, что выделенные им модусы не являются изолированными друг от друга, каждый из них имеет место в жизни любого человека, однако, один из них является основным, а другие являются средством реализации отношения к жизни. А.Р. Фонарев считает, что указанные модусы, в свою очередь, являются этапами становления профессионала, под которым ученый понимает человека, осознавшего свое жизненное предназначение, являющегося субъектом своего труда и владеющего деятельностью в целом, результаты труда которого превышают результат, заложенный в цели, осознающий свою ответственность за последствия реализации деятельности и обладающий свободой в создании средств ее выполнения [164, с. 35].

Близки к позиции А.Р. Фонарева идеи священника Г. Егорова, который углубляет мысль относительно осуществления профессиональной деятельности в разных модусах. Как подчеркивает Г. Егоров, профессиональная деятельность в модусе владения приводит к профессиональным деструкциям и стагнациям, то есть к профессиональной деградации личности. В данном модусе профессиональное развитие человека ограничено границами имеющейся данности, теми возможностями, которые предоставляет поле профессиональной деятельности. Ценностные ориентиры тоже ограничены рамками избранного модуса. Развитие человека как профессионала и как личности Г. Егоров видит в модусе служения, который стимулирует формирование высших жизненных смыслов, делает человека способным к открытости, побуждает к саморазвитию, самосовершенствованию, к обогащению как личности и себя, и Другого человека. В данном модусе человек видит ценность Другого, ради которого и осуществляется профессиональная деятельность. Профессионал стремится создать уникальные условия для Другого, так как цель его деятельности не ограничивается лишь профессиональным результатом, а сосредоточена на служении другому человеку [48].

Г. Егоров дает такое определение профессионалу: «Профессионал – субъект собственной профессиональной деятельности, которая вовне проявляется как творчество, связанное с выходом за пределы

профессиональной области, а вовнутрь – как творческое самообразование, самосозидание, связанное с выходом за пределы собственной наличной данности, осуществляемой на единой нравственно ценностно-мотивационной основе в модусе служения» [48, с. 56].

О.Г. Красношлыкова рассматривает профессионализм учителя как системную интегральную характеристику личности, в состав которой входят следующие взаимосвязанные составляющие: педагогическая компетентность, педагогическое мастерство, профессионально значимые качества, индивидуальный имидж, которые в совокупности создают неповторимую индивидуальность учителя и обеспечивают эффективность и оптимальность его профессиональной деятельности [70].

Г.В. Сорокоумова четко разграничивает понятие «специалист» и «профессионал». Если специалист – это человек, владеющий определённым уровнем компетентности в соответствии с нормативными требованиями профессии, то профессионал является компетентной личностью, выполняющей свои профессиональные обязанности на духовно-нравственной основе. Компетентность профессионала одухотворена любовью к своему делу, людям, ответственностью и подлинной свободой. «Ядром профессионализма является личность, а ее ведущим профессионально важным качеством – интеллект. Но генерирующей опорой профессионализма является духовность и нравственность человека» [142, с. 185].

Таким образом, профессионал – это носитель не только профессиональных знаний и способов деятельности, но и носитель профессионально-нравственных ценностей, человек, имеющий высокий уровень ответственности за принятые решения, способный к саморазвитию, самосовершенствованию, стремящийся к духовному наполнению профессии, к ее развитию и готовый слушать другим людям.

1.2. Духовность и нравственность как связующий элемент профессионализма

«Дух» коммерциализации, потребления, присутствующий почти во всех сферах человеческого бытия не мог не отразиться на самом человеке, на его системе ценностей, модели поведения.

Жажда быстрого удовлетворения все возрастающих материальных запросов разрушительно действует на духовный мир человека, на его сознание, что приводит к деформации поведения. В период нестабильности и кризисных явлений в обществе этот процесс усиливается, прослеживается стирание границ между добром и злом, между нравственностью и аморальностью. Многие ценности, которые утверждались столетиями, и были стержнем нравственного поведения человека, в настоящее время нивелируются. Процветающему гедонизму чужды такие духовные ценности как доброта, совесть, справедливость и т.д. Т.Н. Гусакова отмечает, что гедонистическая культура формирует человека с фрагментарным сознанием, без воли, устоев, с ослабленной способностью к самоограничению и самоконтролю, отсутствием высоких идеалов, заботящегося, прежде всего, о своем благополучии. «Гедонизм, став для общества нормой и идеалом, приводит к прогрессирующему разрушению социальной ткани, к духовному надлому и моральному хаосу, к вырождению и гибели» [38].

Последствия процветания гедонистической культуры налицо: экологические катастрофы, войны, рост преступности, наркомании, проституции и т.д. В таких условиях современная молодежь как никогда нуждается в стойких жизненных ориентирах, которые будут основой достойного существования личности. Подготовка молодежи к будущей профессии на духовно-нравственных основах – это своеобразная инвестиция общества в будущее, это залог его духовного развития и процветания.

В связи с вышесказанным повышается значение научных исследований, направленных на анализ понятий «духовность» и «нравственность» и определение их значения в формировании профессиональной модели поведения будущего специалиста. Прежде всего, обратимся к этимологии таких слов как «нравственность», «мораль» и «этика», возникших в разных языках. Слово «этика» греческого происхождения, которое переводится как нрав, характер, обычай. Ввел это слово древнегреческий философ Аристотель, называющий «этическими» добродетели человека – мужество, честность, благоразумие, проявляющиеся в его поведении. Этикой философ назвал науку, изучающую природу этих добродетелей. Слово «мораль» латинского происхож-

дения и обозначает приблизительно тоже, что и греческое слово «нрав». Цицерон образовал от него слова «moralis» – моральный и «moralitas» – мораль, которые стали латинскими эквивалентами слов «этический» и «этика». Слово «нравственность» русского происхождения от корня «нрав», которое стало использоваться как синоним наряду со словами «этика» и «мораль» с XVIII столетия. Так, в русском языке появилось три слова приблизительно одного значения. Со временем они приобрели некоторые смысловые оттенки, позволяющие отличить одно от другого [61].

Мораль является продуктом общей практической деятельности людей и служит регулятором их поведения. В морали объединена система взглядов людей на общественную жизнь, обычаи, традиции, общественные интересы и т.п. Приоритетное место в морали занимает гармонизация общественных и индивидуальных интересов человека. Благодаря базовым духовным ценностям, имеющим большую значимость в обществе, направляется деятельность и поведение человека. Мораль предусматривает ценностное отношение человека к самому себе, природе, обществу и т.п. Моральные ценности (нормы, правила, принципы, представления о добре, справедливости, порядочности и т.п.), сложившиеся в обществе, проникая в сознание человека, становятся его собственным достоянием и определяют его поступки. Мораль невозможно рассматривать вне людской деятельности – профессиональной, семейной, экономической, художественно-эстетической и т.п., она проявляется в деятельности и реализуется в ней. «Мораль понимается как способ присвоения человеком социальности в деятельности и существовании, как способ специфического человеческого существования, как разновидность практико-духовного освоения действительности, оценочно-императивный способ освоения мира, связанный с выработкой духовных ценностей и требований, форма человеческой индивидуальности, которая составляет особую систему ориентаций человека в социальной среде» [50, с. 67].

Обращаясь к словарю С.И. Ожегова, мы находим, что духовность определяется как свойство души, состоящего в преобладании духовных, моральных и интеллектуальных интересов над материальными [114]. Нравственность определяется как этические нормы, правила поведения, которыми руководствуется человек в жизни согласно сформированным духовным качествам [114].

В педагогическом словаре нравственность определяется как «форма общественного сознания, которая ориентируется на общечеловеческие ценности и направлена на созидание общества в целом и раскрытие каждого человека в отдельности». Нравственность является качеством более высокого уровня по сравнению с моралью. Нравственный человек не ограничивается только принятыми в обществе моральными нормами, а действует согласно с разумом и ответственностью за свои действия [117, с. 86]. Духовность есть высший уровень развития и саморегуляции личности, когда непреходящие человеческие ценности становятся ее основными жизненными ориентирами, это поиск нравственных абсолютов, устремление к Богу [117, с. 137].

Поскольку духовность и нравственность является свойством человека, а проблема воспитания человека была, есть и будет наиважнейшей, обратимся к ценнейшим мыслям, рассуждениям, идеям известных философов, психологов, педагогов разных исторических времен.

Еще древнекитайский философ Конфуций считал, что нравственность составляет основу поведения человека, и потому оценивал людей, прежде всего, с моральной точки зрения. По его мнению, все люди по своей природе близки между собой, но им присущи разные привычки. Одни становятся добрыми и моральными, а другие – глупыми и злыми. Человека высшей добродетели Конфуций называл «благородным человеком» и противопоставлял ему «негодного человека», лишённого этого качества [118].

Основополагающий принцип морали по Конфуцию – это призыв видеть в каждом человеке – Человека. Основной добродетелью он считал «жень» – человечность. В зависимости от отношения человека к себе и к другим Конфуций различал такие типы поведения людей: низший тип – эгоистический (все для меня); второй тип – преданность только другим людям; высокий тип – соединение любви к себе с любовью к другим людям (продуманное поведение). На основе выдвинутых принципов Конфуций строит идеал гуманного человека, которому присущи следующие характеристики:

- он не боится исправлять свои ошибки;
- он требователен к себе;
- он не требует от других больше, чем они могут;

- он не стыдит людей за то, что они не могут больше;
- он хочет быть медленным в словах и быстрым в делах;
- для него обязанность превыше всего;
- ему отвратительны те люди, которые говорят плохо о других [35].

Древнегреческий философ Демокрит писал об усовершенствовании души человека: «Людам следует большее значение придавать надлежащему состоянию души, чем тела. Ибо совершенная душа выправляет дурные стороны тела, телесная же сила без разума ничем не может усовершенствовать душу» [91, с. 337].

Сократ говорил, что есть только одно благо для человека – знание и одно только зло – необразованность. К богатству и знатности философ относился безразлично и говорил, что они приносят не пользу, а напротив – лишь дурное. Интересна мысль Сократа, которую он любил озвучивать, прогуливаясь по рынку: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить». Очевидно, что философ задумывался над проблемой, которая является на сегодня очень актуальной – стремление человека к материальному обогащению в ущерб духовному. Мы можем предположить, что жизненная стратегия Сократа состояла в сдержанности во всем, соблюдении добропорядочности и стремлении к познанию мира [77].

Ученик Сократа Платон в работе «Законы» размышляет о необходимости воспитания молодого поколения путем привития такого образа мыслей, который согласно законам был бы определен как правильный. Справедливость выдвинутых законов должны подтверждать уважаемые и пожилые люди. Философ считал, что привитием правильного образа мыслей можно сформировать у молодежи доброе поведение и воспитать совершенного гражданина, умеющего руководить и подчиняться согласно справедливости. По мнению Платона, воспитание, имеющее целью культивирования могущества, денег или искусства, лишенное ума и справедливости – низкое и негодное. Поэтому самым ценным в подготовке молодежи к жизни является забота о душе. Платон считал, что не золото надо завещать молодежи, а совесть и достоинство. Философ выводит цель воспитания нравственного человека: «... человек должен стать добрым, он должен владеть надлежащей ему душевной добропорядочностью, основанной на тех или иных обычаях или правах, на том, чем он владеет, и на

определенном стремлении, взглядах или познании» [122, с. 246].

В работе Аристотеля «Никомахова этика», основном этическом трактате, четко прослеживается мысль о достижении человеком счастья, под которым мыслитель понимает деятельность души согласно добропорядочности. Философ выделяет добропорядочность умственную: мудрость, сообразительность, благоразумие, и моральную: щедрость и рассудительность. Умственная добропорядочность возникает и возрастает благодаря обучению, а моральная – рождается привычкой и воспитанием. По мнению философа, добропорядочность связана с поступками человека; добропорядочность – это способность поступать наилучшим образом во всем, что касается и удовлетворений, и страданий. Добропорядочность укрепляется такими поступками человека, благодаря которым она и возникла. Согласно добропорядочности человек будет переносить непостоянство судьбы достойно во всех отношениях [12].

Обращаясь к Эпикурейской этике, мы находим интересные мысли относительно природы человека, его добродетелей и их значения в достижении счастья. «От благоразумия произошли все другие добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. Ведь все добродетели по природе соединены с жизнью приятной, а приятная жизнь от них неотъемлема» [104, с. 212]. «Будем совершенно выбрасывать глупые привычки все равно как скверных людей, долгое время приносивших нам большой вред» [104, с. 221], «Надо стараться делать последнюю часть пути лучше первой, пока мы находимся в дороге; а когда дойдем до конца, надо с легким сердцем радоваться» [104, с. 222].

Средневековая этика, развивающаяся в рамках христианской религии, коренным образом отличается от античной этики. Поведение человека должно было строиться исключительно на библейских заповедях, смысл жизни человека состоял в служении Богу. Священное Писание стало единым моральным учением, на которое опирались при определении критериев нравственности, распознавании добра и зла, определении морального идеала. Моральные усилия человека направлялись на преодоление несовершенства и спасение своей души. Несмотря на то, что христианские заповеди были

единими для всех, в реальной жизни средневековая мораль явным образом «слоилась». Например, свои нормы поведения устанавливались среди представителей разных профессий (были так называемые цеховые нормы). Мораль рыцарства, крестьянства, духовенства и ремесленников, торговцев значительно отличалась [24].

Проблемы морали и нравственного воспитания при подготовке молодежи к трудовой деятельности затрагивал средневековый философ и врач Авиценна. В «Книге исцеления» мыслитель подчеркивает, что прежде чем руководить другим человеком, нужно научиться руководить собой и уметь выявлять свои недостатки, и бороться с негативными чертами. Каждый человек должен воспитать в себе качества, соответствующие четырем основным добродетелям: сдержанности, смелости, мудрости, справедливости. Моральное здоровье можно укрепить, как и физическое – надо лишь приучаться к соответствующему поведению, основой которого будут перечисленные добродетели [131, с. 206].

Представители эпохи Возрождения (Л. Да Винчи, Т. Кампанелло, М. Монтень, Т. Мор), в отличие от средневековой мысли, считали человека существом, наделенным широкими возможностями, творческими наклонностями, способностью развиваться и самосовершенствоваться при определенных условиях.

Почти не найдется сферы деятельности, в которой не приложил свой талант Л. Да Винчи. Реализуясь как художник, скульптор, инженер, писатель, он лично демонстрировал возможности и способности человека. Нужно отметить, что ученый сам был мягким, доброжелательным человеком, защитником животных. Он осуждал войну и кровопролитие и называл человека не столько «царем животных» сколько «первым животным среди животных» [166].

Философская позиция Л. Да Винчи относительно нравственной стороны человеческого бытия четко прослеживается в его писательском наследии. «В природе все мудро и продуманно, всякий должен заниматься своим делом, и в этой мудрости заключается высшая справедливость жизни». «Бездельника хлебом не корми, а дай порассуждать, да и в умении очернить других ему не откажешь. Он всегда готов найти оправдание собственной никчемности», «Любой, кто желает иметь верных друзей, должен быть добрым и терпеливым, проявлять внимание к чужим потребностям. Почет добывается не силой, а великодушием и готовностью

поделиться с теми, кто бедствует последним куском» [40].

Представитель философии Нового времени (эпоха научной революции) Ж.-Ж. Руссо считал, что главное чему должен учить педагог своего воспитанника – быть человеком. «Выходя из моих рук, он не будет... ни судьей, ни солдатом, ни священником: он будет, прежде всего, человеком; всем, чем должен быть человек, он сумеет быть, в случае надобности, так же хорошо, как и всякий другой, и как бы судьба ни перемещала его с места на место, он всегда будет на своем месте» [67, с. 205].

Основоположник немецкой классической философии И. Кант провозглашал человека как наивысшую ценность и цель в воспитании. Добропорядочность, по мнению философа, является соглашением свободы человека с его долгом. Высший принцип учения философа о добропорядочности состоит в следующем: «Поступай согласно такой максиме целей, иметь которую может быть для каждого всеобщим законом. Согласно этому принципу, человек есть цель как для самого себя, так и для других, ... сделать человека вообще своей целью есть сам по себе его долг» [60, с. 329].

Великий гуманист, философ XX столетия А. Швейцер видит духовное развитие общества только через повышение культуры каждой личности. По его мнению, прогресс, который достигнут благодаря господству разума над силами природы, ее покорение, не приведет к духовному прогрессу. Основным принципом нравственности философ выдвигает «благоговение перед жизнью», заключающееся в сохранении и развитии жизни любого существа в мире. Согласно этике «благоговения перед жизнью» человек должен в любых обстоятельствах проявлять добрые качества на пользу другим людям. А. Швейцер пишет: «Подыщи для себя любое побочное дело, пусть даже незаметное, тайное. Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного в твоём участии, в твоём времени, в твоём дружеском расположении, в твоём обществе, в твоём труде» [179]. Философ подчеркивает, что человек, который стремится к идеалу культурного человека, должен постоянно осознавать всю ответственность за свои действия. Как страдающий и действующий, он должен сохранить в своём отношении к самому себе и к миру живую духовность. «Идеал подлинной человечности состоит для него в том, чтобы оставаться этическим в глубоком миро- и жизнеутверждении благогове-

ния перед жизнью» [179].

Российский философ В.С. Соловьев рассматривает стыд, религиозное чувство и жалость как моральные основы формирования личности с трех сторон – как добропорядочность, как правило действия, как условие известного блага. Чувство стыда, способность к сопереживанию, жалость являются, по мнению философа, качествами добродетельного человека, в то же время проявление этих качеств – правило достойного существования людей и условием достижения жизненных благ. Другие же добродетели В.С. Соловьев рассматривает как производные от перечисленных и сводит их к трем указанным составляющим основ нравственности. Ученый акцентирует внимание на анализе таких добродетелей как великодушие, щедрость, терпеливость, бескорыстие и правдивость, которые, по нашему мнению, важны при построении духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога [140].

И.А. Ильин подчеркивает, что человеку, кроме внешнего чувственного опыта, присущий внутренний духовный опыт, открытие доступа к которому и является основной задачей воспитания личности. Человек должен постигнуть, что такое любовь, в чем состоит его жизненная сила, научиться прислушиваться к голосу совести, отличать добро от зла, постигнуть законы чести и достоинства. Философ утверждает, что через духовный опыт человек приближается к Богу, общается с божественной стихией мира. С точки зрения И.А. Ильина, только духовный опыт преобразовывает человеческое существо в достойного человека, открывает доступ к познанию любви, совести, чести, красоты, религии. Человек, пренебрегающий духовным опытом, губит доступ ко всему этому, возможность приблизиться к Богу и видеть глубину и красоту жизни. Такой путь, по мнению И.А. Ильина, никогда еще не приводил человечество к расцвету, напротив, это путь духовного разложения и духовного небытия. Первым и мощным источником духовного опыта философ считал духовную любовь, которая дает человеку ощущение счастья, радости, доброты. Человек, находящийся в духовной любви видит мир качественным глазом, он всегда находит и утешается только истинным совершенством.

И.А. Ильин подчеркивает, что существенное значение для духовной жизни имеет наличие у человека совести, благодаря ко-

торой он ответственно выполняет любое профессиональное дело. Совесть является мощным источником справедливости, внутренней силой, контролирующей поведение человека. Благодаря совести сохраняется духовное достоинство личности, осуществляется духовное развитие и самосовершенствование. Без совести у человека ослабляется дисциплина и чувство ответственности, исчезает из жизни служение другим людям. И.А. Ильин утверждает, что человека надо учить совестному акту, который откроет возможность приближаться к Богу, вере, любить и получать радость быть свободным в добре [59].

Проблема духовности, формирование ее у молодого поколения, была в центре внимания украинских мыслителей (Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, В.В. Зеньковский).

Г.С. Сковорода связывает труд с высокими духовными идеалами, а счастье с такими чувствами, как признательность, любовь, дружба. Человеку, с точки зрения философа, нужно стремиться лишь к тому, что является необходимым – это закон природы. Если человек имеет злое сердце, проявляет жадность, стремится к обогащению – это противоречит законам природы, в которой властвует закон меры и целесообразности [134].

П.Д. Юркевич глубоко проанализировал Священное Писание относительно значения сердца в жизни человека и доказал, что оно является сосредоточием душевной и духовной жизни, в сердце рождается решительность в поступках и различные желания, оно является центром нравственной жизни человека. Философ считал, что духовность человека состоит не только в способности мышления. Разум имеет значение света, которым озаряется созданная Богом жизнь человеческого духа, но только та истина становится внутренним сокровищем, которая проникла в сердце человека. Мышление есть внутренний разговор души с собой, которую человек ведет в своем сердце.

П.Д. Юркевич размышляет над такими важными понятиями как «разумность поступка» и «моральное достоинство» и доказывает, что совершать умно еще не значит быть нравственным человеком. Как подчеркивает философ, вор поступает умно, тогда, как его поступки противоречат моральным законам. Такие размышления философа подтверждают библейское значение любви в жизни человека, которая является источником истинно моральных поступков [187].

В.В. Зеньковский настаивал на применении христианской антропологии не только в процессе религиозного и морального воспитания, но и с целью формирования целостной личности, в которой все связано с центром души, с ее внутренним миром. Ученый подчеркивает, что программа по воспитанию целостной личности должна быть направлена не на механическое усвоение знаний, а на связывание их с внутренним содержанием личности, с ее жизнью. Основную задачу воспитания В.В. Зеньковский видит в направлении личности к добру, которое должно стать для нее собственным внутренним путем. Философ верит в возможности человека, в то, что он способен усвоить уроки добра. Он заключает: «Все воспитание воодушевляется верой в возможность преобразования и просветления души человека, но это предполагает некий залог добра, живущий в душе человека независимо от естественной диалектики его жизни» [55, с. 51].

Проблема духовно-нравственного становления человека, исследование феномена духовности не осталась без внимания и современных философов.

М.К. Мамардашвили особое внимание уделяет проблеме преобразования человека и обретения им духовности. Философ связывает формирование духовности с обретением человеком опыта сознания. Нравственный человек, по мнению ученого, должен проявлять точность мышления. Философ отмечает, что умение мыслить не является привилегией какой-то профессии, ее представитель должен быть носителем не конкретного мышления, а культурного, которое дает возможность человеку оставаться человеком в любых обстоятельствах – жизненных или профессиональных. Такое качество как честь М.К. Мамардашвили считает основой нравственной модели поведения человека. «Честь есть честь, она не может обосновываться никаким содержанием целей и идеалов. Честь – понятие неизменное, она в известной мере есть случай абсолютно формального поведения, т.е. поведения, которое совершенно не зависит от внешних обстоятельств любого толка или деловых, содержательных целесообразностей» [98, с. 193].

С.Б. Крымский отводит духовности роль средства самостроительства личности. Духовность связана с жизненным выбором на основе этической рефлексии, это встреча с самым собой. Духовность является выходом к высшим ценностным инстанциям конструирования личности и ее менталитета. Духовность – это способность

личности «создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется самоощущенность человека, его свобода от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» [72, с. 23]. С.Б. Крымский подчеркивает, что духовность является сложным путем человека к самому себе, к своей личности, это способность преобразовать в себе то, что не происходит естественным путем [71].

В.И. Мурашов поднимает очень важную проблему современности – глобализация как процесс, инициируемый эгоистически направленным духом капитала, объединяющий в себе рационально-материальную деятельность человечества в планетарном масштабе и вместе с тем его моральную деградацию. Ученый подчеркивает, что всеобъемлющим пороком глобализации является бездуховность, которая проявляется в зауженном мировоззрении, непонимании истинных жизненных целей, эгоцентризме воли, направленности деятельности на удовлетворение только материальных потребностей, ошибочном понимании смысла жизни. Выход из тупикового пути развития человечества В.И. Мурашов видит в нравственной реформации духа народов, в воспитании человека Духовного, как личности, которая способна на самосовершенствование, самопознание и самопреобразование. Ученый подчеркивает, что духовность является высшим смыслом и абсолютной целью эволюции человеческого духа, его универсальным законом. Духовность есть жизнь, основанная на законах мышления – истине, чувств – моральности и красоте, воли – свободе и интуиции. Дух, который вырабатывает свою триединую сущность – Истину, Красоту и Свободу поднимает себя до состояния духовности, которая, по мнению автора, является не только необходимым условием жизни, а и самой жизнью.

В.И. Мурашов истинную духовность, как внутреннее состояние человека, так и ее внешнее проявление, представляет в виде следующих элементов, выступающих в гармоничном единстве:

- сознательной цели, сущность которой есть познание истины;
- согласованности всех видов деятельности человека с поставленной целью;
- социально-экономических и иных фактических общественных отношений, адекватных своим законам;
- сознательно-волевой формы их внутренне и внешне свободное, эстетичное, этическое и религиозное существования;

- продукта жизнедеятельности народа – материально-духовных средств его бытия, совокупности всех общественных отношений, организованных в гражданское общество, семью и государство [111, с. 20].

Б.О. Майер и Н.В. Наливайко анализируют взаимосвязь экономики и духовности и, соответственно, две парадигмы – «человека экономического» и «человека духовного». Как подчеркивают ученые, обе парадигмы понимают духовность по-разному. Целью первой парадигмы является эффективная конкуренция за экономические ресурсы ради устройства успешной жизни общества. Целью другой парадигмы является реализация человека на основе духовных обязательств перед людьми и обществом. По мнению Б.О. Майера и Н.В. Наливайко, возможно достижение синергии этих двух подходов, потому что хозяйствование и экономическая деятельность человека без духовных основ, как показал опыт последних лет, ведет к деградации общества. В такой философии ученые видят целостную картину духовности, в которой «экономика воплощает в себе внешнюю необходимость, а дух – сферу внутренней свободы. Экономика развивается в соответствии с объективными законами. Дух же творит» [93, с. 33].

Обратимся к исследованиям зарубежных психологов.

А. Адлер акцентирует внимание на жизненном стиле человека, формирующемся в определенных условиях, основывающемся на стремлении к жизненной цели и определяющем модель поведения человека. По мнению психолога, свойство человека – иметь жизненный стиль – дает ему возможность проектировать и прогнозировать будущее. В качестве образца, при проектировании стиля жизни, А. Адлер предлагает стиль человека, хорошо адаптированного в обществе, от деятельности которого общество получает выгоду, в нем достаточно энергии и смелости для решения тех проблем, что встречаются на каждом шагу. А. Адлер отмечает, что каждый человек имеет свой неповторимый стиль жизни, однако, схожесть поведения дает возможность разработать типологию личности. Для нашего исследования большой интерес представляет тип социально адаптированного человека. Его мы можем взять за образец при формировании духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов [2].

Представитель экзистенциальной психологии Р. Мей рассма-

тривает нравственность человека как взаимосвязь воли и любви. По его мнению, эти чувства являются связующими формами переживания. Как любовь, так и воля характеризуют человека, его отношение к окружающим, к себе. Они рождают силу человека, благодаря которой он влияет на людей и мир.

Р. Мей утверждает, что задачей человека является объединение любви и воли, которое не является автоматическим жизненным процессом в ходе физического развития человека. Этот процесс должен быть частью сознательного развития личности. По мнению психолога, воля является условием иного уровня существования человека с другими людьми, возможность возникновения самостоятельности, воли в зрелом смысле и ответственности. По мнению Р. Мея, нравственность – это способность человека выходить за рамки конкретной ситуации, непосредственно нацеленной на свои желания, и жить в координатах блага другого человека или общности людей, от которых зависит и собственное удовлетворение [113].

Основатель гуманистической психологии А. Маслоу представляет набор характеристик самоактуализирующихся личностей (нравственных): способность выявлять нечестность и фальшь других людей, верно судить о других людях; способность реального восприятия окружающей действительности; простота и естественность поведения; отсутствие ханжества и вранья в отношениях; наличие нравственных целей, проявляющихся в выполнении определенной жизненной миссии; широта взглядов и умение видеть масштабно; способность сохранять достоинство и честь в любых обстоятельствах; способность переживать простые радости жизни и восхищаться работой, жизнью, людьми; человеколюбие, скромность и уважение к окружающим; креативность и т.п. А. Маслоу подчеркивает, что самоактуализирующиеся личности «имеют определенные моральные стандарты, строгий этический кодекс и поступают в соответствии с ним, не нарушая его принципов. Само собой разумеется, что их представление о добре и зле могут заметно отличаться от общепринятых» [102, с. 202].

А. Маслоу отмечает, что мир нуждается в нравственно здоровых людях, которые умеют слушать, видеть и понимать для того, чтобы сделать будущее более безопасным и более прогнозируемым. К сожалению, как подчеркивает ученый, в настоящее время

преобладает другой тип личности. Задачей образования является ориентация человека не только на усвоение знаний, а, прежде всего, на понимание человеком своей сущности. «Прямая дорога к главным нравственным и ценностным решениям, к верному самоопределению, к «правильности» идет через самого человека, через познание им своей природы, своих особенностей, через открытие им правды о самом себе» [101, с. 123].

По мнению А. Маслоу, самоактуализирующиеся личности способны делать «правильный выбор», под которым ученый понимает соблюдение высших ценностей человечества. У таких людей наблюдается тенденция к слиянию эгоизма и бескорыстия более высокого порядка. Для них долг превращается в удовольствие, работа становится игрой, профессия и призвание становятся тождественными. Как подчеркивает психолог, морально здоровые люди имеют всегда мотивацию к саморазвитию, им не присуща концепция «стремление к покою». Такие люди поднимаются над собой и вместо того, чтобы желать все меньше и меньше, желают все больше и больше – знаний, например. Удовлетворение жажды развития разжигает, а не ослабляет их [103, с. 55].

Представитель гуманистической психологии К. Роджерс предлагает концепцию развития личности – поиска своего «Я», направленного на усвоение следующих ценностей: нахождение чувства собственного достоинства и значимости; раскрытие потенциальных возможностей, приобретение различного опыта; творческая адаптация к условиям, которые постоянно меняются. К. Роджерс подчеркивает, что нравственный человек открыт своим переживаниям, он склонен к самостоятельности и действует в жизни продуманно и гармонично. Прогресс человечества, по мнению ученого, происходит не в условиях контроля и строгого управления поведением человека, а, напротив, в условиях свободы и творчества. В условиях минимального контроля и управления больше возможностей для формирования у человека ответственности, творческой реализации и адаптации [128].

В. Франкл выделяет три экзистенциала человеческого существования – духовность, свобода и ответственность, которые в совокупности характеризуют человека как существо, отличающееся от животного. Ученый подчеркивает, что быть человеком – значит осознанно и ответственно поступать в жизни. В. Франкл пишет, что

человеческая ответственность всегда оказывается ответственностью за реализацию как «вечных» ценностей, так и «ситуативных». Ученый выделяет три категории ценностей, которые с целью развития человека как духовной личности, должны быть ею усвоены: творческие, актуализирующиеся в действии, ценности переживания и ценности отношения. Как отмечает В. Франкл, человек в зависимости от жизненной ситуации, может принимать те или иные ценности, но они должны, прежде всего, пройти испытание совестью. Ученый определяет совесть как интуитивную способность человека находить смысл ситуации. Живая, точная и ясная совесть является сопротивлением эффектам экзистенциального вакуума – конформизма и тоталитаризма. Становление человека происходит в процессе поиска смысла, в котором совесть является органом смысла и имеет способность его нахождения в любой ситуации. В. Франкл отмечает, что чистая совесть является следствием человеческого благополучия и этического поведения [165].

Э. Фромм подчеркивает, что в условиях технократии истощается духовность личности, у нее формируется мышление отчужденного человека, поражающего ум и ведущее его к деградации. Человек с деградированным умом воспринимает окружающую действительность как данность, которая предназначена для потребления и поглощения [170]. Психолог представляет качества нового человека нового общества: единение с миром; отказ от всех форм обладания; чувство безопасности; плодотворная работа; радость от служения людям; любовь и уважение к жизни во всех ее проявлениях; освобождение от ненависти, нарциссизма и иллюзий; дисциплинированность и ответственность; самопознание и т.п. [171]. По нашему мнению, формирование таких качеств у будущего педагога и являются духовно-нравственными основами создания нового человека, нового специалиста, профессиональная модель поведения которого будет отвечать условиям нового общества – духовного.

Ч. К. Тойч подчеркивает, что Всемирные законы, определяющие существование человечества, диктуют необходимость изменения сознания человека, который будет способен изменить мир к лучшему путем переоценки собственных мнений и поведения. С точки зрения психолога, такие качества как терпимость и любовь к другим определяют успех человека в любой сфере. Чело-

век может достичь целей в профессиональной деятельности, если единым орудием у него будет истинное понимание законов Жизни. Человек должен осознавать, что те проблемы и препятствия, которые возникают на его жизненном пути, только духовно укрепляют, учат и способствуют накоплению опыта [151].

Обратимся к исследованиям отечественных психологов.

Л.С. Выготский анализирует связь сознания и поведения человека, регулируемого сознанием. Однако психолог отмечает, что высокий уровень развития сознания не является гарантией проявления нравственного поведения и наоборот. Иногда высокий уровень интеллектуального развития человека сочетается с аморальным поведением, а отсталость развития ума сочетается с тонким умом сердца. По мнению Л.С. Выготского, мораль, моральное воспитание должны быть основой системы воспитания, оно должно незаметно раствориться «в общих приемах поведения, устанавливаемых и регулируемых социальной средой» [32, с. 265]. Для воспитанника этот процесс должен быть естественным, незаметным, а формирование сознания должно быть подчинено именно выработке морального поведения, так как «... только то сознание оказывается решающим для нравственности, которое непосредственно связано с поведением и напрямую реализуется в движении. Иначе правильное сознание может вести к неправильным поступкам» [32, с. 264]. Причем, психолог настаивает на том, что только та добродетель ценна, которую проявляет человек без страха наказания – «купленная положительным отношением к поступку и пониманием его истинной сути» [32, с. 266].

С.Л. Рубинштейн акцентирует внимание на важности выработки человеком собственного характера, который складывается из мировоззрения и привычек морального поведения. Как подчеркивает психолог, характер человека, большей мерой, зависит от тех жизненных обстоятельств, в которые он попал, однако, определяющее значение имеет модель поведения, его установка на решение различных задач. Первостепенным в характере, в жизненной установке, по мнению психолога, должна быть установка на другого человека. «Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стре-

мится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать» [129, с. 262–263].

А.Н. Леонтьев подчеркивает, что формирование сознания личности происходит в процессе активной деятельности. Это напряженная внутренняя борьба личности по решению различных жизненных задач. Первые сознательные и активные поступки являются признаком начала личности. Гармоничной личностью, по мнению ученого, является человек, который поступает, руководствуясь мотивами высшего порядка, который подчиняет свою модель поведения благу других людей и творчеству.

А.Н. Леонтьев настаивает на повышении внимания к профессиональному воспитанию студенческой молодежи. Знания должны быть направлены как на профессиональное развитие, так и на построение собственной творческой программы развития, «образование – это производство, прежде всего, человека как человека, а не как роботоподобного существа, автоматически выполняющего набор профессиональных функций» [78, с. 383].

Д.А. Леонтьев размышляет о сущности духовного человека и анализирует понятие «духовность» в трех контекстах, в которых это понятие используется в науке: духовные ценности как противоположность материальным (альтруизм – гедонизм); духовное творчество (восприятие и создание духовных ценностей); трансценденция к чему-то высшему, выход за пределы индивидуальной личности (восхождение к Богу). Как отмечает ученый, нельзя отождествлять духовность с альтруизмом, творчеством и религиозностью. Человек может быть творческой личностью и одновременно иметь гедонистическую модель поведения. Религиозность может, как служить основой и ориентацией духовного развития человека, так и тормозить его развитие. Д.А. Леонтьев подчеркивает, что нельзя сводить духовность к одному из трех перечисленных контекстов. Обретение реальной духовности личности, во-первых, это движение вперед по овладению ценностями, это диалог с другими смыслами и ценностями. Во-вторых, это возникновение на основе усвоенных ценностей новых личностных структур, которые составляют новую духовную модель поведения человека.

Д.А. Леонтьев предлагает для понимания духовности, как реального феномена, рассмотреть такое понятие, как саморегу-

ляция, под которой ученый понимает систему управления собственным поведением. Духовность, по мнению ученого, является наивысшим уровнем саморегуляции поведения человека. Причем для человеческого поведения, в отличие от животного, присуща логика смысла, жизненной необходимости и логика свободного выбора. Центральным местом в отношениях человека с миром, в регулировании его поведения занимают свобода и ответственность. Они, по мнению Д.А. Леонтьева, определяют линию развития ценностно-смысловой сферы личности и создают поле, в котором она формируется.

Психолог подчеркивает, что на уровне духовности поведение человека определяется наивысшими ценностями, которые не выстраиваются иерархически, а составляют своеобразное поле ценностей одинаково значимые для человека. Ситуация когда одна ценность подчиняет другие ценности свидетельствует об отсутствии реальной духовности человека [80; 82].

С точки зрения Д.А. Леонтьева, духовность, как и свобода, и ответственность, не является особой структурой личности, она является образом существования человека. «Поэтому принятие решений зрелой личностью – это всегда свободный личностный выбор среди нескольких альтернатив, который, вне зависимости от его исхода, обогащает личность, позволяет строить альтернативные модели будущего и тем самым выбирать и создавать будущее, а не просто прогнозировать его. Без духовности невозможна свобода, ибо нет выбора. Бездуховность равнозначна однозначности, предопределенности. Духовность есть то, что сплачивает воедино все механизмы высшего уровня. Без нее не может быть автономной личности. Только на ее основе может обрести плоть основная формула развития личности: сначала человек действует, чтобы поддержать свое существование, а потом поддерживают свое существование ради того, чтобы действовать, делать дело своей жизни» [82, с. 22].

В.В. Знаков выделяет четыре направления поиска корней духовности. Первое направление поиска находится не в самом человеке, а в результатах его деятельности: творчества, в памятниках старины, в достижениях науки и искусства. Второе направление поиска – исследование факторов, способствующих возникновению духовных состояний человека, под которыми ученый пони-

мает сосредоточенность личности на осмыслении и переживании духовных ценностей. Третье направление рассматривает духовность как принцип саморазвития и самореализации человека. Ученый этот процесс называет конструированием личности. Развитие духовного «Я» начинается с определения для себя общечеловеческих ценностей, понимания их значения для своего развития, что и является психологической готовностью их усвоения и формирования. Последнее направление – религиозное, в рамках которого духовная жизнь есть жизнь с Богом [56].

В.И. Слободчиков духовно-нравственные основы представляет как иммунную систему человека, защищающую его достоинство и свободу; главным фильтром при построении модели поведения, инстанцией, которая может отличать добро от зла. В.И. Слободчиков по силе защиты сравнивает духовно-нравственную основу с озоновым слоем. Если последний защищает человечество от разрушительного влияния космических лучей, то духовно-нравственные основы являются защитой от «мировоззренческой катастрофы», которая проявляется в снижении уровня сознания в виде усиления потребительских ценностей, жестокости, равнодушия и т.п. [136, с. 37].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев определяют духовность как потребность и способность человека познавать мир, самого себя, желание создавать новые формы общественной жизни в соответствии с законами человеческой природы. Духовность, по мнению ученых, придает смысл жизни, это образ жизни человека, благодаря которому открывается «человеку путь к любви, совести и чувству долга; к праву, правосознанию и государственности; к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии. Только духовность может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы» [137, с. 337].

Представитель христианской психологии Б.С. Братусь моральное воспитание молодежи видит в плоскости поиска веры как психологического факта, как необходимого условия и поддержки в любой деятельности. Вера человека, по мнению ученого, служит созданию целостного образа его будущего, который «поддерживается и живет в нем, с которым у него эмоциональная, теплая связь, в который – и иного слова не подобрать – он верит, часто несмотря на колебания, ослабление воли или разумные доводы,

призывающие повременить или вовсе прекратить деятельность» [27, с. 15].

Б.С. Братусь подчеркивает, что существует религиозная и нерелигиозная вера, отличающиеся глубиной понимания тех явлений и жизненных процессов, с которыми сталкивается человек. Если нерелигиозная вера ограничена строительством, смыслообеспечением текущей деятельности человека, то религиозная вера проясняет связь с конечными вопросами жизни и смерти, создавая и удерживая духовную сферу человека [27, с. 15].

Б.С. Братусь настаивает на рассмотрении личности и ее духовного развития в ракурсе христианской психологии. Если моральная психология видит нравственное развитие личности как норму, главное условие развития человека, признание его как самоценности, то христианская психология кроме перечисленных моментов видит человека как сакральную ценность, Образ Божий, а его развитие – это путь подражания Христу. Ученый отмечает, что отказ от христианских идеалов, как уже показал опыт нашей страны, привел к иллюзорному счастью – «и земля не родит, и нравственность гибнет, и наука из необходимого подспорья становится опасной и античеловеческой» [28, с. 41].

Проблема духовности, нравственности и формирования духовно-нравственных основ профессионального поведения молодежи нашла отражение в трудах выдающихся ученых-педагогов прошлого.

Я. А. Коменский утверждал, что человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее Божье творение и жизненные цели у человека должны быть поставлены также высшие. Истинным делом жизни педагог считал стремление человека быть образом Божьим. Для этого он должен быть образован, добродетелен (воспитан) и религиозен. «В этих трех качествах заключается все превосходство человека, так как только они являются основой настоящей и будущей жизни» [66, с. 269]. Школе Я. А. Коменский отводит роль мастерской человечности, в которой умы воспитанников должны озаряться блеском мудрости, души наполняться добродетельностью, а сердца любовью. Научное образование должно служить усовершенствованию человека, т.е. быть средством нравственного развития [66].

К.Д. Ушинский приоритетным направлением в воспитании че-

ловека считал построение нравственной основы, способствующей формированию целостной личности. Ученый отмечал, что в человеке живет и чувство нравственности, и чувство эгоизма. Если последнее растет как сорняк и не нуждается в уходе, то нравственность – для роста и укрепления нуждается в уходе и заботе со стороны воспитателей. Педагог подчеркивал, что нравственность не является следствием умственного воспитания и учености человека, «одного ума и одних познаний еще недостаточно для укоренения в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который иногда согласно с рассудком, а часто и в противоречии с ним, связывает людей в честное, дружное общество» [161, с. 431].

А.С. Макаренко, в возглавляемой им колонии, старался, чтобы с воспитанниками работали не только грамотные педагоги, а и люди с душой. Он присматривался к каждому члену педагогического коллектива и давал советы молодежи по формированию педагогического мастерства. А.С. Макаренко настаивал на важности такого умения педагога как читать по человеческому лицу и узнавать о душевных стремлениях воспитанника. В письме в редакцию газеты «Харьковский пролетарий», ученый осуждает «горе-педагогов», которые работают по колониям страны без огонька, любви и уважения к детям. С точки зрения педагога, по причине такой работы из колоний выходят преступники, люди с антиобщественным поведением [97].

А.С. Макаренко настаивал на разработке педагогом программы воспитания личности, как он ее называл «программа человеческого характера». Основой такой программы, по мнению ученого, должна быть нравственность, а труд, к которому необходимо привлекать молодежь с ранних лет, мощным средством духовно-нравственного воспитания, делом чести и доблести [95]. А.С. Макаренко перечисляет основные качества, которые должны быть сформированы у личности согласно «стандартной» программе воспитания: честность, смелость, трудолюбие, патриотизм. Особое внимание педагог уделяет такому качеству как честность – активное требование к себе и другим: «хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий» [95, с. 316].

В.А. Сухомлинский подчеркивал, что истинный человек – это личность гармоничной и духовной жизни, которая дорожит своим достоинством, своим именем, способная адекватно оценивать свое поведение. Духовный человек постоянно стремится к нравственному усовершенствованию, к накоплению интеллектуального богатства, к развитию и обогащению своего ума, эстетичному развитию и физическому усовершенствованию. Духовный человек проявляет нравственность в трудовых отношениях, любовь к своему профессиональному делу и стремление к усовершенствованию трудового мастерства [143, с. 159].

В настоящее время проблема духовности и ее формирование у молодого поколения стала предметом исследования таких ученых как Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, Н.Б. Евтух, Н.Д. Никандров, Т.И. Петракова, Л.Б. Соколова, Г.П. Шевченко и др.

Ш.А. Амонашвили – специалист в области гуманно-личностной педагогики отмечает, что в смысл понятия «гуманность» уже включается смысл понятия «духовность». В переводе с санскрита гуманность есть поиск человеком в себе Бога, поиск бессмертной основы – духа. «Духовность же есть состояние внутреннего мира человека, жизнь во внутреннем мире через чувство любви и доброты, терпения и сострадания; через образ мышления и переживаний, познания и воображений; через многомерность мечтаний, образов, творчества, устремлений, смысла жизни, веры; через познание самого себя» [7, с. 95]. Ученый считает, что гуманная педагогика при помощи творящего, ищущего и неравнодушного к детям педагога, создает условия становления гуманного человека. Духовный гуманизм для педагога является основой, на которой выстраивается вся его профессиональная деятельность, расширяется педагогическое сознание, являющееся, по утверждению Ш.А. Амонашвили, высшим после религиозного сознания.

Е.В. Бондаревская духовную личность представляет как человека культуры. Образование является основой воспитания такой личности, но образование, имеющее соответствующее содержание. Такое образование должно быть направлено на развитие духовных потребностей в познании и самопознании, рефлексии, приобщение молодежи к красоте, природе, творчеству, общению, к поиску смыслов жизни, счастья и идеала. Е.В. Бондаревская духовность определяет как способность человека проявлять культурную идентификацию, вы-

бирать культуросообразный образ жизни, поведения. Человек культуры или духовная личность – творческая, вариативно мыслящая, стремящаяся к созиданию. Гуманность как вершина нравственности есть любовь к окружающему миру, людям, милосердие, сопереживание, готовность оказывать помощь людям, принятие человека как ценности, стремление к миру и согласию [115].

Г.П. Шевченко под духовностью понимает высокий уровень культуры личности, которая реализуется в творческой деятельности, культуре поступка и высоконравственном поведении, это внутренняя сила человека, стержень жизни. Духовность отражает характер мировоззрения человека, его мировосприятие и мироотношение. Обретение духовности – это обретение высоконравственных человеческих душевных качеств [180, с. 84]. Формирование духовно-нравственного образа специалиста является актуальнейшей проблемой современного процесса воспитания в высшей школе. «Именно этот человеческий образ воплощает в себе высшие духовно-нравственные ценности, способствующие формированию профессиональных качеств, дающих возможность быть мастером в своей практической деятельности» [181, с. 207].

Л.Б. Соколова подчеркивает, что духовность не может быть сведена к знаниям и навыкам решения различных задач. Духовность – это способность человека к мировоззренческому полету бытия. По мнению педагога, духовность имеет целостную структуру, нарушение которой отражается на духовно-личностном росте человека и становится причиной духовной болезни. «В корне любви мы найдем веру в то, что любим, вера полнится силой, сила оборачивается волей, воля – желанием, желание – пониманием, деянием, деяние – творчеством и так до бесконечности» [139, с. 42]. Все эти элементы связаны между собой, нарушение одного из них ведет к снижению духовности человека.

Б.З. Вульфов представляет педагогическую духовность как сложное состояние внутреннего мира учителя: максимум человеческого в профессиональном исполнении; способность удивляться и восхищаться; взаимоуважение учителя и ученика; вера в возможности учеников; способность не стесняться своих человеческих слабостей; профессиональная неуспокоенность; совесть и достоинство; интеллигентность; профессиональная рефлексия [31].

Т.И. Петракова под педагогической духовностью понимает

устремленность учителя к достижению внеличных, абсолютных целей (прежде всего, к достижению святости как предельного результата развития духовного начала в человеке) в педагогической деятельности [119]. «Духовность – это то, что возвышает личность над физиологическими потребностями, этическим расчетом, рациональной рефлексией, то, что относится к высшей способности души человека, что заложено в основании его личности» [120, с. 15]. Духовность, с точки зрения Т.И. Петраковой, является «вертикальным» устремлением человека к высшим ценностям, нравственность есть «горизонтальное» устремление, проявляющееся в отношениях с людьми и обществом. Пересекаясь, духовность и нравственность образуют невидимый крест, являющийся основой личности.

В.А. Макарова определяет духовность учителя как особое качество личности, являющегося результатом усвоения высших общечеловеческих и национальных ценностей, человеческой культуры; нравственных принципов; устремленность к высшим идеалам, поднимающимся над рациональной рефлексией, стремление к познанию смысла бытия, к самосовершенствованию [96].

Итак, проведенный анализ научной литературы дает нам возможность сделать некоторые обобщения. Стержнем и основой профессионализма должна быть духовность, которую можно представить как целостное образование, имеющее такие составляющие:

- преобладание духовных интересов и потребностей над материальными;
- высокий уровень требовательности к себе;
- этическая рефлексия;
- человеколюбие;
- наличие совести и ответственного отношения к профессиональным обязанностям;
 - сохранение достоинства и чести в любых обстоятельствах;
 - способность и желание специалиста служить другим и получать от этого удовлетворение;
 - творческое отношение к профессии;
 - потребность в познании мира, способность к самопознанию и самоконструированию;
 - желание создавать новые формы общественной жизни в соответствии с законами человеческой природы.

1.3. Составляющие компоненты духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога

Развитие духовности будущего педагога реализуется через формирование духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения, которые мы представляем как совокупность связанных и взаимозависимых компонентов (см. схема 1):

- профессиональное здоровье;
- нравственные чувства и переживания;
- профессиональный идеал;
- система профессионально-нравственных ценностей;
- профессиональная идентичность.

Схема 1.

Для приближения к профессиональному идеалу как образцу совершенства, человек должен направить свои усилия на формирование определенного образа мышления и поведения. Одним из действенных путей достижения поставленных целей является овладение человеком системой профессионально-нравственных ценностей: долг, труд, достоинство, честность, порядочность и т.п. В процессе усвоения системы профессионально-нравственных ценностей у будущего педагога происходит формирование таких составляющих профессиональной идентичности, как осознания себя в профессии, единство личности и профессиональной деятельности, причастности к профессиональному сообществу и всему, что происходит в нем. Условием эффективного усвоения личностью профессионально-нравственных ценностей является сформированность у специалиста нравственных чувств и переживаний, а также профессионального здоровья, как условия сохранения целостности личности, ее самосовершенствования в соответствии с высокими духовно-профессиональными идеалами.

Профессиональное здоровье

В условиях возрастающей интенсивности профессиональной деятельности проблема здоровья и его сохранения приобретает все большую актуальность. От уровня здоровья человека зависит успешность его профессиональной деятельности, творческая реализация и достижение вершин профессионального мастерства. Ухудшение здоровья человека ограничивает круг его связей с внешним миром, что негативно сказывается на процессе развития личности как субъекта деятельности (А.А. Бодалев). Особую значимость приобретает проблема профессионального здоровья учителя, характер деятельности которого связан с эмоциональными нагрузками, переутомлением, высоким уровнем ответственности за жизнь воспитанников и т.д., что дает право считать педагогическую профессию одной из стрессогенных.

Одной из особенностей современного мира является все возрастающий поток информации, который специалист для успешной реализации должен обработать, проанализировать и применить в своей профессиональной деятельности. Педагог не является исключением, напротив, для эффективного решения задач воспитания, обучения и развития молодого поколения, ему прихо-

дится обрабатывать очень много информации, причем не только педагогической направленности. Как подчеркивает Э. Тоффлер, скорость, с которой современный специалист вынужден обрабатывать информацию, приводит к перевозбуждению его сознания, следствием чего является ухудшение здоровья.

Информационная перегрузка и скорость, с которой живет современный человек, приводит к повышению и скорости принятия решений, также влияющей на психическое состояние человека, и, бесспорно, на его здоровье [153]. Педагог имеет дело с самым сложным созданием на Земле – человеком, причем, с человеком, из которого предстоит сформировать личность с определенными качествами, знаниями, культурой, моделью поведения, не противоречащей нравственным нормам, установленным в обществе. Важной задачей педагога является развитие в ребенке лучшего, заложенного природой, а это требует от воспитателя напряженной работы ума и принятия решений, часто в условиях нестабильности и неопределенности. В.А. Сухомлинский сравнивал детский мозг с нежнейшим цветком, на котором дрожит капля росы. «Какая осторожность и нежность нужны для того, чтобы, сорвав цветок, не уронить каплю. Вот такая же осторожность нужна и нам каждую минуту: ведь мы прикасаемся к тончайшему и нежнейшему в природе – к мыслящей материи растущего организма» [146, с. 30].

Профессиональное здоровье мы рассматриваем в тесном единстве с нравственными аспектами профессиональной деятельности личности. Человек с крепким здоровьем способен проявлять и нравственную стойкость, т.е. решать профессиональные проблемы на этической основе.

А. Г. Маслоу подчеркивает, что наличие психического здоровья способствует достижению высокого уровня самоактуализации человека. Здоровые индивиды имеют высокие показатели развития когнитивных и перцептивных способностей, они творческие, сильные и праведные личности. Эти люди имеют такие качества как альтруизм, «высокие устремления души», справедливость [101].

С точки зрения Э. Фромма, личность, пренебрегающая этическими законами, деструктивно влияет не только на других людей, но и разрушает собственное психическое здоровье. Одним из условий

проявления и сохранения здоровья является наличие у человека уважения к собственной жизни и жизни других. Здоровая личность, по Э. Фромму, имеет такие качества как благородство, любовь и мужество, она ценит эти же качества и у другого человека [173].

Следует отметить, что педагог должен быть носителем такого особого качества как интеллигентность, под которой понимают не только образованность, но и высокий уровень культуры, стремление к самосовершенствованию в течение всей жизни. С точки зрения Д.С. Лихачева, интеллигентность равна нравственному здоровью, благодаря которому человек может жить долго не только физически, но и умственно. Ученый считает, что человек должен развивать в себе интеллигентность, тренируя душевные силы. Доброта, приветливость, понимание являются неизменными спутниками личности, желающей не только быть физически здоровой, но и красивой [86].

А.К. Маркова отмечает, что здоровье является условием сохранения целостности личности в профессии в течение всей жизни. Профессионалом считается именно та личность, которая сумела сохранить свою целостность и здоровье при эффективной работе. Автор подчеркивает, что проблема сохранения профессионального здоровья является проблемой не отдельного специалиста, а общества в целом, так как его уровень определяет трудовой и профессиональный потенциал общества [100].

Г.С. Никифоров, анализируя сущность профессионального здоровья, акцентирует внимание на нравственном аспекте, утверждая, что надежность и профессиональное долголетие определяется не только компетентностью, но и наличием у специалиста нравственных качеств. «Гордость за качественно выполненную работу, профессиональная честность, осознание не только юридической, но и моральной ответственности перед людьми, благополучие, а нередко и жизнь, которых вверены ему по долгу службы, – все это обязательные слагаемые моральной надежности специалиста» [125, с. 491]. Профессиональное здоровье ученый определяет как интегральную характеристику функционального состояния организма человека по физическим и психическим показателям с целью оценки его способности к определенной профессиональной деятельности на протяжении заданного периода жизни, а также стойкость к негативным факторам, которые сопровождают

эту деятельность [125, с. 508].

Л.М. Митина [107] характеризует профессиональное здоровье педагога как способность сохранять и активизировать регулятивные механизмы, которые обеспечивают трудоспособность, эффективность и развитие личности. Автор отмечает, что сохранение профессионального здоровья педагога или его восстановление есть управление механизмами, которые содействуют формированию положительного отношения к себе, миру, принятию ответственности.

Такой взгляд Л.М. Митиной подтверждает нашу позицию относительно рассмотрения профессионального здоровья как составляющего компонента духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения. Здоровый физически и психически педагог имеет возможности, как для личного духовного развития, так и развития своих воспитанников.

Л.М. Митина представляет концепцию сохранения профессионального здоровья педагогов, показателем которого являются такие компоненты как педагогическая направленность, педагогическая компетентность и эмоциональная (поведенческая) гибкость. Педагог должен быть готов к адекватному эмоциональному реагированию на поведение своих учеников, а также иметь способность ценить их переживания, понимать и принимать их мнения. Немаловажным условием профессионального долголетия является сформированность у педагога самоуважения, умения проектировать свое будущее [107].

С.А. Дружилов рассматривает профессиональное здоровье как определенный уровень характеристик человека-профессионала, специалиста (включая социально-психологические характеристики его личности), который отвечает требованиям профессиональной деятельности и обеспечивает ее эффективность [46].

В.И. Валовик и Т.Г. Целуйкина считают основным признаком профессионального здоровья стремление личности к самосовершенствованию, профессиональному развитию согласно высоким духовным и нравственным идеалам. Здоровая личность проявляет согласованность смысла жизни (выработанной собственной жизненной стратегии) с целями профессиональной деятельности, нравственными требованиями профессии. Авторы утверждают, что несоответствие модели поведения специалиста нравствен-

ным нормам профессии (двойной моральный стандарт) приводит к психическому выгоранию, которое может стать причиной нравственной ненадежности специалиста, проявляющейся в нарушении этических норм в профессиональной деятельности [29].

Процесс формирования профессионального здоровья у будущих педагогов должен начинаться еще на первых этапах профессионализации. Студент должен понимать, что те профессиональные характеристики, которые он должен приобрести в процессе обучения, будут иметь актуальность в профессиональной деятельности только в случае сохранения его здоровья. При частичной или полной потере здоровья специалист теряет конкурентоспособность, даже при наличии высокого уровня профессиональной компетентности. Научить студента сохранять и укреплять здоровье – задача не менее важная, чем научить профессии. Точнее сказать, в связи со стойкой тенденцией снижения здоровья молодежи, обучение сбережению здоровья должно стать частью подготовки человека к профессии.

У студента, прежде всего, должно быть сформировано ценностное отношение к своему здоровью, понимание того, что от физического, психического и духовного состояния зависит его реализация не только в профессиональной сфере, но и в семейной, гражданской и т.п. Будущий педагог должен понимать всю ответственность за сохранность собственного здоровья и здоровья подрастающего поколения, быть активным участником процесса моделирования себя как здоровой личности. У студента должны быть сформированы знания и умения рационального использования резервов своего организма, навыки поддержания и укрепления здоровья, регулирования эмоционального состояния. Безусловно, преподавателями высшего учебного заведения должна быть оказана профессиональная поддержка будущим педагогам в моделировании собственной программы здоровьесбережения с учетом индивидуальных особенностей и специфики будущей профессионально-педагогической деятельности.

Таким образом, профессиональное здоровье педагога – это способность эффективно выполнять работу, саморазвиваться и совершенствоваться, активизировать регулятивные механизмы, управлять собой, сохранять эмоциональную гибкость в общении, нравственную надежность и стойкость.

Нравственные чувства и переживания

XXI век – век стремительного развития науки и технологий, освобождающих человека от многих проблем и способствующих повышению его благосостояния. Последнее человеку удастся, но стал ли он от этого счастливее? Ведь XXI век называют не только веком технологий, но и веком одиночества. Как показывает опыт, современный человек, освобождаясь от одних проблем, обретает новые, еще более серьезные. С нашей точки зрения, к одной из таких проблем человечества можно отнести снижение восприимчивости к горю, страданиям, а, в некоторых случаях, и к радости, что противоестественно для человека. В процессе «ненормальной» погони за успехом, славой, материальным достатком наблюдается постепенное вытеснение нравственных чувств (любви, совести, ответственности, сочувствия, долга, справедливости, достоинства, чести) эгоистическими, не прибавляющими человеку истинного счастья. Отечественный философ А.И. Субетто в этом отношении очень точно сказал: «Капиталорационализация переходит в машинизацию человека, в машинизацию его чувств и его ценностей. Этот процесс и есть тотальная монетаризация, т.е. превращение всего, что есть в жизни, в деньги... Капиталорационализация уничтожает культуру, переводя ее в «технику» без чувств, в «технику расчеловечивания человека и уничтожения культуры» [30]. А известный американский сатирик Д. Карлин в статье «Парадоксы нашего времени» отметил такие негативные моменты: «... мы имеем высокие строения, но низкую терпимость, широкие магистрали, но узкие взгляды. Тратим больше, но имеем меньше, покупаем больше, но радуемся меньше. Имеем большие дома, но меньшие семьи, лучшие удобства, но меньше времени. Увеличили свои притязания, но сократили ценности. Очищаем воздух, но загрязняем душу...» [189].

Причина перечисленных парадоксов нашего времени, вероятно, кроется в недостаточной развитости чувственной сферы человека, приводящей к «засушиванию сердца», его обездушиванию. Как подчеркивал В.А. Сухомлинский, человек должен стать личностью не только с ясным разумом, но благородным сердцем, золотыми руками и возвышенными чувствами. Ученый писал, что педагог должен чувствовать духовный мир ребенка для того, чтобы он в свою очередь чувствовал заботу, ощущал, что его горе

и обиды понимают и разделяют. Чувства человека, как отмечал В.А. Сухомлинский, должны стать живительной почвой для его высоконравственных поступков [146].

Остановимся на анализе некоторых нравственных чувств для понимания их значимости в профессии.

Особое значение в нашем мире имеет такое чувство как любовь. Любовь к ближнему, природе, всему живому на Земле – есть то чувство, которое должно быть основой любого поступка человека. Любовь является условием осознанного усвоения личностью нравственных норм, принципов, законов, ценностей. Без чувства любви мир становится бесцветным, неинтересным. Деятельность человека в любой сфере, в основе которой нет любви к окружающему миру, все чаще оборачивается страшными последствиями, как для отдельного человека, так и общества в целом.

Первое упоминание о таком важном чувстве мы видим в Священном Писании, где любовь представлена как одно из главных качеств Бога. Очевидно, что это чувство должно быть присуще и человеку, потому как сказано Богом: «Создадим человека по нашему образу, по нашему подобию» (Бытие 1:26). Человек, испытывающий это прекрасное чувство, ощущает счастье, радость от того, что дарит эту любовь другим людям. «Большее счастье – давать, чем получать» (Деяния 20:35). Апостол Павел так характеризует любовь: «Долготерпелива и добра, не ревнива, не хвастлива, не превозносится, не ведёт себя неприлично, не ищет своего, не раздражается, не ведёт счёт обидам, не радуется неправедности, а радуется истине, всё переносит, всему верит, на всё надеется, всё стойко претерпевает и никогда не проходит» (1 Коринфянам 13:4–8). В Священном Писании мы также видим две основных божьи заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим», «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матфея 22:37,39).

Апостол Павел очень метко сказал относительно отсутствия чувства любви у человека: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1 Коринфянам 13:1–2).

Э. Фромм в работе «Искусство любить» отмечает, что для всех

форм любви характерно наличие таких элементов как знание, забота, уважение, ответственность. Любовь есть активная заинтересованность человека в развитии и жизни того, кого он любит (человека, животных, природу). Забота о ком-то вызывает в человеке ответственность и уважение к объекту заботы. Все элементы любви взаимосвязаны, это, по мнению Э. Фромма, тот набор установок, которые должны быть заложены в человеке, стремящемся развивать свои творческие силы и отказавшемся от нарциссических мечтаний о всезнайстве и всемогуществе. Наиболее фундаментальным видом любви, с точки зрения психолога, является братская любовь, в которой проявляется единство со всеми людьми. Главное в такой любви – идентичность человеческой сущности, общая для всех людей [172].

В.С. Соловьев в трактате «Смысл любви» подчеркивает великое значение чувства любви в преодолении эгоизма, присущего человеческому существу. Ученый называет любовью внутреннюю силу, спасающую человека от эгоистических наклонностей, но в тоже время, сохраняющую его индивидуальность. В.С. Соловьев утверждает, что достоинство любви состоит в признании ценности другого человека, что, в силу естественного эгоизма, человек ощущает только в отношении себя. «Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое...» [141].

Б.Т. Лихачев пишет об идеальной любви, которая должна быть распространена между всеми людьми независимо от национальности, религиозных убеждений, социального положения. Чувство любви характеризуется им как духовная потребность человека в другом человеке, как нравственный регулятор поведения человека, как сама нравственность. Ученый подчеркивает, что любовь не передается из поколения в поколение генетически, это чувства надо воспитывать у молодого поколения опираясь на традиции, обычаи, искусство и культуру. Благодаря духовной любви выполняются основные функции нравственности: интеллектуально-нравственная внутренняя свобода личности и ответственность за свои убеждения и поступки. Любовь направляет усилие человека на поиски истины, добра и красоты. Каждый свой поступок, благодаря любви к окружающему миру, человек контролирует совестью, осмыслением интересов других людей [85].

В Священном Писании несколько раз упоминается о таком чувстве как совесть. В первом письме Петра мы видим такие слова: «Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе. Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые» (1 Петра 3:16–17). Совесть, как и любовь, является основой нравственности человека. Причина безнравственного поведения человека, по мнению апостола Тимофея, кроется в потере совести, у таких людей словно выжжено клеймо (1 Тимофею 4:2). В местах, где есть рубцы от клейма, кожа становится не чувствительной к боли. Так и человек, который не имеет совести, становится не чувствительным к другому человеку, к его чувствам, проблемам и страданиям.

О.Г. Дробницкий подчеркивает, что благодаря совести осуществляется нравственная саморегуляция личности, проявляется способность самостоятельно направлять и контролировать свое поведение. Совесть, по мнению ученого, есть переживания человека, это его ответственность за свое нравственное состояние и за все, что происходит вокруг него. «Сфера его личной ответственности может быть самой различной – от судьбы его ближних до судьбы человечества, что зависит от множества конкретных обстоятельств, в том числе от социального положения и роли человека, области и характера его действий, той задачи, которая на него в данном случае возлагается» [44, с. 181].

Д.С. Лихачев утверждает, что совесть является основой целостности человека, сохранения его индивидуальности, барьером, который противостоит эгоизму и корыстным побуждениям. Как отмечает ученый, область действия совести распространяется на все сферы бытия человека: быт, искусство, науку, веру, взаимоотношения с природой и т.п. Совесть побуждает человека совершать бескорыстные поступки, она страж истинной внутренней свободы личности [87].

Увеличение количества людей, не имеющих совести, может привести к большим бедам на планете в виде войн, терроризма, эпидемий и т.п. Совестьливость, как обостренное чувство совести, является чувством-желанием человека жить в гармонии с другими и строить с ними нормальные отношения. «Совестьливый человек, что бы ни делал, всегда думает о других людях, о жизни, о

том, насколько его поведение вплетается в ткань жизни вообще и человеческой, в частности» [14, с. 106].

В профессиональной сфере совесть является тем внутренним компасом, который побуждает человека ответственно выполнять свои профессиональные обязанности, соблюдать профессионально-этические нормы, принимать осмысленное решение с учетом тех последствий, которые могут произойти как в ближайшее время, так и в далеком будущем. Профессиональная совесть руководит и духовно-профессиональным становлением специалиста, реализацией его в любимом деле на духовно-нравственной основе.

Обратимся к анализу такого нравственного чувства как справедливость, которая предусматривает распределение материальных и духовных благ между людьми согласно их вкладу в производство и с учетом тех нравственных норм, которые установились в определенном сообществе.

А.В. Разин выделяет критерии, соответственно которым в человеке формируются представления о справедливости:

- одинаковый обмен моральными качествами;
- оценка индивидуального вклада в увеличение общественного богатства;
- защита индивидуальности – гарантии основных прав человека;
- возможность для самореализации, предоставляемая обществом;
- допустимая степень выражения собственного интереса;
- интеграция в мировое сообщество (свобода передвижения, выбор места проживания и т.п.) [126, с. 490–491].

Чувство справедливости является тем стимулом, который дает возможность эффективно профессионально развиваться. Специалист на основе справедливости реально оценивает, как свои потенциальные возможности, так и возможности своих коллег, что будет содействовать установлению гармоничных нравственных отношений в трудовом коллективе. Как подчеркивает Т.В. Мишаткина: «Справедливость – это мерило естественных прав человека. В основе понятия справедливости лежит принцип равноправия, уравнивающий права каждого человека на единые стартовые возможности и дающий каждому одинаковые шансы реализовать себя» [186, с. 171].

Сегодня существование и развитие легитимной профессии основывается на разработанном специалистами кодексе профессиональной этики, включающем ряд профессиональных норм, правил, принципов, ценностей, на базе которых выстраивается модель поведения человека в профессиональном сообществе. Заявленные в кодексе профессиональные нормы и ценности ориентируют человека на ответственное выполнение своих профессиональных обязанностей. В любом профессиональном кодексе выделяются такие группы норм, которые обеспечивают ответственность: профессии перед обществом; представителей профессии перед потребителями; специалистов перед своей профессией [174].

К.А. Абульханова-Славская отмечает, что благодаря ответственности личность придает своей жизни направленность в отстаивании высшего смысла и проявлении способности самоопределения. По мнению психолога, благодаря ответственности происходит преобразование внешней обязанности, которая нуждается в контроле над личностью, во внутреннюю обязанность, которая сопровождается самоконтролем. Ответственный человек знает, что ему нужно делать и какие последствия возможны от его действий [1].

О.А. Шушерина трактует понятие «ответственность» как качество, которое характеризует ролевую обязанность будущего специалиста выполнять сознательно определенные требования, предъявляемые к нему как субъекту образовательного процесса и будущему специалисту со стороны профессии и отчитываться за свои действия перед собой, коллективом, обществом. Автором определены основные признаки ответственности будущего специалиста: личностно-профессиональная мотивация принятия требований; осмысление их значения в процессе профессионального развития; самостоятельное принятие ответственного решения и его реализация; проявление эмоционального отношения к делу [184].

В.М. Сущенко определяет профессиональную ответственность как способность специалиста отчитываться «перед собой и другой личностью, обществом, государством за результаты своей профессиональной деятельности и получать на основании такого отчета от себя и от других положительные или негативные оценки (санкции) своей профессиональной деятельности» [148, с. 6].

Н.Ф. Желаевская подчеркивает, что благодаря профессиональной ответственности формируется мотивационно-ценностная позиция специалиста, развивается ряд таких профессиональных способностей как целеполагание, прогнозирование, планирование, волевые качества, которые будут содействовать карьерному росту человека. Чувство ответственности обеспечивает способность специалиста прогнозировать и строить свое будущее, планировать свое профессиональное развитие согласно жизненным обстоятельствам. Достаточный уровень развития профессиональной ответственности обеспечивает целенаправленное развитие личности, достижение успеха, как в личной сфере, так и в профессиональной [51].

Профессиональное достоинство и честь являются нравственными чувствами, которые, также как совесть и ответственность, регулируют профессиональное поведение человека. Чувство профессионального достоинства есть переживание личностью собственной ценности в профессии, это чувство более внутреннее, это состояние души человека. Достоинство предполагает наличие положительных нравственных качеств, которые содействуют приобретению хорошей репутации и поддержке профессиональной чести. Профессиональная честь является чувством собственного социального достоинства, своей общественной ценности связанной с мастерством, статусом и т.п. Честь диктует личности поддерживать свою профессиональную репутацию, она в большей степени, чем достоинство, стремится к внешнему признанию, уважению, знакам внимания со стороны общества [57].

Стремление специалиста поддерживать профессиональную честь является своеобразным мотивом нравственного профессионального поведения. Сохранение профессиональной чести является гарантом качественной работы специалиста и направленности его поведения на служение людям. Как подчеркивает В.А. Цвык, в единстве профессиональная честь и профессиональное достоинство поддерживают определенный, достаточно высокий уровень профессионально-нравственного сознания специалиста, обеспечивая укрепление нравственной составляющей его профессионализма [174].

Итак, актуализация чувственной сферы будущих специалистов будет способствовать формированию их нравственной

устойчивости, построению такой профессиональной модели поведения, которая основывается на любви к окружающему миру, ответственности, совести, справедливости, профессиональной чести и достоинстве.

Профессиональный идеал

Процесс профессионального воспитания проходит эффективно, когда будущий специалист понимает поставленную цель и ориентируется на определенный идеал, являющийся образцом совершенства. На какой же идеал необходимо сейчас равняться, какого профессионала можно считать совершенным? Этим вопросом задаются многие ученые, особенно в наше время, когда после распада СССР наступил период утраты прежних идеалов, а других или не было найдено, или эти «идеалы» далеки от совершенства. Ученые В.И. Загвязинский, Ш.А. Амонашвили, А.Ф. Закирова называют такую ситуацию идеологическим вакуумом, который стал заполняться большей мерой идеалами, связанными с быстрым обогащением любыми путями [52].

В вышедшей в 1970 году книге Э. Тоффлера «Шок будущего» описываются условия, в которые попадет человек. Будущее, по мнению автора, – это все возрастающий темп жизни, в который «вписаться» человеку становится все сложнее, это изменение профессий, специальностей, субкультур, ценностей, идеалов. Для нас это будущее уже наступило и от этих стремительных изменений человечество действительно зачастую получает шок. Как отмечает Э. Тоффлер, идеалы, которые существовали в представлении людей не одного поколения и были стабильными, меняются только в течение одного поколения. «В прошлом неизменность была идеалом. Занимался ли человек пошивом обуви или строительством кафедрального собора, все его силы и помыслы были сосредоточены на том, как сделать то, что он производит, более прочным. Он хотел, чтобы творение его рук пережило время» [153, с. 66].

В ситуации, когда человек уже не знает на что и на кого ему равняться, что является идеалом, какие ценности сейчас являются тому основой, происходит потеря жизненных и профессиональных ориентиров. Потеря ориентиров приводит к потере человеческого в человеке, снижению духовности, разрушению тех ценностей, которые были цементирующим стержнем в че-

ловеческих отношениях. В представлении многих современных молодых людей профессиональный идеал – это человек, который быстро достиг материального благополучия, а вот какими средствами он это сделал, их мало интересует. Среди таких «идеалов» встречаются люди, строящие свою жизнь по собственным правилам, пренебрегая интересами других, однако, на вид их жизнь кажется молодежи очень заманчивой и показательной. Современные СМИ довольно активно и привлекательно демонстрируют эти «идеалы», заполняя сознание молодежи гедонистическими и потребительскими ценностями.

В большинстве случаев изменение этих идеалов происходит так быстро, что молодой человек не успевает взять что-то положительное от них для построения собственной профессиональной модели поведения. Поэтому образ-идеал для многих молодых людей, которые только формируются в профессиональном плане, становится расплывчатым и неустойчивым. Эта мысль четко прослеживается у Э. Тоффлера: «Эти люди-имиджи, как живые, так и вымышленные, играют существенную роль в нашей жизни, создавая модели поведения, роли и ситуации, согласно которым мы делаем заключения относительно собственной жизни. Хотим мы того или не хотим, но мы извлекаем уроки из их действий. Мы учимся на их победах и поражениях. Они дают нам возможность «примерить на себя» различные социальные роли и стили жизни без последствий, которые повлекли бы за собой подобные эксперименты в реальной жизни» [153, с. 176].

Интересные мысли мы находим у Н.А. Бердяева, отмечавшего, что в сознании XIX и XX веков потускнел идеал человека. На смену идеала целостной личности пришел ряд профессиональных идеалов: артиста, ученого, политического деятеля, хозяина-предпринимателя, рабочего и т.д. Ученый подчеркивает, что в этих образах-идеалах меркнет образ человека, созданного по образу и подобию Божьему, исчезает целостность личности. Н.А. Бердяев призывает бороться за идеальный образ человека, за личность как существо свободное и оригинальное. Он говорит о необходимости стремления к образу человека-творца, который не является образом человека определенной профессии, а является целостным, нравственным человеком, творчески реализующимся в избранной сфере профессиональной деятельности [18].

Рассуждения и предостережения, высказанные Н.А. Бердяевым, нашли свое подтверждение в современных исследованиях. Если в советское время почти каждый молодой человек знал, кто такой А.Г. Стаханов и стахановское движение, мог назвать имена Героев Труда, то сейчас, как показывают социологические опросы, среди трудовых идеалов, к которым стремится молодежь, мы не найдем человека, работающего на производстве, учителя, инженера, человека-труженика. Проведенное среди российской молодежи исследование показало, что 82% респондентов совсем не могут назвать конкретных героев, на которые бы они равнялись в процессе профессионального становления. Лишь три личности чаще всего назывались респондентами: В.В. Путин, актер С. Бодров-младший, С.К. Шойгу [132].

Исследование С.Л. Фроловой показало, что ценностные ориентации, а соответственно и идеалы, которые сформировались в представлении студентов вузов первого курса далеки от совершенства. Так, первое место в списке ценностей заняли деньги (28,8%), а на последнем находится такая ценность как познание (1%) [169]. Что же ожидать от таких «профессионалов» в будущем, если они еще не получили профессиональную подготовку, а уже мечтают об обогащении?

Интересные результаты по выявлению идеалов у студентов вуза получены В.И. Загвязинским, Ш.А. Амонашвили, А.Ф. Закировым: только 56% респондентов смогли представить свой идеал; в ряду кумиров молодежи – Мать Тереза, А.Д. Сахаров, В.В. Путин, Ж. И. Кусто, В. Фетисов, А. Шварценеггер. Большинство молодых людей, перечисляя лично важные качества, к которым они стремятся, в один ряд по значимости ставят такие качества как предприимчивость, доброта и гуманизм. Ученые отмечают, что в наметившейся тенденции духовного возрождения общества следует вернуться к понятию идеала, определить новые идеалы-ориентиры для молодого поколения, содержание которых будет наполняться глубоким пониманием духовно-нравственных, экологических, валеологических проблем и ценностей [52].

По мнению С.Л. Рубинштейна, наличие определенного идеала в представлении человека вносит четкость и единство в направленности личности. В качестве идеала, с точки зрения психолога, может выступать совокупность норм поведения, в нем могут быть

воплощены наиболее ценные человеческие черты. В идеале может быть подчеркнуто то, что человек наиболее ценит и чего ему как раз не хватает, это то, кем он не является, но желает быть. Идеал – это стимул и регулятор развития человека [130].

А.Ф. Лазурский – отечественный врач и психолог в работе «Классификация личностей» предлагает типологию, в основу которой положен принцип активного приспособления личности к среде, под которой понимается не только вещи и природа, а и человеческие взаимоотношения, духовные блага, религиозные, эстетичные и моральные ценности. Ученый считает, что одаренные люди не только приспосабливаются к условиям и требованиям среды, как это происходит с бедно одаренными людьми, а и стремятся среду приспособить в соответствии со своими потребностями. Эти люди стремятся к духовному росту и по мере своего развития превращаются в творцов жизни. В зависимости от психологического уровня А.Ф. Лазурский выделяет такие типы личностей: низший, средний, высокий. Нам интересен третий тип личности, который ученый считает тем идеалом, к которому обычный человек (низший и средний типы) должен стремиться. Высокий психический уровень характеризуется богатством и интенсивностью душевной жизни, высоким уровнем сознательности и идейности его психических проявлений, способностью ориентироваться среди явлений окружающего мира [76].

По мнению С.Л. Фроловой, профессиональный идеал является интегрированным понятием, в содержание которого входит и аспект, который отвечает за профессиональную компетентность, и духовно-моральный, и социальный аспекты. Благодаря интеграции этих аспектов, их взаимопроникновению, происходит обогащение профессионального идеала, стимулирующего профессиональное развитие личности [169]. С.Л. Фролова отмечает, что идеал является многофакторным понятием как по компонентам, входящим в него, так и по функциям в духовном мире человека. Автор выделяет следующие функции – целеполагающая, регулирующая, познавательная, воспитательная, мобилизационная, организационная, преобразовательная, стимулирующая, мотивационная, программная, прогностическая, оценочная. Как педагогическая категория, идеал является не только целью, вершиной к которой следует стремиться человеку по мере своего профессио-

нального роста, но и методом, средством, мотивом, стимулом в воспитании, регулятором его поведения [168].

Структуру идеала С.Л. Фролова представляет тремя важнейшими компонентами: когнитивно-понятийный компонент, включающий в себя знание об идеале как феномене; эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя, позитивное отношение и абсолютное принятие его содержания; деятельностный компонент, как способы реализации содержания идеала [169].

При формировании духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего специалиста, безусловно, необходимо опираться на определенную модель, в которой представлен перечень профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых специалисту для выполнения своих профессиональных обязанностей. Как отмечает С.Л. Фролова, модель является базой для построения образовательной траектории по подготовке конкурентоспособного специалиста, однако, личностно-профессиональное развитие остается относительно модели пока что абсолютно индифферентным. Студент в период обучения должен приобрести не только профессиональные компетенции, но и ставить личностно-значимые цели и стремиться к ним. По мнению С.Л. Фроловой, профессиональный идеал и есть та личностно-значимая цель, которая определяет траекторию профессионального образования и жизненную стратегию человека. Под профессиональным идеалом ученый понимает высококвалифицированного и материально стабильного специалиста, востребованного на рынке труда и являющегося образцом профессионального совершенства [167].

Исследователь М.В. Лузан подчеркивает, что профессиональные идеалы должны быть духовными опорами человека, механизмами регуляции его действий. Профессиональным идеалом должен выступать человек деятельный, инициативный, с развитой установкой на нравственность [149].

Какой же должен быть педагогический идеал, в чем предназначение учителя?

Обратимся к классику педагогики Я. А. Коменскому, заложившему основы педагогики как самостоятельной отрасли знаний. В

трудах: «Краткое предложение о восстановлении школ в Чешском королевстве», «Великая дидактика», «Предвестник всеобщей мудрости» и др. ученый дает ответы на вопросы, связанные с воспитанием, обучением, миссией учителя, организацией работы школы и т.д. Отвечая на эти вопросы, Я. А. Коменский в центр своих размышлений ставит главную фигуру воспитательного процесса – Учителя. И вот, что интересно, ученый сравнивает учителя с солнцем: «... нужно, чтобы в одном классе был только один учитель, весь год, каждый час всем при всех занимающийся; так же, как единственное солнце в небе весь мир свой само освещает, согревает, питает; или единственный ствол или комель все дерево (пусть у него и тысяча веток была бы) сам держит, несет, кормит, питает и т.д. И мы видим, что это полезно, а если было бы по-другому – настал бы беспорядок» [65, с. 197].

Через века Я. А. Коменский призывает учительство подражать небесному солнцу, от которого зависит жизнь на земле, «которое освещает вселенную, согревает и животворит землю с тем, чтобы жило, зеленело, цвело, приносило плоды все, что только может жить, зеленеть, цвести, приносить плоды» [66, с. 292]. Как видим, Учитель, согласно Коменскому, подобен солнцу, от него зависит какие «плоды» даст человек, освещенный, напитанный его светом.

Кто для Я. А. Коменского человек? Ответ мы находим в «Великой дидактике»: «Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение» [66, с. 261]. Глубоко изучив Священное Писание, великий ученый неоднократно подчеркивает, что человек создан по образу и подобию Творца, а учитель подобно ваятелю, усердно старается «красиво изваять и расписать божии изображения, без конца их шлифует и отделявает, чтобы придать им наибольшее сходство с оригиналом. Как чистый и непорочный служитель вечного света, он горит нетерпением рассеять умственный мрак и пролить свет во все мысли и действия» [65, с. 118].

Большое значение Я. А. Коменский придает обучению не только наукам, но и благочестию. Научное образование, по его мнению, должно служить одновременно усовершенствованию разума человека и нравственности. Педагог осуждает тех учителей, которые грубо, бездумно ломают ученика, сравнивая их деятельность с работой мастера, обрабатывающего дерево, металл и т.д.

«Он находит ученика, и сразу же начинает подвергать его обработке, вытаскивает его, куёт, расчесывает, ткёт, приспособляет к своим образцам и рассчитывает, что тот станет блестять, как отполированный» [66, с. 309]. Не получив немедленного результата, учитель негодует, шумит, а дети бегут, не в состоянии выдержать таких испытаний.

Я. А. Коменский призывает учителей быть приветливыми, привлекать к себе учеников добрыми манерами и отеческим расположением, формировать интерес детей в изучении наук. Для этого педагог рекомендует найти интересные факты, картинки, изображения, вызывающие у воспитанников восхищение. «Если учителя будут относиться к ученикам с любовью, тогда они легко завоюют их сердце так, что детям будет приятнее пребывать в школе, чем дома» [66, с. 342].

Итак, Учитель по Я. А. Коменскому – это образованный человек, ставший для своих воспитанников «живой библиотекой» и ярким солнцем. Он стоит на высоко почетном месте, ему вручена «превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем» [65, с. 154].

История развития педагогической мысли и образования знает много примеров служения делу воспитания молодого поколения. Одним из таких является жизнь и деятельность польского педагога, врача и писателя Януша Корчака, ставшего для детей-сирот душой и солнцем, согревающим их нелегкую жизнь. Весь свой опыт, талант, жизнь он отдал на благо служения детям. Педагогическую деятельность Я. Корчак выстраивал на основе любви, только это чувство, по мнению ученого, позволяет поверить в безграничные возможности ребенка и создать условия для его успешного развития.

Я. Корчак отстаивал права ребенка как личности, считал, что он должен иметь такие же права, как и взрослый. Ребенок, по его мнению, имеет право на ошибку, уважение, тайну, собственность. Педагог должен понимать внутренний мир ребенка, который очень в этом нуждается. В книге «Когда я снова стану маленьким» Я. Корчак от имени ребенка описывает интересные наблюдения: «Взрослые думают, что дети умеют только озорничать и болтать глупости. А на самом деле дети предвосхищают отдаленное будущее, обсуждают его, спорят о нем. Взрослые скажут, что у людей никогда не

будет крыльев, а я был взрослым и утверждаю, что у людей могут быть крылья» [68, с. 328]. «Взрослым кажется, что они нас хорошо знают. Ну что в ребенке может быть интересного? Мало жил, мало видел, мало понимает. Потому что всякий забывает, каким он был в детстве, и думает, что только теперь поумнел». «Когда я снова стану учителем, я попробую найти с учениками общий язык. Чтобы не было как бы двух враждебных лагерей: с одной стороны класс, а с другой – учитель и несколько подлиз. Попробую, нельзя ли сделать так, чтоб была взаимная откровенность» [68, с. 335].

Слова, написанные Я. Корчаком в книге «Как любить ребенка», получившей негласное название «Библия для родителей» могут стать напутственными словами для начинающего педагога: «Воспитатель, который не вдалбливает, а освобождает, не тянет, а поднимает, не угнетает, а способствует формированию личности, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, вместе с ребенком переживает множество вдохновенных минут. Ему не раз придется затуманенными от слез глазами смотреть на борьбу ангела с дьяволом, где белый ангел одерживает победу» [68, с. 81].

Интересные факты о последних днях жизни великого педагога XX века изложены в книге А. Шарова «Януш Корчак». Автор пишет: «Корчак знал, что до самого конца он должен всем добром, которое еще есть на свете, всеми сказками, всей кровью сердца отбивать, отталкивать надвигающиеся неотвратимо гибель и страдания. Сберегать детей, пока они живы, а потом вместе с ними умереть.

Он это и совершил. Сказки окутывали страшный поезд, везущий ребят в затянутую дымом газовых камер Трешлинку. Жизнь детей продолжалась. И пока это было возможно, до последней секунды, Корчак перенимал, пытался взвалить на свои плечи страдания сотен доверившихся ему детей.

На следующий день Януш Корчак погиб вместе со своими детьми в одной из газовых камер лагеря смерти в Трешлинке.

Незадолго до гибели своих детей Корчак писал: «Если бы можно было остановить солнце, то это надо было сделать именно сейчас» [177, с. 25].

Обратимся к педагогическому наследию родоначальника отечественной педагогики К.Д. Ушинского. Воспитатель, по мнению ученого, является посредником между прошедшим и будущим,

он хранитель заветов просвещенных людей, транслятор благородного и высокого, что было в истории человечества, могучий ратоборец истины и добра, он «сознает, что его дело, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории, что на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения» [161, с. 32]. Ученый утверждает, что от каждого педагога-практика необходимо требовать сознательного и добросовестного выполнения долга – воспитания духовной стороны человека, использования всех возможных для этого средств. Педагог, по мнению ученого, в самом себе заключает огромные возможности успешного воспитания. Важным моментом в этом деле являются убеждения самого педагога, сама же программа преподавания или метода воспитания, не перешедшая в убеждения педагога, «останется мертвой буквой». «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы» [161, с. 28].

Работу по воспитанию молодежи педагог называет постройкой чудесного здания, а учителей – истинными творцами. Ученый призывает работать для потомства, пренебрегая насмешками и отказавшись от многих благ, рискуя жизнью, бросать семена в почву, зная, что не увидишь результатов своего труда. «Отдать все потомкам, которые забудут и имена наши, не ждя награды ни на земле, ни на небе, – знать это и все-таки отдать им жизнь свою – велика любовь к истине, ко благу, к идее! Велико назначение!...» [162, с. 12].

Педагог должен постоянно работать над своим усовершенствованием, заниматься самовоспитанием. Об этом писал К.Д. Ушинский, по сути его идеи (рецепт) могут быть положены в основу моделирования идеала-ориентира и программы профессионально-педагогического самостроительства:

1. «Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее.
2. Прямота в словах и поступках.
3. Обдуманность действий.
4. Решительность.
5. Не говорить о себе без нужды ни одного слова.
6. Не проводить время бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится.
7. Издерживать только на необходимое или приятное, а не по

страсти издерживать.

8. Каждый вечер добросовестно давать себе отчет в своих поступках.

9. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет» [162, с. 27].

В педагогическом наследии Л.Н. Толстого вырисовывается портрет идеального учителя: он должен любить своего ученика, любить представляемую науку и с любовью эту науку преподавать ученику. Воспитание должно опережать обучение, наука должна быть средством воспитания ученика. Наилучшим учителем, с точки зрения Л.Н. Толстого, является тот, кто для разъяснения знания имеет большое количество методов. Педагог акцентирует внимание на творчестве, как важнейшем элементе профессии, призывает не следовать одной методе, а быть в поиске новых, «... наилучшая метода была бы та, которая отвечала бы на все возможные затруднения, встречаемые учеником, т.е. не метода, а искусство и талант» [152, с. 144].

В.А. Сухомлинский называет воспитателя главной фигурой школы. По его мнению, это и учитель, и руководитель многогранной духовной жизни детей, наставник, друг, товарищ, вдохновитель творчества и фантазии, носитель высокой мудрости человековедения. Учитель должен дать ребенку радость от труда, радость от учения, пробудить в его сердце наилучшие человеческие чувства. Он должен чувствовать духовный мир каждого ребенка, уметь уделить столько внимание каждому воспитаннику, сколько ему необходимо для духовного развития. «Учитель должен знать и чувствовать, что на его совести – судьба каждого ребенка, что от его духовной культуры и идейного богатства зависит разум, здоровье, счастье человека, которого воспитывает школа» [146, с. 172].

В.А. Сухомлинский, как директор школы, очень тщательно подбирает педагогический коллектив. Требования его были вполне обоснованы – желаем видеть воспитанников с определенными качествами – такие же качества должны быть и у педагога. «Ум воспитывается умом, совесть – совестью, преданность Родине – действенным служением Родине» [145, с. 114]. В.А. Сухомлинский представляет портрет хорошего учителя: во-первых, он любит детей, верит в них, помнит, что детство это особый мир, в который необходимо входить на основе дружбы и сотрудничества;

во-вторых, человек, знающий преподаваемую науку, новейшие достижения, исследования, открытия, стремящийся к организации собственных исследований; в-третьих, человек, знающий психологию и педагогику, использующий научные достижения в организации учебно-воспитательного процесса; в-четвертых, человек, владеющий прикладным мастерством.

В.А. Сухомлинский был сам примером для своих коллег и учеников. Он вставал в 4 утра и работал до начала занятий в школе. В эти ранние часы он написал 40 монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. В 8 утра он стоял на пороге школы и приветствовал своих коллег улыбкой, желая хорошего дня. Педагог был очень деликатен, давал советы молодым педагогам, сам учился всю жизнь. В.А. Сухомлинский утверждал, что к хорошему уроку учитель готовится всю жизнь, это особенность педагогической жизни: «Чтобы дать ученикам искорку знаний, учителю надо впитать целое море света» [144, с. 109].

Д.С. Лихачев делает акцент на интеллигентности, проявляющейся не только в знаниях, но и в способности понимать другого человека, умении вести себя скромно, помогать людям, терпимо относиться к другим, способности быть в физической и духовной форме, излучать приветливость, душевность и красоту. «Социальный долг человека – быть интеллигентным. Это долг и перед самим собой. Это залог его личного счастья и «ауры доброжелательности» вокруг него и к нему (то есть обращённой к нему)» [86, с. 643–647].

Ш.А. Амонашвили главным качеством педагога считает любовь к детям, гуманное к ним отношение. Учитель, по его мнению – это носитель света, высших ценностей, высших знаний, чувств, мудрости, это человек, питающий духовную ось ребенка и помогающий ему восходить по духовной лестнице. Ш.А. Амонашвили подчеркивает, что хороший учитель должен нести не знания, а отношения воспитанников к ним, знания должны быть средством духовного развития человека, а учитель – проводник этих знаний. Ученый утверждает, что хороший учитель должен питать духовную ось ребенка идеальными образами: красиво ходить, говорить, думать и т.д. Эти образы может давать ребенку, прежде всего, учитель. Ш.А. Амонашвили с группой единомышленников формулирует систему педагогических аксиом:

Любовь воспитывается любовью,

Доброта воспитывается добротой,
Честность воспитывается честностью,
Духовность воспитывается духовностью,
Нравственность воспитывается нравственностью... [6, с. 45].

По сути, перечисленные качества составляют основу, на которой возводится образ идеального педагога.

Таким образом, идеал педагога есть высшая цель, к которой необходимо стремиться будущему учителю. Идеал представляет собой высокий уровень культуры, образованности, духовных качеств и ценностей, гуманного отношения к миру и творческой активности.

Система профессионально-нравственных ценностей

Проблема профессионального идеала тесно связана с проблемой профессионально-нравственных ценностей. Если идеал является той целью, к которой необходимо стремиться специалисту, то ценностные ориентации представляют собой направление (пути), ведущие или приближающие его к идеалу. Ценностные ориентации являются результатом усвоения определенных ценностей, представляющих собой как явление окружающего мира (поступок, вещь, предмет, событие), так и факт мысли (идея, концепция). Ценность предполагает особое отношение к чему-то, т.е. ценностное. Как писал В.П. Тугаринов: «Ценностное отношение состоит в отборе из познанного того, «что нужно человеку», т.е. того, что соответствует его потребностям, интересам, целям, нормам и идеалам» [154, с. 311].

В зависимости от характера потребностей человека и средств их удовлетворения ценности классифицируются на материальные и духовные. Последние могут быть познавательными, научными, эстетическими, художественными и моральными. Истина является мерой измерения познавательных интересов, красота – эстетических и художественных. Моральные ценности обусловлены основной ролью морали. Л.М. Архангельский подчеркивает: «Мораль призвана регулировать и гармонизировать взаимоотношения между людьми, разрешать противоречия между обществом и поведением отдельных людей. Подлинная нравственность призвана обеспечивать чистоту человеческих отношений, поэтому моральные ценности, к числу которых относятся добро, совесть, достоин-

ство и т.д., свободны не только от каких-либо меркантильных, но и вообще от утилитарных соображений. Мораль выше интересов сиюминутной выгоды, расчета, ее цель – способствовать утверждению человеческой солидарности и гуманности» [13, с. 7].

В процессе существования человечества сложилась определенная система моральных ценностей, усвоение которых молодежью было гарантом стабильности и духовного развития общества. Однако в условиях научно-технического прогресса и глобализационных процессов происходит девальвация ценностей, ведущая к снижению уровня нравственного сознания, качества человеческих отношений и, соответственно, снижению духовно-нравственной направленности профессиональной деятельности. В.М. Блюмкин в работе «Мир моральных ценностей» подчеркивает, что задачей воспитания является ориентирование молодежи на усвоение ценностей высокого ранга. Овладение моральными ценностями обогащает человека мудростью, которая не позволяет тратить время и силы напрасно, учит ценить жизнь, ограждает от неправильных поступков. «Подлинная мудрость учит человека и тому, что главным является не безошибочность и безоблачность жизни и даже не сама по себе жизнь, но жизнь яркая, содержательная, приносящая пользу людям, оставляющая после себя добрые плоды» [21, с. 58].

В.М. Блюмкин выделяет ряд моральных ценностей, которые представляют интересы общества: коллективизм, солидарность, долг, любовь, дружба, патриотизм, достоинство, труд. Рассматривая человека как наивысшую ценность, ученый выделяет такие его важные характеристики: уважение, доверие и любовь, забота, доброта, благотворительность, тактичность, деликатность, чуткость, справедливость.

П. Куртц в работе «Запретный плод. Этика гуманизма» отмечает, что среди высших людских ценностей есть те, что затрагивают отношение к другим. Они относятся к ценностям усвершенствования этического развития и ядром поведения человека: честность, верность, доброжелательность, порядочность. Автор подчеркивает, что слепота к принятию моральных норм и ценностей является почти тем же самым, что недостаток здоровья или ума [75].

Заслуживает внимания классификация ценностей, предложенная Д.А. Леонтьевым. К терминальным ценностям ученый

относит:

- конкретные жизненные ценности (здоровье, работа, семья);
- абстрактные ценности (познание, развитие, творчество, свобода);
- ценности профессиональной реализации (интересная работа, творчество, продуктивная жизнь, активная деятельность);
- ценности личной жизни (здоровье, любовь, друзья, семья);
- индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, развлечения, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь);
- ценности межличностных отношений (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других);
- активные ценности (свобода, активная и продуктивная жизнь, интересная работа);
- пассивные ценности (красота природы и искусства, уверенность в себе, познание, жизненная мудрость).

Инструментальные ценности Д.А. Леонтьев сгруппировал таким образом:

- этические ценности (честность, непримиримость к недостаткам);
- ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость);
- ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля, добросовестность);
- индивидуалистические ценности (высокие запросы, независимость, твердая воля);
- конформистские ценности (старательность, самоконтроль, ответственность);
- альтруистичные ценности (терпимость, чуткость, широта взглядов);
- ценности самоутверждения (высокие запросы, независимость, непримиримость, смелость, твердая воля);
- ценности восприятия других (терпимость, чуткость, широта взглядов);
- интеллектуальные ценности (образованность, рационализм, самоконтроль);
- ценности непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность, чуткость) [81].

Мир ценностей является очень обширным, среди них есть те, что нередко вступают в противоречия с духовными ценностями. Часто в системе ценностей, которые усваивает современная молодежь, духовно-нравственные вытесняются материально-гедонистическими ценностями либо занимают не первое место. Поскольку усвоение духовно-нравственных ценностей является условием формирования позитивной модели поведения человека, единственной возможностью получить и проявить справедливость, установить гуманные межличностные отношения, то и приоритетной задачей высшей школы должна быть направленность молодежи на усвоение именно этих ценностей.

В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев и Е.Н. Шиянов выделяют следующие группы педагогических ценностей, усвоение которых является основой подготовки к профессии: личные, социальные, групповые.

Личностно-педагогические ценности выступают как социально-психологические образования, в них отражаются мотивы, цели, установки, идеалы, и другие мировоззренческие характеристики личности учителя, составляющие в своей совокупности систему его ценностных ориентаций. В эту систему входят следующие ценности: ценности, связанные с утверждением личностью своей роли в социальной и профессиональной среде; ценности общения; ценности, ориентирующие на саморазвитие творческой индивидуальности; ценности, позволяющие осуществлять самореализацию; ценности материального удовлетворения.

Ученые среди представленных ценностей выделяют ценности-цели и ценности-средства (ценности-отношения, ценности-качества и ценности-знания).

Социально-педагогические ценности отражают характер и содержание тех ценностей, которые функционируют в различных социальных системах, проявляясь в общественном сознании. Это совокупность идей, представлений, норм, правил, традиций, регламентирующих деятельность общества в сфере образования.

Групповые педагогические ценности можно представить в виде идей, концепций, норм, регулирующих и направляющих педагогическую деятельность в рамках определенных образовательных институтов. Совокупность таких ценностей имеет целостный характер, обладает относительной стабильностью и по-

вторяемостью [116, с. 59].

Основными ценностями личностно-ориентированного воспитания Е.В. Бондаревская считает: человека как предмет воспитания, культурную среду, питающую личность и творчество как способ развития человека. Опора на эти ценности, по мнению ученого, будет способствовать преодолению технократических тенденций в педагогическом мышлении. Руководствуясь ценностями личностно-ориентированного воспитания, педагог в центр своей деятельности ставит ребенка, вооружая его не только знаниями, умениями и навыками, но и вводя его в культуру, развивая его как творческую личность. Можно сказать, что ценностная установка такого педагога заключается в ориентации на «культуросообразный человекообразующий и жизнеобеспечивающий процесс» [25, с. 51].

Система ценностей, на усвоение которых направлены усилия личности, принято считать ценностными ориентациями. Ими человек руководствуется в процессе саморазвития, самосовершенствования, они определяют мотивацию его поступков, активность и направленность действий. Как подчеркивают В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев и Е.Н. Шиянов, система педагогических ценностей образует аксиологическую модель, в которой все элементы взаимосвязаны и функционируют как единое целое. Ценности-цели выстраивают направление развития; они определяют выбор ценностей-средств; ценности-качества и ценности-отношения способствуют реализации ценностей-целей и т.д. Аксиологическое богатство педагога определяет эффективность и целенаправленность отбора и приращения новых ценностей, их переход в мотивы поведения и педагогические действия [25, с. 59].

Ценностные ориентации являются своеобразными регуляторами поведения человека, они обеспечивают духовно-нравственную направленность профессиональной деятельности и возможность духотворчества в профессии. Как отмечает А.И. Титаренко, ценностные ориентации подобны невидимому «моральному локатору», что позволяет личности находить соответствующий образ поведения в обществе. Причем, в зависимости от социальных условий, социальных взаимоотношений меняется значения тех или других ценностей, которые «преломляясь через жизненный опыт каждого человека, утверждаются, рождаются и умирают, принимаются или отвергаются» [150, с. 10].

А.Г. Здравомыслов под ценностными ориентациями понимает «относительно устойчивое, социально обусловленное, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности» [54, с. 137].

Ценностные ориентации являются психологическими образованиями, представляющими собой иерархическую систему и входящие в структуру личности в качестве ее элементов. Рассмотрение ценности, которой человек отдает предпочтение, невозможно без учета ее важности относительно других ценностей, составляющей целостную систему [188].

О.Ф. Турянская в структуре ценностных ориентаций выделяет три взаимосвязанных компонента: рациональный, эмоциональный и волевой [156]. Рациональный проявляется в знании блага как такового; знании того, что это благо есть ценность для человека. Эмоциональный – проявляется в переживании объективного блага как ценности. Волевой – побуждает к выбору, к выполнению определенных действий. О.Ф. Турянская подчеркивает, что в основе структуры ценностных ориентаций лежат переживания, только благодаря им человек осознанно принимает ценность, усваивает опыт, оценивает явления, выносит суждения. Волевой компонент проявляется в возникновении мотива на основе переживаний, ведущих к поступку. О.Ф. Турянская отмечает, что благодаря сформированности ценностных ориентаций обеспечивается сохранение целостности личности, психического и морального здоровья [157].

Е.А. Климов рассматривает ценностные ориентации как важный механизм регуляции профессионального поведения человека. Ученый считает, что профессиональные цели человека должны быть согласованы с высшими ценностями материальной и духовной культуры народа. Е.А. Климов подчеркивает, что человек должен выстраивать профессиональную стратегию порядочной, ответственной личности. «Погоня за денежной добычей без ориентировки на качество, общественную ценность результатов труда может оказаться строгой стратегией поведения иного человека на трудовом посту, сделать его корыстным, нечувствительным к нуждам других» [64, с. 129].

А.Н. Занковский представляет ценностные ориентации как своего рода систему личностных координат, обеспечивающую устойчивость поведения и деятельности человека, выраженную в направленности его потребностей и интересов. С точки зрения ученого, ценности не всегда осознаются индивидом, но при этом регулятивная их функция сохраняется. Проявляясь в таких формах как цель, установка, оценка, запрет и т.д., ценностная ориентация выполняет роль ориентира человека в мире, позволяет его оценивать в плане правды или лжи, добра и зла, красоты или безобразия, справедливого или несправедливого [53].

В настоящее время наблюдаются серьезные негативные изменения в системе ценностей молодежи. Так, В.М. Соколов выделяет основные тенденции современности:

- снижение важности таких качеств, как честность, чувство общественного долга, принципиальность, общественная активность;
- снижение общественных и рост личных интересов;
- снижение ориентации молодежи на социальную значимость труда;
- приоритет ценностей потребления;
- стремление к «элитарности», желание выделяться среди других;
- культ денег, получение их любыми средствами;
- распространение наркомании, алкоголизма, проституции, коррупции и других социальных болезней.

В.М. Соколов подчеркивает, что характерной особенностью морали современного общества является интенсивный процесс «размывания» в сознании людей таких норм нравственности, как милосердие, доброта, честность, ответственность, порядочность, вежливость. Все большее распространение получает прагматизм, направленность человека на личную выгоду в знакомствах, экономических связях, в решении различных конфликтов [138, с. 87].

В последнее время в сознании молодежи произошли изменения относительно труда как моральной ценности. Социологические исследования, проведенные как в России, так и в Украине, показывают, что в перечне целей, которые молодежь стремится достичь благодаря трудовой деятельности приоритетные места занимают материальный достаток, статус, самореализация [69]. Если в 60–70 года

ценность интересной работы у молодежи была на первом месте, то сейчас – на четвертом [132]. Продолжает падать ценность знаний, следовательно, и ценность умственного труда [43].

В.Т. Лисовский подчеркивает, что в обществе теряется ценность профессионализма, деформируются установки молодежи на развитие профессионально-квалификационного потенциала. На первом месте стоит цель разбогатеть любым путем [84].

С.В. Шмалей отмечает, что большая часть молодежи проявляет индифферентность к ценности активной преобразующей деятельности, тогда как склонность к деятельности потребительской возрастает. В сознании молодежи падает значимость таких ценностей как саморазвитие, трудовая и общественная деятельность, угасает интерес к профессионально-духовной и эстетичной деятельности [182]. Такие ценности как «уважение окружающих», «хорошие отношения в коллективе» не являются приоритетными в профессиональной сфере. Молодежь ценит то, что связано с ее личностью, а не с коллективом. Честная работа находится в конце списка ценностей, которые выбирает современная молодежь [175].

Проведенное Д.А. Квятковским исследование выявило, что в кругу ценностных интересов молодежи находятся образование, профессия, друзья, но они связаны с атомизацией жизненных практик, замыканием в радиусе «малого» круга. Профессия, работа является для молодежи не средством личностного развития, а только лишь средством материального обеспечения. Ученый подчеркивает, что в молодежной среде слабо проявляется интерес к общечеловеческим проблемам [62, с. 10].

Исследование В.В. Молодиченко дает нам возможность увидеть представления молодежи о моральных нормах: сильное влияние морали на поведение в повседневной жизни признали лишь 43,7% молодых людей; на каждого десятого молодого человека нормы морали не распространяются; чистая совесть как первоочередное условие счастья набрало 3% респондентов; 28,2% опрошенных считают, что добиваться своего счастья необходимо любой ценой [110].

Таким образом, формирование системы ценностей молодежи является важнейшей составляющей фундамента, на котором «выстраиваться» человек как духовная личность. С точки зрения Д.А. Леонтьева, ценности выступают интегративной основой не

только для отдельно взятого индивида, но и для любой социальной группы, нации и в целом человечества. «Разрушение ценностной основы неминуемо ведет к кризису – это относится как к личности, так и к обществу в целом, – выход из которого возможен только на пути обретения новых ценностей» [83, с. 4].

С нашей точки зрения, важно разобраться в механизмах формирования ценностей будущих педагогов как составляющей духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения. В этом плане нам интересна позиция Л.И. Божович, которая утверждает, что система ценностей выстраивается на основе развития у личности потребностей высокого порядка, таких как потребность в познании, в творчестве, в искусстве. Развитие этих потребностей дает толчок к полноценному саморазвитию, а воспитание заключается именно в управлении этим процессом. Отсутствие роста духовных потребностей, по мнению ученого, неминуемо ведет к деградации личности. Сформированная система духовных ценностей приобретают силу непосредственных побуждений, которая подчиняет все другие потребности и стремления человека [23].

А.Н. Занковский, основываясь на типологии личности по основным жизненным позициям (по Е. Берну), предлагает формировать ценностные ориентации, акцентируя внимание на таких моментах: открытость миру, положительный жизненный настрой, постановка интересных, все более сложных, жизненных задач, работа над собой [53].

В.Д. Шадриков подчеркивает, что система духовных ценностей является основой формирования духовных способностей личности (способности определенного духовного состояния), определяющих успешность поведения человека и его жизненную реализацию.

Индивид познает мир во всем его многообразии на основе духовного мышления, для которого важна этическая оценка явлений. Именно избранные человеком ценности будут определять качественную специфику духовных способностей, от них зависит моральная направленность поступков и уровень духовного состояния личности.

Духовное состояние личности В.Д. Шадриков характеризует таким образом: расширение информационной базы понимания

проблемы, энергетическая активизация; гармонизация личности, позитивный взгляд на мир, усиление воли, сосредоточение на познаваемой проблеме; образное мышление, чувственность; пронизательность мышления [176].

Э. Тоффлер, на наш взгляд, дает очень важные советы по формированию ценностных ориентаций молодого поколения:

- включение в учебный план разнообразной, насыщенной фактами содержательной части («знание жизни») наряду с общей подготовкой;

- анализ своих собственных духовных ценностей, а также ценностей, на которые ориентируются педагоги и ровесники;

- поиск противоречий в собственной системе ценностей;

- формирование модели поведения на основе эффективных решений в условиях сверх выбора [153].

Подготовка учителей предполагает обращение к прошлому педагогическому опыту, имеющему огромный нравственно-ценностный потенциал. Это и анализ педагогических идей, положений, концепций, ядро которых составляет определенная система ценностей, усвоение которой молодежью будет условием стабильности и процветания общества. Это и анализ профессиональной модели поведения исторической личности, внесшей вклад в развитие педагогической науки и обогатившей практику воспитания молодого поколения. На таких важных моментах акцентирует внимание О.Ф. Турянская, подчеркивая, что опыт эмоционально-ценностного отношения к прошлому является уникальным объектом усвоения молодежью и проявляется в ценностных ориентациях личности [157; 159].

Таким образом, в основе ценностных ориентаций лежат эмоционально-ценностные отношения педагога к действительности (миру, профессии, детям, творчеству и т.д.), они определяют вектор его поступков и профессиональную модель поведения.

Ценностные ориентации будущих педагогов определяют вектор не только собственного развития, но и ценностные установки будущих воспитанников. Только тот педагог способен их сформировать у молодого поколения, который сам является носителем высоких духовных ценностей. Если для учителя ценность ребенка как главной фигуры педагогического процесса; ценность педагогического труда, глубокое понимание его важности для об-

щества; значимость знаний, творчества как условие духовно-профессионального развития; ответственность за воспитание детей – становятся нормой, смыслом жизни, пропитывают его профессиональную модель поведения, то такой учитель, действительно, по глубокому убеждению Ш.А. Амонашвили, становится для детей человеком несущим свет и высшие ценности.

Профессиональная идентичность

Процесс вхождения в профессиональную среду, осмысления своих профессионально-личностных качеств, перспектив развития в профессии, сопричастности к профессиональному сообществу, присвоение профессионально-нравственных ценностей, устремление к профессиональному идеалу связано с обретением будущим специалистом профессиональной идентичности.

Э. Эриксоном было введено в психологический тезаурус понятие «личностная идентичность», под которой ученый понимает показатель зрелой личности, способность полноценного решения проблем, возникающих на каждом этапе развития личности, принятие себя (своего «Я») и стабильного владения собственным «Я». «Оптимальное чувство идентичности переживается просто как чувство психосоциального благополучия. Его наиболее очевидным спутником является ощущение «себя в своей тарелке» и внутренняя уверенность в признании со стороны авторитетов» [185, с. 175].

Л.Б. Шнейдер представляет профессиональную идентичность как осознание личностью себя в профессии, как отражение единства человека и его дела, как умение представлять в профессиональном сообществе результаты своей работы, давать адекватную самооценку и оценку другим специалистам. Автор подчеркивает, что профессиональная идентичность предусматривает сформированность у специалиста особого чувства – причастности ко всему, что происходит в его профессиональном сообществе, способность к переживанию, сочувствию, осмыслению себя и других коллег в качестве единого сообщества – «мы». «Профессиональная идентичность отражает, как индивид воспринимает, характеризует и переживает самого себя в качестве своеобразного объекта-носителя профессиональных отношений; профессиональная идентичность определяет то значение, которое субъект приписывает себе и которое коллеги

приписывают ему. Профессиональная идентичность рациональна и рефлексивна по своей природе, она проявляется опосредованно и служит источником мотивации» [183, с. 225].

Е.П. Ермолаева [49] рассматривает профессиональную идентичность как целостную структуру, компонентами которой являются инструментальная, индивидуальная и социальная идентичность. Инструментальная идентичность формируется в процессе усвоения студентами профессиональных знаний, умений и навыков. Индивидуальная идентичность формируется в процессе структурных изменений личности, это обретение личностных качеств, важных для избранной профессии. Социальная идентичность наименее контролируемый компонент, который отображает морально-этические и ценностные установки профессионала, являющиеся основой его социального поведения. Е.П. Ермолаева отмечает, что уровень профессиональной идентичности может быть положительным, что проявляется в полном принятии человеком профессии, желании и стремлении реализации, как личности, так и профессионала. Нейтральный уровень проявляется в бесконфликтном принятии профессии (частичная реализация). Негативный уровень профессиональной идентичности – это проявление ментальной непричастности к своей профессии, по сути это профессиональный маргинализм. Сущность его состоит не только в недостаточной сформированности профессиональных знаний, но и в личностной позиции неприятия ценностей и морали профессии. Профессия для маргинала является средством достижения внепрофессиональных личных целей. Профессиональный маргинал внутренне относит себя к морали другого профессионального сообщества, он не стремится к гармоничному саморазвитию в профессии, тем более к развитию самой профессии.

Ю.П. Поваренков дает такие характеристики профессиональной идентичности: ведущий критерий становления профессионала; состояние, которое задает личность и к которому стремится; внутренняя противоречивая характеристика личности; интегральная характеристика (социальная идентичность и самоидентичность) [123].

Н.Л. Иванова рассматривает профессиональную идентичность как фактор, способствующий успешной реализации личности и конкурентоспособности на рынке труда. Профессиональная идентичность является внутренней схемой, в которой отражают-

ся представления человека о том, какие профессиональные знания он должен иметь, какая модель поведения должна быть сформирована у него для успешной самореализации и востребованности в профессиональном сообществе. Поэтому профессиональная идентичность, как подчеркивает Н.Л. Иванова, выступает личностным конструктом, который помогает специалисту согласно тем требованиям и ценностям, которые сложились в его профессии, проявлять конкурентоспособность [58].

А.М. Лукиянчук представляет профессиональную идентичность педагогов в виде трех компонентов:

- коммуникативный – представление о педагогической деятельности, умение передавать и представлять информацию;
- эмпатический – способность проникать во внутренний мир ребенка, понимать, принимать и сочувствовать ему, эмоционально переживать;
- эмоционально-волевой – направленность на достижение успеха в профессиональной деятельности.

Благодаря взаимодействию этих компонентов формируется ядро профессиональной идентичности будущего педагога – образ профессионального «Я» [89].

Г.М. Лялюк рассматривает становление профессиональной идентичности педагога как необходимый компонент личностной идентичности в процессе осознания студентами своего опыта. Профессиональная идентичность выполняет ряд функций: структурирование профессионального опыта, адаптация к профессиональному сообществу, прогнозирование перспектив профессиональной деятельности, развитие рефлексии [92].

Поскольку формирование профессиональной идентичности сопровождается поиском своего профессионального «Я», считаем целесообразным остановиться на рассмотрении понятия профессиональная «Я»-концепция.

По мнению Р. Бернса, «Я»-концепция представляет собой совокупность представлений индивида о себе, это набор установок человека, направленных на себя и включающих такие элементы: когнитивный – образ «Я» (представление индивида о себе); оценочный – самооценка успешности своих действий; поведенческая составляющая (конкретные действия, вызванные образом «Я» и самооценкой) [20].

С.Т. Джанерьян отмечает, что функционально-целевое назначение профессиональной «Я»-концепции состоит в осознании человеком себя как субъекта деятельности и личности «для реализации им содержательно определенного смыслового отношения к профессиональной деятельности» [41, с. 164]. По мнению автора, профессиональная «Я»-концепция должна регулировать деятельность человека, обеспечивать построение взаимоотношений с профессиональным сообществом и профессиональное развитие специалиста [41].

Основой профессиональной «Я»-концепции является совокупность «Я»-образов студента: «Я»-идеального (идеальное представление о самом себе), «Я»-нормативного (представление о своем соответствии определенным требованиям), «Я»-реального (представление об имеющихся качествах и свойствах).

Процесс формирования профессиональной идентичности очень сложный, проходящий в несколько этапов. Интенсивность развития профессиональной идентичности усиливается именно в процессе обучения в вузе. Л.Б. Шнейдер выделяет этапы формирования профессиональной идентичности, особенности которых целесообразно учесть при построении духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов:

- осознание профессиональных целей как ближних, так и дальних, стремление овладеть своим профессиональным делом, стремление обрести профессиональный опыт, освоение трудовых функций, поиск своего места в профессиональных отношениях (профессиональная идентичность невыраженная);
- усвоение основных знаний, требований профессии к человеку, осознание своих возможностей, установление профессиональных контактов, выполнение профессиональной деятельности по образцу (профессиональная идентичность выраженная, пассивная);
- самостоятельное выполнение профессиональных обязанностей, формирование собственного стиля деятельности, интенсификация процесса профессионального общения (профессиональная идентичность активная);
- свободное выполнение профессиональной деятельности, поиск сложных профессиональных задач, профессиональное совершенствование, стремление делиться своим профессиональным опытом с другими специалистами и творить в профессии (про-

фессиональная идентичность устойчивая) [183].

Процесс формирования профессиональной идентичности Г.В. Гарбузова условно разбивает на такие этапы: 1) формирование позитивного образа выбранной профессии и определение перспектив ее развития; 2) формирование «Я» – образов (идеального, нормативного, реального); 3) формирование профессионального образа «Я»; 4) профессиональная идентичность (осознание своей тождественности с профессиональным образом «Я»); 5) убежденность в правильном выборе профессии и сформированность положительного отношения к себе как субъекту учебно-профессиональной деятельности [34].

Т.С. Березина в развитии профессиональной идентичности педагога выделяет такие этапы: 1) формирование ценностного отношения к педагогическому сообществу (первое знакомство с педагогическим сообществом); 2) подтверждение правильности выбора профессии (нередко у студентов происходит разочарование в выборе); 3) реализация первоначального выбора студентов: вхождение в профессиональное сообщество, осознание своей самостоятельности и эффективности [19].

Итак, профессиональная идентичность будущего педагога – это осознанное принятие выбранной профессии, осознание своей принадлежности к профессиональному сообществу, принятие профессиональных норм, ценностей, а также соответствие требованиям педагогической профессии (компетентность, профессионально-личностные значимые качества).

Все более актуальной в условиях нестабильности и масштабности несостоявшихся карьер становится проблема профессионального маргинализма как полярной позиции профессиональной идентичности. Ученые О.С. Бадюл, Н.Ю. Волянюк, Е.П. Ермолаева, О.В. Кочкурова, Г.В. Ложкин, И.П. Попова, Л.Б. Шнейдер и др. рассматривают профессиональный маргинализм как социально опасное явление. Исследователи отмечают, что чем выше уровень сформированности профессиональной идентичности, тем вероятность попадания человека в группу профессиональных маргиналов ниже.

По критерию включенности в трудовую деятельность учеными выделено две основные группы профессиональных маргиналов – действующие на рабочих местах и безработные. Бесспорно,

большую угрозу для общества несут действующие профессиональные маргиналы. По мотивационно-реализационному критерию Е.П. Ермолаева [49] выделяет функциональных и ментальных маргиналов. Последние делятся на ментально-внутренних и ментально-внешних маргиналов. Характерным признаком ментально-внутренних маргиналов является любовь не к профессиональному делу, которым они занимаются, а к себе в этом деле, хотя среди них и встречаются «фанатики дела». Признаком ментально-внешних маргиналов является непринятия профессии как лично-значимой ценности, они в любой момент могут изменить род деятельности для облегчения условий своей жизни, профессиональная мораль для них остается непринятой и неусвоенной. Функциональный маргинализм проявляется в стиле поведения человека, который характеризуется полным непринятием профессиональных ценностей, по сути это саботаж в профессиональном сообществе или группе. Ученые отмечают, что социально опасными являются все формы профессионального маргинализма.

Признаками маргинального поведения являются: закрытость, низкая готовность к профессиональной переориентации, агрессивность, сознательная ложь, цинизм, имитация деятельности, полное непринятие профессиональных ценностей и т.д. Г.В. Ложкин и Н.Ю. Волянюк подчеркивают, что появление в наши дни значительного числа профессиональных маргиналов снижает порог социального признания качества труда, особенно в профессиях, в которых трудно обозначить четкие признаки профессионализма. Среди таких профессий находится и профессия педагога [88].

«Питательным источником» профессионального маргинализма являются деформации в профессиональном поведении специалиста как изменение качеств личности (ценностей, способов общения, характера и т.д.). Н.И. Шаталова, анализируя разные виды деформаций, определяет факторы, под влиянием которых они возникли (противоречивые тенденции поведения, условия жизни индивида, его цели, режим использования собственных ресурсов и т.п.). Ученый отмечает, что глубина и продолжительность деформаций зависит от силы факторов, а также личностных возможностей человека сопротивляться их негативному воздействию. Н.И. Шаталова выделяет следующие деформации профессионального поведения: рестрикционизм (сознательная минимизация

производительности труда), избыточная интенсивность труда, карьеризм, некомпетентность, ригидность, боязнь самовыражения, бедность ролевой системы, закрытость личности. С нашей точки зрения, при формировании профессиональной идентичности будущих педагогов целесообразно учитывать факторы возникновения профессиональных деформаций – усиливать их позитивное влияние и способствовать снижению их негативного воздействия. Что касается такой деформации как карьеризм, то Н.И. Шаталова отмечает, что в стремлении человека сделать карьеру нет ничего плохого. Главное – мера во всем. Этой деформации можно избежать, если формировать у будущего педагога понимание важности моделирования именно полноценной карьеры, которая обеспечивает не только материальное благополучие человека, но и способствует его полной самореализации, самоутверждению, признанию и авторитету среди коллег. «Карьера – результирующий вектор, который появляется вследствие наличия механизма социального отбора наиболее способных, профессионально подготовленных, трудолюбивых, волевых, активных и удачных, и показывает успешность индивида» [178, с. 28].

Такая деформация профессионального поведения как ригидность проявляется в неспособности человека быстро реагировать на изменения в профессиональной сфере. Ригидный человек очень боится всего нового, что появляется в профессиональной сфере. Так, учитель, который не внедряет в свою деятельность инновации и сам не принимает активного участия в разработке эффективных методов, средств, форм обучения и воспитания, обречен на постепенный регресс и, как правило, становится неинтересным своим ученикам и коллегам.

Специфическим видом профессиональной деформации является эмоциональное выгорание, причинами которого является информационная перегруженность, страх потери работы, материальная нестабильность и т.п. Эмоциональное выгорание проявляется в симптомах снижения удовлетворения от своей работы, физического, эмоционального, умственного истощения, появления личностной отстраненности в профессиональных делах [135].

Современные ученые отмечают, что эмоциональное выгорание в большинстве случаев характерно для людей группы профессии «человек-человек». Опасным элементом в этом синдроме

является появление личностной отстраненности, то есть равнодушия к человеку, который нуждается в помощи профессионала. Особенно это касается таких специалистов как педагоги, медики, социальные работники, юристы и т.п.

Успешность формирования профессиональной идентичности будущего педагога значительно снижает риск возникновения у него профессиональных деформаций и попадания в группу профессиональных маргиналов. Можно так сказать, что при подготовке к профессии он получает своеобразную «прививку» от социальной болезни, способствующую сохранению его профессиональной идентичности.

Таким образом, анализ философской, психолого-педагогической, социологической литературы дал нам возможность представить духовно-нравственные основы профессиональной модели поведения будущих педагогов:

- Профессиональное здоровье является неременным условием, первым кирпичиком фундамента, на котором будет развиваться человек как профессионал. Здоровье – это не только путь к успеху, построению полноценной карьеры, но и возможность ощутить счастье творения, удовлетворение от его результатов, наслаждение каждым прожитым днем.

- Чувства и переживания являются живительной, благодатной почвой, на которой «прорастают» и развиваются ценности педагога. Развитие чувственной сферы будущего профессионала способствует интериоризации полученных знаний, защищает личность от «засушивания» сердца, способствует формированию человека, строящего свою деятельность на любви, ответственности, справедливости, чести. Чувствительность педагога ограждает от негативных технократических тенденций в педагогическом мышлении, от потери душевной целостности, от превращения в автомат, действующий по запрограммированной модели.

- Профессионально-нравственные ценности являются ориентирами, «компасом», направляющим личность по пути восхождения к профессиональному идеалу. Эти ориентиры являются своеобразными невидимыми барьерами, ограничителями, не дающими личности сойти с намеченного пути.

- Ориентируясь на профессиональный идеал, руководствуясь профессионально-нравственными ценностями, будущий педагог

обретает профессиональную идентичность как усвоение общепринятых в профессиональном сообществе профессиональных норм, принципов, правил, ценностей и моделей поведения. Профессиональная идентичность – это сопричастность к педагогическому сообществу, желание творить, развиваться в профессии, быть ответственным за результаты своей деятельности.

- Профессиональный идеал – вершина, к которой стремится в своем развитии специалист. Педагогический идеал представляет собой высокий уровень культуры, образованности, духовных качеств и ценностей, гуманного отношения к миру и творческой активности.

Исходя из вышесказанного, профессионал представляется нам как носитель профессиональных знаний и способов деятельности, профессионально-нравственных ценностей, человек, имеющий высокий уровень ответственности за принятые решения, способный к саморазвитию, самосовершенствованию, стремящийся к духовному наполнению профессии, к ее развитию, имеющий потребность служить в ней другим людям.

Глава 2. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЕЙС-МЕТОДА

2.1. История возникновения и развития кейс-метода

Предыстория возникновения ситуационного обучения уходит в глубокую древность. По сути притчи царя Соломона являются своеобразными кейсами, анализ которых дает возможность человеку поразмышлять над различными проблемами человечества, связанными с нравственностью, воспитанием детей, устройством брака и семьи, трудом, смыслом жизни, духовным становлением личности и т.д. В каждой притче заложена великая мудрость, которую человек должен постигнуть, чтобы стать нравственной личностью. Например, Соломон, наставляя молодежь на праведный образ жизни, говорит о значении мудрости: «Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих. Не оставляй ее, и она будет охранять тебя; люби ее, и она будет оберегать тебя.

Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум. Высоко цени ее, и она возвысит тебя; она прославит тебя, если ты прилепишься к ней; возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец. Слушай, сын мой, и прими слова мои, – и умножатся тебе лета жизни. Я указываю тебе путь мудрости, веду тебя по стезям прямым. Когда пойдешь, не будет стеснен ход твой, и когда побежишь, не споткнешься. Крепко держись наставления, не оставляй, храни его, потому что оно – жизнь твоя» (Притчи 4:5–13).

Иисус Христос, проповедуя, также зачастую использовал притчи. Стремясь подготовить достойных учеников, продолжателей дела, он давал им пищу для размышления, создавал условия, способствующие формированию, как у апостолов, так и у простых людей осмысленного понимания Библейской истины. Ему было важно, чтобы вера возникала не через страх перед Богом, а как следствие понимания того, что Бог – это мудрость, сила, любовь, справедливость.

Педагогические суждения Демокрита также являются своео-

бразными кейсами, в которых заложен глубокий педагогический смысл. «Прекрасные вещи вырабатывает учение посредством трудов, скверные же вещи без трудов сами собой производятся». «Могут быть умные юноши и глупые старики. Ибо научает мыслить не время, а раннее воспитание и природа». «Если бы дети не принуждались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что наиболее укрепляет благодетель, – стыду. Ибо по преимуществу от этих занятий обычно рождается стыд». «Здоровья просят у богов в своих молитвах люди, а того не знают, что они сами имеют в своём распоряжении средства к этому. Невоздержанностью своей, противодействуя здоровью, они сами становятся предателями своего здоровья, благодаря своим страстям» [104].

На сегодняшний день метод case-study наиболее широко используется в обучении экономике и бизнес-наукам за рубежом. Впервые он был применен в учебном процессе в школе права Гарвардского университета в 1870 году; внедрение этого метода в Гарвардской школе бизнеса началось в 1920 году. Первые подборки кейсов были опубликованы в 1925 году в Отчетах Гарвардского университета о бизнесе.

В настоящее время сосуществуют две классические школы case-study – Гарвардская (американская) и Манчестерская (европейская). В рамках первой школы целью метода является обучение поиску единственно верного решения, вторая – предполагает многовариантность решения проблемы. Американские кейсы больше по объему (20–25 страниц текста, плюс 8–10 страниц иллюстраций), европейские кейсы в 1,5–2 раза короче.

Лидером по сбору и распространению кейсов является созданный в 1973 году по инициативе 22 высших учебных заведений The Case Clearing House of Great Britain and Ireland; с 1991 года он называется European Case Clearing House (ECCN). ECCN является некоммерческой организацией, которая связана с организациями, предоставляющими и использующими кейсы и расположенными в различных странах мира. В настоящее время в состав ECCN входит около 340 организаций, среди которых The Harvard Business School Publishing, Институт развития менеджмента (IMB) в Лозанне, в Швейцарии, INSEAD, в Фонтенбло во Франции, IESE в Барселоне в Испании, Лондонская бизнес-школа в Англии, а так-

же Школа менеджмента в Кранфилде. У каждой из этих организаций своя коллекция кейсов, право на распространение которых имеет ЕССН.

Сегодня метод case-study завоевал ведущие позиции в обучении, активно используется в зарубежной практике бизнес-образования и считается одним из самых эффективных способов обучения студентов навыкам решения типичных проблем. Так Гарвардская школа бизнеса выделяет почти 90% учебного времени на разбор конкретных кейсов, сохраняя приоритетное значение метода case-study в обучении бизнесу. Ситуационное обучение по гарвардской методике – это интенсивный тренинг слушателей с использованием видеоматериалов, компьютерного и программного обеспечения. Среднестатистический студент Гарварда или любой другой бизнес-школы за время своего обучения «прорабатывает» сотни кейсов. Каждый год в Гарварде издаются сотни новых кейсов, методических пособий и дополнений к коллекции кейсов. Ставку на использование ситуационного обучения также делает один из известных университетов Северной Америки – Университет Западного Онтарио (Канада).

Метод case-study («метод казусов») был известен преподавателям экономических дисциплин в нашей стране еще в 20–е годы прошлого столетия. В сентябре 1926 года состоялась конференция преподавателей по экономическим дисциплинам в совпартшколах, на которой рассматривались вопросы применения различных методов и методик обучения, в том числе метод проектов или метод казусов. В период с октября 1924 по октябрь 1925 года преподаватели совпартшкол ознакомились с методом казусов в одном из американских экономических журналов (*Harvard Business Review*) – органе Гарвардского университета.

Тем не менее, развитие метода в нашей стране проходило весьма противоречиво. С одной стороны, использование метода анализа ситуаций, сопровождалось широким распространением игровых и дискуссионных методов обучения, с другой стороны – имело место давление идеологии, а также свойственная тому времени закрытость системы образования. В итоге метод анализа ситуаций был постепенно вытеснен из учебных аудиторий СССР.

Новая волна интереса к методике кейс-метода в отечествен-

ной практике стала отмечаться лишь в 90-е годы, когда необходимость реформирования экономики породила существенный спрос на специалистов, умеющих действовать в ситуациях неопределённости, высокой степени риска, умеющих анализировать и принимать решения. В вузах началось массовое обновление преподаваемых дисциплин и курсов. Гуманитарные дисциплины, такие как, менеджмент, маркетинг, политология и социология, стали заполнять образовательный процесс, неся за собой расширение числа интерактивных методов обучения. Последнее сопровождается использованием в отечественной практике переводных (западных) кейсов.

В конце 90-х годов Российская компания «Решение: учебное видео» выпускает в свет уникальный продукт – игровой учебный видео-кейс, в котором профессиональными актерами разыгрывается учебная ситуация, заимствованная из практики российских компаний. Таким образом, учащиеся получают возможность «присутствия» на месте происходящих событий, а подготовленная для преподавателя методика использования кейса позволяет без труда проводить занятия.

С начала 2000-х годов в зарубежной практике кейсы стали широко использоваться в преподавании естественнонаучных и технических дисциплин. Так, *Journal Of Chemical Education* регулярно публикует соответствующие методические материалы. Что касается России, то наметилась практика использования кейсов при обучении специальным дисциплинам, например, технологическим, медицинским и др.

В начале XXI столетия, перемены, происходящие в образовании, были охарактеризованы многими аналитиками как переход от классического к постклассическому образованию. Этот переход проявился в смене целей и ценностей образования, что способствовало развитию кейс-метода (см. таблица 1).

История развития кейс-метода в России в определённой степени связана с поддержкой международных образовательных фондов и программ. Например, обучение большого числа специалистов методу кейс-метода было осуществлено в рамках Мегапроекта «Развитие образования в России (среднее образование)».

Сравнение классического и постклассического образования

Классическое образование	Постклассическое образование
Массовость	Индивидуальность
Стабильность	Неустойчивость
Традиционализм	Инновации
Завершённость	Непрерывность
Нормативность	Творчество и неповторимость
Цель	Самоцель
Результат – знания	Результат – компетентность, самостоятельность

В Томске (в 2003 году) в рамках реализации исследовательской программы «Исследование феноменов и тенденций перехода к Открытому образовательному пространству», метод case-study был использован как исследовательский. Первый этап реализации программы завершился выходом сборника кейсов «Изменения в образовательных учреждениях: опыт исследования методом кейс-стади» под редакцией Г.Н. Прозументовой.

В начале 2000-х годов в московских вузах создаются первые студенческие кейс-клубы: кейс-клуб ГУ-ВШЭ (2004 г.); A-club при МГИМО (У) (2006 г.); кейс-клуб Progress в РУДН (2007 г.). Во главе представленных кейс-клубов стоят прогрессивные студенты экономических факультетов, стремящиеся поделиться своим зарубежным опытом со сверстниками.

В 2007 году, для популяризации кейсов среди студентов, в МГИМО и ГУ-ВШЭ создается первый в истории России чемпионат по решению бизнес-кейсов Mind Wrestling, который позднее (в 2010 г.) был переименован в Changellenge.

Ведущим специалистом в области кейс-технологий в России является В.Д. Киселев (старший научный сотрудник Центра социальных и психологических исследований ВШМБ АНХ при Правительстве РФ), разработавший более сотни авторских методик написания и дальнейшего анализа кейсов. Его методика написания кейса имеет свое специальное название – «кейкис», которое представляет собой синтез слов «кейс» и фамилии автора. Ещё одна расшифровка термина «кейкис» – ключевая комплексная информационная система.

В последние годы в отечественной практике наметилась тен-

денция к использованию кейс-метода не только в бизнес-образовании, но и в предметном обучении. Так, например, разрабатываются методические аспекты использования кейс-метода при обучении органической химии в колледжах (автор – А.М. Деркач, г. Санкт-Петербург). Что касается общего образования, начального и среднего профессионального образования, то для достижения целей предметного обучения наиболее пригодными являются мини-кейсы, используемые в сочетании с другими методами и технологиями обучения. В системе высшего образования преподаватели различных наук применяют кейс-метод не как специализированный курс по исследованию ситуации, а в виде обучающей технологии на занятиях (кейс-технология). Различные организации многих стран мира (институты, университеты и др.) имеют свои коллекции кейсов. Права на большинство из этих кейсов принадлежат ЕССН (European Case Clearing House), созданному в 1973 году по инициативе 22 высших учебных заведений и являющемуся лидером по сбору и распространению кейсов [37; 42].

2.2. Сущность кейс-метода

Одно из наиболее широких определений метода конкретных ситуаций было сформулировано в 1954 году в классическом издании, посвященном описанию истории и применения метода конкретных ситуаций в Гарвардской школе бизнеса: «Это метод обучения, когда студенты и преподаватели участвуют в непосредственных дискуссиях по проблемам или случаям бизнеса. Примеры случаев обычно готовятся в письменном виде как отражение актуальных проблем бизнеса, изучаются студентами, затем обсуждаются ими самостоятельно, что дает основу для совместных дискуссий и обсуждений в аудитории под руководством преподавателя. Метод конкретных ситуаций, таким образом, включает специально подготовленные обучающие материалы и специальную технологию использования этих материалов в учебном процессе» [106].

В.Я. Платов выделяет признаки кейс-метода, позволяющие отличить его от других методов обучения:

- наличие модели социально-экономической системы, состояние которой рассматривается в некоторый момент времени;

- коллективная выработка решений;
- многоальтернативность решений. Наблюдается принципиальное отсутствие единственного решения. Приходится иметь дело со спектром оптимальных вариантов;
- единая цель при выработке решений;
- наличие системы группового оценивания деятельности;
- наличие управляемого эмоционального напряжения обучаемых [121].

Ю.П. Сурмин с группой ученых, создавших книгу «Анализ, или Анатомия Кейс-метода» рассматривают кейс-метод в трех аспектах:

1) как специфический интерактивный метод обучения, способствующий эффективному освоению студентами теоретических положений и овладению практическим использованием материала. Анализ различных ситуаций, заложенных в кейсе, способствует взрослению студентов, формирует интерес и позитивную мотивацию по отношению к учебе, что в целом позитивно отражается на процессе профессионализации будущих специалистов;

2) использование кейс-метода способствует обновлению творческого потенциала преподавателя. Как автор кейсов, педагог находится в постоянном творческом поиске, что, безусловно, способствует формированию прогрессивного стиля мышления;

3) как сфера творческой деятельности, связанная с созданием кейсов. В этом аспекте особое значение приобретает изучение и пропаганда технологии и рациональных приемов построения кейсов [9].

Технологические особенности кейс-метода

1. Метод представляет собой специфическую разновидность исследовательской аналитической технологии, т.е. включает в себя операции исследовательского процесса, аналитические процедуры.

2. Он выступает как технология коллективного обучения, важнейшими составляющими которой выступают работа в группе и подгруппах, взаимный обмен информацией.

3. Кейс-метод в обучении можно рассматривать как синергетическую технологию. Суть ее заключается в подготовке процедур погружения группы в ситуацию, формировании эффектов умножения знания, инсайтного озарения, обмена открытиями и т.п.

4. Кейс-метод интегрирует в себе технологии развивающего обучения, включая процедуры индивидуального, группового и коллективного развития, формирования многообразных личност-

ных качеств обучаемых.

5. Кейс-метод выступает как специфическая разновидность проектной технологии. В обычной обучающей проектной технологии идет процесс разрешения имеющейся проблемы посредством совместной деятельности учащихся, тогда как в кейс-методе идет формирование проблемы и путей её решения на основании кейса, который выступает одновременно в виде технического задания и источника информации для осознания вариантов эффективных действий.

6. Кейс-метод концентрирует в себе значительные достижения технологии «создания успеха». В нём предусматривается деятельность по активизации студентов, стимулирования их направленности на успех, подчеркиванию достижений учащихся. Именно ощущение успеха выступает одной из главных движущих сил метода, формирования устойчивой позитивной мотивации, наращивания познавательной активности.

Технология кейс-метода представляет собой процесс формирования информационного поля, его активизации, организации информационных коммуникаций, столкновения позиций, пополнения поля информацией и использования информации, накапливающейся в нём. Интеллектуальное поле, которое складывается из мыслеформ, создаваемых студентами и преподавателем, служит благодатной средой не только обучения, но и воспитания личности. Само нахождение в развитом информационном поле, «проживание» в нем от истоков до разрешения проблемы благотворно для личности, которая «пропитывается» информацией, многообразными чувствами, рельефно ощущает методы и приемы мыслительной деятельности [9, с. 122–123].

С точки зрения Л.В. Покушаловой, кейс-метод направлен не столько на освоение конкретных знаний или умений, сколько на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала студентов и преподавателей. Кейс – это маленькое литературное произведение, позволяющее не только получить информацию, но и погрузиться в атмосферу происходящего. Это помогает студентам представить себя в реальной жизненной ситуации, а не просто решать сложную задачу [124].

Т.А. Сентябова и Н.Б. Тимофеева под кейс-методом понимают обучение действием, при котором усвоение знаний и формирование

умений являются результатом активной самостоятельной деятельности студентов по разрешению противоречий, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными компетенциями и развитие мыслительных способностей студентов [133].

Д.Ю. Тулепбергенова определяет кейс-метод как педагогическую категорию, представляющую собой «целостную систему способов, приемов, средств, проектирования и реализации квазипрофессиональной деятельности студентов по осмыслению и критическому анализу содержания кейса. Раскрывая специфику проблемных ситуаций в предметном и социальном контекстах профессиональной деятельности, кейс представляет собой лично ориентированную задачу творческого уровня, порождающую новые смыслы и цели профессионального развития, новое знание» [155, с. 86].

Кейс-метод относится к интерактивным методам обучения. Интерактивный (от англ. «interact» («inter» – «взаимный», «act» – действовать)) – означает способность взаимодействовать или находится в режиме беседы, диалога с кем-либо (человеком) или чем-либо (например, компьютером). Режим диалога студент-преподаватель или студент-студент способствует созданию эмоционального проблемного поля, в котором сталкиваются несколько мнений ведущих к рождению новой идеи. Эффективность использования в процессе обучения интерактивных методов обучения подтверждаются такими данными: человек помнит 10% прочитанного; 20% – услышанного; 30% – увиденного; 50% – увиденного и услышанного; 80% – того, что говорит сам; 90% – того, до чего дошел в процессе деятельности [94]. Таким образом, использование кейс-метода ставит студента в ситуацию активного участника учебного процесса. Причем, в обсуждение проблемы, заложенной в кейсе, вовлекаются все участники группы, в том числе и преподаватель. Обмен знаниями, мыслями, опытом, способами деятельности дает возможность расширить поле коммуникации.

Развертывание коммуникации в процессе использования кейс-метода происходит по нескольким направлениям:

- Простая однонаправленная коммуникация. Преподаватель-студент. Традиционная передача учебной информации, обычно осуществляемая на традиционной лекции. Студент находится в позиции пассивного участника учебного процесса. Обратная связь отсутствует.

- Студент-преподаватель. Обратная связь существует, но процесс общения осуществляется только между преподавателем и одним студентом, остальная часть студентов находится в пассивном состоянии.

- Студент-студент. В решение поставленной проблемы или задания вовлекаются несколько членов группы. Между ними возникает диалоговое проблемное поле.

- Внутренняя коммуникация студента. Ответ на вопрос требует мобилизации памяти, знания, опыта; размышление над проблемой есть процесс внутренней коммуникации.

- Внутренняя коммуникация преподавателя. Обсуждение проблемной ситуации происходит под руководством преподавателя, который является равноправным участником этого процесса и так же, как и студенты, мобилизует знания и опыт для эффективной организации процесса обучения.

Ю.П. Сурмин подчеркивает, что в процессе решения проблемы, заложенной в кейсе, важно развернуть все варианты коммуникации, которые вносят свой определенный вклад в формирование личности. Использование кейс-метода превращает участника учебного процесса из объекта творчества в субъект. «Теперь студенты уже не просто знающие люди, а специалисты, способные к активной деятельности, осознавшие процесс познавательной деятельности. Они не просто получили знание от преподавателя, а воссоздали его» [9, с. 66].

Принципы, на которые опирается кейс-метод

1. Индивидуальный подход к каждому студенту, учёт его потребностей и стиля обучения, что предполагает сбор максимума информации о студентах еще до занятий.

2. Обеспечение студентов достаточным количеством наглядных материалов, которые касаются задач (статьи в печати, видео-, аудио-материалы, CD-диски).

3. Не загружать студента большим объемом теоретического материала, концентрироваться лишь на основных положениях.

4. Возможность активного сотрудничества преподавателя и студента.

5. Формирование у студентов навыков самоменеджмента, умения работать с информацией.

6. Акцентирование внимания на развитии сильных сторон студента [9, с. 68].

Система требований к кейсам

- ситуация должна соответствовать содержанию теоретического курса и профессиональным потребностям учащихся;
- желательно, чтобы ситуация отражала реальный, а не вымышленный профессиональный сюжет, в ней должно быть отражено «как есть», а не «как может быть»;
- следует вести разработку кейсов на местном материале и «встраивать» их в текущий учебный процесс;
- ситуация должна отличаться проблемностью, содержать необходимое и достаточное количество информации;
- нужно, чтобы ситуация показывала как положительные (путь к успеху), так и отрицательные примеры (причины неудач);
- ситуация должна быть по силам учащимся, но в то же время не очень простой;
- ситуация должна быть описана интересно, простым и понятным языком (целесообразно приводить высказывания, диалоги участников ситуации);
- текст ситуационного упражнения не должен содержать подзакон относительно решения поставленной проблемы;
- грамотно составленный кейс должен приводить примеры решений, заслуживающих высокой оценки, которые могли бы послужить прецедентом для будущих решений;
- желательно, чтобы текст ситуационного упражнения (кейса) требовал принятия решений, а не простой оценки решений, ранее принятых другими;
- хороший кейс прививает навыки, необходимые в дальнейшей профессиональной жизни, давая студенту модель, которую он может взять за образец в реальной жизни;
- ситуация (кейс) должна сопровождаться четкими инструкциями по работе с нею [39].

Виды кейсов

Кейсы могут быть классифицированы, исходя из целей и задач процесса обучения:

- обучающие анализу и оценке;
- обучающие решению проблем и принятию решений;
- иллюстрирующие проблему, решение или концепцию в целом.

В зависимости от источника наполнения кейса может быть следующая классификация:

1. Практические кейсы. Педагогические практические кейсы должны как можно реальнее отражать действительность. В них должна быть заложена проблема, которую будущие педагоги, опираясь на полученные знания, должны решить, т.е. преобразовать предметные знания в систему профессиональных знаний, умений и навыков.

2. Обучающие кейсы. Отражают типичные ситуации, с которыми наиболее часто будут встречаться педагоги в процессе своей профессиональной деятельности. В таких кейсах на первом месте стоят учебные и воспитательные задачи, что предопределяет значительный элемент условности при отражении в нем жизни. Они характеризуются искусственностью, «сборностью» из наиболее важных и правдивых жизненных деталей. Такие кейсы позволяют видеть в ситуациях типичное и предопределяют способность анализировать ситуации посредством применения аналогии [11].

3. Научно-исследовательские кейсы. Такие кейсы направлены на вовлечение студентов в исследовательскую деятельность, на создание интересных педагогических проектов, целью которых является получение нового знания. В состав таких кейсов могут входить работы ученых, занимающихся предложенной студентам проблемой исследования, список литературы для самостоятельной проработки и другие источники информации, способствующие научному поиску.

Некоторые ученые считают, что кейсы бывают «мертвые» и «живые». К «мертвым» кейсам можно отнести кейсы, в которых содержится вся необходимая для анализа информация. Чтобы «оживить» кейс, необходимо построить его так, чтобы спровоцировать студентов на поиск дополнительной информации для анализа. Такой подход позволяет кейсу развиваться и оставаться актуальным длительное время [42].

О.Ф. Турянская выделяет такие виды педагогических ситуаций: личного выбора, ролевые, проблемно-поисковые, успеха, взаимодействия, заинтересованности в познании. Каждый вид педаго-

гической ситуации выполняет свои определенные функции (ценностно-смысловую, развивающе-поисковую, развивающе-практическую, социально-ориентированную, информационную) и способствует усвоению конкретного типа опыта личности. О.Ф. Турянская отмечает, что педагогические ситуации выбора и ролевые ситуации актуализируют и развивают у учащихся эстетические и этические эмоционально-ценностные отношения к действительности, способствуют осознанию собственной системы духовных и жизненных ценностей, развитию интеллекта. Проблемно-поисковые – обеспечивают творческий поиск, активизацию познавательной деятельности, развитие творческих способностей, метакомпонентов мышления. Ситуации успеха способствуют приобретению практического опыта, уверенности в себе, жизнеспособности. Ситуации взаимодействия способствуют формированию позитивного, толерантного отношения к другим людям, коммуникативных способностей, социального интеллекта. Педагогические ситуации заинтересованности в познании способствуют возникновению эмоционально-ценностного отношения к действительности, актуализируют познавательные интересы, потребности, мотивы, обеспечивают приобретение опыта познавательной деятельности [158].

Функции преподавателя при использовании кейс-метода

Под функцией профессионально-педагогической деятельности понимают однородную по смыслу группу стойко повторяющихся видов деятельности. Учебный процесс в высшей школе сопровождается выполнением преподавателем ряда функций, обеспечивающих решение задач по формированию специалиста с заданными компетенциями и личностными характеристиками.

Обучающая функция. В процессе анализа ситуаций у студентов происходит накопление новых знаний, осуществляется актуализация уже усвоенных, и на их основе формируются профессиональные умения и навыки, способы мыслительной деятельности, развиваются способности решать профессиональные задачи в нестандартных ситуациях.

Воспитательная функция. Каждый человек, независимо от сферы его профессиональной деятельности, должен иметь достаточный уровень общей культуры. Все это достигается благодаря духовному, трудовому, эстетическому, физическому, экологиче-

скому воспитанию. Особое внимание в высшей школе отводится формированию у студентов стойкого интереса к будущей профессии, ответственности, умения и желания постоянно пополнять свои знания. В процессе работы над кейсом преподаватель создает благоприятные условия для профессионального воспитания студентов, направляет их мыслительную деятельность на принятие профессионально-нравственных ценностей, целей и задач профессиональной деятельности.

Развивающая функция. Развитие памяти, скорости принятия решений, умственных способностей, воли, стойкости к стрессовым ситуациям происходит в процессе поиска способов решения проблемы, заложенной в кейсе.

Организационная функция. Работа с кейсами предполагает активное коллективное обсуждение, в которое должны быть, по возможности, вовлечены все студенты группы. Выполнение функции организатора учебно-воспитательного процесса требует от преподавателя умения продуктивно использовать время для работы, направлять ход рассуждений студентов, а также способности выстраивать партнерские отношения в процессе обсуждения проблем.

Конструирующая функция заключается в разработке содержания, методов, средств курса с учетом специфики дисциплины, поставленных задач и особенностей студенческой аудитории. Преподаватель, имея собственно разработанные или готовые кейсы, должен умело их «вплести» в канву тех занятий, на которых кейс-метод будет способствовать более эффективному решению поставленных задач.

Коммуникативная функция. Обсуждение проблемной ситуации происходит в группе студентов, имеющих разный уровень восприятия информации, скорости мыслительной деятельности, культуры и т.д. Осуществляя коммуникативную функцию, преподаватель выстраивает отношения в группе на основе равноправия и открытости в общении, доверия, сопереживания, эмпатии.

Как правило, в содержании кейса заложена некая противоречивость мнений, ведущих к дискуссии, эмоциональному обсуждению, которое может перерасти в конфликт. Выполнение коммуникативной функции требует умения предотвращать и разрешать конфликты, создавать условия сотрудничества с учетом мнения всех участников диалогового общения.

Ю.П. Сурмин отмечает, что кейс-метод является сложным и эффективным инструментом технологии обучения, но считать его универсальным для освоения абсолютно всех дисциплин и при решении педагогом всех задач обучения нельзя. Профессиональная подготовка будет эффективной при условии сочетания нескольких технологий обучения с учетом специфики той сферы профессиональной деятельности, к которой готовят студентов, а также возможностей преподавательского состава. Как подчеркивает Ю.П. Сурмин, использование кейс-метода требует от преподавателя значительных усилий, это «каждодневная творческая работа по осмыслению и отбору ситуаций, анализу учебного материала, созданию кейса как произведения искусства обучения. Это огромная работа в аудитории и за её пределами, со студентами и без них. Но она обеспечивает значительное повышение эффективности учебно-воспитательного процесса» [9, с. 16].

2.3. Методические аспекты использования кейс-метода в формировании духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога

Кейс-метод нельзя рассматривать как чисто обучающий метод. С нашей точки зрения, в нем заложен огромный потенциал по формированию духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения педагога. Анализ ситуации, заложенной в кейсе, практически всегда имеет нравственно-этическую составляющую. Человек часто стоит перед жизненным выбором – между добром и злом, честью и бесчестьем, и в профессии в том числе. Профессиональную справедливость, честь, гордость, как и профессиональные знания, умения и навыки необходимо развивать у будущего специалиста. Заложенные в кейсе проблемы этического характера ставят студентов в ситуации очень сложного выбора, подобные тем, с которыми они будут сталкиваться в жизни. Роль преподавателя очень сложна, его задача создать такое эмоционально-духовное поле, общение в котором будет способствовать формированию у будущих специалистов принципиальной духовно-нравственной позиции, умения решать профессиональные задачи не только на основе актуализации современных знаний, но и

на основе профессионально-этических норм.

С целью формирования ценностного отношения к здоровью и построения собственной стратегии самосохранения необходимо наполнять кейсы информацией, дающей студентам представление о резервных возможностях организма человека и личной ответственности за сохранение здоровья; о системах здоровьесбережения; об опасности вредных привычек; о сущности физического, духовного, психического и социального здоровья; о людях, создавших собственную оздоровительную систему, способствующую профессиональному долголетию и т.д. Так, примером успешной профессиональной реализации является жизнь и творчество известного хирурга-кардиолога, ученого и писателя Н.М. Амосова, который успешно оперировал почти до 80 лет. Его жизненная стратегия достижения успеха заключалась в постоянном движении мысли и тела; остановка для ученого была неприемлема. Н.М. Амосов под здоровьем понимает «резервные мощности» клеток, всего организма, но эти резервы существуют до тех пор, пока упражняются. Остановка движения приводит к таянию этих резервов и, соответственно, к снижению уровня здоровья. Ценность здоровья, с точки зрения ученого, состоит в непрерывном условии эффективной деятельности, что дает человеку ощущение счастья. Н.М. Амосов считает, что молодое поколение необходимо учить сохранять и укреплять здоровье, надеясь на себя и внутренние резервы организма. Рецепт успешной, здоровой жизни Н.М. Амосова очень прост: физические нагрузки, правильное питание, умение отдыхать, закаливание, ощущение счастья [8].

На базе книг Н.М. Амосова «Алгоритм здоровья», «Мысли и сердце», «Раздумья о здоровье» можно создать кейсы, анализ которых будет способствовать формированию у студентов ценностного отношения к здоровью, понимания того, что профессиональное здоровье является основой человеческого капитала, своеобразным жизненно важным «банком».

При создании кейсов мы считаем целесообразным опираться на советы, программы и стратегии самосохранения личности в профессии, предложенные видными учеными.

Считаем необходимым обратиться к советам, данным В.А. Сухомлинским учителю с целью сохранения здоровья и получения духовного удовлетворения от профессиональной деятельности:

организация учителем воспитанников вокруг дела, духовно объединяющего их, требующего совместного творчества и взаимного интеллектуального обогащения; использование в работе юмора, снимающего напряжение и раздражение; организация отдыха, снимающего эмоциональное напряжение; построение жизни по законам оптимизма и доброжелательности [147].

К некоторым актуальным элементам стратегии самосохранения, предложенной А.К. Марковой:

- усиление своих положительных качеств и сглаживание негативных;
- поддержание положительной «Я» – концепции как профессионала;
- создание оптимистичной профессиональной перспективы, образа себя в профессии;
- установка на творчество;
- умение вести внутренний диалог;
- умение рассматривать любую ситуацию с разных точек зрения;
- внутренняя личностная ответственность;
- внутренняя гармония, способность жить в ладу с собой;
- умелое использование чужого опыта с сохранением собственного стиля, индивидуальности и творчества [100].

К характеристике зрелой (здоровой) личности, представленной В.А. Ананьевым:

- делает добрые дела и не ожидает от этого выгоды;
- воспринимает критику как возможность самосовершенствования;
- не подвергает критике других, не разобравшись в ситуации;
- ответственна за свои поступки;
- проигрывает достойно, без жалоб и злости;
- адекватно воспринимает реальность;
- остается верной поставленной цели, даже если мешают обстоятельства;
- эмоционально сдержанная;
- имеет собственное мнение;
- обладает более автономной системой ориентации;
- не хвалится перед другими;
- видит различие между добром и злом, целью и средством ее достижения;

- способна устанавливать добрые отношения с другими;
- имеет невраждебное чувство юмора;
- живет естественно, просто;
- имеет опыт переживания высших состояний;
- сфокусирована на проблемах вне себя;
- терпелива, толерантна, демократична, креативна;
- способна видеть по-новому обычные вещи;
- обладает чувством принадлежности ко всему человечеству, хотя видит его недостатки;

- черпает энергию жизни из природы, общения с прекрасным;
- составляет разумный жизненный план и старается его реализовать [10, с. 51–52].

Г.С. Никифоров приводит ряд позиций программы по самосохранению, элементы которой могут быть заложены в педагогические кейсы:

- готовность к постоянному самоизменению;
- внутренняя личностная ответственность за собственное здоровье;
- способность жить в согласии с самим собой;
- способность к самообновлению после перегрузок;
- умение побеждать негативное настроение;
- владение приемами саморегуляции;
- предупреждение личностных деформаций в профессии;
- поддержание интеллектуального и творческого потенциала;
- умение осуществлять умственную релаксацию;
- исключение из жизни стратегий поведения, разрушающих личность [125].

М.М. Скугаревская приводит меры профилактики эмоционального выгорания, которые, с нашей точки зрения, уже на первом этапе формирования профессиональной модели поведения педагога можно осуществлять через включение соответствующей здоровьесберегающей информации в педагогические кейсы:

- формирование привычек борьбы со стрессом (регулярный отдых, адекватный сон и т.п.);
- обучение техникам релаксации;
- занятие спортом, привлечение к культуре, природе;
- формирование привычек поддержки положительных партнерских отношений;

- фрустрационная профилактика [135].

Кейс-метод, как показала практика, имеет большие возможности для развития нравственных чувств, переживаний будущих педагогов. Л.С. Выготский подчеркивает, что успешная работа мысли учащихся во многом зависит от эмоциональной окрашенности процесса обучения. Для лучшего, осознанного запоминания педагог должен позаботиться о том, чтобы поразить чувства воспитанника. Эмоционально окрашенный факт запоминается прочнее и надолго, чем безразличный. Л.С. Выготский отмечает, что превалирование в воспитании только интеллектуальной составляющей приводит либо к страшнейшему «засушению» сердца, либо к полному отсутствию чувств. Ученый обращает внимание на то, что от такого воспитания теряется «чувство жизни, ... мертвый, бездушный способ обучения предметам сыграл немалую роль в этом обездушивании мира и умерщвлении чувства» [32, с. 129]. Сообщая новое знание, необходимо позаботиться о том, чтобы вызвать у учащихся соответствующие эмоции. «Только то знание может привиться, которое прошло через чувства ученика. Все остальное есть мертвое знание, убивающее всякое живое отношение к миру» [32, с. 129].

Наполняя кейс эмоционально окрашенными фактами, преподаватель воздействует на чувства студентов, вызывая к жизни различные нравственные переживания.

Решение проблемы, заложенной в кейсе, всегда сопряжено с внутренним диалогом человека, представляющим собой, с точки зрения Т.А. Флоренской, общение наличного «Я» и духовного «Я», которые на протяжении жизни человека находятся в постоянном противостоянии и борьбе. Духовное «Я» неизмеримо превосходит имеющиеся возможности человека. Совесть является одним из проявлений духовного «Я», ее человек может развивать в себе, тем самым, приближаясь к реализации духовного «Я». Приближение к духовному «Я» связано с сознательным принятием нравственных норм и ограничений, которые сложились в обществе. Как подчеркивает Т.А. Флоренская, способность к самоограничению является мерилom духовного развития человека. По ее мнению, диалог двух «Я» происходит только тогда, когда человек готов к самоотречению, когда включается голос совести. Проявлением духовного «Я» является духовное пробуждение

человека, осмысление тех ошибочных взглядов, которые он отстаивал. Т.А. Флоренская отмечает, что путь духовного становления – это борьба с эгоистическим «Я», преодоление внешнего и внутреннего сопротивления, отказ от некоторых жизненных благ. Результатом такой работы является духовность человека, которая руководит поведением человека и в повседневной жизни, и в профессиональной деятельности. Благодаря духовности человек приобретает способность видеть и ощущать красоту и гармонию мира, «чудо в каждом проявлении жизни» [163].

Развитию совести у студентов будет способствовать работа над кейсами, активизирующая диалог наличного «Я» и духовного «Я». Важно заложить в кейс информацию, отражающую важнейшее значение совести в жизни человека, обосновывающую ведущую роль этого чувства в ситуации морально-профессионального выбора, создать условия, способствующие преодолению эгоистического «Я» и пробуждению «Я» духовного.

Следует отметить, что эффективность работы в группе, как в учебной, так и в профессиональной, во многом зависит от такого нравственного чувства как эмпатия. Любой субъект деятельности, вступающий в межпрофессиональные отношения, надеется на положительное отношение к нему, на душевный отклик, понимание, помощь в решении как профессиональных, так и личных проблем. Желание помогать людям, как в своей профессиональной, так и в повседневной жизни, должно быть нормой для человека, а не исключением, это должно стать привычкой человека, его насущной потребностью. Как подчеркивает А.Н. Бражникова: «Эмпатия, как безусловно, положительное отношение к другому, означает такое духовное единение личности, когда один человек настолько проникается переживаниями другого, что временно отождествляется с ним, как бы растворяется в нем, когда объектом эмоциональной восприимчивости индивида становятся переживания других людей безотносительно к собственному благополучию. Заложено в эмпатии умение проявлять помогающее, альтруистическое поведение в ответ на переживания другого отражает уровень нравственного развития личности» [26].

Студенческий возраст является сенситивным для развития эмпатии. Поэтому есть необходимость использовать ситуации, анализ которых будет способствовать формированию у будущих педагогов

эмоциональной восприимчивости к другим людям. В качестве информации, заложенной в кейсе, может быть использован отрывок из художественного произведения или небольшое произведение, в котором автор представляет характер героев, вызывающий определенный эмоциональный отклик у читателя. При эмоциональном вовлечении студентов в мир, в котором живут герои, возникает эмпатия, в основе которой лежат «эмоционально-оценочные процессы: человек, следуя своему внутреннему стремлению к сопереживанию себе подобному, мысленно ставит себя на его место, перевоплощается в него или, другими словами, идентифицирует себя с ним благодаря силе воображения» [36, с. 327].

М.В. Гринева, отмечает, что необходимо выбирать такие произведения, в которых отражены поступки героя, соответствующие потребностям студентов как будущих профессионалов. Негативные поступки также подвергаются детальному анализу, что способствует развитию у студентов критического отношения к собственным поступкам и формированию позитивной профессиональной модели поведения. С точки зрения М.В. Гриневой, эмпатия проявляется в готовности будущих специалистов анализировать мотивацию поступков героев, высказывать свою позицию по этому поводу, «проецировать» коллизии профессиональной жизни персонажей на себя и те условия, в которых им придется заниматься профессиональной деятельностью [36].

Кейс-метод, с нашей точки зрения, является эффективным методом для формирования у студентов представления об идеальном педагоге. Мы считаем необходимым не навязывать идеалы молодым людям, а сподвигать их на глубокое размышление, анализ, сравнение. Важно чтобы будущие педагоги осознанно выбрали идеал и стремились к нему, чувствовали в этом жизненную потребность и свое предназначение.

Кейс-метод является эффективным методом формирования ценностных установок будущего педагога. Формируя у студентов потребность в познании, творчестве и в искусстве (Л.И. Божович) через анализ проблемных ситуаций, заложенных в кейсе, создается почва для формирования ценностных ориентаций будущих педагогов. Потребность в познании ребенка как ценности, как главной фигуры педагогического процесса, целесообразно формиро-

вать, закладывая в кейс недостаточную для разрешения проблемы информацию. Необходимо подтолкнуть студентов на поиски этой информации, доказать, что в педагогической деятельности нет готовых рецептов, что путь к сердцу каждого ребенка свой, уникальный, неповторимый. А для этого необходимо стараться познать ребенка во всех отношениях (К.Д. Ушинский), обращаться к различным наукам, которые помогут педагогу разобраться в сложных педагогических ситуациях.

Потребность в творчестве и ее реализации в педагогической деятельности снижает уровень эмоционального истощения и выгорания. Творящий педагог интересен своим коллегам, родителям, воспитанникам. Такой педагог конкурентоспособен на рынке труда, его жизнь увлекательна и стабильна. Сама работа над кейсом, по сути, является творческим процессом. Выполнение творческих заданий к кейсу, безусловно, будет способствовать формированию потребности в творческой деятельности. «Вкусив» успех от процесса и результата творчества, педагог будет желать испытывать его вновь и вновь.

Внутренний мир педагога является его своеобразной сокровищницей, которой он может и обязан пользоваться для наполнения внутреннего мира своих воспитанников. Невозможно формировать ценностные ориентации у молодого поколения, если внутренний мир педагога беден, если сам педагог не является носителем моральных ценностей, человеком, стремящимся к высоким моральным идеалам. Чем богаче эта сокровищница, тем успешнее деятельность педагога по формированию личности ребенка. И эту сокровищницу целесообразно пополнять, знакомясь с искусством, черпая из творений великих мастеров мудрость, знания, опыт. Одним из путей формирования у будущих педагогов потребности в искусстве является анализ педагогических кейсов, созданных на основе художественной литературы, поэзии. Как подчеркивает Л.И. Лурье: «Выдающиеся произведения искусства дают повод для различных педагогических интерпретаций, вариаций в трактовках, оснований для домысливания. И тогда творчество автора получает свое продолжение в творчестве учителя, его способности выразить онтологическую неисчерпаемость смыслов настоящей и будущей жизни» [90].

Мы уже отмечали, что работа с кейсами предполагает организацию диалогового поля, в котором разворачивается коммуникация в нескольких направлениях (см. 2.2.). По сути, создается своеобразное квазипрофессиональное пространство, в котором студенты становятся общностью людей, объединенных на основе общих смыслов и ценностей: моральных, мировоззренческих, профессиональных. «Общность здесь есть прежде всего внутреннее духовное единство людей, характеризующееся взаимным приятием, взаимопониманием, внутренней расположенностью каждого друг к другу» [137, с. 172]. Как отмечают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, духовная связь между людьми устанавливается при условии общения, диалога и взаимного доверия. Человек в таком сообществе имеет возможность выйти за рамки самого себя и постигнуть Другого. Работа с кейсами позволяет создать такую общность людей, в которой посредством диалога, обмена мнениями происходит интериоризация полученных знаний, обретения смыслов и ценностей профессии.

Предупреждение возникновения профессиональных деформаций возможно при условии развития профессиональной рефлексии будущего специалиста. Работа с кейсом является одним из эффективных методов по формированию рефлексивных умений. Заложённая в кейсе проблемная ситуация является, по сути, рефлексивным упражнением. Благодаря работе с различными кейсами у будущего специалиста формируется рефлексивная позиция как «целостная, интегративная характеристика собственного образа «Я», образа других людей, анализ всей ситуации взаимодействия, которая определяет мировоззрение, принципы, поступки человека» [3, с. 92].

2.4. Особенности создания и работы с кейсами на занятиях по педагогическим дисциплинам

Источники создания кейсов

Художественная литература

Художественная литература является важнейшей составляющей духовной культуры человечества. Специфика художественной литературы заключается в том, что этот вид искусства использует в своем арсенале различные конструкции человеческо-

го языка, т.е. слова. О великой силе слова очень точно сказано в рассказе В.В. Набокова «Слово»: «Слово, сказанное им, было так прекрасно, что я со вздохом закрыл глаза и еще ниже опустил голову. Пролилось оно благовоньем и звоном по всем жилам моим, солнцем встало в мозгу, и бесчисленные ущелья моего сознания подхватили, повторили райский сияющий звук. Я наполнился им; тонким узлом билось оно в виске, влагой дрожало на ресницах, сладким холодом веяло сквозь волосы, божественным жаром обдавало сердце. Я крикнул его, наслаждаясь каждым слогом, я порывисто вскинул глаза в лучистых радугах счастливых слез...».

В поэтических строках Н.С. Гумилева также прослеживается та сила, которая содержится в слове.

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Благодаря слову мы погружаемся в ту историческую эпоху, которая представлена автором, познаем мир, осваиваем ценности, культуру, анализируем, сопоставляем, делаем выводы. Посредством художественной литературы человек не только познает мир, но и учится доброму, прекрасному, учится ценить красоту. Художественная литература, как и мораль, формирует человека, способствует его совершенствованию. То, чего не может иногда сделать педагог – найти действенные слова для воспитанника, смогут сделать те же слова, но воплощенные в художественный образ, где каждое слово проникает в сердце, пробуждает наилучшие человеческие эмоции и чувства, освещает все прекрасное, что есть в человеческой душе.

Природу влияния искусства на человека исследовал Л.С. Выготский. Эстетическая реакция личности от восприятия искусства, по мнению ученого, состоит в аффектах, которые переживает человек со всей реальностью и силой. Они находят себе разряд в той деятельности фантазии, которой требует от человека всякий раз восприятие искусства. «Эстетическая реакция очень напоминает игру на рояле: каждый элемент, входящий в состав произведения искусства, ударяет как бы на соответственный чувственный клавиш нашего организма, в ответ раздаётся чувственный тон или звук, и вся эстетическая

реакция есть эти встающие в ответ на удары по клавишам эмоциональные впечатления» [33, с. 271].

Л.С. Выготский указывает на воспитательное влияние искусства и тесную связь его с педагогикой. Ученый считает искусством важнейшим средоточием всех биологических и социальных процессов личности в обществе, оно является способом уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты его жизни. Психолог отмечает, что в процессе воспитания новой личности, ее «переплавке» несомненно, искусство будет играть чрезвычайно важную роль.

С.Л. Рубинштейн отмечает, что творцу, благодаря его технике, присуще видеть и воплощать в произведения искусства то, что невозможно обычному человеку. С точки зрения ученого, автор художественного произведения подбирает нарочито такие жизненные ситуации и вводит в сюжет произведения, чтобы показать характер героев так, «чтобы в многообразии различных проявлений, свойственных реальной, живой личности, выявить стержневую ее линию. Искусство композиции, собственно, в том главным образом и заключается, чтобы подобрать ситуации, адекватные для выявления основного стержня личности действующего лица» [130, с. 491]. Психолог подчеркивает, что у каждого человека возникают такие узловые моменты, при которых он меняет свою жизнь. Это могут быть определенные обстоятельства, которые не зависят от человека, или личность, которая встретилась на жизненном пути. На подобранных автором сюжетах художественных произведений, в которых отображены судьбы героев, человек учится ставить себя на их место, анализировать свою жизнь, делать выводы и разумно строить собственное будущее.

По мнению С.Л. Рубинштейна, восприятие художественного произведения является сложной деятельностью, которая не всегда доступна человеку. «Художественный образ никогда не сводится к одному более или менее целостному комплексу сенсорных данных, как не сводится к ним содержание сколько-нибудь значительного художественного произведения. Художник непосредственно вводит в поле зрения воспринимающего чувственные данные образа, но посредством них он ставит перед художественным восприятием задачу воспринять то, что ими задано, – семантическое поэтическое содержание образа и воплощенный в нем

замысел художника» [130, с. 238].

А.Н. Леонтьев отмечает, что специфическая функция продуктов эстетической деятельности состоит не только в увеличении наших знаний об особенностях мира, втягивание в мир эмоций и их передачи, а главное – в открытии жизни и демонстрации человеку того, что лежит за «равнодушными» значениями. В этом значении, с точки зрения А.Н. Леонтьева, искусство эмоционально, «потому что открытие личностного смысла есть акт высшей степени эмоционального напряжения» [79, с. 238]. Ученый считает, что продукты эстетической деятельности имеют две основных функции:

1) Воздействие на человека. В самом процессе творения автор уже предусматривает нюансы восприятия его творческого продукта, т.е. искусство по своей природе коммуникативно.

2) Познавательная. Эта познавательная деятельность особого рода и связана с познанием в чувственных образах, передаваемых посредством образа.

М.М. Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества» дает детальный анализ влияния художественного произведения на личность. По мнению ученого, автор произведения, обращаясь к читателю, ведет с ним диалог, в процессе которого происходит активное соответствующее понимание. Причем, как отмечает М.М. Бахтин, это понимание может происходить в разных формах: критический отклик, убеждение, воспитательное влияние и т.п. Ученый выделяет особый тип романа – «роман становления», в котором автор демонстрирует процесс формирования характера героя. Такой тип романа, несомненно, имеет воспитательное значение и дает возможность читателю проанализировать человеческие возможности, качества, характеры [17, с. 202].

М.К. Мамардашвили отмечает, что, благодаря погружению в художественный текст, человек осуществляет путешествие души, происходит воспитание его чувств и процесс возвышения. Переживания, ощущаемые человеком от приобщения к искусству, вызывают радость мышления и, соответственно, как подчеркивает М.К. Мамардашвили, способствуют воспитанию эстетики мышления. Автор под таким мышлением понимает проявление светлой, доброй, честной и справедливой мысли [99].

Художественная литература с большим успехом может ис-

пользоваться преподавателями вузов на занятиях по педагогике. Отрывки или небольшие произведения могут стать основой для создания кейса. Одной из важных задач дисциплин педагогической направленности является знакомство студентов – будущих учителей с прекрасным миром детства. Учитель не должен быть в стороне от этого мира, напротив, он должен знать, чем живет ребенок, чем увлекается, какие у него трудности и радости. В.А. Сухомлинский книгу «Сердце отдаю детям» посвятил миру детства, с ее страниц он учит педагогов искать путь в мир детства и уметь в нем жить и творить вместе с детьми. Педагог пишет: «А детство, детский мир – это мир особенный. Дети живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, человеческом достоинстве; у них свои критерии красоты, у них даже свое измерение времени: в годы детства день кажется годом, а год вечностью. Имея доступ в сказочный дворец, имя которому – Детство, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере ребенком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как на сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира» [146, с. 3].

С нашей точки зрения при подборе текстов для будущих кейсов, отражающих проблему детства, необходимо обращать внимание на следующие моменты:

- особенности ребенка или группы детей, представленные автором в художественном произведении;
- особенности времени, в котором живет ребенок;
- взгляд на ситуацию глазами детей;
- причины проблем, возникших у героев произведения;
- возможные пути решения проблем.

Художественная литература является средством формирования у будущих педагогов ценностного отношения к педагогической профессии и педагогическим знаниям. А.С. Роботова подчеркивает, что использование в работе со студентами художественных текстов способствует усилению ценностной стороны учебного процесса и обогащению будущих специалистов педагогическим опытом. С точки зрения ученого, рационалистическое представление студентам педагогических знаний (понятия, принципы, идеи, положения, теории, концепции, системы, зако-

номерности и т.д.) не дает им полного понимания ребенка, его духовного внутреннего мира. «Это знание, далекое от человека, от ребенка, глубоко рассудочное, подчас умозрительное и схематичное, не способное вызвать сопереживания глубоким духовным процессам, о которых идет речь, вызвать личностное отношение даже у тех, кто пришел получить педагогическую профессию по глубокому убеждению» [127, с. 24].

Художественная литература, дополняя научные педагогические знания, способствует формированию у будущих педагогов представления о ребенке не только как об объекте воспитательного воздействия, но и активном субъекте воспитательного процесса. А.С. Роботова отмечает, что художественный образ не дает целостного представления о педагогических феноменах, но он дает возможность студенту размышлять и домысливать, а также решать самостоятельно проблемы педагогического характера.

В качестве примера создания кейса приведем отрывок из произведения Ч. Айтматова «Первый учитель». Главный герой повести – учитель Дюйшен, ставший в первые советские годы наставником для киргизских детей.

« – Я научу вас, дети, читать и считать, покажу, как пишутся буквы и цифры, – говорил Дюйшен. – Буду учить вас всему, что знаю сам...

И действительно, он учил нас всему, что знал сам, проявляя при этом удивительное терпение. Склоняясь над каждым учеником, он показывал, как нужно держать карандаш, а потом с увлечением объяснял нам непонятные слова.

Думаю я сейчас об этом и диву даюсь: как этот малограмотный парень, сам с трудом читавший по слогам, не имевший под рукой ни единого учебника, даже самого обыкновенного букваря, как он мог отважиться на такое поистине великое дело! Шутка ли учить детей, чьи деды и прадеды до седьмого колена были неграмотны. И, конечно же, Дюйшен не имел ни малейшего представления о программе и методике преподавания. Вернее всего, он и не подозревал о существовании таких вещей.

Дюйшен учил нас так, как умел, как мог, как казалось ему нужным, что называется, по наитию. Но я больше чем убеждена, что его чистосердечный энтузиазм, с которым он взялся за

дело, не пропал даром.

Сам того не ведая, он совершил подвиг. Да, это был подвиг, потому что в те дни нам, киргизским детям, нигде не бывавшим за пределами аула, в школе, если можно так назвать ту самую мазанку с зияющими щелями, через которые всегда были видны снежные вершины гор, вдруг открылся новый, неслыханный и невиданный прежде мир...

В конце каждого месяца Дюйшен отправлялся по своим делам в волость. Он ходил туда пешком и возвращался через два-три дня.

Мы по-настоящему тосковали в эти дни. Будь у меня родной брат, я и его, пожалуй, не ждала бы с таким нетерпением, как ждала возвращения Дюйшена. Тайком, чтобы не заметила тетка, я то и дело выбегала на задворки и подолгу глядела в степь на дорогу: когда же покажется учитель с котомкой за спиной, когда же я увижу его улыбку, согревающую сердце, когда же услышу его слова, приносящие знание.

Среди учеников Дюйшена я была самой старшей. Возможно, поэтому я и училась лучше других, хотя, мне кажется, не только поэтому. Каждое слово учителя, каждая буква, показанная им, – все для меня было свято. И не было для меня ничего важнее на свете, чем постигнуть то, чему учил Дюйшен. Я берегла тетрадь, которую он дал мне, и потому выводила буквы острием серпа на земле, писала углем на дувалах, прутиком на снегу и на дорожной пыли. И не было для меня на свете никого учение и умнее Дюйшена.

Дело шло к зиме.

До первых снегов мы ходили в школу вброд через каменистую речку, что шумела под бугром. А потом ходить стало невозможным – ледяная вода обжигала ноги. Особенно страдали мальчиши, у них даже слезы навертывались на глаза. И тогда Дюйшен стал на руках переносить их через речку. Он сажал одного на спину, другого брал на руки и так по очереди переправлял всех учеников.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне просто не верится, что именно так все и было. Но тогда то ли по невежеству своему, то ли по недомыслию люди смеялись над Дюйшеном. Особенно богачи, что зимовали в горах и приезжали сюда только на мельницу. Сколько раз, поравнявшись с нами у брода, тарасили они на Дюйшена глаза, проезжая мимо в своих красных лисьих малахаях и в богатых овчинных шубах, на сытых диких конях. Кто-нибудь

из них, прысая со смеху, подталкивал соседа.

– Гляди-ка, одного тащит на спине, другого на руках!

И тогда другой, подстегивая храпящего коня, добавлял:

– Эх, провалиться мне сквозь землю, не знал я раньше, вот кого надо было взять во вторые жены!

И, обдавая нас брызгами и комьями грязи из-под копыт, они с хохотом удалялись.

Как мне хотелось тогда догнать этих тупых людей, схватить их коней под уздцы и крикнуть в их глумящиеся рожки: «Не смейте так говорить о нашем учителе! Вы глупые, дурные люди!»

Но кто внял бы голосу безответной девчонки? И мне оставалось лишь глотать горячие слезы обиды. А Дюйшен точно бы и не замечал оскорблений, вроде бы ничего такого и не слышал. Придумает, бывало, какую-нибудь шутку-прибаутку и заставит нас смеяться, забыв обо всем.

... И сейчас он стоит перед моими глазами, как стоял тогда у шумливой каменистой речки, закинув руки на затылок, и смотрит устремленными вдаль сияющими глазами на белые облака, гонимые ветром над горами.

О чем он думал тогда? Может быть, и правда в мечтах своих отправлял меня учиться в большой город? А я думала в ту минуту, кутаясь в шинель Дюйшена: «Если бы учитель был моим родным братом! Если бы я могла кинуться к нему на шею, и крепко обнять его, и, зажмурив глаза, прошептать ему на ухо самые лучшие на свете слова! Боже, сделай же его моим братом!»

Наверно, мы все любили тогда своего учителя за его человечность, за его добрые помыслы, за его мечты о нашем будущем. Хотя мы и были детьми, мне думается, мы это уже тогда понимали. Что же еще заставило бы нас каждый день ходить в такую даль и взбираться на крутой бугор, задыхаясь от ветра, увязая в сугробах? Мы сами шли в школу. Никто нас не гнал туда. Никто не заставил бы нас мерзнуть в этом холодном сарае, где дыхание оседало белой изморозью на лицах, руках и одежде. Мы только позволяли себе по очереди греться у печки, пока все остальные сидели на своих местах, слушая Дюйшена».

Вопросы для обсуждения

1. Можно ли назвать учителя Дюйшена профессионалом?
2. В чем состоит подвиг Дюйшена?

3. Назовите ценности педагогической профессии.
4. Какие качества учителя Дюйшена Вам импонируют?
5. Есть ли они у Вас?

В качестве материала для кейса можно использовать поэзию как словесное художественное творчество.

Напутствие выпускнику школы

*Цветут тюльпаны
искренне и строго.
Учителя прощальная рука.
И убегает в белый свет дорога
от школьного последнего звонка.
Пусть первый шаг твой будет
тверд и легок.
И устремлен на добрые дела.
Не зря весна
с рассветным солнцем в ногу
цветением вперед устремлена.
А обойдет успех твои ворота,
ты не сдавайся, не корись судьбе!
У нытиков не ладится работа.
Работай, забывая о себе.
Как щедрость в хлебе,
как в луче заря,
так в стойкости победа колосится.
Еще успех придет к тебе проситься,
а он ведь к людям
не приходит зря!*

А.Е. Медведенко

Вопросы для обсуждения

1. Автор в поэтической форме дает напутствие от имени учителя своим ученикам. Сформулируйте Вы, как будущие педагоги, главные напутственные слова так, чтобы они запомнились выпускнику на долгие годы и стали девизом плодотворной жизни.
2. Что значит для педагога работать, забывая о себе?
3. Как Вы понимаете слова автора «в стойкости победа коло-

сится» применительно к педагогической профессии?

Публицистическая литература

Идеи для создания кейсов может дать публицистическая литература, в которой освещаются актуальные проблемы и явления текущей жизни общества. Многие из этих проблем, так или иначе, соприкасаются с педагогической деятельностью. Будущему педагогу, с одной стороны, необходимо знать эти проблемы и учитывать их при построении собственной профессиональной модели поведения, а с другой стороны, прикладывать усилия в процессе воспитания молодого поколения, дабы снизить негативные тенденции в обществе. С нашей точки зрения, интересной в педагогическом плане является книга С.В. Вальцева «Закат человечества» [30]. Автор в доступной форме для широкой аудитории читателей представляет опасные для жизни человека проблемы. Как говорит сам автор, эта книга о духовном вырождении, охватывающем все новые народы и государства, в том числе и нашу страну. Этот глобальный и смертоносный процесс грозит существованию человека как вида. От учителя зависит очень многое, как писал Я. А. Коменский: «Следующий век будет именно таким, какими будут воспитанные для него будущие граждане». Безусловно, педагог является одной из центральных фигур, отвечающих за качество воспитания, за уровень культуры молодого поколения и, в целом за культурный уровень общества.

В качестве примера создания кейса на основе публицистической литературы приведем отрывок из книги «Закат человечества»:

«Уже с детства в сознание человека начинают проникать метастазы духовного вырождения. За редким исключением современные мультфильмы пропагандируют насилие, жестокость, нереальность бытия, сексуальную патологию, порок и т.д.

Типичный сюжет мультфильма: кот ловит мышку и... продает ее за доллары, а затем прячет деньги от всех и мечтает о том, как он с кошками будет развлекаться на море. Вот модель поведения, которая с детства внедряется в сознание ребенка: поймать, продать, спрятать от всех и потратить на секс и развлечение.

Другой, но уже современный сюжет, как у нас говорили раньше, «для самих маленьких»: супергероиня танцует в клубе стриптиз, а в свободное от работы время выполняет функции

«секретного агента 69» и борется с преступностью (мультсериал «Стриперелла»). Грудь «агента 69» является своеобразным детектором лжи, а своими ногами она обхватывает врага за шею и душит. Озвучивает мультфильм порномоделль П. Андерсон.

«Я очень горжусь Стрипереллой, – отметила Памела Андерсон в интервью Reuters. – Она мое alter ego – сильная, умная, сексуальная, кроме того, давайте посмотрим правде в глаза, она немного шлюха».

В подавляющем случае современные мультфильмы – это мультфильмы про монстров, космических пришельцев и т.д., везде убийство, насилие. Многочисленные мультсериалы с космическими войнами, супергероями разрушают у малыша врожденное чувство доброты. Мультфильмы и компьютерные игры внедряют в его сознание насилие и стремление подражать супергероям, которые легко расправляются со своими врагами, самыми разнообразными способами умертвляя их – расстреливая, взрывая, разрезая на части, сжигая в огне, топя в воде. Включаясь в игровой мир насилия и убийства, американский ребенок по мере взросления привыкает к насилию как к наркотику, приобретая потребность видеть и ощущать все новые и новые порции насилия и убийств. К юношескому возрасту такой ребенок уже не способен смотреть нормальные фильмы, читать хорошие книги. Они кажутся ему скучными.

Уже с детства человека приучают жить в нереальном мире, полный отрыв от реальности – это основа большинства мультфильмов и компьютерных игр. Раньше сказки если и имели нереальных персонажей, то они всегда взаимодействовали с персонажами реальными, теперь все иначе: выдуманные космические корабли, выдуманные персонажи, выдуманное оружие и все остальное. Жизнь представляется ребенку как игра или развлечение, главными элементами в которой являются деньги и борьба за власть».

Вопросы для обсуждения

1. В чем проявляется духовное вырождение человечества? (назовите признаки).
2. Какие факторы, с Вашей точки зрения, влияют на духовное вырождение?
3. Предложите методы и средства воспитания, способствующие

щие духовному развитию личности ребенка.

4. Что Вы, как педагог, можете сделать для того чтобы остановить процесс духовного вырождения и дети могли жить в прекрасном мире детства?

Реальная жизнь

Источником для создания кейсов может служить сама жизнь, которая дает нам огромное количество ситуаций педагогического содержания. Мы видим на улице родителей и детей, выясняющих отношения; детей, не проявляющих уважения к старшему поколению; мальчишек, обижающих девочек и т.д. Видим и позитивные моменты – папу, увлеченно играющего со своими детьми; маму, терпеливо объясняющую что-то ребенку; бабушку с внуками в парке на пробежке; мирно играющих детей во дворе дома и т.д. Человеку, не имеющему панорамно-педагогического мышления, очень трудно увидеть вокруг себя подобные педагогические ситуации. Будущему педагогу необходимо не только научиться их видеть, но и иметь необходимые знания для их анализа. Большие возможности для сбора педагогических ситуаций предоставляются во время прохождения студентами педагогической практики. Наблюдая за детьми и педагогами, посещая родительские собрания, участвуя в учебно-воспитательном процессе, студенты получают возможность сформулировать педагогические ситуации, которые при поддержке преподавателя вуза могут превратиться в кейсы. Периодическая работа с кейсами, созданными на основе материала, собранного во время практики студентов, способствует успешному выполнению задач практики, закреплению знаний, формированию профессиональных умений и навыков, а также, что очень важно, способствует формированию панорамно-педагогического мышления. Такое мышление дает возможность будущему педагогу видеть проблему изнутри, с учетом различных факторов, замечать мелочи, от которых порой зависит очень многое в педагогической профессии.

Пример создания кейса на основе реальной жизни:

Учитель 1 класса очень часто на уроках стала акцентировать внимание учащихся на проблеме охраны животного мира, любви к домашним питомцам и проявлении заботы о них. Результат этого воспитательного воздействия не заставил себя долго

ждать. Только начался урок чтения, как раздалось мяуканье. Все дети затихли, а звук все усиливался. Урок, конечно, продолжать было невозможно. Животное уже не мяукало, а истошно кричало, прося о помощи. Учитель спросил у ребят чье животное и что оно делает в классе. Выяснилось, что Саши, учащийся этого класса, засунул своего домашнего питомца в рюкзак и притащил его в школу. Прогулка, видимо, коту не понравилась, а Саша ответил учителю так: «Вы сказали, что о домашних питомцах надо заботиться. Вот Вы, Лариса Ивановна, о нас заботитесь – учитесь всему, гуляете с нами... Я решил, что пусть мой кот Васька тоже поучится и погуляет, но только в рюкзаке, под моим пристролом». Возмущенная Лариса Ивановна стала громко кричать, что котам не место в школе, что она вызовет родителей и т.д. Дети смеялись, учитель все больше огорчалась. Урок был сорван.

Вопросы для обсуждения

1. Ситуация довольно комичная. Очень часто дети приносят в школу своих домашних питомцев, отвлекаются на уроке сами и отвлекают других. Но юмор, являющийся эффективным средством воспитания, может помочь исправить ситуацию. Как бы Вы при помощи шуток вышли из такой ситуации? Подготовьте интересные фразы, которые нормализуют обстановку в классе и при этом не нивелируют тот воспитательный эффект, который был уже достигнут учителем.

2. Что бы сказали детям и как поступили с хозяином кота, не применяя юмора, для нормализации обстановки на уроке?

3. С Вашей точки зрения, какой способ нормализации обстановки будет более эффективным: с использованием юмора или без?

Научные статьи, монографии

Для достижения целей и задач подготовки высококвалифицированного педагога целесообразным является воздействие на его личность по трем направлениям – сознание, чувства и поведение. Использование художественного слова, как было уже отмечено, способствует эффективному формированию эмоционально-чувственной сферы студентов. Глубокое понимание педагогических процессов, сущности многих явлений дает нам наука. Как подчеркивает Ю.П. Сурмин: «Если произведения публицистики и худо-

жественной литературы придают эмоциональную насыщенность и предметную осязаемость кейсу, то произведения науки придают ему большую строгость и корректность. Хорошая научная статья обычно характеризуется углубленным пониманием какого-либо вопроса, а научная монография дает системную, всестороннюю характеристику предмета исследования» [9, с. 151–152]. Использование на занятиях кейсов, построенных на основе научной статьи или с использованием фрагментов монографии, способствует активизации мышления студентов, формированию у них системы научных знаний, интереса к научной деятельности. Наиболее интересные научные публикации могут выполнять в кейс-методе две функции: первая заключается в том, что научные публикации и их фрагменты могут выступать составляющими кейсов посредством включения в их ткань, а вторая – в том, что они могут быть включены в список литературы, необходимой для понимания кейса [9].

Приведем пример создания кейса с использованием фрагментов монографии А.А. Бодалева «Восприятие и понимание человека человеком»:

«Разные деятельности, в которых непосредственно взаимодействуют друг с другом люди, требуют от общающихся неодинакового охвата компонентов, образующих выразительную сторону поведения другого, и предполагают разную степень расшифровки их психологического значения. Например, практика воспитательной работы требует от лиц, непосредственно организующих воспитательный процесс, высокой сенсорной культуры, проявляющейся, в частности, в сильно развитом умении различать и правильно истолковывать очень тонкие нюансы в макро- и микроэкспрессии воспитанников.

А.С. Макаренко прямо указывал: «Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений».

В понимании состояния другого человека очень большую роль играет степень развития у другого человека воображения. Прав был Б.М. Теплов, когда писал: «Чтобы веселиться чужим весельем и сочувствовать чужому горю, нужно уметь с помощью во-

ображения перенестись в положение другого человека, мысленно стать на его место. Подлинно чуткое и отзывчивое отношение к людям предполагает живое воображение».

Специфической особенностью анализируемого вида воображения является то, что процесс мысленного воссоздания чужих чувств и намерений развертывается у человека в ходе непосредственного взаимодействия его с другим человеком. Деятельность воображения в этом случае протекает на основе прямого восприятия человеком поступков, экспрессии, содержания речей, качества деятельности другой личности.

Способность с помощью воображения проникать в состояние другого человека формируется у человека постепенно, и развита она у разных людей неодинаково. Степень проявления воображения у одного и того же человека подвержена колебаниям.

Личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе также печать его особых черт характера, его личной силы и слабости, выражает индивидуально неповторимые черты его жизненного пути, особенности воспитания, которое он получил. Восприятие и понимание личности другого человека постоянно сопровождаются возникновением у познающих этого человека людей тех или иных моральных и эстетических чувств. Отмечая эту особенность, Н.А. Радичев указывал, что люди в процессе взаимодействия в силу своей социальной природы соперничают друг другу, вызывают друг у друга тот или иной эмоциональный отклик: «Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится».

Дела, поступки, личность человека вызывают у других людей моральные чувства, оцениваемые обществом как положительно (возмущение нечестным поступком, гордость за человека, сочувствие, уважение, симпатия и пр.), так и отрицательно (злорадство, зависть и др.).

Если человек систематически неправильно судит о внутреннем мире других людей и приписывает им мотивы поведения, которых у них в действительности нет, то это очень часто является следствием узости связей этого человека с людьми и укоренения в нем предрасположенности к восприятию и пониманию всех людей, какой-то категории их или, быть может, отдельного человека с какой-то одной предвзятой точки зрения. Такой взгляд на людей может возникнуть в результате только раз пе-

режитой, но эмоционально очень острой ситуации, когда другие люди причиняют человеку глубокую и незаслуженную обиду, топчут самое дорогое для него, бросают в опасности. Однако чаще предвзятая точка зрения в подходе к людям является итогом более или менее длительного общения личности по преимуществу с каким-то одним значимым для нее контингентом людей, которое дает ей опыт только отрицательных переживаний. В таких случаях взгляд, верный лишь по отношению к одному человеку или небольшой группе людей, проявивших себя аморально в определенной ситуации, начинает «говорить свое слово» при оценке и всех других людей. Однажды образовавшись, подобные установки личности могут сделать ее в известной степени слепой к действиям и поступкам людей, не соответствовавших сформированному у нее взгляду. Такой закрепившийся взгляд («все люди – эгоисты», «все учителя – формалисты», «все торговые работники – нечестные люди» и пр.) может упорно сопротивляться объективному пониманию и осознанию поступков других людей, действовать длительное время вопреки сознанию его неразумности и нецелесообразности» [22].

Вопросы для обсуждения

1. В чем сущность сенсорной культуры педагога?
2. Что подразумевал А.С. Макаренко под развитием физического зрения у педагога?
3. Как, по Вашему мнению, можно развивать физическое зрение педагога?
4. Предложите способы развития воображения у педагогов с целью понимания своего воспитанника.
5. Как Вы думаете, от чего зависит степень проявления воображения педагога?
6. Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда педагог систематически неправильно судит о внутреннем мире своих воспитанников?
7. Какие последствия могут быть от такой модели поведения педагога? (для самого педагога и для воспитанников).
8. Внесите интересные предложения по саморазвитию у будущих педагогов умений восприятия и понимания другого человека.

Интернет

Большую популярность среди студентов приобрел Интернет, ресурсы которого при умелом использовании могут также стать источником создания педагогических кейсов. В сети Интернет можно получить информацию научного, публицистического, художественного и т.п. содержания, которая еще не стала достоянием библиотечных фондов. Интернет дает возможность оперативному представлению результатов научных исследований, творческих разработок и, соответственно, оперативному их использованию в процессе моделирования интересных, современных педагогических кейсов.

Статистические материалы

Любое педагогическое явление не может существовать и развиваться обособленно. На процесс становления личности воздействует множество факторов, которые педагог должен учитывать в своей работе и максимально использовать их воспитательный потенциал. Интересные данные по воздействию на процесс социализации и воспитания человека различных факторов предоставляют нам социологические исследования, которые могут быть успешно использованы для создания педагогического кейса.

Приведем пример создания кейса с использованием результатов социологических исследований по выявлению воспитательного потенциала семьи (статья О.В. Кучмаева, Е.А. Марыганова, О.Л. Петрякова, А.Б. Синельников «О современной семье и ее воспитательном потенциале»):

«Выбор респондентами (родителями) вариантов поведения для достижения «успеха в жизни» позволяет понять, какие ценности продуцируют современные семьи, на какие ценности они ориентируются в процессе воспитания. Это, прежде всего, «умение много и добросовестно работать» – 48,3%. Пятая часть респондентов опиралась бы на связи и знакомства. Близки к ним еще 15%, которые надеются на высокое положение родителей или родных. Лишь 10% выдвинули во главу угла талант и способности, совсем не пользуются популярностью для достижения успеха такие качества как честность, порядочность, умение приспосабливаться и способность к риску. Если «умение приспосабливаться» и «способность к риску» выступают в значитель-

ной степени спорными характеристиками, то низкий рейтинг честности и порядочности является тревожным фактом.

Важнейшей составляющей воспитательного потенциала семьи выступает наличие взаимопонимания с детьми. Эта проблема может существовать на любом этапе жизненного цикла. Однако существуют значительные различия между взглядами отцов и матерей на эту проблему. Большинство отцов она начинает волновать лишь при достижении детьми подросткового возраста. В то же время 60% матерей жалуются на отсутствие взаимопонимания с детьми еще до достижения ими возраста 7 лет.

Поскольку матери гораздо больше, чем отцы, заняты уходом за маленькими детьми и их воспитанием, для женщин проблема взаимопонимания возникает намного раньше, чем для мужчин. Дети-дошкольники не всегда понимают требования матери. Вероятно, именно поэтому женщины, имеющие детей от 7 до 11 лет, жалуются на отсутствие взаимопонимания с ними значительно реже, чем матери с детьми до 7 лет (41% против 60%). В семьях с детьми от 12 до 17 лет участие отцов в воспитании детей возрастает, и гендерные различия исчезают. Половина родителей (одинаково для отцов и матерей), имеющих детей данного возраста, жалуются на отсутствие взаимопонимания с ними. Имеющие взрослых детей (старше 18 лет) признают отсутствие взаимопонимания с ними каждая третья мать (33%) и каждый второй отец (50%).

В процессе воспитания наиболее часто родители используют такие методы, как развитие самоконтроля и чувства ответственности у ребенка – 61,7% опрошенных (доля ответов «всегда» и «часто»), а также «привлечение к домашнему труду» (53,9%), «убеждения и уговоры» (42,1%), «любовь, ласку и доброту» (40,8%). Часто родители стремятся воспитывать ребенка своим примером (по сути, сохраняется одна из традиционных функций семьи – передача опыта). 47,8% опрошенных применяют этот метод «всегда» и «часто». Наряду с этим, нередко встречается опека как метод воспитания (19,6%).

Значительно реже родители используют «материальное (денежное) поощрение ребенка за успехи в школе, спорте» (7,1%). Крайне мало (однако в этом вопросе весьма велик процент опрошенных, отказавшихся от ответа) респондентов, считающих, что «лучший метод воспитания – это наказание». «Часто»

его применяют лишь 1,2% родителей, «иногда» – 36,2%, вовсе не применяют – 27,2%. Чуть больше доля тех, кто не обращает внимания на ребенка, предоставляя ему право поступать так, как он хочет («часто» 5,8%, «иногда» 12,8%). Значительна доля родителей, выбирающих более мягкую позицию: «предоставляю возможность поступать, как ребенок считает нужным». 5,8% поступает так «всегда», еще 24,5% – «часто». Однако, тут весьма сложно отследить грань между инициативой ребенка и вседозволенностью, а то и полным невниманием к его нуждам».

Вопросы для обсуждения

1. С какой целью следует изучать тенденции развития современной семьи?
2. Как Вы думаете, в чем причина низкого рейтинга честности и порядочности в современных семьях?
3. Обоснуйте влияние семьи воспитанника на результативность учебно-воспитательного процесса.
4. С какого возраста ребенка папа должен подключиться к его воспитанию? Обоснуйте свой ответ.
5. Докажите педагогическую целесообразность метода примера в воспитании детей в семье.
6. Как Вы считаете, необходимо ли использовать материальное поощрение детей в процессе воспитания?
7. Является ли опека родителей позитивным методом воспитания?

Практические задания

1. Проведите в процессе педагогической практики исследование среди родителей воспитанников подобное тому, что мы рассмотрели в статье.
2. Разработайте проект родительского собрания «Папа в жизни ребенка».

Этапы создания кейса

Создание добротного кейса является творческим процессом и включает два основных этапа. **Первый** – это работа над кейсом вне учебной аудитории, можно сказать в творческой лаборатории. Педагог высшей школы, руководствуясь целями и задачами преподаваемой дисциплины, современными тенденциями развития представляемой науки и особенностями профессиональной дея-

тельности будущих специалистов ведет поиск информации по наполнению кейса. В этой информации должна быть заложена проблема, как форма существования противоречия. Зачастую в кейсе проблема существует в скрытом виде, а целесообразно поставленные вопросы к кейсу дают возможность студентам размышлять и приближаться к разрешению противоречий.

Учитывая, что каждая дисциплина, изучаемая в вузе, вносит определённый вклад в формирование системы профессиональных компетенций, целесообразно наполнять кейс информацией, способствующей и освоению дисциплины, и, соответственно, приобретению будущими специалистами профессионально-личностных характеристик, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Второй этап – это работа преподавателя в аудитории, где он представляет студентам кейс, поясняет ход работы над ним, поддерживает диалоговое поле, подводит итоги работы, оценивает работу каждого студента и группы в целом.

Работа с кейсами в аудитории

Работа с кейсом представляется этапами:

Первый этап. Преподаватель знакомит студентов с кейсом, озвучивает вопросы, которые способствуют анализу и решению проблемы. Объёмный кейс можно дать студентам для ознакомления заранее. Если по объёму кейс небольшой, то рекомендуется раздать его на занятии и дать время для ознакомления. Для успешной работы над кейсом студенты могут задавать преподавателю уточняющие вопросы.

Второй этап. Студенты могут разбиться на группы для коллективного обсуждения проблемы, выбрав при этом представителя, который будет выражать коллективную точку зрения. Работа с кейсами может быть и индивидуальной. Форма работы зависит от задач, стоящих на занятии, и особенностей тех проблем, которые заложены в кейсе. Для решения проблемы группе дается время, которое определяется в зависимости от сложности кейса. Преподаватель наблюдает за ходом мыслительной деятельности участников группы, может направлять работу и косвенно консультировать. Если работа над кейсом требует дополнительной литературы – справочников, учебников и т.д. – следует ее предоставить.

Для успешного выполнения работы с кейсом студентам рекомендуется:

- внимательно ознакомиться с условиями кейса, выделить ключевые моменты, игнорируя намеренно избыточную информацию;
- сформулировать и проанализировать проблемы, имеющиеся в кейсе;
- осуществить поиск необходимых сведений, отсутствующих в тексте кейса;
- следить за временем, возвращаться к условиям задания;
- распределить функции участников: организатор, эксперт, генератор идей, критик, исполнитель (человек, который отвечает за оформление результатов решения);
- помнить о том, что каждый участник должен проявить себя;
- поддерживать и письменно фиксировать любые, в том числе нетривиальные, идеи, полученные «мозговым штурмом»;
- выработать единую позицию в группе;
- оформить результаты;
- емко и полно их представить [4].

Третий этап. Презентация решения проблемной ситуации. Этот этап является немаловажным, так как умение отстоять свою точку зрения является профессионально важным качеством. В процессе представления решения группы спикером, другие участники могут дополнять, но при этом дополнения должны соответствовать содержанию выдвинутой коллективной идеи. Другие участники могут задавать спикеру вопросы. Роль преподавателя на данном этапе – руководить этапом презентации решения группы, направлять дискуссию. Преподаватель фиксирует ответы спикеров групп и других участников обсуждения для дальнейшего подведения итогов работы с кейсом.

Четвертый этап. Общая дискуссия. Преподаватель должен заранее предусмотреть сложность некоторых вопросов и быть готовым к некоторым коррективам в организации обсуждения. Главная цель преподавателя – создать условия для включения всех студентов в диалоговое поле, способствовать активизации мыслительной деятельности, формированию гибкости мышления и осознанному обдуманному принятию решения. Участники обсуждения должны чувствовать заинтересованность преподавателя в идее каждого. Педагог должен терпеливо выслушать точ-

ки зрения всех участников дискуссии, так как среди них часто встречаются интересные идеи, на которых будущие специалисты могут построить свой научно-исследовательский поиск.

Генерированию идей при обсуждении и анализе кейса способствует применение метода «мозгового штурма» или «мозговой атаки», который является эффективным средством развития творческой активности будущих специалистов. «Мозговая атака» включает в себя три фазы.

Первая фаза – создание благоприятной психологической обстановки, в которой студент не будет бояться при выработке идей показаться смешным или неудачником.

Вторая фаза – это собственно атака; задача этой фазы – породить поток, лавину идей; «мозговая атака» в этой фазе осуществляется по следующим принципам:

- есть идея – говорю;
- чем больше идей – тем лучше;
- высказанные идеи разрешается заимствовать и как угодно комбинировать, а также видоизменять и улучшать;
- исключается критика, критикующих лишают слова;
- не имеют никакого значения социальные статусы участников;
- все идеи записываются в протокольный список идей;
- время высказываний – не более 1–2 минут.

Третья фаза представляет собой творческий анализ идей с целью поиска конструктивного решения проблемы по следующим правилам:

- анализировать все идеи без дискриминации какой-либо из них;
- найти место идее в системе и найти систему под идею;
- «не умножай существей без надобности» («Бритва Оккама»);
- не должна нарушаться красота и изящество полученного результата;
- должно быть принципиально новое видение;
- ищи жемчужину в навозе.

Мозговая атака является средством для повышения активности студентов при решении проблемы, заложенной в кейсе. В этом смысле мозговая атака представляется не как инструмент поиска новых решений, хотя и такая ее роль не исключена, а как своеобразный «запал» к бомбе познавательной активности [9, с. 72].

Пятый этап. Подведение итогов работы. Преподаватель пред-

ставляет решение проблемной ситуации, например, если эта ситуация из реальной педагогической практики, то как она разрешилась в действительности. Если это смоделированная ситуация – то преподаватель предлагает свое решение. Важно при подведении итогов подчеркнуть, что в педагогике решений может быть не одно – главное чтобы оно позитивно влияло на ход развития ребенка, способствовало формированию у него лучших человеческих качеств.

Рекомендуются следующие критерии оценки деятельности студентов при работе над кейсом:

1. Профессионализм – насколько грамотно решили ситуацию.
2. Краткость, четкость изложения.
3. Качество наглядного материала.
4. Новизна и неординарность.
5. Активность группы.
6. Этика дискуссии.

По окончании работы над кейсом оценивается коэффициент участия каждого студента. Это решает сама группа [11].

2.5. Потенциал видео-кейсов в процессе подготовки педагогических кадров

Одной из наиболее популярных разновидностей метода кейсов является видео-кейс, который, как правило, состоит из видеоролика на электронном носителе; записки для преподавателя (в которой содержатся рекомендации о том, как лучше организовать работу с видео-кейсом, авторский анализ ситуации и вопросы для обсуждения, а также дополнительные задания и упражнения по теме) [5].

Использование видео-кейса при подготовке педагогов имеет во многих случаях преимущество перед традиционными кейсами, так как позволяет «погрузить» студентов в ситуацию приближенную к реальной, повысить уровень эмоциональной вовлеченности и, тем самым, повысить эффективность работы с кейсом. О.А. Баранов и С.Н. Пензин подчеркивают, что «фильм – своеобразный медиатекст, функционирующий одновременно и по законам медиа (т.е. является источником информации), и по законам художественного творче-

ства. Искусство – специфическая форма общественного сознания и человеческой деятельности, представляющей собой отражение действительности в художественных образах, один из важнейших способов эстетического освоения мира» [15, с. 8].

Современная аудиовизуальная коммуникация является полем неограниченного самовыражения, поскольку активизирует все виды мышления и предлагает человеку уникальный тренинг, развивающий восприятие как современных масс-медиа, так и классических искусств, пространственных, временных, на уровне пространственно-временной реальности [160, с. 48].

Произведения киноискусства, проникая во внутренние процессы духовной жизни зрителя, воздействуя на его эмоции, мотивы поведения, дают возможность проверить на что способен человек, каковы его внутренние ресурсы. Кинематограф, благодаря своим специфическим средствам воздействия, воспитывает у зрителя внимание к выразительным деталям, интерес к внутреннему миру человека, наблюдательность. Использование фильма в воспитательном процессе создает эмоциональную, доверительную атмосферу между педагогом и воспитанниками. Фильм, воздействуя на сознание учащихся опосредованно, нейтрализует возможное сопротивление воспитательному воздействию, снимает всякого рода психологические барьеры. Увлекаясь сюжетом, зритель наблюдает за жизнью героев, учится замечать и анализировать эстетические и антиэстетические стороны их жизни. Художественный фильм, отвечая на все потребности молодежи в поиске образов для подражания, служит и наставником, и другом, и информатором, и развлечением [16, с. 23].

Погружение в события, представленные в фильме, знакомство с героями, способствует освоению студентами не только социального опыта, но и формированию профессионально важных качеств. Студенты благодаря великой силе искусства могут проникать в мир выбранной профессии и ощутить уже на первом этапе становления профессиональной идентичности причастность к профессиональному сообществу.

При подготовке будущего педагога целесообразным является подбор преподавателем кинофильмов соответствующего содержания, которые могут стать ядром видео-кейса. В качестве художественных фильмов можно использовать: «Педагогическая поэ-

ма», «Большие и маленькие», «Первый учитель», «Дорогая Елена Сергеевна», «Вам и не снилось», «Доброта», «Мачеха», «Чучело», «Кука», «Учитель в законе», «Розыгрыш» (2008 г.) и др. В качестве документальных фильмов целесообразно использовать: «Антон Макаренко», «Януш Корчак. Долгий путь к себе» (из цикла передач «Гении и злодеи уходящей эпохи»), «Солнце В.А. Сухомлинского», «Советы по воспитанию детей», «Духовная суть ребенка» (Ш.А. Амонашвили), «Куда исчезают умные дети?» и др. К каждому фильму или отрывку необходимо продумать и записать ряд вопросов для обсуждения, а также практических заданий, которые позволят будущим учителям объемно проанализировать представленную в киносюжете проблему и найти педагогически целесообразное решение.

Источником видео-кейса могут быть не только фильмы, посвященные школьной и педагогической тематике. В арсенале современного кинематографа накоплен богатейший материал, просмотр которого способствует расширению кругозора будущих педагогов, формированию у них профессионально-личностных качеств, ценностных ориентаций, нравственных чувств, способности видеть уникальность, красоту мира, в котором мы живем, и т.д.

Будущие педагоги находятся в поиске идеалов в процессе формирования собственной профессиональной модели поведения, и задача преподавателей высшей школы оказать им в этом поддержку и помощь. В качестве педагогического идеала может выступать совокупность качеств, ценностных ориентаций, моделей поведения (С.Л. Рубинштейн).

Примером произведения киноискусства, не содержащего педагогического сюжета, но являющегося богатейшим источником нравственного опыта и ценных профессионально-личностных качеств, считаем фильм «Рифмуется с любовью» (режиссер А. Ефремов). Этот фильм снят на основе реальных событий, происходящих в белорусском онкологическом центре. Главная героиня – врач от Бога, добрый, порядочный человек, любит детей и делает все возможное, чтобы спасти им жизнь. Она считает, что донор для пересадки костного мозга должен подходить не только по химическим параметрам, но и по человеческим. Он должен любить человека, желать ему выздоровления, то есть параметры должны «рифмоваться с любовью». Главная героиня становится

донором для онкологически больной девочки-подростка и спасает ей жизнь. В этом фильме представлены и другие герои, профессиональную модель поведения которых можно обсудить в процессе дискуссии по таким вопросам: «Как Вы считаете, по каким параметрам донор должен подходить пациенту?», «Что имела в виду главная героиня фильма?», «Что бы Вы взяли для себя из профессиональной модели поведения главной героини?», «А по каким параметрам должны подходить друг другу педагог и воспитанник?», «По каким критериям Вы выбираете специалиста, в услугах которого нуждаетесь? Нарисуйте словесный портрет такого специалиста».

Учебный фильм имеет следующие дидактические функции: просветительская, этическая, эстетическая, воспитательная, интерактивная, мотивационная, функции индивидуализации и развития продуктивной творческой деятельности. В.А. Менг отмечает, что использование учебных фильмов способствует развитию критического мышления, дискурсивной компетентности. Эффективность процесса подготовки к профессии повышается за счет участия студентов в создании учебного кино, в ходе которого происходит освоение содержания учебного предмета и развитие компетентностей, соответствующих новым требованиям к высшему образованию [105].

У будущих педагогов есть уникальная возможность в процессе прохождения педагогической практики запечатлеть интересные моменты школьной жизни на камеру. Это могут быть уроки, воспитательные мероприятия, родительские собрания, индивидуальное общение с воспитанником и т.д. Камера может запечатлеть удивительную природу ребенка во всем ее многообразии и сложности: радость познания, горести и разочарования, успехи, моменты озарения и т.д. Полученный материал, из которого целесообразно сделать педагогические видео-кейсы, может таить в себе большое количество проблемных ситуаций. Эффективной практикой будет обсуждение их на занятиях, а также привлечение к дискуссии студентов младших курсов.

Глава 3.

ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ СРЕДСТВАМИ КЕЙС-МЕТОДА

3.1. Кейсы, способствующие формированию профессионального здоровья будущих педагогов

Кейс № 1

«Удовольствие от напряжения труда»

Цель кейса: формирование у студентов ценности труда – физического и умственного, влияние его на здоровье человека.

Методические рекомендации преподавателю

В гедонистическом обществе стремительными темпами идет снижение значимости труда в системе жизненных ценностей. Очень часто от молодёжи можно услышать слова: «На шару!», «Бери от жизни все!» и т.п. Многие молодые люди стараются занять в жизни такую позицию, в которой не надо прилагать больших физических и умственных усилий, дабы заработать себе на привлекательную жизнь. Развлечение и потребление становятся серьезным пороком нашего времени. Многие профессии, требующие от человека огромных энергетических затрат, становятся непрестижными. В их числе и педагогическая профессия. Работая над этим кейсом, необходимо акцентировать внимание студентов на важности честного труда, труда по призванию, труда, от которого человек получит моральное удовлетворение, как от самого процесса, так и от его результатов. В качестве материала рекомендуется отрывок из статьи К.Д. Ушинского «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860 г.) и статьи Н.М. Амосова «Жизнь человека и условия ее прочности» (1976 г.). Этих великих ученых разделяет время (более 100 лет), но мысли их во многом сходятся и являются актуальными, как никогда.

Вопросы для обсуждения:

1. Представьте себе, что не нужно в жизни трудиться. Нарисуйте картину такой жизни. Чем бы Вы занимались в таких усло-

виях? Нравится Вам такая жизнь?

2. Как бы Вы гармонизировали умственный и физический труд в своей жизни?

3. Испытывали ли Вы живительное, освежающее влияние труда на чувства? Опишите свои впечатления.

4. Согласны ли Вы с Н.М. Амосовым, что в профессии человек должен получать удовлетворение от напряжения, от высоких достижений?

5. Может ли это напряжение негативно отразиться на физическом и духовном здоровье личности?

6. Согласны ли Вы с тем, что у человека, потерявшего удовольствие от напряжения труда, появляются пороки? Поясните.

7. Как повысить потенциал будущего поколения? Поясните с педагогической точки зрения.

8. Какие Вы видите пути повышения престижности педагогического труда в нашем обществе?

Материал к кейсу

1. «Труд – не игра и не забава; он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда.

Труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство. Он составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже и для поддержки в нем той степени достоинства, которой он уже достиг. Без личного труда человек не может идти вперед; не может оставаться на одном месте, но должен идти назад. Тело, сердце и ум человека требуют труда, и это требование так настоятельно, что если, почему бы то ни было, у человека не окажется своего личного труда в жизни, тогда он теряет настоящую дорогу и перед ним открываются две другие, обе одинаково губительные: дорога неутолимого недовольства жизнью, мрачной апатии и бездонной скуки или дорога добровольного, незаметного самоуничтожения, по которой человек быстро спускается до детских прихотей или скотских наслаждений. На той и на другой дороге смерть овладевает человеком заживо потому, что труд –

личный, свободный труд – и есть жизнь.

«В поте лица твоего снеси хлеб твой!» – сказал господь человеку, оставляя его за воротами рая и открывая перед ним широкую землю; труд сделался довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья.

Что физический труд необходим для развития и поддержания в теле человека физических сил, здоровья и физических способностей, этого доказывать нет надобности. Но необходимость умственного труда для развития сил и здорового, нормального состояния человеческого тела не всеми сознается ясно. Многие, напротив, думают, что умственный труд вредно действует на организм, что совершенно несправедливо. Конечно, чрезмерный умственный труд вреден, но и чрезмерный физический труд также разрушительно действует на организм. Однако же можно доказать множеством примеров, что бездействие душевных способностей и при физическом труде оказывает вредное влияние на тело человека. Это неоднократно было замечено на тех фабриках, на которых работники являются дополнениями машины, так что занятие их не требует почти никакого усилия мысли. Да это и не может быть иначе, потому что телесный организм человека приспособлен не только для телесной, но и для духовной жизни. Всякий же умственный труд, наоборот, приводя в действие нервную систему, действует благотворно на обращение крови и на пищеварение. Люди, привыкшие к трудовой кабинетной жизни, чувствуют возбуждение аппетита скорее после умеренного умственного труда, чем после прогулки. Конечно, умственный труд не может развить мускулов, но деятельность и особенная живость нервной системы заменяет этот недостаток. И если умственная деятельность не избавляет совершенно от необходимости движения, то значительно уменьшает эту необходимость. Человек без умственных занятий гораздо сильнее чувствует вред сидячей жизни. Это в особенности заметно на тех ремесленниках, ремесла которых, не требуя значительных физических усилий, требуют сидячей жизни и весьма мало умственной деятельности. Смотря на бледные, восковые

лица портных, невольно желаешь всеобщего введения швейной машины. Сильное развитие нервной системы умственным трудом дает необыкновенную живучесть телу человека. Между учеными в особенности встречается много людей, доживающих до глубокой старости, и люди, привыкшие к умственным трудам, выносят перемену климатов, дурной воздух, недостаток пищи, отсутствие движения не хуже, а часто и лучше людей, у которых сильно развиты мускулы, но слабо и вяло действуют нервы. Причины этого надобно искать в том важном значении, которое имеет нервная система в жизни остальных систем человеческого организма, и в том участии, которое принимает она во всех его отправлениях. Конечно, всего полезнее было бы для здоровья человека, если бы физический и умственный труд соединялись в его деятельности, но полное равновесие между ними едва ли необходимо. Человеческая природа так гибка, что способна к величайшему разнообразию образа жизни. Самый сильный перевес труда умственного над физическим и наоборот скоро переходит в привычку и не вредит организму человека: только совершенные крайности в этом отношении являются гибельными. Кроме того, при нынешнем состоянии общества трудно представить себе такой образ жизни, в котором бы труд физический и умственный уравнивались: один из них будет только отдыхом.

Но если для тела необходим личный труд, то для души он еще необходимее.

Кто не испытал живительного, освежающего влияния труда на чувства? Кто не испытал, как после тяжелого труда, долго поглощавшего все силы человека, и небо кажется светлее, и солнце ярче, и люди добрее? Как ночные призраки от свежего утреннего луча, бегут от светлого и спокойного лица труда тоска, скука, капризы, прихоти – все эти бичи людей праздных и романтических героев, страдающих обыкновенно высокими страданиями людей, которым нечего делать. Читая какой-нибудь великосветский роман, где бедная героиня, эфирное и совершенно праздное существо, томится неизъяснимой тоской, нам всякий раз кажется, что эта тоска исчезла бы сама собой, если бы героиня вынуждена была потрудиться. Романисты в особенности любят такие праздные существа именно потому, что здесь-то и вырастает весь тот бурьян страстей, прихотей, капризов, неизъяснимых страданий,

в котором так привольно блуждать туманному воображению, не выносящему света действительности.

Но человек скоро забывает, что труду он был обязан минутами высоких наслаждений, и неохотно покидает их для нового труда. Он как будто не знает неизменного психического закона, что наслаждения, если они не сопровождаются трудом, не только быстро теряют свою цену, но также быстро опустошают сердце человека и отнимают у него одно за другим все его лучшие достоинства. Труд неприятен нам, как узда, накинута на наше сердце, стремящееся к вечному, невозмутимому счастью, но без этой узды сердце, предоставленное необузданности своих стремлений, сбивается с дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигает бездонной пропасти ничем неутолимой скуки и мрачной апатии; если же оно мелко, то будет погружаться день за днем, тихо и незаметно, в тину мелких недостойных человека хлопот и животных инстинктов» (Аксенов Д. Е. О трудовом воспитании: хрестоматия. Учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов. / Сост., авт. введ. стат. и биогр. очерков Д. Е. Аксенов; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1982. – 336 с.).

2. «В человеческой жизни есть еще один сильный стимул – престиж. Человек, потерявший удовольствие от напряжения, от высоких достижений в труде, не рассчитывающий на престиж в сфере труда, ищет выход своей личности в других сферах. Возникают пороки. Это всевозможные химические средства, изменяющие психологическую настроенность и создающие иллюзию удовольствия. Один порок мы уже пожинаяем – алкоголизм. Я считаю, что мы уже сейчас убавили необходимый и напряженный труд ниже доступного уровня... Природа диктует определенный уровень необходимости в работе, ниже которого опускаться нельзя. Если ориентироваться на уровень счастья пассивных людей, которые согласны на счастье «поменьше», лишь бы работа была «полегче», тогда мы снизим уровень всех остальных людей. И, значит, эффективность нашего общества в целом. А главное, потенциал будущего поколения. А это опасно». (Амосов Н. М. Жизнь человека и условия ее прочности // Наука и жизнь. – 1976. – № 9).

Кейс № 2

«Жажда развития»

Цель кейса: рассмотрение проблемы активности человека, стремления его к развитию; доказать, что «стремление к покою» ведет к деградации личности.

Методические рекомендации преподавателю

Среди многих людей бытует мнение, что, экономя жизненные силы, можно тем самым продлить свою жизнь. А полноценной ли она будет, успешна ли будет профессиональная деятельность? Сохранит ли человек свое здоровье, продлит ли молодость? Над этими вопросами можно поразмышлять на основании материала из книги И. Штеренберг «Как выглядеть моложе на 10 лет» и отрывка из работы А. Маслоу «Психология бытия». Важным моментом в работе с кейсом является подтверждение того, что «стремление к покою» не экономит энергию человека, а, напротив, ослабляет его.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Согласны ли Вы с тем, что покой, уменьшение времени на работу экономит жизненные силы человека и продлевает жизнь? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Как Вы считаете, почему такие великие люди, как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Антонио Страдивари, Лев Толстой прожили достаточно долгую жизнь?

3. Дайте совет своему товарищу, который пессимистично смотрит на мир.

4. Какое общение педагога с воспитанниками способно оказать омолаживающее влияние на учителя?

5. Какие Вы можете предложить приемлемые для педагога варианты эмоциональной подзарядки?

6. Предложите интересные методы «питания» ума педагога.

Материал к кейсу

1. Рецепты сохранения молодости

1. «Интересная работа или увлечение.

Ничто так не омолаживает, как интересная работа или увлечение. Люди, занимающиеся любимым делом, выглядят моложе. Любимая работа помогает держать себя в тонусе. Не важно, чем увлечен человек, главное в том, есть ли у него ощущение успеха, нужности своего дела, приносит ли ему удовлетворение его рабо-

та. Если это так, то у человека светятся глаза, голос у него бодрый и уверенный. Он выглядит энергичным, а высокая работоспособность ассоциируется с молодостью и крепостью тела и духа. Когда человек занят важным для него делом, он воспринимается не только востребованным, целеустремленным, но и имеющим впереди запас сил и времени, то есть молодым.

2. Любовь.

Любовь – эликсир молодости. Наличие спутника жизни способствует продлению молодости. Если человек встретил свою любовь, когда он любит и любим, тогда он расцветает, становится увереннее в себе, привлекательнее, сексуальнее. В его глазах появляется блеск, он испытывает прилив сил. В организме влюбленного человека вырабатываются эндорфины – гормоны счастья. Любовь благотворно влияет на организм человека. Поцелуи, объятия, регулярные занятия сексом значительно омолаживают человека.

«Мы молоды, пока нас любят!» (А.М. Коллонтай).

3. Активная жизненная позиция.

Человек, который твердо стоит на ногах и имеет активную жизненную позицию, менее подвержен эмоциональным срывам. У него реже бывает плохое настроение в отличие от того, кто в жизни пассивен. Активные люди легче переносят стрессы и справляются со своими проблемами. Они способны в моменты жизненных трудностей и переживаний отвлечься и обратить свое внимание на что-то позитивное. Деятельные люди реже впадают в депрессию, чем те, кто плывет по течению. Активное отношение к жизни ассоциируется с большой жизненной силой и энергией.

4. Позитивный взгляд на жизнь.

Тяжело идти, неся на плечах груз тягостных воспоминаний и нескончаемых забот. Жизнерадостному человеку живется лучше и легче. Если у человека есть склонность вспоминать плохое, гневаться, раздражаться – тогда он быстрее стареет.

«Воспоминания – вот из-за чего мы стареем. Секрет вечной юности – в умении забывать» (Э. Ремарк).

«Хочешь сохранить вечную молодость – избегай некрасивых эмоций» (О. Уайльд).

«От гнева стареешь, от смеха молодеешь» (китайская посло-

вица).

Для сохранения молодости необходимо: избегать больших волнений и не строить несбыточных ожиданий. Не держать в себе негативные эмоции, но и не подавлять их, накапливая. Важно поделиться тем, что огорчает. Поспорить с теми, с кем не согласны. Но в то же время избегать ненужных конфликтов. Стоит избавиться от привычки беспокоиться и раздражаться. Важно уметь прощать и никогда не унывать. В трудный момент нужно постараться вспомнить что-то хорошее. Быть оптимистом. Не терять чувство юмора. Чаше смеяться.

5. Умение доставить себе радость.

«Уметь наслаждаться прожитой жизнью означает жить дважды» (Марциал).

Для того чтобы продлить молодость, необходимо уметь получать радость от жизни. Каждый человек может порадовать себя по-своему. Для кого-то это: занятия спортом, вкусная еда, свежий воздух, путешествие и т.д. Иногда можно нарушить собой же установленные запреты и жесткие ограничения и себя побаловать. Иногда можно не думать об экономии, если очень хочется что-то себе купить. Можно, забыв о диете, позволить себе запретный кусочек торта. Затянувшееся до утра общение, выходной день, проведенный с детективом – впоследствии вспоминаются с большим удовольствием.

Однако стоит соблюдать и разумный аскетизм. Тот, кто чрезмерно поддается своим слабостям и соблазнам, как раз быстрее и прощается со своей молодостью, поскольку его организм становится изношенным, а внешний вид – потрепанным.

«Тот, кто не ведет себя соответственно своему возрасту, всегда расплачивается за это» (Ф. Вольтер).

«Пользуйтесь настоящими удовольствиями так, чтобы не повредить будущим» (Сенека).

6. Умственная деятельность.

Заставляя мозг работать, можно надолго сохранить молодое мышление и хорошую память. Память ухудшается из-за того, что у человека пропадает в ней необходимость, тогда память не тренируется, и ресурсы мозга не задействуются. То же самое происходит с нашими мышцами без ежедневных занятий спортом.

Нужно постоянно давать мозгу работу: заниматься иностран-

ными языками, считать в уме, отвечать на вопросы телевикторин, разгадывать кроссворды, учить стихи, играть в шахматы, посещать экскурсии.

Новизна – пища для мозга. Новые знания, приятные впечатления омолаживают лучше самого дорогого крема. Чем разнообразнее решаемые нами задачи, наши занятия и увлечения, тем это полезнее для нас. Тогда наша работоспособность повышается, память улучшается, а жизнь становится интереснее.

«Если даже желудок одного и того же человека не всегда просит одной и той же пищи, тем более ум не должен всегда питаться одним и тем же стилем» (Петрарка).

7. Общение как психологическая омолаживающая процедура.

Люди, которые пользуются любовью и уважением окружающих, дольше выглядят молодыми. Хорошее доброжелательное отношение положительно влияет не только на настроение человека, но и на его здоровье.

Для того чтобы общение было омолаживающим, необходимо:

- общение должно быть разнообразным: друзья, коллеги по работе, соседи по дому, новые приятели на курсах, дети, внуки, бывшие одноклассники и т.д.
- найти окружение, в котором комфортно находиться, которое мотивирует на активные действия, на успех.
- одно из важных правил омолаживающего общения: о своих болезнях рассказывать только врачу.

Общение с молодыми создает иллюзию собственной молодости. «Мне опять 17!». Общение с молодыми людьми не дает застыть крови, повышает уровень энергии, способствует поддержанию духа в тонусе. Общаясь с молодыми людьми, можно забыть о своем возрасте, о насущных делах, бытовых проблемах. Общение с ними помогает освежить взгляд на мир.

Если есть желание быть им интересным, общаться на равных – то при общении с молодыми людьми происходит омолаживающий эффект. Необходимо интересоваться тем же, чем интересуются и они, быть в курсе последних новинок и новшеств. Молодые люди дают слушать современные записи, говорят о новых фильмах, о модных литераторах, последних веяниях в области моды. Ощущение молодости при общении можно получить посредством эмоционального заражения, которое происходит при

любом длительном общении.

Важную роль в нашей жизни играют и наши домашние питомцы. Они не только радуют, но и улучшают самочувствие своих хозяев, помогают снять стресс, повышают настроение. Если у человека есть собака, то регулярные прогулки на свежем воздухе ему обеспечены.

8. Сопричастность происходящему.

Для того чтобы ощущать себя в потоке жизни, нужно находиться в настоящем моменте.

Для того чтобы идти в ногу со временем, нужно быть открытым новому, иметь желание учиться чему-либо.

Для того чтобы не отстать от жизни, нужно стать гибким, уметь меняться быстро и легко.

Для того чтобы быть не в стороне от жизни, а в ее гуще, нужно научиться получать от нее радость и удовольствие.

«Я не задумываюсь о старости, я люблю жизнь! Она прекрасна! Каждый день приносит что-то замечательное. У меня внутри есть мотор, который всю жизнь движет меня вперед» (Софи Лорен)» (Штеренберг И. Как выглядит на 10 лет моложе / И. Штеренберг. – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 352 с.).

2. «Как бы то ни было, когда мы изучаем людей, у которых преобладает мотивация развития личности, концепция «стремления к покою» становится совершенно бесполезной. У таких людей удовлетворение потребности усиливает, а не ослабляет мотивацию, обостряет, а не притупляет удовольствие. Их аппетиты разгораются. Такие люди поднимаются над самими собой и вместо того, чтобы хотеть все меньше и меньше, хотят все больше и больше – знаний, например. Человек, вместо того, чтобы обрести покой, становится более активным. Утоление жажды развития разжигает, а не ослабляет ее. Развитие, само по себе, является восхитительным и приносящим удовлетворение процессом.

В качестве примера можно указать на удовлетворение желания быть хорошим врачом: приобретение желанных навыков, типа игры на скрипке или резьбы по дереву; развитие умения разбираться в людях, или во вселенной, или в самом себе; применение творческого подхода в любой избранной профессии: наконец, самое главное – просто удовлетворение желания быть хорошим

человеческим существом» (Маслоу А. *Психология бытия* / Абрахам Маслоу. – К., 1997).

Кейс № 3

«Информационная перегрузка»

Цель кейса: обсуждение проблемы информационной перегрузки современных людей, причин ее возникновения и пути борьбы с ней.

Методические рекомендации преподавателю

Информационная перегрузка – это бич нашего времени, это недуг, ведущий к снижению работоспособности, утрате здоровья, потере радости жизни. Но как быть, если человеку в силу его профессии необходимо пропускать через себя огромное количество информации? Например, учителю для подготовки качественного урока необходимо проработать массу материала, а для разработки внеклассного воспитательного мероприятия прочитать не одну книгу, статью и т.д. Разобраться с этими вопросами поможет ознакомление студентов с материалами сайта «Конструктор успеха» и отрывком из книги Э. Тоффлера «Шок будущего».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Согласны ли Вы с тем, что количество информации, получаемой из окружающей среды, определяет точность предвидения действий индивида и их последствий? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Наблюдается ли информационная перегрузка педагога в современных условиях? В чем она проявляется?

3. Поразмышляйте над последствиями перегрузок, которые испытывает педагог в профессиональной сфере.

4. Предложите пути борьбы с информационной перегрузкой.

5. Огромный поток информации нам несут СМИ. Среди этого потока есть информация культууроформирующей направленности, способствующая профессиональному развитию педагога, но есть и негативно влияющая на человека, способствующая формированию негативных форм поведения и разрушающая психику. Охарактеризуйте любые две телепрограммы, одна из которых, по Вашему мнению, способствует профессиональному росту, а другая отрицательно сказывается на профессиональном развитии человека.

Материал к кейсу

1. «Во второй половине XX века, с началом перехода разви-

тых стран к информационному обществу, стали проявляться негативные стороны этого процесса, а именно – информационная перегрузка. По данным информационного бюллетеня Microsoft на планете существуют 2 млрд. телевизоров, 3 млрд. радиоприёмников, кроме того, ежегодно появляются 150 тыс. журналов, 5 млрд. научных книг и статей, 250 тыс. диссертаций и отчётов. Всемирный книжный фонд удваивается каждые 10–15 лет и т.д. В то же время возросла и скорость доступа к этой информации.

Суть перегрузки информацией заключается в следующем: количество поступающей полезной информации превосходит возможности ее восприятия человеком, т.е. человек не способен справляться с информацией в огромных масштабах.

Признаки информационной перегрузки:

- отсутствие ясности в голове, хаотичная умственная деятельность;
- ухудшение памяти, провалы в памяти;
- назойливая музыка или же обрывки фраз, звучащие в голове;
- постоянное желание что-нибудь сказать (чтобы избавиться от лишней информации);
- рассуждения вслух, бормотание во сне или перед сном;
- в тяжёлых случаях можно услышать голоса во время засыпания или шум в ушах;
- что касается телесных признаков, это может быть напряжённость челюстей, а также задней части шеи;
- кстати, к признакам информационной перегрузки относится тошнота. Но это, как правило, в сочетании с неправильным положением тела. Тошнота – это тревожный сигнал: если она вас беспокоит, подачу информации надо прекращать.

Причины информационной перегрузки:

Информационный вампиризм – интернет-зависимость, неумеренное смотрение телевизора и пр. Современные средства получения информации позволяют уходить от решения личностных проблем, компенсировать личную и житейскую неустроенность. Разумеется, компенсация происходит мнимая, что только усугубляет проблемы, решения которых пытается избежать человек. И с этой стороны информационная перегрузка становится явлением в психологическом смысле близким алкоголизму, наркомании и другим формам патологической зависимости.

Иногда, чтобы получить нужные и полезные сведения, необхо-

димо перелопатить большой массив информации. В итоге факты накапливаются, но не усваиваются. Происходит перенасыщение лишней информацией. Учёные в области информатики говорят о «добыче фактов». Дэниэл Борстин, исследователь и сотрудник библиотеки Конгресса США, еще в 1983 году высказал такое пророчество: «Туман информации вытеснит из наших голов знание».

Перед современным человеком стоит множество целей и задач, выполнение которых требует одновременности. И получается, что он тратит много энергии на процесс переключения между задачами, а не на их выполнение. У психиатров это называется потерей продуктивности мышления. Со стороны это выглядит как отупение, неспособность произвести простые умозаключения, поверхностность, когда до сознания не доходит информация извне. Когда человек ощущает в себе подобные явления и не понимает их причины, он не пытается сократить количество задач, а пытается ускорить процесс переключения между ними – в конце концов это приводит к переутомлению.

Часто инфоперегрузка наступает при неумении планировать рабочее время и отсутствии рабочего расписания, того самого, которое лимитирует количество рабочих часов в день и определяет рабочее время суток.

Перегрузка информацией возникает не только из-за большого объема потока получаемой информации, но, может быть, даже в большей мере из-за его непредсказуемости. Если информация поступает не в ответ на запрос, а сама находит своего получателя, то чаще всего целевой потребитель оказывается не готов к ее восприятию. И информация не только оказывается невоспринятой, но и вносит существенный хаос в представления человека о мире. Именно хаос, отсутствие структуры и вызывает информационное переутомление.

Причиной информационной перегрузки также является общее переутомление. В одном из исследований, проведенных английскими сомнологами, выяснилось, что бодрствование в течение длительного времени влияет на способность мозга обращать внимание на вещи. Так, мы начинаем запоминать меньше, потому что замечаем меньше. Один из экспериментов показал, что люди, которые спали меньше 6 часов в сутки в течение двух недель, набрали гораздо меньше очков в тестах на память, чем те, кто спал по 8 часов в сутки»

(<http://constructor.ru/zdorovie/informacionnaya-peregruzka.html>).

2. «Если сверхвозбуждение на сенсорном уровне увеличивает искажение, с которым мы воспринимаем реальность, то когнитивное (на уровне сознания) сверхвозбуждение создает помехи нашей способности «думать». Одни люди реагируют на новость непроизвольно, другие сначала осознают и обдумывают ее, и это зависит от способности впитывать, обрабатывать, оценивать и хранить информацию.

Рациональное поведение, как правило, зависит от непрерывного поступления потока данных от окружающей среды. Оно зависит от возможности индивида предсказать более или менее точно и честно последствия своих собственных действий. Индивид должен быть способен предвидеть, как будет реагировать окружающая среда на его действия. Поэтому здравый ум как таковой строится на этой человеческой способности предвидеть свое непосредственное личное будущее, основываясь на информации из окружающей среды.

Однако когда индивид окунулся в быстро и хаотично меняющуюся ситуацию или в напичканную новостями среду, точность его предвидения стремительно падает. Он не может больше делать разумные корректирующие оценки, от которых и зависит рациональное поведение.

Для того чтобы компенсировать это, чтобы поднять точность своего предвидения до нормального уровня, человек должен схватывать и далее получать гораздо больше информации, чем до того. Он должен это делать с экстремально большой скоростью. Короче, чем быстрее возникают изменения и новизна в окружающей среде, тем в большей информации нуждается индивид, чтобы наиболее эффективно реагировать и принимать рациональные решения.

Однако есть пределы восприятия сенсорной информации, есть генетический ограничитель нашей способности перерабатывать информацию. Говоря словами психолога Джорджа Миллера из Рокфеллеровского университета, это «строгие ограничения на количество информации, которое мы в состоянии принять, обработать и запомнить». Классифицируя информацию, реферируя и «кодируя» различными способами, мы в состоянии расширить эти пределы до тех пор, пока не получим веские основания считать, что наши возможности исчерпаны».

Для того чтобы обнаружить и измерить эти внешние пределы, психологи и специалисты в теории информации используют методы тестирования того, что они называют «пропускной способностью каналов» человеческого организма. Для того чтобы осуществить эти эксперименты, они рассматривают человека в качестве «канала». Информация входит в него извне. Она воспринимается и перерабатывается, затем «выходит» в виде поступка, основанного на принятом решении. Скорость и точность переработки человеком информации может быть измерена сравнением скорости подачи входной информации со скоростью и точностью выходной информации.

Информация определяется и измеряется в особых единицах, называемых бит. Теперь эксперименты устанавливают скорость обработки информации, включая широкий круг заданий: чтение, печатание на машинке, игра на пианино, чтобы создать числовые шкалы или вычислительное устройство. И поскольку исследователи расходятся во мнениях относительно точности получаемых данных, они строго договариваются о двух основных принципах: во-первых, что человек имеет ограниченную «пропускную способность»; во-вторых, что переполнение системы приводит к серьезным нарушениям в поведении.

Один из пионеров изучения информатики, д-р Джеймс Г. Миллер, директор института исследования душевного здоровья при Мичиганском университете, решительно заявил, что «насыщение человека информацией в количествах, больших чем он в состоянии переработать... ведет к срыву». Он заявил, что уверен в том, что информационная перегрузка может быть причиной различных форм душевных заболеваний. Миллер доказывает, что механизм человеческого поведения ломается под действием перегрузки информацией. Но уже сейчас, не понимая ее потенциального влияния, мы увеличиваем скорости изменений в обществе. Мы давим на людей, заставляя их адаптироваться к новым ритмам жизни, сталкиваться с новыми ситуациями и справляться с ними за все более короткое время. Мы заставляем их выбирать быстро меняющиеся предметы. Другими словами, мы побуждаем их обрабатывать информацию с гораздо большей скоростью и в более быстром ритме, чем в медленно меняющихся обществах. Поэтому можно не сомневаться, что мы подвергаем по меньшей мере

некоторых из них перевозбуждению сознания» (Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; [пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.).

Кейс № 4

«Программа здоровьесбережения»

Цель кейса: формирование у студентов ценностного отношения к здоровью, понимания важности моделирования собственной системы здоровьесбережения.

Методические рекомендации преподавателю

Сохранение здоровья студентов, формирование у них ценностного отношения к здоровью является важнейшей задачей высшего учебного заведения. Как это возможно сделать, если существует огромное количество факторов, снижающих уровень здоровья человека, в том числе и информационная перегрузка (см. предыдущий кейс). Мы обращаемся к основным идеям известного отечественного медика, писателя, педагога Н.М. Амосова, чья жизненная стратегия была направлена на служение людям, а основой его плодотворной деятельности было здоровье. Свои рекомендации Н.М. Амосов изложил в работе «Раздумья о здоровье», на основе которых рекомендуется построить работу со студентами. Работая над кейсом, необходимо акцентировать внимание студентов на построении собственной программы здоровьесбережения, основанной на современных валеологических знаниях и идеях людей, чья жизнь и деятельность являются подтверждением правомерности их программы.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Что такое здоровьесбережение?
2. Докажите, что здоровье для педагога является основой счастья и построения успешной карьеры.
3. Предложите эффективные способы расслабления для снятия переутомления.
4. Предложите свою формулу здоровой жизни.

Материал к кейсу

Основные идеи Н.М. Амосова по здоровьесбережению

«1. В большинстве болезней виновата не природа, не общество, а только сам человек. Чаще всего он болеет от лени и жадности, но иногда и от неразумности.

2. Не надейтесь на медицину. Она неплохо лечит многие болезни, но не может сделать человека здоровым. Пока она даже не может научить человека, как стать здоровым.

3. Больше того: бойтесь попасть в плен к врачам! Порой они склонны преувеличивать слабости человека и могущество своей науки, создают у людей мнимые болезни и выдают векселя, которые не могут оплатить.

4. Чтобы стать здоровым, нужны собственные усилия, постоянные и значительные. Заменить их нельзя ничем. Человек, к счастью, столь совершенен, что вернуть здоровье можно почти всегда. Только необходимые усилия возрастают по мере старости и углубления болезней.

5. Величина любых усилий определяется стимулами, стимулы – значимостью цели, временем и вероятностью ее достижения. И очень жаль, но еще характером! К сожалению, здоровье, как важная цель, встает перед человеком, когда смерть становится близкой реальностью. Однако слабого человека даже смерть не может надолго напугать.

6. Для здоровья одинаково необходимы четыре условия: физические нагрузки, ограничения в питании, закаливание, время и умение отдыхать. И еще пятое – счастливая жизнь! К сожалению, без первых условий она здоровья не обеспечивает. Но если нет счастья в жизни, то где найти стимулы для усилий, чтобы напрягаться и голодать? Увы!

7. Природа милостива: достаточно 20–30 минут физкультуры в день, но такой, чтобы задохнуться, вспотеть и чтобы пульс участился вдвое. Если это время удвоить, то будет вообще отлично.

8. Нужно ограничивать себя в пище. Поддерживайте вес как минимум рост (в см) минус 100.

9. Уметь расслабляться – наука, но к ней нужен еще и характер. Если бы он был!

10. О счастливой жизни. Говорят, что здоровье – счастье уже само по себе. Это неверно: к здоровью так легко привыкнуть и перестать его замечать. Однако оно помогает добиться счастья в семье и в работе. Помогает, но не определяет. Правда, болезнь – она уж точно – несчастье. Так стоит ли биться за здоровье? Подумайте! Еще одно маленькое добавление – специально для молодых. Разумеется, вы здоровы, и рано вам морочить себе голову мыс-

лями о будущих болезнях. Но... время быстротечно. Не успеете оглянуться, как отпразднуете тридцатилетие, и начнется первая декада, когда нужно думать о будущем... Кроме того – увы! – и сейчас уже не все вы обладаете здоровьем» (Амосов Н. М. Раздумья о здоровье / Н. М. Амосов; 3–е изд., доп., перераб. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 64 с.).

Кейс № 5 **«Заповедь»**

Цель кейса: формирование у студентов нравственно-оптимистичного взгляда на жизнь как признак здорового человека.

Методические рекомендации преподавателю

Н.М. Амосов четко выразил свою стратегию здоровьесбережения, а вот Р. Киплинг это сделал в поэтической форме, завещая людям оставаться при любых жизненных обстоятельствах людьми! Это завещание по праву можно считать напутствием для будущих педагогов на долгую, здоровую, успешную трудовую деятельность. Обсуждая вопросы кейса, необходимо акцентировать внимание студентов на нравственных аспектах профессиональной деятельности, на духовном самосохранении личности.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Докажите, что умение педагога прощать сохраняет его здоровье и способствует построению духовно-нравственных отношений с воспитанниками.
2. Является ли умение мечтать признаком здоровой личности?
3. В чем заключается великая сила мечтаний?
4. Докажите, что честность является качеством духовно здоровой личности.
5. Что значит для педагога наполнить смыслом каждое мгновение?
6. Как Вы понимаете это выражение: «Тогда весь мир ты пришьешь во владенье?»

Материал к кейсу

Заповедь Р. Киплинга

*Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;*

*Пусть час не пробил – жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтания,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловить глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.*

*Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»*

*Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неуловимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!*

Кейс № 6 **«Секрет успеха»**

Цель кейса: формирование у студентов позитивного мышления, способствующего установлению мира в душе и сохранению здоровья.

Методические рекомендации преподавателю

Педагог с позитивным мышлением смотрит на жизнь оптимизи-

стично, в том числе и на своих воспитанников. Такой педагог видит в ребенке небольшие ростки доброго, но с большой любовью, терпеливо заботится о них, дабы они стали крепкими и надежными опорами в жизни воспитанника. Одним из главных условий жизненного успеха, по мнению Б. Трейси, является мир в душе и здоровье. Только человек, имеющий мир в душе, может дать этот мир и счастье другим людям. В педагогической деятельности это особенно важно. На основе отрывка из книги Б. Трейси «Достижение максимума» предлагается построить работу над кейсом.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы представляете себе мир в душе?

2. Б. Трейси пишет, что путь к успеху, миру в душе – устранение или сведение до минимума тех сторон жизни, которые вызывают стресс любого рода. Как в этом случае быть педагогу? Ведь его окружают дети, родители, коллеги, общение с которыми не всегда приносит мир в душе.

3. Попытайтесь заняться «мышлением на вершине горы», как советует Б. Трейси. Словесно нарисуйте эту картину.

4. Б. Трейси предлагает представить себя в идеальной физической форме. Пофантазируйте и запишите, что бы Вы сделали в своей жизни интересного в направлении профессионального развития, если бы были идеально здоровой личностью?

Материал к кейсу

«Мир в душе»

Это величайшее достоинство человека. Без него все остальное не имеет особой ценности. Именно поэтому вы стремитесь к нему всю свою жизнь. Обычно вы оцениваете свои успехи в каждый момент времени по тому, насколько глубок мир в вашей душе.

Мир в душе – это ваш внутренний гироскоп. Только живя в гармонии с собственными высшими ценностями и внутренними убеждениями, находясь в совершенном балансе с жизнью, вы достигаете мира в душе. Если по какой-то причине вы заключаете компромисс с собственными ценностями или идете против внутренних правил, первое, что страдает, – это мир вашей души.

Мир в душе, гармония важны для оптимальной работы всех человеческих групп – от отношений с друзьями и членами семьи до отношений на службе и внутри всей организации, в которой вы работаете. Все люди в процессе взаимодействия стремятся к построению

гармоничных отношений. Все манеры, мораль, этикет и дипломатия группируются вокруг желания каждого человека обеспечить мир своей душе, не нарушая мира в душах других людей.

В корпорациях это понятие можно измерить в терминах количества гармонии, создаваемой сотрудниками. Продуктивные компании, работающие с прибылью, – это те, в которых люди хорошо себя чувствуют. Они счастливы и на работе ощущают себя в безопасности. Они могут быть заняты, даже сильно загружены работой, но внутри они будут ощущать мир.

Чудесная истина о мире души состоит в том, что это ваше нормальное, естественное состояние. Счастье – это ваше право по рождению. Оно принадлежит вам. Если вам повезет, то время от времени вы будете испытывать его. Мир в душе занимает центральное место в вашем существовании. Он является основным условием получения удовольствия от всего остального.

Достижение мира в душе должно стать центральным организующим принципом вашей жизни. Оно должно стать главной целью, по отношению к которой все остальные цели играют подчиненную роль. В действительности если вы можете быть по-человечески счастливы, то только в той степени, в которой способны достичь личного счастья, удовлетворения, процветания в том смысле, в котором вы его понимаете, иными словами, достичь мира в душе.

Я обнаружил, что не могу дать того, чего не имею сам. Я не мог никого осчастливить, будучи несчастным. Авраам Линкольн как-то сказал: «Нельзя помочь бедным, будучи бедным самому». Я обнаружил, что неспособен осчастливить других до тех пор, пока не сделаю счастливым себя самого.

Мир в душе так важен для всего, чем вы занимаетесь, что должен быть подвергнут строгому анализу. Откуда он берется? При каких условиях он существует? Как можно его добиться?

Говоря простейшим языком, можно испытать счастье и мир в душе только будучи совершенно свободным от деструктивных эмоций вроде страха, злости, сомнений, чувства вины, негодования и беспокойства. В отсутствие негативных эмоций вы наслаждаетесь миром души естественно, безо всяких усилий.

Значит, ключ к счастью – это систематическое устранение или сведение до минимума тех сторон вашей жизни, которые вызыва-

ют стресс любого рода.

Вообразите! Способ прожить счастливую, продуктивную жизнь основан на достижении мира в своей душе путем систематического устранения негативных людей, ситуаций и эмоций, делающих вас несчастным.

Вот это да! Неужели счастья достичь так просто? Вот тут-то и весь фокус. Главное препятствие в устранении всего отрицательного, что вмешивается в ваше счастье, связано с вашей привязанностью к негативным людям и ситуациям, которые это отрицательное порождают. Ваш рациональный ум вырабатывает самые разнообразные веские причины, по которым вы обязаны сохранить существующую ситуацию. Вместо того чтобы работать на вас, вместо выработки решений ваших проблем, ваш удивительный мозг занят кипучей деятельностью, направленной на удержание вас в трясине.

Займемся тем, что называется «мышлением на вершине горы». Пусть ваша мысль забежит вперед и нарисует картину вашей идеальной жизни. Какая Комбинация ингредиентов должна существовать для достижения вами абсолютного счастья? Не беспокойтесь о том, что возможно или невозможно для вас в настоящий момент, освободите свой ум от всех ограничений и станьте полным эгоистом. Просто определите свою жизнь в точности такой, какой она должна быть для достижения вами желаемого мира души.

Что бы вы стали делать? Где бы стали жить? Кто бы там еще был? Как бы вы проводили время, день за днем? Помните, вы не можете поразить цель, не видя ее. Но представив ее ясно, вы с высокой вероятностью поразите ее!

Над чем бы вы поработали больше (меньше) для достижения высшего уровня гармонии и сотрудничества в рабочей обстановке?

А какой была бы жизнь в семье, если бы любимые вами люди жили в состоянии полного мира и удовлетворения? Что бы вы стали делать, чтобы помочь другим стать счастливыми в процессе достижения вашего собственного счастья?

Определяя мир души как собственную цель и планируя все свои действия с учетом продвижения или удаления от этой цели, вы, скорее всего, не сделаете ошибки. Вы будете говорить и по-

ступать правильно. Вы обнаружите, что оперируете набором более высоких принципов. Вы увидите собственные чудесные черты. Ключ к этому – мир в душе».

Здоровье и энергия

Точно так же как мир в душе является вашим нормальным и естественным ментальным состоянием, здоровье и энергия – ваше нормальное и естественное физическое состояние.

У вашего тела есть природная склонность к здоровью. Оно за просто производит энергию в отсутствие ментального или физического вмешательства. Человек излучает здоровье в отсутствие болей и заболеваний. Тело чудесным образом устроено так, что, как только вы перестаете делать определенные вещи, оно обычно восстанавливается и становится здоровым и энергичным само по себе.

Достигнув всего, чего вам хочется в материальном мире, но потеряв здоровье и мир в душе, вы получите очень мало или вовсе не получите никакого удовольствия от своих остальных достижений. Представьте себе, что у вас превосходное здоровье. Подумайте о том, каково бы это было, если бы вы соответствовали собственному идеальному представлению о хорошей физической форме. Как бы вы выглядели? Как себя чувствовали? Сколько бы весили? Какую бы пищу употребляли и какие бы делали упражнения? Чего бы делали меньше и чего больше?» (Трейси Б. Достижение максимума / пер. с англ. В. Ф. Волченков; худ. обл. М. В. Драко; 3-е изд. – Мн.: ООО «Попурри», 2004. – 368 с.).

Кейс № 7

«Здоровье учителя»

Цель кейса: рассмотрение пути сохранения здоровья педагога, выработка элементов стратегии совладания.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая деятельность связана с большой нагрузкой на нервную систему. В классе 20–30 человек и столько же характеров, и к каждому необходимо найти подход, проявить заботу, дать понять ребенку, что педагог только его учитель (Ш.А. Амонашвили). Для сохранения здоровья, работая в таком непростом режиме, педагогу требуется овладеть стратегией совладания, т.е. находде-

ния способа снятия негативных эмоций. Данный кейс построен на материале книги В.А. Сухомлинского «Сто советов учителю», рекомендации которого помогут выработать собственные элементы стратегии совладания.

Задания для обсуждения:

1. В.А. Сухомлинский предлагает переключать внимание педагога и его учеников на интересное духовно объединяющее дело. Предложите тему интересного дела, форму, методы, средства его осуществления.

2. В.А. Сухомлинский для сохранения здоровья предлагает педагогам неприятное, раздражающее сделать смешным. Вспомните различные педагогические ситуации из своего школьного периода или из педагогической практики, когда учитель раздражался и не мог с этим совладать до конца урока. Предложите выход из сложившейся негативной ситуации с помощью юмора.

3. Докажите благотворное влияние природы на человека.

Материал к кейсу

«Учителю надо беречь сердце и нервы. Но как беречь сердце и нервы? Умение владеть собой, держать себя в руках – одно из самых необходимых умений, от которого зависят и успех деятельности педагога, и его здоровье. Неумение правильно тормозить ежедневные и ежечасные возбуждения, неумение владеть ситуациями – вот что, прежде всего, издергивает сердце, изматывает нервную систему учителя.

Я не допускал, чтобы дали ростки семена таких отрицательных явлений, как угрюмость, преувеличение чужих пороков, гиперболизация «ненормальных» детских намерений и действий. Наиболее радикальными средствами являются, во-первых, переключение энергии всего коллектива, с учителем вместе, на дело, требующее духовного единства, коллективного творчества, трудовой сосредоточенности всех и каждого, взаимного обмена интеллектуальными ценностями.

Сделайте неприятное, раздражающее – смешным, и вы станете полным властелином мыслей и чувств коллектива.

Правильный отдых, особенно летом и зимой, развивает и укрепляет компенсаторные способности нервной системы, служит выработке выдержки, уравновешенности, умения подчинять эмоциональные порывы контролю разума. Многие опытные учи-

теля, проработавшие в школе 30, 40 и больше лет, рассказывают, что выдержку, самообладание воспитывает у них, в частности и в особенности, длительное общение с природой, в котором физическое напряжение сочетается с мыслью, наблюдениями.

Надо уметь бережно расходовать нервные силы в повседневном труде – это тоже очень важный залог здорового сердца и здорового духа» (Сухомлинский В. А. Сто советов учителю / В. А. Сухомлинский. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 658 с.).

Кейс № 8

«Мощь улыбка несет».

Цель кейса: обсуждение со студентами силы улыбки педагога; формирование умения использования улыбки как средства позитивного воздействия на ребенка.

Методические рекомендации преподавателю

Улыбка является мощным педагогическим средством. Улыбающийся педагог несет свет, радость, вселяет детям уверенность в свои возможности. Улыбка – неременный атрибут педагога-гуманиста. Улыбка педагога – это не только условие успешности его воспитанников, но и показатель здоровья личности самого педагога. Работая над кейсом, необходимо акцентировать внимание студентов на большом спектре улыбок, которым педагог должен пользоваться, если желает иметь здоровые отношения с детьми. «Улыбнись миру – и он улыбнется тебе». Такой жизненный девиз должен остаться в сознании будущих педагогов после обсуждения вопросов кейса. В качестве материала рекомендуется отрывок из книги Ш.А. Амонашвили «Улыбка моя, где ты?».

Задания для обсуждения:

1. Ш.А. Амонашвили представляет спектр улыбок, которыми педагог должен овладеть и уметь одаривать ими детей в зависимости от различных педагогических ситуаций. Разбейтесь по парам и разыграйте роли педагога и ученика. Смоделируйте самостоятельно педагогическую ситуацию, в которой учитель наглядно продемонстрирует улыбку как средство позитивного воздействия на ребенка.

2. Пофантазируйте на тему: «Мир без улыбок».

3. Докажите, что улыбка является внутренним отражением со-

стояния человека.

Материал к кейсу

«Это было давно, очень, очень давно, когда люди еще не умели улыбаться...

Да, было такое время.

Жили они грустно и уныло. Мир был для них черно-серым. Блеск и величие Солнца они не замечали, звездным небом не восторгались, не знали счастья любви.

В эту незапамятную эпоху один добрый ангел на Небесах решил спуститься на Землю, то есть воплотиться в тело, то есть родиться и испытать земную жизнь.

«Но с чем я приду к людям?» – задумался он.

Ему не хотелось прийти к людям в гости без подарка.

И тогда он обратился к Отцу за помощью.

– Подари людям вот это, – сказал ему Отец и протянул маленькую искру, она светилась всеми цветами радуги.

– Что это? – удивился добрый ангел.

– Это Улыбка, – ответил Отец. – Положи ее себе в сердце и принесешь людям в дар.

– И что она им даст? – спросил добрый ангел.

– Она принесет им особую энергию жизни. Если люди овладеют ею, то найдут путь, по которому утверждаются достижения духа.

Добрый ангел вложил удивительную искру в сердце свое.

– Люди поймут, что рождены друг для друга, откроют в себе любовь, увидят красоту. Только им нужно быть осторожными с энергией любви, ибо...

И в это самое мгновение добрый ангел спустился с Небес на Землю, то есть воплотился в тело, то есть родился, и он не дослушал последние слова Отца...

Новорожденный заплакал. Но не потому, что испугался темной пещеры, угрюмых и еле различимых лиц людей, с недоумением глазевших на него. Заплакал он от обиды, что не успел дослушать: почему людям надо быть осторожными с Улыбкой. Он не знал, как быть: подарить людям принесенную для них Улыбку или утаить ее от них.

И решил: извлек из сердца лучик искры и посадил его в уголке своего ротика. «Вот вам подарок, люди, берите!» – мысленно

сообщил он им.

Мгновенно пещеру осветил чарующий свет. Это была его Первая Улыбка, а угрюмые люди увидели Улыбку впервые. Они испугались и закрыли глаза. Только угрюмая мама не смогла оторвать глаз от необычного явления, сердце ее зашевелилось, а на лице отразилось это очарование. Ей стало хорошо.

Люди открыли глаза, их взгляд приковала к себе улыбающаяся женщина.

Тогда младенец улыбнулся всем еще, еще, еще.

Люди то закрывали глаза, не выдерживая сильного сияния, то открывали. Но наконец привыкли и тоже попытались подражать младенцу.

Всем стало хорошо от необычного чувства в сердце. Улыбка стерла с их лиц угрюмость. Глаза засветились любовью, и весь мир для них с этого мгновения стал красочным: цветы, Солнце, звезды вызвали в них чувство красоты, удивления, восхищения.

Добрый ангел, который жил в теле земного младенца, мысленно передал людям название своего необычного подарка, но им показалось, что слово «улыбка» придумали они сами.

Младенец был счастлив, что принес людям такой чудодейственный подарок. Но иногда он грустил и плакал. Маме казалось, что он голодный, и она спешила дать ему грудь. А он плакал, потому что не успел дослушать слово Отца и передать людям предупреждение, какую им нужно проявить осторожность с энергией Улыбки.

Так пришла к людям Улыбка.

Она передалась и нам, людям настоящей эпохи.

И мы оставим эту энергию последующим поколениям.

Но пришло ли к нам знание: как нам нужно относиться к энергии Улыбки? Улыбка мощь несет. Но как применять эту мощь только во благо, а не во зло?

Может быть, мы уже нарушаем некий важнейший закон этой энергии? Скажем, улыбаемся фальшиво, улыбаемся равнодушно, улыбаемся насмешливо, улыбаемся злорадно. Значит, вредим самим себе и другим!

Нам нужно немедленно разгадать эту загадку, или же придется ждать, пока не спустится с Небес наш добрый ангел, несущий полную весть об энергии Улыбки.

Лишь бы не было поздно.

Что может сотворить энергия Улыбки?

Вот на что она способна:

- поднимает настроение тому, кто улыбается, и тому, кому улыбается;
- закрепляет устремленность к благу в том, кто улыбается, и в том, кому он улыбается;
- иначе говоря, облагораживает того, кто улыбается, и того, кому он улыбается;
- усиливает доверие людей друг к другу, способствует возникновению и закреплению духовной общности;
- помогает зарождению и усилению в людях веры, надежды, любви;
- зовет и ведет людей по пути сотрудничества, облагораживает их общность;
- служит целебной эманацией;
- гармонизирует характер людей, делает их более терпеливыми и уступчивыми;
- облегчает и сокращает путь сближения людей, служит взаимопониманию;
- служит накоплению даров духа;
- гасит злобу, вражду, неприязнь, ненависть;
- делает жизнь людей красивой, радостной. Так улыбка несет мощь.

Улыбка есть духовное даяние, и потому она не может не быть: искренней, сердечной, доброй, спокойной, теплой, светлой. Она исходит от сердца и пропитана любовью. Все это есть качества Улыбки.

Улыбка есть знак, через который выражаются разные спектры отношений и передается человеку мощь того спектра, в котором в данный момент он нуждается больше всего.

Вот какими могут быть спектры Улыбки:

- дружеская улыбка,
- приветливая улыбка,
- улыбка сорадости,
- улыбка ободрения,
- ласковая улыбка,
- улыбка одобрения,
- улыбка согласия,
- улыбка единения,

- улыбка понимания,
- улыбка восхищения,
- улыбка успокоения,
- улыбка сожаления,
- улыбка сочувствия,
- улыбка сострадания.

Человек с духовным состоянием улыбки – это земное солнышко. Такие люди нас согревают, защищают, воодушевляют. Они воспринимаются нами как обаятельные, добрые, чуткие и близкие. Каждый из нас тоже солнышко, если в сердце теплится улыбка для других.

Улыбка есть Особая Мудрость.

Но Мудрость не в том, чтобы улыбка не сходила с лица педагога. А в том, чтобы сердцем почувствовать, кому, когда и какой улыбкой улыбнуться, чтобы энергия Улыбки ребенком была принята.

Улыбка, проявленная в момент истины, может сотворить чудо в воспитании.

Педагогическая Улыбка как духовное состояние учителя, как качество его духа, сопровождает его постоянно, он наращивает в себе ее мощь, он сам становится Улыбкой и распространяет вокруг себя эманацию добра и надежды. Это состояние есть его самое важное достояние, в нем обилие даров его духа. И улавливая тонкие моменты истины или творя их, учитель из своего внутреннего мира излучает нужного спектра улыбку. А ученик в этот момент переживает радость, облегчение, успех, успокоение, то, что именно сейчас ему нужно было» (Амонашвили Ш. А. Улыбка моя, где ты? / Ш. А. Амонашвили // Культура и время. – 2002. – № 4; 2003. – № 1.).

Кейс № 9 **«Стиль жизни»**

Цель кейса: обсуждение со студентами двух основных стилей жизни – оптимистичного и пессимистичного; анализ некоторых нравственных аспектов педагогической деятельности.

Методические рекомендации преподавателю

Часто человек даже не задумывается над тем, какого стиля жизни он придерживается и как этот стиль жизни отражается на его профессиональной деятельности. Учителя жалуются в учительской на учеников, на супругов, на жизнь, на здоровье и т.д. и даже не по-

нимают, что все эти стенания отражаются, прежде всего, на них самих, на их духовном здоровье. Оптимистичному педагогическому взгляду на жизнь необходимо учить, создавая условия, в которых студент увидит негативные моменты пессимистичного стиля жизни и ощутит радость от «прорастающего» в его сознании оптимизма. Очень легко проверить, какой взгляд на жизнь имеет будущий педагог, попросив его описать любое жизненное явление, ситуацию, человека и т.д. Обмануть при таком тесте будет очень сложно. Пессимист просто не увидит того, что видит оптимист. Во второй части кейса рекомендуется обсудить некоторые нравственные аспекты педагогической деятельности. Ведь зачастую пессимисты проявляют озлобленность, негативизм ко всему, что их окружает. Формирование у педагога оптимистичного взгляда на профессию, детей, будущее является важнейшим элементом его профессионально-нравственного становления. Для выполнения предлагаемых в кейсе заданий рекомендуется воспользоваться мудростью О. Хайяма.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Что Вы видите за окном? Опишите.
2. Нарисуйте словесный портрет педагога, который увидел грязь и дождь.
3. Нарисуйте словесный портрет педагога, который увидел «листвы зелёной вязь, весну и небо голубое».
4. Докажите, что зло, совершенное педагогом, может к нему вернуться.
5. Докажите, что учитель, используя ложь в педагогической деятельности, предаёт себя.

Материал к кейсу

В одно окно смотрели двое.

Один увидел дождь и грязь.

Другой – листвы зелёной вязь,

Весну и небо голубое.

В одно окно смотрели двое.

Не делай зла – вернется бумерангом,

Не плюй в колодец – будешь воду пить,

Не оскорбляй того, кто ниже рангом,

А вдруг придется, что-нибудь просить.

Не предавай друзей, их не заменишь,

*И не теряй любимых – не вернешь,
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаёшь*

Омар Хайям

Кейс № 10

«Планирование»

Цель кейса: обсуждение со студентами вопросов планирования жизни, влияния распорядка жизни на «внутреннее государство» человека; формирование умения планирования студенческой и профессиональной жизни.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая деятельность насыщена и разнообразна, она требует охвата многих аспектов: воспитание детей; общение с их родителями; подготовка к занятиям; приобщение детей к искусству (посещение театров, музеев, выставок, чтение художественной литературы) и т.д. На все требуется время, которого не хватает. Помочь студентам сформировать навыки планирования своего времени – это важная задача подготовки их к профессиональной деятельности. Работая над кейсом, необходимо направить мысль будущих педагогов на то, что планирование дня, недели и т.д. способствует эффективному наполнению педагогической сокровищницы. Необходимо акцентировать внимание студентов на содержании этой сокровищницы и тех источниках, которыми она «питается». Построение своего распорядка жизни на неделю предлагается выполнить, опираясь на материалы дневника К.Д. Ушинского.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы думаете, почему К.Д. Ушинский считает, что ум должен быть свободен от повиновения воле?
2. Как Вы себе представляете внутреннее государство человека? Опишите его.
3. О какой сокровищнице пишет К.Д. Ушинский?
4. Какой сокровищницей должен обладать педагог? Каковы ее источники?
5. Изучите внимательно распорядок жизни К.Д. Ушинского на неделю. Согласны ли Вы с таким распорядком дня, прослеживается ли в нем развитие профессионального здоровья как интеграция

физического, духовного, психического и социального? Поясните.

6. Составьте свой распорядок жизни на неделю (для студенческого времени).

7. Составьте свой распорядок жизни на неделю в режиме работы педагогом.

Материал к кейсу

В своем дневнике К.Д. Ушинский (в возрасте 21 год) написал следующий распорядок жизни на неделю:

«Понедельник

Встать в 4 утра;

Работать до экзамена с 5 до 6 часов утра;

На уроках с 9 до 12 часов;

Все нужные дела 12.00–13.00;

Обед и отдых 13.00–14.00;

Читать для ума 14.00–17.00;

Думать о чем-нибудь дельном 18.00–19.00;

Читать что-нибудь нужное 19.00–20.00;

Писать дневник, готовить для урока 20.00–21.00;

Отдыхать с 21.00;

Спать 22.00–4.00.

Вторник

Встать, одеться и читать для ума 5.00–10.00.

Для экзамена, ехать в библиотеку или делать выписки дома 10.00–14.00;

Обедать, отдыхать и немного эстетики 14.00–16.00;

На уроке 16.00–19.00;

Писать в дневник и письма, готовить для уроков 19.00–21.00;

Отдыхать 21.00–22.00;

Спать 22.00.

Среда и четверг как в понедельник, кроме езды в библиотеку.

Пятница

Заниматься для себя 5.00–9.00;

Урок 9.00–12.00;

Отдыхать и обедать 12.00–14.00;

Заниматься до экзамена 14.00–16.00;

Урок 16.00–19.00;

Заниматься до экзамена 19.00–21.00;

Дневник и прочее 21.00–22.00.

Суббота

Заниматься до экзамена 5.00–10.00;

Для себя 10.00–13.00;

Обедать и отдыхать 13.00–15.00;

Заниматься 15.00–19.00;

Урок 19.00–22.00;

Спать 22.00.

Воскресенье

Заниматься 6.00–10.00;

По домашним делам и в гости 10.00–18.00;

Читать 18.00–22.00».

Отрывок из дневника К.Д. Ушинского: «Нечего писать, кроме того, что я не исполнил всего предписанного. О! волю надо укреплять! Пусть в моем внутреннем государстве все повинуется ей беспрекословно, – все, кроме ума, этого вечного закона, неизменного! Он один должен быть свободен от всякого принуждения, повелевать всем, не повиноваться ничему, кроме самого себя, т.е. быть совершенно свободным. Это – не человек с прихотями и страстями, – нет: это основной закон, развивающийся из самого себя. Где бы то ни было, когда бы то ни было, меня ни заставляло его повеление, – я должен низойти до самого источника воли; туда, где она одна присутствует, творящая, – где нет судьбы; туда, куда так трудно проникать непривычному, – куда восходил я (но так редко!), – туда, где лежат неистошимые силы, зародыши всех величий, всего творчества (силы творческой, не материи), – туда-то я должен низойти и выйти оттуда победителем над всеми страстями – бесстрастием, леностью, приличиями – над всем, но – с предписанием ума. Иначе отворят двери этой сокровищницы сколько полезной, столько и страшной, – будет безумным, противозаконным бунтом. А если только прихоть, раздражительность, своеволие, упрямство, нетерпеливость сломят эти двери, то беда: разрушится стройное государство.

Когда-нибудь, любезная Любознательность, я постараюсь описать вам покороче внутренность этой сокровищницы и богатства...» (Ушинский К. Д. Собрание сочинений / сост. К. Д. Ушинский. – М.–Л.: Из-во АПН. – 1950. – Т. 11. – 727 с.).

Кейс № 11

«Наставления по восхождению на горные вершины»

Цель кейса: обсуждение со студентами нюансов профессионально-личностного становления педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Профессиональный путь педагога можно представить в виде восхождения на горные вершины. Сначала педагог покоряет одну вершину, затем другую, и каждый раз он выбирает вершину все выше и сложнее для покорения. Остановившись на долгое время в своем восхождении, педагог перестает развиваться. С высоты этой вершины ему будет трудно увидеть то, что необходимо для его дальнейшей успешной профессиональной деятельности. Необходимо следовать дальше и уже следующая, покоренная им, вершина откроет новый вид, новый взгляд на различные педагогические проблемы. Этот кейс тесным образом связан с кейсами «Жажда развития», «Стиль жизни», «Планирование», работа над которыми подготавливает студентов к пониманию особенностей профессионально-личностного становления педагога. В качестве материала рекомендуется рассказ П. Коэля «Наставления по восхождению на горные вершины».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы считаете, можно ли эти наставления применить к правилам сохранения профессионального здоровья педагога? Обоснуйте свой ответ.

2. С кем бы Вы могли пообщаться для успешного восхождения на вершину?

3. Какие опасности могут подстергать педагога на пути восхождения?

4. Какие виды могут меняться при восхождении? Почему педагог должен остановиться, чтобы насладиться новой панорамой?

5. Какими средствами педагог может сохранить физическое здоровье для того, чтобы восхождение доставляло удовольствие?

6. Какими средствами педагог может сохранить духовное здоровье?

7. Что значит в педагогической профессии «пройти лишний километр»? Как Вы думаете, пойдет ли человеку на пользу это «лишнее» движение?

8. Может быть, Вы уже в своей жизни осуществляли подоб-

ное восхождение. Опишите свои ощущения так, как бы Вы это рассказывали своим воспитанникам, демонстрируя человеческие возможности и пример для подражания.

Материал к кейсу

«Выберите подходящую горную вершину. При этом не слишком прислушивайтесь к тому, что говорят другие: «та вершина красивее», «на эту легче взбираться». Вы потратите массу энергии и энтузиазма, чтобы достичь цели, поэтому принимайте решение самостоятельно, беря на себя всю ответственность за предприятие.

Разузайте, как к ней подступиться. Часто гору видно издалека. Она кажется прекрасной, манящей, обещающей много интересного. Но вот мы подходим к ней ближе, и оказывается, что ее огибают дороги, между вами и горой вдруг возникает непроходимый лес и там, где на карте все гладко, в действительности требуется преодолеть серьезные препятствия. Поэтому сначала разведайте все подходы, все тропинки, чтобы в один прекрасный день оказаться у подножия горы готовым к ее покорению.

Пообщайтесь с теми, кто уже пределал этот путь. Считайте себя первопроходцем, но все же не пренебрегайте советами тех, кто уже осуществил вашу мечту. Они наверняка могут облегчить вам восхождение, подсказав места, где надежнее крепить веревку, по какой тропинке лучше пробираться и как избежать неприятностей. Да, взбираться предстоит вам самому и успех полностью будет зависеть от вас, но не стоит оставлять без внимания опыт предшественников.

Опасности преодолимы, если их видишь вблизи. Когда вы начинаете восхождение на вершину своей мечты, не забывайте об опасностях, которые вас подстерегают. Разумеется, по пути могут встречаться обрывы, почти незаметные расселины, камни, настолько отшлифованные ветрами, что ноги скользят по ним, словно по льду. Но если вы будете следить за тем, куда поставить ногу, то вовремя заметите опасность и сумеете избежать ее.

Виды меняются, поэтому не спешите. Вы, конечно, должны постоянно помнить о своей цели – достичь вершины. Но по мере восхождения перед вами будет открываться много интересных видов, и вам ничего не стоит задержаться на минутку, чтобы насладиться новой панорамой. С каждым отвоеванным метром вы сможете обозревать все большее и большее пространство. Вос-

пользуйтесь этим, чтобы сделать для себя новые открытия.

Считайтесь с возможностями своего организма. Только тот в состоянии покорить вершину, кто бережно относится к своему телу. В вашем распоряжении все время, отведенное вам до конца жизни, поэтому не требуйте от своего организма того, что ему не по силам. Если будете идти слишком быстро, то скоро устанете и вам придется вернуться с полдороги. Если подъем будет слишком медленным, ночь застанет вас в пути и вы собьетесь с маршрута. Любуйтесь видами, наслаждайтесь живительной влагой из горных источников и плодами, которыми вас угощает щедрая природа, но не останавливайтесь, продолжайте восхождение.

Не забывайте о душе. Не стоит все время повторять: «Я дойду». Ваша душа и так знает об этом. Дайте ей воспользоваться долгим подъемом, чтобы вырасти, слиться с горизонтом, вознестись к небу. Одержимость никак не поможет достичь цели, зато лишит вас удовольствия от восхождения. Но хотел бы предостеречь вас от другой крайности: если вы будете то и дело повторять: «Это труднее, чем я думал», – сила духа угаснет в вас.

Будьте готовы пройти лишний километр. Путь к вершине всегда оказывается длиннее, чем предполагалось. Не сомневайтесь: в какой-то момент вы увидите очень далеко от себя то, до чего, казалось, было рукой подать. Но если вы с самого начала настроили себя на большее расстояние, это открытие не повергнет вас в уныние.

Достигнув вершины, дайте волю радости. Плачьте, хлопайте в ладони, кричите на все стороны, что вы дошли, дайте ветру (а на вершине всегда дует ветер) прочистить ваши мысли, освежить потные и уставшие ноги, широко раскройте глаза, стряхните пыль со своего сердца. Какая радость! То, что раньше было всего лишь мечтой, призрачным видением, вошло в вашу жизнь. Вы дошли!

Дайте обет. Воспользуйтесь тем, что вы открыли в себе силу, о которой даже не подозревали, и обещайте не расставаться с ней до конца своих дней. Неплохо бы также дать обет покорить еще одну вершину и отправиться на поиски новых приключений.

Расскажите другим о своем восхождении. Да, расскажите о нем. Послужите примером для других. Пусть все знают, что это возможно. Пусть и другие наберутся смелости, для того чтобы покорить свои собственные вершины» (Коэльо П. Подобно реке/ П. Коэльо. – М.: Астрель, 2006. – 135 с.).

Кейс № 12

«Чудодейственное педагогическое средство»

Цель кейса: формирование у студентов понимания важности юмора как средства, улучшающего физическое и эмоциональное состояние человека.

Методические рекомендации преподавателю

В процессе формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов необходимо акцентировать внимание студентов на таком феномене, как юмор. Педагогическая деятельность сопровождается эмоциональным напряжением, которое необходимо снимать, а юмор, по мнению многих ученых, является очень эффективным для этого средством. Использование юмора на уроке способствует возникновению позитивного отношения учащихся, как к педагогу, так и к его предмету, сохранению здоровья, формированию нравственных качеств и оптимистичного взгляда на жизнь. Мы предлагаем студентам ознакомиться с материалами сайта infourok.ru и рассказом Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы считаете, сколько шуток можно употреблять педагогу на уроке?
2. Можно ли человека без чувства юмора допускать к детям?
3. Вспомните педагогические ситуации в Вашей жизни, когда юмор способствовал повышению эффективности учебно-воспитательного процесса, и охарактеризуйте их.
4. Как можно самостоятельно развивать чувство юмора?
5. Приведите пример, когда учитель смеется не над ребенком, а над его отдельным негативным качеством.
6. Приведите пример, когда учитель зло смеется над ребенком.
7. Какие могут быть последствия от такого высмеивания?
8. Проанализируйте профессиональную модель поведения Харлампия Диогеновича.

Материал к кейсу

1. «Юмор в работе педагога»

ЮМОР (англ.) – веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев; удаль, разгул иронии (Словарь В. Даля).

Среди характерологических особенностей личности хороше-

го учителя, помимо эмпатии (способности сопереживать), доброжелательности и других эмоциональных черт характера, обычно выделяют оптимизм, веселость и юмор. Рассматривая юмор как эмоциональную черту характера, можно выделить разновидности юмора:

- остроумие, являющееся природным даром;
- чувство юмора, которое стоит в ряду других человеческих чувств (можно развивать в себе).

Педагог, обладающий чувством юмора, сохраняет дружелюбие по отношению к объекту юмора, который как бы подвергается своеобразной эмоциональной критике.

Однако юмор может выступать не только как черта характера, но и рассматриваться как педагогическое средство.

Юмор – педагогическое средство, в основе которого лежит осознание участниками коммуникации различного вида несоответствий (между ожидаемым и случившимся, между видимым и реальным и т.д.), связанных с комическим эффектом, снимающим психологическое напряжение и способствующим созданию доброжелательных взаимоотношений.

Характеризуя юмор как педагогическое средство, необходимо, прежде всего, определить его функции в педагогической деятельности, то есть задачи, которые в процессе использования юмора решает педагог.

Функции юмора в педагогической деятельности

1. Информативная функция. Учитель, использующий юмор, не только передает некую информацию о предмете речи, но и проявляет себя как личность (выражает личное отношение к происходящему, а также проявляет умение учитывать индивидуальные особенности ученика).

Чувство юмора в процессе общения, выраженное в утонченном остроумии (каламбуре, анекдоте, юмореске, карикатуре) характеризует культуру, такт и ум человека, создающего комическую ситуацию.

Кроме того, при помощи юмора педагог может выразить личное отношение к происходящему, а также проявить умение учитывать индивидуальные особенности ученика. Последнее приобретает большую значимость, поскольку по реакции собеседника учитель сам получает информацию о нем, в частности, о его воз-

возможности понимать и принимать юмор.

2. Эмоциональная функция. Юмор обеспечивает удовлетворительное самочувствие в любой ситуации. Он позволяет менее болезненно приспособиться к изменившимся условиям.

Практика показывает, что чем выше у участников педагогического процесса способность понимать и создавать юмор, использовать его для преодоления трудных ситуаций, тем менее выражены у них симптомы депрессии – сниженное настроение, низкая самооценка, безнадежное восприятие своего будущего.

Юмор может выступать как средство снятия психологического напряжения, психологической разрядки, создания творческого самочувствия и, в конечном итоге, способствовать эффективности педагогической деятельности. Кроме того, с помощью юмора можно управлять групповыми настроениями, создавать условия для коллективных действий, да и формировать коллектив учащихся. А. Модии из США в книге «О смехе, или целительная сила юмора» писал, что способность человека смеяться такой же важный показатель его здоровья, как и все другие. Человек чувствует себя значительно лучше, когда готов пошутить или посмеяться.

Юмор может выступать как средство собственной эмоциональной поддержки и эмоциональной поддержки окружающих.

3. Мотивационная функция. Юмор выступает как стимул самовоспитания и стимулирует поиск новых средств оценки.

Безусловно, шутка иногда может быть педагогически целесообразной в большей степени, чем наказание или строгий выговор. Кроме того, юмор – это средство выражения индивидуальности как учителя, так и учащихся. Остроумному педагогу всегда легче найти нестандартное решение педагогической задачи. К такому учителю «тянутся» дети. Таким образом, стремление использовать юмор в профессиональной деятельности может быть обусловлено различными причинами, но в любом случае данное педагогическое средство должно способствовать позитивному решению педагогических задач.

4. Регулирующая функция. Юмор регулирует отношения между педагогами, между педагогами и учениками, между учениками.

Иногда, чтобы вступить в общение, педагог начинает с остроумного замечания или рассказа о забавной истории. Заставить

человека рассмеяться – значит войти с ним в эмоциональный контакт, вызвать к себе расположение и в какой-то мере доверие.

Выступая как средство сплочения, юмор способствует благоприятному разрешению конфликтных ситуаций, в результате чего конфликт будет исчерпан. Являясь основой доброжелательных отношений между участниками педагогической системы, юмор предполагает наличие позитивных намерений и положительного идеала у каждого из них.

Общепризнанные этические требования к эффективному использованию юмора в качестве специфического приема воспитательного взаимодействия:

- нельзя подвергать осмеянию личность ребенка, можно смеяться лишь над отдельной чертой его характера либо конкретным поступком;
- высмеивать можно только то, что учащийся может исправить, изменить;
- не стоит первым начинать смеяться над собственной шуткой, даже очень удачной;
- грубые и пошлые шутки есть свидетельство низкой внутренней культуры человека;
- никакая шутка не должна унижать достоинство человека;
- не следует смеяться над случайностью, высмеивать непроизвольный промах школьника;
- нельзя сердиться на проявление юмора учащимися, нужно всегда быть готовым ответить на их шутку, уметь посмеяться над собой.

Примерная классификация юмористических воспитательных приемов:

Намек – указание педагога на факт, сходный по смыслу с тем или иным поступком учащихся либо с ситуацией, в которую попали взаимодействующие субъекты.

Ирония – способ, в котором воспитатель уходит от прямого замечания, обвинения, выговора; для этого он в возникшей воспитательной ситуации противопоставляет действительный смысл произносимой фразы, несколько иной, чаще всего изысканно-галантной, форме её выражения.

Каламбур – (или способ двойного истолкования случившегося события, возникшей ситуации или проблемы) достигается за

счет игры слов, применения оригинального хода мысли.

Гротеск – юмористический прием сознательного воспитательного воздействия, основанный на преувеличении или преуменьшении типичных характеристик того или иного человека, явления, ситуации, жизненного события.

Парадокс – сознательное изменение привычно употребляемой формулировки, произносимой назидательной сентенции из ожидаемого в неожиданный ракурс.

Псевдоконтраст – ложное противопоставление; способ, в котором педагог внешне противопоставляет заключительную часть произносимой им утвердительной фразы или суждения ее началу, на самом же деле – усиливает свою первоначальную мысль.

Юмор и смех возникают там, где человек может хотя бы минимально приблизиться к наблюдению за своим внутренним миром. Это наблюдение основывается на представлении о должном, правильном, о закономерном.

Смех – важнейшее средство познания морали и одновременно проявление нравственного облика самого человека.

В.Я. Пропп

Способность видеть в нарушении дисциплины смешное и пристыдить смешным – в этом проявляется умение проникнуть умом и сердцем в духовный мир ребенка.

В.А. Сухомлинский

Отрицательные стороны юмора:

- «панибратство» учителя и учеников (нарушение дистанции);
- обучение детей злomu высмеиванию, насмешкам.

Учитель должен всегда оставаться с улыбкой на устах – это вселит в детей уверенность в том, что Вы добры, сильны и уверены в будущем. Дети не умеют смеяться среди чужих и неприятных людей. Смех искренний рождается лишь в обстановке дружелюбия и взаимного доверия. Смех физиологически связан со снятием напряженности. Он открывает путь восприятию нового, вызывает разрядку телесной скованности и символизирует освобождение от непосильного груза ненужных проблем, не столько стоящих перед человеком реально, сколько выдуманных вконец запутавшимся в обстоятельствах жизни рассудком. Комическое –

вестник свободы. Мы не просто продлеваем себе жизнь смехом, улыбаясь, мы делаем ее подлинной – яркой, сочной и свежей» [<http://www.google.com.ua/url?url=http://teacherpsy.21309.edusite.ru/DswMedia/yumorvrbotepedagoga.doc>].

2. «Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчет того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, навряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверно, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И все-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, – сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харламбий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нем не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервирует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Все же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было немыслимо. Это было все равно что

подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой и летом, ходил в одной шляпе, вечнозеленой, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из горно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбегали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харламий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он нас заставлял смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздаст на урок, ну примерно на полсекунды после звонка, а Харламий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харламий Диогенович. В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнется, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь понезаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харламия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он дает знать, что само появление такого ученика – редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харламия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришел, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опоздании, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдет в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Все это длится несколько секунд, и, в конце концов, ученик,

неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идет на свое место.

Харлампий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное. Например:

– Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой на оленей. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями, и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харлампий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет, он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать ее. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвется от своих четок или книги и говорит:

– Сахаров, переседайте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встает и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересеживаться

к Авдеенко, который плохо учится.

– Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

– Авдеенко думает, что он лебедь, – поясняет Харлампий Диогенович. – Черный лебедь, – добавляет он через мгновение, намекая на загорелое, угрюмое лицо Авдеенко. – Сахаров, можете продолжать, – говорит Харлампий Диогенович.

Сахаров садится.

– И вы тоже, – обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его едва заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. – ... Если, конечно, не сломаете шею... черный лебедь! – твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Александр Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадь, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича – это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, – не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеется. Все смеются против одного. Если над тобой смеется один человек, ты можешь еще как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось бы что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харлампий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько кило-

метров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилось с ответом. А, между прочим, в задачах тех лет, наверное из-за вредителей, ответы иногда бывали неверные. Правда, очень редко, потому что их к тому времени почти всех переловили. Но, видно, кое-кто еще орудовал на воле.

Но некоторые сомнения у меня все-таки оставались. Вредители вредителями, но, как говорится, и сам не плошай.

Поэтому на следующий день я пришел в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчет задачи, оказалось, что и он ее не решил. Совесть моя окончательно успокоилась. Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

– Ну, как задача?

– Ничего, – говорит он, – решил. При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

– Как решил, ведь ответ неправильный?

– Правильный, – кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие, хотя и заслуженное, но тем более неприятное. Я еще хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих: хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харламий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чем дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харламий Диогенович прошел на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харламий Диогенович, наверное, заметил мое волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на те-

тради писал Алик, потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Все равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался еще тише. У него была такая дурацкая привычка – держать руки на промокашке, от чего я его никак не мог отучить.

– Гитлер капут, – шепнул я в его сторону. Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харламий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка вздернул рукава пиджака, медленно протер нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрее.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

– Кто дежурный? – неожиданно спросил он. Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харламий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока он стирал, Харламий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен, и он ждал, чтобы староста скорее кончил свое нудное протирание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь и в дверях появились доктор с медсестрой.

– Извините, это пятый «А»? – спросила доктор.

– Нет, – сказал Харламий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто

между нами ничего общего не было и не могло быть.

– Извините, – сказала доктор еще раз и, почему-то нерешительно помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа, В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов.

И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

– Можно, я им покажу, где пятый «А»?– сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или еще за чем-нибудь. А потом пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

– Покажите, – сказал Харламбий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру еще в коридоре нашего этажа и пошел с ними.

– Я покажу вам, где пятый «А», – сказал я. Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

– А нам что, не будете делать? – спросил я.

– Вам на следующем уроке, – сказала докторша, все так же улыбаясь.

– А мы уходим в музей на следующий урок, – сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека. Но учительница истории все время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один мальчик из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним

на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что все получилось так потому, что класс пошел в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот мальчик все заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедняка. А потом, через несколько месяцев, когда все успокоилось, он пришел туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унес кинжал.

– А мы вас не пустим, – сказала докторша шутливо.

– Что вы, – сказал я, начиная волноваться, – мы собираемся во дворе и организованно пойдем в музей.

– Значит, организованно?

– Да, организованно, – повторил я серьезно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

– А что, Галочка, пойдем в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, – сказала она и остановилась. Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

– Но ведь нам сказали сначала в пятый «А», – заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в ее сторону, показывая, что никто и не думает считать ее взрослой.

– Какая разница, – сказала докторша и решительно повернулась.

– Мальчику не терпится испытать мужество, да?

– Я малярик, – сказал я, отстраняя личную заинтересованность, – мне уколы делали тыщу раз.

– Ну, малярик, веди нас, – сказала докторша, и мы пошли.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперед, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошел в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и, хотя решение задачи в трех действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не мог припомнить ход своей мысли.

«Не бойся, Шурик, – думал я, – ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

– Молодец, Алик, – сказал я тихо Комарову, – такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато еще реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

– Если это необходимо именно сейчас, – сказал Харлампий Диогенович, мельком взглянув на меня, – я не могу возражать. Авдеенко, на место, – кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошел на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харлампий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

– Ну, кто из вас самый смелый? – сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу острием кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

– Будем вызывать по списку, – сказал Харлампий Диогенович, – потому что здесь сплошные герои. Он раскрыл журнал.

– Авдеенко, – сказал Харлампий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеемся.

Авдеенко подошел к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше, получить двойку или идти первым на укол.

Он заголил рубаху и теперь стоял спиной к докторше, все такой же нескладный и не решивший, что же лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров все больше и больше бледнел. Подходила его

очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался все строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

– Отвернись и не смотри, – говорил я ему.

– Я не могу отвернуться, – отвечал он затравленным шепотом.

– Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, – подготавливал я его.

– Я худой, – шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, – мне будет очень больно.

– Ничего, – отвечал я, – лишь бы в кость не попала иголка.

– У меня одни кости, – отчаянно шептал он, – обязательно попадут.

– А ты расслабься, – говорил я ему, похлопывая его по спине, – тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твердая, как доска.

– Я и так слабый, – отвечал он, ничего не понимая, – я малокровный.

– Худые не бывают малокровными, – строго возразил я ему. – Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосет кровь.

У меня была хроническая малярия, и, сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идет и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и, когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя, казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

– «Скорую помощь»! – закричал я. – Побегу позвоню!

Харламбий Диогенович гневно посмотрел на меня, а доктор-

ша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошел на свое место, как будто не он только что умирал.

– Даже не почувствовал, – сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно все почувствовал.

– Молодец, малярник, – сказала докторша. Помощница ее быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она все еще злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

– Еще потрите, – сказал я, – надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотерла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и все-таки вынуждена протирать мне спину, было еще приятней.

Наконец все кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный лекарства. Ученики сидели, поеживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

– Откройте окно, – сказал Харламбий Диогенович, занимая свое место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул четки и задумчиво перебирал желтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

– Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, – сказал он и остановился. Щелк, щелк – перебрал он две бусины справа налево. – Один молодой человек захотел исправить греческую мифологию, – добавил он и опять остановился. Щелк, щелк.

«Смотри, чего захотел», – подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую, завалиющую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно все исправлено и никаких ошибок быть не может.

– Он решил совершить тринадцатый подвиг Геракла, – продолжал Харламбий Диогенович, – и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

– Геракл совершал свои подвиги как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... – Харламбий Диогенович задумался и прибавил: – Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щелк. На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он ее резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щелкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича.

– ... Мне кажется, я догадываюсь, – проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце мое с размаху влепилось в спину.

– Прошу вас, – сказал он и жестом пригласил меня к доске.

– Меня? – переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

– Да, именно вас, бесстрашный малярик, – сказал он.

Я поплелся к доске.

– Расскажите, как вы решили задачу, – спросил он спокойно и, – щелк, щелк – две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я провалился как можно медленней и интересней.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаюсь по записанным действиям восстановить причину этих действий. Но мне это не удалось. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я еще надеялся, что вот-вот прозвенит звонок и казнь придется отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

– Мы вас слушаем, – сказал Харламбий Диогенович, не глядя на меня.

– Артиллерийский снаряд, – сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

– Дальше, – проговорил Харламий Диогенович, вежливо выждав.

– Артиллерийский снаряд, – повторил я упрямо, надеясь по инерции этих слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова. Я сосредоточился изо всех сил, пытаясь представить ход задачи, и еще раз рванулся, чтобы оборвать эту невидимую привязь.

– Артиллерийский снаряд, – повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздалась сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

– Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? – спросил Харламий Диогенович с доброжелательным любопытством.

Он это спросил так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

– Да, – быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчеты.

– Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, – сказал Харламий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который, хоть и зовется теперь Аликом, а как был, так и остался Адольфом.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошел бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как свое настоящее имя, обнаружили во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И еще я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, прорвался сквозь хохот

класса. Харламий Диогенович поставил мне отметку в журнал и еще что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьезней относиться к домашним заданиям и с нерешенными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому свое.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или хорошая женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться еще некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом несколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, безусловно, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора. По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда» (Искандер Ф. Тринадцатый подвиг Геракла / Ф. Искандер. – М.: Из-во Эксмо, 2014. – 224 с. – Серия «Классика в школе»).

Кейс № 13

«Я буду работать только с сильными учениками»

Цель кейса: обсуждение проблемы профессиональных деструкций, причин их возникновения; определение пути их профилактики.

Методические рекомендации преподавателю

В процессе профессиональной деятельности у педагога могут возникать отклонения в поведении, т.е. профессиональные деструкции. Появление отклонений в поведении значительно снижает эффективность профессиональной деятельности, нега-

тивно сказывается на воспитанниках, на здоровье и эмоциональном состоянии самого педагога. Психологи дают различные рекомендации по коррекции и профилактике профессиональных деструкций. Будущий педагог должен быть готов принимать эти рекомендации и понимать, что возникшие глубокие изменения в профессиональном поведении могут привести к профессиональной непригодности и даже, в некоторых случаях, к разрушению здоровья как психического, так и физического. Мы предлагаем студентам ознакомиться с материалами из книги Е.П. Ильина «Психология для педагогов», а также с отрывком из художественного произведения Л. Нечаева «Ожидание друга, или признание подростка». Важно, чтобы студенты посмотрели со стороны на поведение учителя и проанализировали его с точки зрения появления деструктивных элементов, а также назвали возможные причины их появления.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы думаете, можно ли в педагогической деятельности избежать профессиональных деструкций?
2. Оправдывает ли цель, поставленная учителем первого класса, средства, применяемые им в общении с воспитанниками?
3. Охарактеризуйте нравственный портрет этого педагога.
4. Какие позитивные качества воспитанников уничтожает этот педагог?
5. Каких личностей воспитывают подобные учителя?
6. Сравните поведение двух педагогов, представленных в произведении.
7. Какие деструкции Вы выявили у педагога?
8. Что бы Вы посоветовали этому педагогу?

Материал к кейсу

1. «Профессиональное изменение педагога сопровождается личностными приобретениями и потерями, это не только рост, совершенствование, но и разрушение. Следовательно, профессиональные деструкции неизбежны.

Профессиональная деструкция – это разрушение, изменение или деформация сложившейся психологической структуры личности в процессе профессионального труда. Возникновение и развитие профессиональных деструкций снижает продуктивность выполнения деятельности, негативно влияет на мотивацию

и профессионально-педагогическую позицию. Педагог теряет интерес к своей работе, заикливается на ее отрицательных моментах, предпочитает не выходить за рамки нормативно одобряемой деятельности. Все многообразие факторов, детерминирующих развитие профессиональных деструкций условно делятся на объективные и субъективные.

К объективным факторам отнесены:

- 1) ухудшение социально-экономических условий жизнедеятельности;
- 2) возрастные психологические изменения (ухудшение здоровья, ослабление психических процессов);
- 3) интеллектуальная беспомощность;
- 4) эмоциональная насыщенность педагогической деятельности;
- 5) формирование индивидуального стиля деятельности, способствующего возникновению педагогических стереотипов;
- 6) содержание преподаваемого педагогом учебного предмета;
- 7) внешняя и внутренняя оценка успешности профессиональной деятельности, а также случайные события и неблагоприятные обстоятельства в реализации профессиональных планов.

Вторая группа факторов обусловлена субъективными причинами:

- 1) внутренними условиями развития личности;
- 2) сниженной активностью, необходимой для саморазвития;
- 3) психологическими качествами (агрессивностью, пассивностью и др.) и психофизиологическими свойствами личности (ригидностью, экстернальностью и др.).

Данные психологические особенности личности определяют поведение личности в трудных жизненных и профессиональных ситуациях.

Профессиональные деструкции порождают психическую напряженность, ухудшают самочувствие. Если педагог в течение длительного времени не может разрешить возникший дисбаланс, то это приводит к кризисам профессионального становления.

Деструктивный выход из кризиса может повлечь за собой регресс личности, резкую смену профессии, отход от активной профессиональной деятельности. Это нерациональное, пассивное, неадекватное реагирование на кризис или уход и возложение ответственности за разрешение противоречий на других людей или на обстоятельства.

Виды профессиональной деструкции педагогов

Выученная беспомощность – это привычка жить, не оказывая сопротивления, не принимая ответственности на себя. Данная деструкция возникает, когда педагог очень часто воспринимает отсутствие настоящей связи между его действиями по отношению к учащимся, к самой работе и результатам этих действий в окружающей среде, когда педагог многократно убеждается в непродуктивности и ненужности собственных действий и поступков. Развитию выученной беспомощности способствует авторитарный стиль управления педагогическим коллективом.

Симптомами выученной беспомощности являются пассивность, грусть, тревога, враждебность, когнитивные дефициты, пониженный аппетит, снижение иммунитета, снижение самооценки, изменения нейрохимических процессов.

Эффективными методами коррекции и профилактики беспомощности являются повышение толерантности педагогов к негативным профессионально-педагогическим событиям, развитие мотивации к достижению, к успеху; усиление осознания контроля над происходящим, развитие умений разрешения педагогических проблемных ситуаций и эвристического типа реагирования в сложных ситуациях, развитие настойчивости и позитивного отношения к себе и окружающему миру, а также использование поощрения самостоятельного поведения.

Профессиональный маргинализм. По мнению Е.П. Ермолаевой, профессиональный маргинализм – это личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно-приемлемой для данной профессии профессиональной морали. Профессиональный маргинализм опасен тем, что разрушает социально значимые профессиональные структуры и отношения. Потерявший профессиональную идентичность педагог не принимает на себя ответственность за происходящее в школе, не разделяет гуманистические ценности. Особенно остро эта проблема обозначилась сейчас, когда система образования модернизируется, приоритетной целью образования провозглашается развитие личности учащегося, а это невозможно без профессионального развития педагога. Характерными поведенческими признаками маргинализма являются: закрытость педагога в отношениях с коллегами, агрессивность, ложь как неосознанное искажение фак-

тов, преувеличение своих заслуг, цинизм. Все это делает педагога функционально непригодным к выполнению педагогической деятельности. Профилактика и коррекция профессионального маргинализма заключаются в восстановлении профессиональной идентичности педагога, в моделировании проблемных педагогических ситуаций, развитии креативности и ответственности.

Профессиональная стагнация, по мнению Н.В. Кузьминой, – это снижение уровня профессиональной активности или полная ее остановка. Уровни выполнения профессиональной деятельности могут при этом сильно различаться. Но даже при высоком уровне профессиональной деятельности, реализуемой одними и теми же способами, стереотипно и стабильно, имеет место проявление профессиональной стагнации. В наименьшей степени стагнация наблюдается у педагогов гуманистической и познавательной (методической) центрации. Стагнации способствует то обстоятельство, что педагог ежегодно преподает определенный учебный материал по относительно стабильной программе, использует одни и те же технологии обучения.

Коррекция и профилактика профессиональной стагнации достигаются следующими технологиями: построением альтернативных сценариев профессионального развития; психологическим консультированием, в ходе которого психолог обсуждает с педагогом его конкретные поступки, действия, имеющие место затруднения; работа с профессиональным прошлым, настоящим и будущим.

Психическое выгорание педагогов как признак их профессиональной деформации. Термин «эмоциональное выгорание» (burnout) был введен в научный обиход в 1974 году для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с людьми в эмоционально нагруженной атмосфере (профессии типа «человек – человек»).

Выгорание рассматривается как трехкомпонентная конструкция, включающая эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений.

Эмоциональное истощение проявляется в таких симптомах, как сниженный эмоциональный тонус, опустошение и усталость, утрата интереса к окружающему, эмоциональное пресыщение (отвращение к деятельности), депрессия, агрессивные реакции.

Деперсонализация характеризуется обезличиванием отноше-

ний с людьми, повышением зависимости от других или, наоборот, негативизмом, циничностью восприятия других людей, обращением с учеником как с объектом.

Редукция личных достижений проявляется в негативном оценивании себя, переживании некомпетентности и неуспешности своей деятельности, падении значимости собственных достижений, снижении профессиональной мотивации, упрощении своих профессиональных обязанностей, репертуара используемых приемов, ограничении своих возможностей.

Важнейшей характеристикой труда учителя является его напряженность. По результатам анкетирования учителей Р.А. Макаревич установил, что большая часть их рабочего дня (66,2%) протекает в напряженной обстановке, причем наиболее напряженными являются ситуации общения учителя с учащимися, проведение занятий, организация и проведение внеклассных учебно-воспитательных мероприятий, руководство самостоятельной работой учащихся и др. Большинство опрошенных (особенно в возрасте 25–30 лет) указывают на появление в этих ситуациях волнения, трудноподавляемого волевым усилием, некоторой нервозности, растерянности, ухудшение самочувствия (ощущение сухости во рту, сердцебиение и др.); 50% опрошенных указали на ухудшение результатов их деятельности; 35% – на понижение работоспособности; 20% – на появление нехарактерных ошибок, которые не замечаются. Вероятно, именно напряженность педагогической деятельности является одним из важнейших факторов, деформирующих личность учителя. В связи с этим Р.А. Макаревич указывал в своем исследовании на изменение мимики и речи учителей. У многих участников опроса отмечалось снижение показателей психических процессов: в памяти – воспроизведения; во внимании – объема, концентрации, устойчивости; в мышлении – быстроты, гибкости, логичности. После работы значительная часть опрошенных (45%) чувствует разбитость, подавленность, желание лечь и уснуть.

Как отмечает М.В. Борисова (2005), основными психологическими детерминантами эмоционального выгорания выступают внутренние индивидуально-психологические и внешние социально-психологические факторы. Внутренними факторами являются рассогласование в мотивационной сфере личности, высокий

уровень нейротизма и несформированность навыков осознанной саморегуляции.

К внешним факторам относятся недостатки организационной структуры и негативный психологический климат коллектива.

Н.Н. Киреева и А.И. Анисимова (2009) выявили, что учителя с низким уровнем психического выгорания отличаются меньшим стремлением к дистанцированию, большей склонностью к сотрудничеству и к конструктивному разрешению разногласий, к стабильным и гармоничным взаимоотношениям. Они позитивно воспринимают собственную личность, выше оценивают осмысленность своей жизни, возможность контролировать ее ход. Среди них больше интерналов, т.е. полагающих, что они сами контролируют свою жизнь. Учителя с высоким уровнем выгорания имеют противоположные характеристики.

Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова (2005) пишут, что «к основным факторам, обуславливающим выгорание педагогов, относят ежедневную психическую перегрузку, самоотверженную помощь, высокую ответственность за учеников, дисбаланс между интеллектуально-энергетическими затратами и морально-материальным вознаграждением (фактор социальной несправедливости), ролевые конфликты, поведение «трудных» учащихся». Авторы отмечают, что в связи с тем, что большинство учителей – женщины, к профессиональным стрессорам добавляются загруженность работой по дому и дефицит времени для семьи и детей. Кроме того, низкая оплата труда и относительно низкий социальный статус школьных учителей также являются факторами, способствующими выгоранию. Думается, что все это можно отнести и к воспитателям дошкольных учреждений.

Е.О. Ненарт (2009) выделяет три группы факторов, способствующих выгоранию учителей. Первая группа – условия и содержание труда. Большое количество учащихся в классе, работа с детьми из социально неблагополучных семей. Вторая группа – социально-психологические факторы. Учителя, использующие опекающую стратегию взаимодействия с учащимися, не использующие репрессивную и ситуационную тактики, демонстрируют высокий уровень выгорания. Третья группа – личностные особенности. Более всего подвержены риску выгорания учителя, склонные к перфекционизму, т.е. предъявляющие к себе непомерно вы-

сокие требования. Эти учителя рассматривают свою педагогическую деятельность как предназначение, поэтому у них стирается грань между работой и личной жизнью.

По данным Н.С. Пряжникова и Е.Г. Ожоговой (2008), перечень наиболее часто отмечаемых учителями факторов напряженности их труда выглядит так:

- оскорбления со стороны коллег – 52,5%;
- боязнь администрации (особенно при авторитарном стиле управления) – 40%;
- перегрузки работой в целом – 37,5%;
- конфликты с администрацией по причине ее низкой управленческой культуры и компетентности – 35%;
- негативные проявления в оценках деятельности и личностных качеств со стороны коллег – 25%;
- неадекватная оценка администрацией труда работников – 25%;
- чрезмерно высокая ответственность за результаты работы – 25%;
- различные финансовые затруднения – 25%;
- ошибки в общении с коллегами и администрацией – 17,5%;
- унижение перед коллективом – 15%;
- отсутствие свободного времени – 15%;
- конфликтные ситуации педагога с обучающимися – 12,5%.

Обращает на себя внимание то, что основные стресс-факторы учителя видят в личностных взаимоотношениях с администрацией и с коллегами. Факторы, непосредственно связанные с учебно-воспитательной работой, отмечаются редко (в 5–10%)» (Ильин Е. П. Психология для педагогов / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 640 с.).

2. «В первый класс я летел как на крыльях. Папа с мамой сказали, что устроили меня в лучший класс, к лучшей учительнице. Я радовался ей, как маме...

Учительница первые три дня была ласковой, а потом сказала: «Я могу быть и сердитой, особенно с теми, кто плохо учится». Я плохо читал и считал, и она стала сердиться на меня. Меня это удивляло. «Зачем же я сюда хожу? – спрашивал я сам себя. – Затем и хожу, чтобы меня научили читать и считать!..» Я кое-как считал до ста, в то время как Павленко считал «до сколько угодно» и знал

наизусть таблицу сложения и вычитания и даже таблицу умножения. Родители усиленно готовили его к школе, а я до школы жил большей частью в деревне у бабушки, которая и сама-то едва ли всю таблицу умножения знает.

«У меня показательный класс, – сказала учительница. – Я буду ориентироваться на сильных учеников, буду работать с сильными...» Вот тогда-то мое сердце сжалось, тогда-то я понял, в какую попал беду.

Кроме того, мне трудно было после деревенской вольницы сидеть сиднем по несколько часов кряду. У меня от писания уставала рука. Но я старался: ведь у учительницы нагрузка большая, ведь она за успеваемость борется!.. Наши контрольные работы по математике шли на дополнительную проверку в министерство, к самому главному математику страны.

Я старался, но у меня не получалось, а она действительно работала с сильными. Переутомление, неуверенность, страх, отчаяние – все это теснило мне грудь, накапливалось, свивалось в жгучий клубок. Несколько раз порывался я выплакаться, но папа с мамой не любили слез, с самых малых лет запрещали мне плакать; и я крепился. Меня долго не вызывали к доске, мне еще никто не сделал ничего плохого, но я в воображении своем уже переживал весь позор, который был неизбежен. Не столько за себя, сколько за родителей. Они придавали моей учебе, моим успехам такое значение! Помогите мне тогда по-настоящему хоть кто-нибудь – сколько можно было бы сделать на одном только моем чувстве ответственности! Но мои «заскоки» в понимании материала возмущали родителей, и они от бессилия своего только повышали требовательность, доходившую до бессмысленной жестокости. Рвали, например, тетрадь и заставляли страницы две-три переписывать в новую. У меня немела рука, хотелось отшвырнуть прочь ручку, но вместо этого я переписывал и переписывал, потому что виновата была моя «тупость» и потому что родители хотели мне только хорошего. Так мое чувство ответственности стало порождать страх. Я ждал, когда меня вызовут к доске. Мне было страшно спать, и я клал к себе в постель любимую плюшевую собачку и резинового слоненка.

И вот однажды я лег спать, но через пять минут прибежал к родителям на кухню и разрыдался. Я рыдал и говорил, что боюсь

учительницы, что не знаю, как буду решать примеры у доски, что не могу уснуть, и мама, усадив меня к себе на колени, утешала меня, а папа... папа сердился!

У доски я получил первую тройку, «тонкую тройку, готовую превратиться в двойку», сказала учительница. Я на пальцах считал, а пальцев не хватало. «Разуйся», – подсказала учительница, и класс засмеялся. Потом я схлопотал двойку. Учительница просто не давала думать, гнала и гнала. «Я не могу... не успеваю», – лепетал я, вбирая голову в плечи. «Все могут, а ты не можешь, все успевают, а ты не успеваешь, – отчитывала учительница. – Нам некогда, слабых не ждем!..» Вот какой она выдвинула лозунг. Когда она так говорила, я готов был вскочить и закричать, но вместо этого опускал голову и молчал. Мне было стыдно за нее.

Оксана Панова тоже получила первую двойку и весь день выплакивала свое горе. А я обозлился и подумал: «Пусть кто хочет плачет из-за оценок, а я не буду!» Так я решил с полным правом, потому что чувствовал несправедливость всего происходящего. «Престижный класс!», «равняемся на сильных!», «слабых не ждем!» – против всего этого я протестовал всей своей душой. Куда же девать нас, слабых? Дома я все-таки плакал и думал при этом: «Ладно, я бестолковый, а вы-то, взрослые, как можете быть такими близорукими и несправедливыми?»

Я был перваш, то есть первоклассник, а человека чувствовал в себе во весь рост. Я это к тому, что кое-кто принимает первашей за кукленков, все еще за младенцев.

Дело дошло до того, что однажды девочки-отличницы толкнули в сугроб Оксану Панову и на укоры взрослых ответили: «Ну и что? Она же двоечница!..».

Вот какая вышла мораль. А во время велосипедной прогулки они оставили за городом уставшую девочку, Алену Малкову, а сами укатили. Слабых, сказали, не ждем...

Учительница об этом, конечно, не знала. А я не мог рассказать ей обо всем этом, потому что тогда я еще не умел назвать все это. Да и не было у меня права, потому что я был маленький.

Так у меня возникло отвращение к отметкам, возникла ненависть к пятибалльной системе. Не к труду, не к учебе, а к пятибалльной системе, которая, как мне казалось, жестоко делила людей, делила не на добрых и злых, а на сильных и слабых.

Бывали и светлые минуты. Мне неплохо давалось чтение стихов. Помню, как я впервые декламировал Пушкина.

Вот север, тучи нагоняя...

Левой рукой я уперся в бок, правую отвел вверх и в сторону – как-то само собой так вышло – и прочитал свободно, с чувством. Пятерку получил. Первую.

И по рисованию. Учительница поставила за рисунок «Море» пять и сказала, что, если б можно было, поставила бы шесть. И даже Павленко, командир, главный в классе, ко мне, к простому ученику, в альбом заглянул...

А потом я на уроке труда лошадку вышил, и учительница сказала: «Глаз отвести не могу!» Как радовался я, когда она, чтобы отметить мой успех, подарила мне свою иголку с большим ушком! Я цеплялся за малейшее проявление доброты в учительнице. Я даже немного математически окреп. Неделю не ходил – летал! Дома, в ожидании родителей, я расхаживал по комнатам и напевал: «Первоклассник, первоклассник, у тебя сегодня праздник!..» И когда приходили родители, я протягивал им дневник и говорил, сдерживая счастливую улыбку: «Все-таки не такой уж плохой я у вас ученичок...». Папа с мамой заглядывали в дневник, говорили, что я мог бы хорошо учиться, да леньность мозгов мешает. Конечно, в такие минуты можно было бы и выбирать выражения, но я прощал им, радость моя покрывала все.

Но вскоре пошел новый, еще более трудный материал по математике, компоненты, анализ, – и я снова съехал на тройки, попав в послеурочники. Снова началось мое томление. Учительница снова стала суровой и немилосердной; родители тоже обрушили на меня недовольство, раздражение, гнев и грубость. Я оказался между двух огней.

Ученикам нередко предлагают тему сочинения: «Родители глазами детей». Папам достается, мамам... А вот предложили бы хоть раз написать сочинение на тему: «Учительница глазами школьника». Наверно, полезно было бы. И справедливо. «Она слишком строгая и занятая. Она иногда даже запрещает обращаться к ней, так как ей некогда. Я на уроках прятался за книжку и плакал, потому что не успевал за всеми. А она не замечала. Я думал, что когда-нибудь закричу и убегу из класса... Но куда? Дома – родители...» Такое я записывал в свой секретный дневник.

чок, который сохранился у меня до сих пор. Он очень помогает мне сейчас, когда я пишу свои признания...

Конечно, в сочинении об учительнице я не стал бы чернить ее. Она меня учила, и я сполна оценивал это.

Как я сочувствовал ей! Разве я не понимал: нас в классе сорок пять человек, а она одна, у нее по одной минуточке на человека... Мы нарушаем дисциплину, а ей и программу выполнять, и нас умирять. Олег Рудой, тот так говорил: «Государство ей за всех платит, она обязана и с нами, слабыми, работать, а она на родителей наших груз перекладывает... Хочет стать заслуженной, вот и напирает. А родители не умеют толком объяснить. И все это отражается и на их, и на нашем здоровье. Понимаешь? Так бы тянули на троечки – и ничего, а ей успеваемость нужна. Вот и выходит, что процент дороже детей». В этом была правда, я соглашался с Рудым, но в своих мыслях я шел дальше. Отказываясь от нас, слабых, она фактически признавалась в своем бессилии, то есть в своей слабости. А слабых я жалею. Она ведь тоже с нами замучилась. Ее еще и администрация школы за нас точит. И дочка у нее болеет...

Она и не подозревала, что я строю с ней отношения. Она говорила, что знает о каждом из нас все, но обо мне она знала только, что я робкий и молчаливый, что я слабенький. Она не могла представить себе, что какой-то там первоклашка жалеет ее. Но некоторые ее недостатки вызывали во мне удивление. «Пусть папы придут на двадцать третье февраля с наградами, орденами и медалями. Мы будем их славить». Так сказала она, а я подумал: «Что-то она не то говорит... Как же она не подумала, что у половины класса нет пап! Папы – в разводе...» Мало того. Тот же Рудой встал и сказал: «А у моего папы нету наград». Тогда она заявила: «Что же это за папа – без наград!».

У меня волосы дыбом встали. «Так, – подумал я. – Получаешь пятерки – человек, не получаешь пятерок – неизвестно, кто ты. Есть награды – человек, нет наград – не человек... Так выходит?» У моего папы тоже не было наград.

На перемене мы с Рудым долго и горячо обсуждали этот вопрос. Нам мешал Восцын, который громко – чтоб мы слышали – говорил о том, как много у его папы медалей. Наконец Рудой не выдержал и сказал грубо: «Заткнись. Знаю я, какие у твоего отца медали. «Десять лет безупречной службы», «Пятнадцать лет

безупречной службы ... Но это не за подвиги, а просто за хорошее поведение. Понял? И не хвастай – стыдно!».

Однажды наша учительница заболела, и нам прислали на замену другую. Когда я ошибался, она не кричала, подходила ко мне и тихо спрашивала, почему я сделал так, а не иначе, объясняла, как надо делать, и... и гладила меня!

Заласкала нас она! Нам даже страшно за нее стало: как она при такой ласке со злосчастным процентом справится! Она не ставила нам двоек, вместо них проставляла в журнале точки. «Как же можно без двоек?» – спрашивали у нее девочки, а она говорила: «Двойки не нужны ни вам, ни мне. На мой взгляд, вообще никакие отметки не нужны. Но вы еще маленькие, а вопрос этот слишком серьезный. В нем и взрослым-то еще долго предстоит разбираться». Нужно сказать, что вскоре я стал лучше соображать. Даже в тетради по математике появились пятерки. Та учительница за малейшую помарочку взывала, а эта ничего не значащие оплошности прощала.

Заласкала нас, а нам же хуже вышло. Вернулась наша учительница, позачеркивала пятерки в тетрадках, поставила четверки. Ругать стала: «Ничего не знаете!». Это было несправедливо. Во-первых, мы кое-что знали. А во-вторых, как можно, не давши знаний, – ругать!

Снова началась «работа в темпе».

И я приуныл» (Нечаев Л. Ожидание друга, или признание подростка / Л. Нечаев. – М.: Издательство «Отчий дом», 2014. – 110 с.).

Кейс № 14

«Каждое движение педагога должно воспитывать»

Цель кейса: Обсуждение воспитывающего потенциала внешнего вида педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая практика показала, что дети устремляют свой заинтересованный взор на педагога привлекательного. Их привлекает поначалу внешняя эстетика педагога, а только потом его внутренняя красота. Плохая физическая форма, наличие пагубных привычек, неопрятность в одежде, причёске и т.д. отталкивает детей, что, соответственно, негативно сказывается на учебно-воспитательном процессе. Целесообразно остановиться на некоторых моментах (внешний вид педагога, мимика, жесты, походка и т.д.), которые являются средствами воспитания детей и показателем профессио-

нального здоровья учителя. Предлагается ознакомиться с мыслями А.С. Макаренко и порассуждать, а по некоторым вопросам, может быть, и поспорить с великим педагогом.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Согласны ли Вы с тем, что каждое движение педагога должно воспитывать ребенка? Докажите свою точку зрения.

2. Является ли умение читать по детскому лицу показателем хорошего профессионального здоровья? Как Вы понимаете, что значит читать по лицу? Приведите примеры из педагогической практики или из жизни.

3. Согласны ли Вы с тем, что нельзя допустить воспитание детей при помощи сердечных мучений, мучений души учителя?

4. Согласны ли Вы с тем, что внешний вид (физическая форма, прическа, одежда, макияж и т.д.) являются средством воспитания? Обоснуйте ответ.

5. Разбейтесь по парам (педагог-ученик) и, потренировавшись, изобразите 2–3 варианта разговора педагога и ученика, совершившего проступок. Постарайтесь максимально задействовать мимику, жесты, походку и т.д. в разговоре.

Материал к кейсу

«... Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего, в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так, чтобы у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдерживать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта...

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя.

Можно и нужно развивать зрение, простое физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом...

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умеет играть. Нельзя же допускать, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать.

Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого нужно уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой вашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т.д.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15–20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И оно проявляется вовсе не в парном положении, когда я – воспитатель и ты – мой ученик. Парное положение не так важно, как то,

что вас окружает.

Ваше воспитательное отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе и в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место.

Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением.

Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается на мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет.

Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок, – это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается там, чтобы никто не видел.

Теперь о педагогическом гневе. Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громкому стуку кулаками по столу, крику и т.д. Это не может произвести полезного действия...

Что такое гнев? Все надо понимать диалектически. При мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Не только гнев противопоставляется ровному голосу, ровному голосу я противопоставляю вообще живое переживание человека. Надо представить себе всю лестницу от простого недовольства до гнева. Я должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» – сухим, сдержанным тоном и «Здравствуй» – спокойным, добрым тоном; или: «Все. Можешь идти» – суровым, холодным тоном; или: «Все. Можешь идти» – сдержанным, но мягким тоном. Все это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняйтесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в

подобного рода вещах. Я говорил иногда:

– Я – директор, ты – ученик, ты совершил проступок. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю» (Макаренко А. С. Коллектив и воспитание личности / А. С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1972. – 336 с.).

Кейс № 15

«Думая о теле, вы тем самым заботитесь о душе: одно помогает другому»

Цель кейса: обсуждение со студентами проблемы гармонии тела и души.

Методические рекомендации преподавателю

Этот кейс, как и предыдущий, дает возможность студентам порассуждать над проблемой внешнего вида человека, в большей степени – его физического состояния, а также акцентировать внимание на гармонии тела и души, на том, что отличная физическая форма человека способствует укреплению его духа. Сильному, здоровому человеку гораздо легче преодолеть жизненные трудности и следовать по пути духовного самосовершенствования. Идеал воспитания человека есть гармоничное сочетание физических (внешних) и нравственных (душевных, внутренних) достоинств (калокагатия). В качестве материала, как «пищи» для размышления, предлагается ознакомиться с небольшим рассказом П. Коэльо «Об изяществе», имеющим глубокий философский смысл.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы понимаете, что такое изящество?
2. Считаете ли Вы изящество профессионально важным качеством педагога? Обоснуйте свою мысль.
3. Как Вы понимаете мысль автора: «Благодаря ей тропа считает за честь предложить себя достойному паломнику»?
4. Докажите, что «думая о теле, вы тем самым заботитесь о душе: одно помогает другому».

Материал к кейсу

«Иногда до меня вдруг начинает доходить, что я сию сгорбившись, и тогда я ощущаю некий дискомфорт. В такие минуты, еще не успев сообразить, в чем его причина, я спешу расправить плечи, то есть принять более изящное положение. И, всего лишь выпрямившись, я вдруг понимаю, что это простое движение по-

могло мне, занимаясь своим делом, чувствовать себя увереннее.

Изящество часто считают качеством незначительным, несерьезным, имеющим отношение лишь к моде. Это большая ошибка: человек всегда должен быть изящным и в поступках, и в осанке, потому что изящество – это то же, что и хороший вкус, хорошее воспитание, чувство меры и гармонии.

Изящество и душевное спокойствие требуются всегда, когда мы совершаем нечто важное в своей жизни. Естественно, не следует впадать в крайность и думать только о том, как по красивее сделать жест рукой, сесть, улыбнуться, посмотреть вокруг себя. Но не стоит и забывать, что тело обладает собственным языком, который окружающие, хотя и бессознательно, понимают не хуже слов.

Душевное спокойствие исходит от сердца. Часто терзаемое сомнениями, сердце все же знает, что, обретя истину, оно найдет покой. Физическое изящество, о котором идет речь, исходит от тела и не является чем-то поверхностным – оно отражает то достоинство, с каким человек привык ступать, шагая по этой земле. Поэтому, когда вы чувствуете, что ваша поза неудобна, не спешите делать вывод о ее неестественности: наоборот, она естественна постольку, поскольку трудна. Благодаря ей тропа считает за честь предложить себя достойному паломнику.

Только, будьте добры, не путайте изящество с высокомерием или снобизмом. Изящество – это поза, наиболее подходящая для того, чтобы жест был совершенным, шаг – уверенным, а ваш ближний почувствовал к себе уважение. Изящество достигается, когда человек отбрасывает всякую нарочитость и открывает в себе простоту и сдержанность. Чем проще и сдержаннее поза, тем она прекраснее.

Снег красив своей одноцветностью, море прекрасно тем, что кажется ровным. Но и море, и снег глубоки и знают об этом.

Ступайте по земле уверенно и радостно, не боясь споткнуться. Рядом с вами ваши друзья, которые готовы подставить плечо, когда понадобится помощь. Но не забывайте, что и недруги следят за вами, поэтому усвойте разницу между твердой и дрожащей рукой. Если будет непросто, сделайте глубокий вдох, заставьте себя поверить в то, что нет причин для паники, – и вы станете свидетелем чуда, которое никто не в состоянии объяснить: в вашей душе воцарится покой.

В ту минуту, когда вы принимаете решение и начинаете действовать, постарайтесь мысленно вернуться назад и пройти все

стадии, которые предшествовали вашему шагу. Но делайте это без напряжения, потому что невозможно держать в голове все правила: с раскованным духом, по мере мысленного восхождения от стадии к стадии, вы осознаете, что было самым сложным и как удалось преодолеть трудности. Это отразится на состоянии вашего тела, поэтому будьте внимательны!

Можно провести аналогию со стрельбой из лука: многие стрелки жалуются на то, что, несмотря на многолетние тренировки, они все еще чувствуют нетерпение сердца и дрожание рук и поэтому не попадают в цель. Стрельба из лука помогает узнать нам свои недостатки. В тот день, когда в вас ослабнет любовь к жизни, ваши движения будут лишены простоты и выстрел не удастся. Вы вдруг обнаружите, что вам не хватает силы как следует натянуть тетиву и согнуть лук.

Промаях заставит вас задуматься о причинах неудачи: вы начнете испытывать внутренний дискомфорт, неведомый вам ранее. Это неприятное ощущение возникнет оттого, что тело ваше внезапно состарится, утратит изящество. Смените положение, расслабьте мышцы головы, выпрямите позвоночник, расправьте грудь навстречу миру; думая о теле, вы тем самым заботитесь о душе: одно помогает другому» (Коэльо П. Подобно реке / П. Коэльо. – М.: Астрель, 2006. – 135 с.).

3.2. Кейсы, способствующие формированию нравственных чувств и переживаний будущих педагогов

Кейс № 1

«Мир нравственных чувств и переживаний»

Цель кейса: обсуждение со студентами роли чувств и переживаний в жизни человека.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая профессия, как человековедческая, требует от ее представителя не только высокого уровня знаний, но и развитости эмоционально-чувственной сферы, способствующей построению партнерских и сотворческих отношений между всеми субъектами воспитательного процесса. У педагогов, богатых на прекрасные чувства, возвращаются прекрасные

воспитанники, живущие по законам Красоты, Чести, Справедливости. Невозможно «сухому», бесчувственному педагогу пробудить высшие чувства у ребенка. На всех этих моментах рекомендуется акцентировать внимание студентов в процессе работы над кейсом. В качестве материала предлагается: «Притча о сердце», стихотворение А. Болутенко «Богатство чувств», статья из педагогической публицистики Я. Корчака «Чувство» и его обращение к взрослому читателю в книге «Когда я снова стану маленьким».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. О каком чувстве говорится в притче? Почему для этого чувства нельзя закрывать сердце на замок?
2. Какие чувства может порождать наша душа?
3. Какие чувства Вы относите к нравственным?
4. Поясните такие строчки: «Чем глубже чувства, тем душа богаче».
5. Какими чувствами должна быть богата душа педагога? Поясните значение каждого чувства.
6. Актуальна ли сейчас проблема соотношения интеллекта и чувства?
7. Как Вы думаете, почему Я. Корчак чувства ставит прежде интеллекта?
8. Как Вы понимаете «надо подниматься до их (детей) чувств»?

Материал к кейсу

Ничто – ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования: в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строю

К.Д. Ушинский

Чувство – особая форма отношения человека к явлениям действительности, обусловленная их соответствием или несоответствием потребностям человека. Чувство, как эмоциональное отношение человека к многообразным явлениям и сторонам действительности, выявляет в характере этого отношения особенности данного человека, его моральные убеждения, его внутренний мир.

1. Притча о сердце

«Жило было на свете Сердце. Оно тихонько жило в глубине души. И, в общем-то, никому не мешало.

Однажды в душу зашло Чувство. Это было давно. Чувство Сердцу понравилось. Сердце очень дорожило Чувством, боялось его потерять. Даже дверь на ключ закрывать начало. Они подолгу бродили по закоулкам души, разговаривали ни о чем, мечтали. По вечерам они вместе разводили костер, чтобы согреть душу.

Сердце привыкло к Чувству, и ему казалось, что Чувство останется с ним навсегда. Чувство, собственно, так и обещало. Оно было такое романтическое. Но однажды Чувство пропало. Сердце искало его везде. Долго искало. Но потом в одном из уголков души нашло прорубленную топором дыру. Чувство просто сбегало, оставив огромную дыру.

Сердце во всем винило себя – оно слишком верило Чувству, чтобы обижаться. В память о Чувстве осталась одна дыра в душе. Она не заделывалась ничем. И ночами через нее залетал Холодный и Злой Ветер. Тогда душа сжималась и леденела.

Потом в душу пытались заглянуть еще другие чувства. Но Сердце их не пускало, каждый раз выгоняя веником через дыру. Мало-помалу чувства и вовсе перестали заходить.

Но однажды в душу постучалось совсем странное Чувство. Сначала Сердце не открывало. Чувство не полезло в дыру, как это делали предыдущие, а осталось сидеть у дверей. Весь вечер Сердце бродило по душе. Ночью улеглось спать, на всякий случай положив веник рядом с кроватью. Прогонять никого не пришлось. Наутро, заглянув в замочную скважину Сердце убедилось, что Странное Чувство по-прежнему сидит возле двери. Сердце начало нервничать, понимая, что нельзя прогнать того, кто еще не зашел.

Прошел еще день. Смятению Сердца не было предела. Оно поняло, что до смерти хочет пустить Странное Чувство. И до смерти боится это сделать. Сердцу было страшно. Оно боялось, что Странное Чувство сбежит, как и первое. Тогда в душе появится вторая дыра. И будет сквозняк.

Так проходили дни. Сердце привыкло к Странному Чувству у двери. И однажды, по хорошему настроению, впустило-таки Странное Чувство. Вечером они разожгли костер и впервые за столько лет отогрели душу по-настоящему.

– Ты уйдешь? – не выдержав, спросило Сердце.

– Нет, – ответило Странное Чувство, – я не уйду. Но при условии, что ты не будешь меня удерживать и не будешь запирасть дверь на замок.

– Я не буду запирасть дверь, – согласилось Сердце, – но ты ведь можешь убежать через старую дыру.

И Сердце рассказало Странному Чувству свою историю.

– Я не бегаю через старые дыры, – улыбнулось Странное Чувство, – я другое чувство.

Сердце ему не поверило. Но пригласило на прогулку по душе.

– А где твоя старая дыра? – любопытствовало Странное Чувство.

– Ну вот, – горько усмехнулось Сердце. И показало место, где располагалась дыра...

Но дыры на месте не было. Сердце слышало, как ругается злой холодный ветер с внешней стороны души.

Сердце посмотрело на Странное Чувство, улыбнулось и сказало только, что не будет запирасть дверь никогда...» (<http://www.syntone.ru/library/parables/content/5814.html>).

2. Богатство чувств

*Рассеялась тревога, словно тучи,
И радуга вновь вспыхнула в душе,
А настроенье сразу стало лучше:
Ведь радоваться я могу уже.
Душа – источник высшего искусства,
Всегда способна делать чудеса,
Она создать любые может чувства,
В которых отвращенье иль краса.*

*Их создаёт мгновенно и умело:
То солнца луч зажжёт, то бросит тень,
Душа меняет чувства, то и дело:
Иль чёрная в ней ночь, иль светлый день.*

*Чем глубже чувства, тем душа богаче,
Тем интересней человек тогда,
Коль в чувствах мель, всё сложится иначе,
С бесчувственным в судьбу придёт беда.*

*Когда в душе сияют чувства ярко,
В ней благородство и ни капли лжи,
От Бога нет весомее подарка,
Чем светлых чувств богатство для души.*

А. Болутенко

3. Чувство

«Неудивительно, что мускулы утратили свое значение. Они уже только как отдых и развлечение, задача их – сохранять в ясной свежести ум, не позволить ему переутомиться. Но труд, достаток и удобства дает железо, погоняемое и управляемое мозгом.

Неудивительно, что мы так уважаем интеллект. Столько всего позволил нам он выяснить, покорить, запрячь в работу; мы обязаны ему многими эффектными победами. Впрочем, он действует открыто, перестал уже быть тайной и, переведенный на язык цифр, поддается измерению и почти взвешиванию.

Интеллект удобен. К счастью, случайно объявился когда-то кто-то исключительный – и уже всему человечеству во все времена, без особых заслуг и достоинств, сразу, даром – выгода, прибыль, барыш. Значит, искать, шарить, вынюхивать, ждать с тоской Эдисонов, Пастеров, Менделей. Они за нас: богатый дядюшка и свора нахлебников.

Чувство иначе. Оно ищет, как достичь, добыть и напитать людей. Две тысячи лет, как Христовы законы почти безнадежно... Всяк тут сызнава и лишь для себя одного. Впрочем, чувство слишком летуче, чтобы знать. Машины и тесты говорят, способны ли, может ли; остается трагичное – а захочет ли? Мог бы: и полезный, и ценный, уважаемый и счастливый, почему ж вредитель, почему именно уголовщина?

Пытаются через интеллект к чувствам. И всеобщее обучение, и хорошо проветриваемые школьные здания. Уже меньше кулак и штык, что ж, когда браунинг и отравляющие газы.

Познать человека, значит, прежде всего изучать ребенка на тысячу способов. Другие могут – а чем я хуже? И я это делаю – ненаучно, доморощенно, смотрю невооруженным взглядом.

И видится мне, что не интеллект. Не вижу разницы. Дети и я – тот же процесс мышления – все то же самое, я только дольше живу.

Но в области чувств ребенок иной. Следовательно, не рассуждать, а вместе с ним чувствовать: по-детски радоваться и грустить, любить и сердиться, обижаться и стыдиться, опасаться и доверять. Как мне это сделать и, если получится, как научить других?

Педология – может быть, я скажу глупость – обязана говорить очень много о физическом развитии ребенка, столько же о чувствах и только потом уже – интеллект» (Корчак Я. Как любить ребенка: книга о воспитании / Я. Корчак; Пер. с польск. – М.: Политиздат, 1990. – 493 с.).

4. «Вы говорите:

– Дети нас утомляют. Вы правы. Вы поясняете:

– Надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь!

Не от этого мы устаем. А оттого, что надо подниматься до их чувств.

Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть» (Корчак Я. Как любить ребенка: книга о воспитании / Я. Корчак; Пер. с польск. – М.: Политиздат, 1990. – 493 с.).

Кейс № 2

«Возможное будущее»

Цель кейса: формирование эмоционально-чувственной сферы будущих педагогов на основе размышлений над проблемой снижения чувствительности и ее последствий для человечества.

Методические рекомендации преподавателю

Очень часто от представителей разных профессий, в чьих услугах нуждаются люди, можно услышать такие фразы: «Давайте без эмоций!», «Чувства будете проявлять в другом месте!» и т.п. Особенно это странно и страшно слышать от представителей педагогической профессии. Основываясь на результатах работы с кейсом «Мир нравственных чувств и переживаний», целесообразно остановиться на обсуждении последствий снижения уровня чувствительности человечества, обсудить возможные варианты будущего, представляемые учеными. Может быть, все не так страшно и нет поводов для беспокойства? Обсуждение проблемы рекомендуется провести в форме дискуссии. Для этого предла-

гается студентам разбиться на 2 группы – одна доказывает, что мир без чувств – это нормально, другая группа опровергает это мнение. Целесообразно студентам записать несколько позиций в пользу своего видения будущего, а затем последовательно выслушать аргументы и контраргументы. В качестве материала для кейса рекомендуется отрывок из книги С.В. Вальцева «Закат человечества» и статьи Д. Карлина «Парадоксы нашего времени».

Задание для обсуждения:

Пофантазируйте на тему «Мир без чувств – это хорошо или плохо?» и запишите свои позиции и аргументы, доказывающие правомерность Ваших мыслей. Представьте на обсуждение Ваши позиции.

Материал к кейсу

1. «Что будет потом?»

Что будет потом, после заката человечества? Существуют два наиболее вероятных сценария развития человечества.

Возможное будущее № 1

Утрата духовности ведет к примитивизации души человека. За этим происходит интеллектуальная примитивизация, а затем – рост ненормальности, ведь для человека, лишённого души, неведомы понятия нравственности.

Итог тихого, без взрывов и паники, катаклизма будет трагичен: люди как вид вымрут. То, что останется, будет постлюдьми, некими полуроботами-полуживотными, интересы которых ограничатся их собственным индивидуальным существованием, основой которого будет максимизация удовольствий и стремление к завоеванию социального статуса. Уже сейчас многие не видят ничего плохого в закате человечества:

«Человек – лишь один из биологических видов, такой же, как и прочие, и в длительной перспективе может уступить первенство другому виду разумных существ, и нет оснований считать, что это будет большой утратой» (Профессор Колорадского университета Д. Джемисон).

А многие уже с упоением пишут о новой эпохе, расхваливая новые возможности нового человекоподобного существа:

«Биологическое человечество – лишь маленькая начальная ступенька в развитии более высокой электронной цивилизации. Последняя станет основой для возникновения следующего уровня»

и, возможно, создания некоего Высшего Разума Вселенной. Уже в 2020–2030 годах развитие электроники позволит смоделировать на компьютере 10 миллиардов нейронов человеческого мозга и переписать их связи в чипы. Человек с этого момента станет бессмертным. Он обретет электронный мозг и механическое тело, которому, по желанию человека, придадут красивое лицо, стройную фигуру и нежную кожу Мэрилин Монро или огромную физическую силу Шварценеггера. Новый электронный человек будет обладать не только слухом и зрением, он станет ощущать мир всем арсеналом современных датчиков. Обучение электронного человека, в отличие от биологического, будет занимать не годы, а секунды. Поскольку он будет представлять не что иное, как информацию, записанную в электронном мозге, то при путешествиях в Космос не нужно будет пересылать физические тела людей на космических кораблях...» (PravdaSevera.Ru).

Выражение «гибель человечества» не надо понимать буквально. Люди как существа не исчезнут, но станут совершенно иными. Это будут существа с упрощенным духовным миром, но хорошей работоспособностью, похожие друг на друга, покоряющие звездные пространства, питающиеся заменителями еды в виде таблеток и размножающиеся с помощью клонирования.

«В итоге все, чем гордится нынешняя западная цивилизация: научно-технический «прогресс», удлинение сроков жизни, возрастающий комфорт, благоустроенность быта – только случайный, побочный продукт рыночных межличностных отношений, здесь нет никакого цивилизационного устремления к гуманизации, одухотворению смысла общечеловеческой судьбы. И все это цивилизационно-рыночное благополучие неизбежно и скоро перейдет в фазу угасания и упадка из-за разрастания человеческого скотства, бездуховности на фоне освоения все более сложных и энергоемких промышленных технологий «освоения космоса» и т.п. В точном соответствии с пророческим сценарием фильма «Кинд-дза-дза», когда секундные перемещения в космосе на миллионы парсеков будут осуществлять цивилизационно, нравственно деградировавшие люди, разорившие и уничтожившие хищничеством биосферу не одной планеты, безжалостные, подлые по отношению друг к другу (Водолеев Г. Люди цивилизации денег [Электронный документ] / Г. Водолеев // Режим доступа: <http://ari.ru/publication>).

Человекоподобное существо лишь внешне будет напоминать человека, но его внутренний духовный мир будет иным, нежели тот, который был у человека на протяжении тысячелетий.

Возможное будущее № 2

Возможен и другой вариант. Землю не будут населять деградированные человекоподобные существа. Постепенно люди станут подобны машинам, а затем настоящие машины превзойдут машиноподобных людей. Ведь машины уже сегодня считают лучше, чем мы. В 2000 году был создан компьютер, проделывающий в секунду столько же операций, сколько человек мог бы произвести за 10 миллионов лет.

Духовность человека – его отличие и его преимущество. Только люди обладают духовностью. Все остальное у человека неконкурентоспособно.

По показателям биологического приспособления к природе человек значительно уступает подавляющему большинству представителей животного мира. Если человека вернуть в животный мир, он потерпит катастрофическое поражение в конкурентной борьбе за существование и сможет проживать только в узкой географической полосе своего возникновения – в тропиках, по обе стороны близко к экватору. У человека нет теплой шерсти, у него слабые зубы, вместо когтей – слабые ногти, неустойчивая вертикальная походка на двух ногах, предрасположенность ко многим заболеваниям, деградированная иммунная система.

Интеллектуальная природа, как выясняется, также теряет свою конкурентоспособность. По многим параметрам человек проигрывает даже современным техническим устройствам, не говоря о будущих. Вот что пишет относительно интеллекта людей английский профессор кибернетики К. Уорвик:

«Если мы не научимся подключать дополнительную память или «объединять» мозг многих людей, мы неизбежно будем отставать от машин, чей интеллект, не ограниченный размерами мозга и другими параметрами, стремительно развивается.

Кто-то может сказать: «В любом случае мы будем осуществлять контроль над машинами, даже если по уровню интеллекта они и превзойдут нас. Неважно, каков этот уровень, если мы контролируем их – если мы можем включать и отключать их, когда

хотим, значит, с нами все будет в порядке».

Вообразите на секунду, что вы – очень интеллектуальная машина и что человек, который далеко не так умен, как вы, включает вас, задает вам работу, на которую сам не способен, потому что гораздо глупее вас, а затем – отключает вас. А вы при этом просто физически не можете ни включить себя, ни выключить. Смирились бы вы с такой ситуацией?» (Уорвик К. Наступление машин. Почему миром будет править новое поколение роботов / К. Уорвик. – М.: Наука, Интерпериодика, 1999. – 240 с.).

Причем это не научная фантастика, это предсказания английского профессора, приводящего в своей книге много фактов развития искусственного интеллекта и робототехники.

Мы, люди, строим мир, где нам самим делать будет нечего. Там, где все стремится к повышению рентабельности, рациональности, человек с его эмоциями, болезнями и прочими с точки зрения рационального устройства жизни «сбоями» – лишний. Он все меньше работает физически, все меньше работает умственно, душа его угасает. За него все делают компьютеры и роботы. Человек становится придатком машин, постепенно из их властелина превращаясь в раба. Он вытесняется из мира, и все идет к тому, что скоро он вообще не будет нужен. Эволюционно у человека нет перспектив.

Рентабельность выживает человека из этого мира. Благодаря прогрессу мир уже сможет обходиться без человека. Цикл жизни замкнется, и люди окажутся в нем ненужной деталью.

«Мыслящие машины все возьмут под свой контроль и, в конце концов, станут хозяевами... Грядущее, которое ожидает человека, превратится в «мальчика по вызову, обслуживающего будущих роботов»» (Вальверде К. Философская антропология / Карлос Вальверде; пер. с испан. Г. Вдовиной. – М.: «Христианская Россия», 2001. – 412 с.).

«Уже сегодня предрекают революцию нового типа – революцию роботов. Человечество находится на пороге новой эры, когда роботы станут неотъемлемой частью повседневной жизни, считает Б. Гейтс. По мнению создателя знаменитой корпорации Microsoft, в ближайшее время в роботехнике произойдут революционные изменения, схожие с прорывом в вычислительной технике 30 лет назад. Роботы станут столь же доступными и широкоиспользуемыми, как сейчас компьютеры. Свое видение новой

эпохи Б. Гейтс изложил на страницах январского номера популярного американского журнала Scientific American. По его мнению, роботы ближайшего будущего окажутся мало похожими на их собратьев из фильмов «Звездные войны» Лукаса. «Но по мере того, как эти устройства будут становиться все более доступными потребителям, они станут оказывать все большее влияние на то, как мы работаем, общаемся, учимся и развлекаемся».

Согласно закону одного из основателей компании Intel Г. Мура, удвоение сложности микропроцессоров происходит каждые 18 месяцев. Исходя из этого закона, уже в ближайшее время компьютер окончательно превзойдет человека.

Главные проблемы начнутся тогда, когда компьютеры станут лучше нас. Создав машину, не уступающую ни в чем нашему собственному мозгу, мы затем заменим процессор на более быстрый или увеличим размер памяти, и компьютер станет совершеннее нас. Мы тут же получим машину, которая будет работать лучше, чем наш собственный мозг. Возможно, она сможет сконструировать более совершенный компьютер, чем могли бы это сделать мы. А этот компьютер, в свою очередь, сможет создать еще более совершенную машину, и так далее, возможно, даже с реализацией закона Мура в обозримом будущем. Через восемнадцать месяцев после того, как мы сконструируем компьютер, равный по мощности обработки данных нашему мозгу, появится новый компьютер, вдвое более мощный, а еще через восемнадцать месяцев мы получим компьютер с эффективностью обработки данных, в четыре раза превышающей нашу собственную. И так далее. Ничто из этого не является невозможным. Например, нейроны человека передают сигналы со скоростью 200 метров в секунду, в то время как электронные сигналы движутся со скоростью 100 миллионов метров в секунду в меди, а сигнал в оптическом процессе может в принципе перемещаться со скоростью 300 миллионов метров в секунду. Следовательно, можно обоснованно ожидать улучшения в скорости мысли в миллион раз, если разум будет перенесен от плоти к электронной матрице того же размера. Фактически сверхразумный компьютер – это последняя машина, которую сотворит человек. Как только компьютеры превзойдут нас по разуму, они неизбежно возьмут над нами верх. Очень скоро мы подойдем к этапу, когда компьютеры, конструирующие новое поколение машин, даже не смогут нам объяснить, что они делают: мы просто не сможем понять их объяснения. Даже на этом этапе человечеству может найтись

применение. Нам, может быть, даже разрешат убираться возле этих машин – хотя, возможно, чая они требовать не станут. Они, возможно, оставят нескольких из нас в качестве домашних животных или же станут рассматривать наши причудливые мыслительные процессы как естественный источник развлечений» (Адамчик М. В. 50 версий гибели человечества: 50 фактов, способных изменить наш мир / М. В. Адамчик. – Мн.: Харвест, 2006. – 224 с.).

Калифорнийский футуролог Вернор Виндж предсказывает: «В течение тридцати лет у нас появится технологическое средство для создания сверхчеловеческого разума. Вскоре после этого эпоха человека закончится».

Горькая истина заключена в современную шутку: «В двадцать первом веке люди перестанут лгать, лицемерить, красть, убивать. За них это будут делать машины» (Вальцев С. В. Закат человечества / С. В. Вальцев. – М.: Книжный мир, 2010. – 384 с.).

2. Парадоксы нашего времени (Д. Карлин)

Вот слова, написанные в 70–80–х годах прошлого века, но актуальные сейчас, как никогда:

«Парадоксом нашего времени является то, что мы имеем высокие строения, но низкую терпимость, широкие магистрали, но узкие взгляды.

Тратим больше, но имеем меньше, покупаем больше, но радуемся меньше. Имеем большие дома, но меньшие семьи, лучшие удобства, но меньше времени.

Имеем лучшее образование, но меньше разума, лучшие знания, но хуже оцениваем ситуацию, имеем больше экспертов, но и больше проблем, лучшую медицину, но хуже здоровье.

Пьем слишком много, курим слишком много, тратим слишком безответственно, смеемся слишком мало, ездим слишком быстро, гневаемся слишком легко, спать ложимся слишком поздно, просыпаемся слишком усталыми, читаем слишком мало, слишком много смотрим телевидение и молимся слишком редко.

Увеличили свои притязания, но сократили ценности.

Говорим слишком много, любим слишком редко и ненавидим слишком часто.

Знаем, как выжить, но не знаем, как жить. Добавляем года к человеческой жизни, но не добавляем жизни к годам.

Достигли Луны и вернулись, но с трудом переходим улицу и знакомимся с новым соседом. Покоряем космические пространства, но не душевные. Очищаем воздух, но загрязняем душу.

Подчинили себе атом, но не свои предассудки. Пишем больше, но узнаем меньше.

Планируем больше, но добиваемся меньшего. Научились спешить, но не ждать. Создаем новые компьютеры, которые хранят больше информации, чем раньше, но общаемся все меньше.

Это время быстрого питания и плохого пищеварения, больших людей и мелких душ, быстрой прибыли и трудных взаимоотношений.

Время роста семейных доходов и роста числа разводов, красивых домов и разрушенных домашних очагов.

Время коротких расстояний, одноразовых подгузников, разовой морали, связей на одну ночь; лишнего веса и таблеток, которые делают все: возбуждают нас, успокаивают нас, убивают нас...

Уделяйте больше времени тем, кого любите, потому что они с вами не навсегда.

Запомните, скажите добрые слова тем, кто смотрит на вас снизу вверх с восхищением, потому что это маленькое существо скоро вырастет и его уже не будет рядом с вами.

Запомните и горячо прижмите близкого человека к себе, потому что это единственное сокровище, которое можете отдать от сердца, и оно не стоит ни копейки.

Запомните, и держитесь за руки, и цените каждое мгновение жизни» (Карлин Д. Парадоксы нашего времени [Электронный документ] / Д. Карлин // Режим доступа: <http://i100k.ru/blog/paradoksy-nashego-vremeni-dzhordzh-garlin.htm>).

Кейс № 3

«Противоположности»

Цель кейса: формирование эмоционально-чувственной сферы будущих педагогов на основе размышлений над противоположными чувствами; обоснование силы нравственного чувства.

Методические рекомендации преподавателю

Мир полон разных чувств – злобы и доброты, справедливости и несправедливости, любви и ненависти и т.д. Что дают эти чувства человеку – их обладателю и миру, который воспринимает их

многообразии? Богат ли человек, имеющий прекрасные чувства в своей душе, и в чем проявляется его богатство? После прослушивания произведения С. Копыловой «Окно» рекомендуется сориентировать рассуждения студентов в данном направлении.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Сравните модель поведения двух людей, представленных в поэтических строках.

2. Какое воздействие на мир оказывают подобные люди? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

Окно

*Лежали в больнице в палате одной
Два тяжело больных человека.
Один у окошка лежал, а другой –
У двери, где не было света.
Один постоянно в окошко глядел,
Другой – лишь на краску дверную,
И тот, что у двери, узнать захотел,
Про жизнь за окошком другую.
С готовностью первый больной рассказал,
Что видно ему из окошка:
– Там тихая речка, дощатый причал,
И ходит по берегу кошка.
По синему небу плывут облака,
Причудливые, как зверушки,
Сидят на причале там два рыбака,
И с внуком гуляет старушка.
И так каждый день – то про сказочный лес
Рассказывал, то про влюблённых...
Другой же сосед перестал даже есть,
Считая себя обделённым.
Он мучился злобой, и зависть росла,
Его постепенно съедая,
Не мог он понять, почему же была
Тут несправедливость такая.
Однажды сосед у окна занемог,
Что не было сил разогнуться,
Он стал задыхаться и даже не мог*

*До кнопки своей дотянуться.
У двери сосед мог на кнопку нажать
И вызвать сестру милосердя,
Но он не нажал, а остался лежать,
Глаза закрывая усердно.
На утро сестра милосердя пришла
Постель поменять за покойным,
Сосед попросил, и она помогла
Занять эту самую койку.
Когда ж он в окно, наконец, посмотрел,
На шее задёргалась вена:
Увидел он вместо того, что хотел, –
Глухую высокую стену.
Он был потрясён и сестре рассказал,
Про тихую чистую речку,
Про сказочный лес, про дощатый причал
И небо в кудрявых овечках...
– Ах, если б он видел, – сказала сестра, –
Всю жизнь он слепым оставался.
– Зачем же тогда?.. – тут больной прошептал.
– Да он вас утешить старался...*

С. Копылова

Кейс № 4

«Постижение мудрости педагогической любви»

Цель кейса: возвращение у будущих педагогов чувства любви и преданности детям.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая профессия является самой гуманной и самой эстетической профессией в мире, в основе которой лежит любовь к детям. Только любящий педагог, как ваятель, способен красиво изваять и расписать «Божьи изображения» – детей, чтобы придать им «наибольшее сходство с оригиналом» (Я.А. Коменский). Понять ребенка, проникнуть в его внутренний мир и наполнить этот внутренний мир любовью может только тот педагог, чье сердце отдано детям, кто заботится о них как о драгоценных цветах нашей жизни. Будущие педагоги с первых дней обучения в вузе должны уверовать в то, что без любви к детям профессию-

нальная деятельность превращается в технологический процесс передачи знаний, умений и навыков. Это деятельность без души, результатом которой может стать формирование человека с бедным внутренним миром, способного на зло и предательство. Данный кейс направлен на возвращение у будущих педагогов прекрасного чувства любви и преданности детям. Для подготовки к вопросам кейса студентам рекомендуется прочитать отрывок из книги Я. Корчака «Как любить детей», стихотворение З. Письман «Остановись мгновенье» и воспоминания А. Шарова о Я. Корчаке.

Вопросы для обсуждения:

1. В чем сила источника, из которого подпитывался Я. Корчак, чтобы справиться со всеми трудностями?

2. Как Вы понимаете «уважать труд познания» ребенка?

3. Применима ли педагогика Я. Корчака к современным детям? Обоснуйте.

4. Обоснуйте связь мира мечты ребенка, мира познания и физического развития. На чем основываются эти миры?

5. В чем успех Я. Корчака? Попробуйте успех педагога выразить в нескольких позициях, которые Вы считаете основополагающими.

Материал к кейсу

*... Я никому не желаю зла. Не умею.
Даже не знаю, как это делается...*

Я. Корчак

1. «У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы – не иначе – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжела-

тельно осведомяем, а грыземся и лаем с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность. «Когда папа прольет чай, мамочка говорит «Ничего», а мне всегда попадает». Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шутки, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил». (Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.) Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет! Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что-либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существенных нужд, желаний и искушений – и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материалы и орудия труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства,

горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живее пульс, ребенок строит себя – его все больше и больше; глубже вырастает в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит, и когда бодрствует, и когда весел, и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и осенние затишья. Вот разрастается костяк и сердце не поспекает; то недостаток, то избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

То ему надо бегать – так, как дышать, – бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное горячее стремление действовать, то апатия.

Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонливость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие – это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжёлой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раневая минута станет кровоточить, убитая – тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Уважайте, если не почитаете, чистое, ясное, непорочное, святое детство» (Корчак Я. Как любить детей / Януш Корчак. – Мн.: Нар. асвета, 1980. – 80 с.).

2. *Остановись мгновенье,
Услышать тишину.
Не в смерть, не в темноту
Ведет детей в бессмертье Корчак,*

*Вступая, в дым и тьму.
Затихли в страхе, голоса детей,
Лишь дым и чернота, и гул печей.
Сердечки бьются замирая,
И слезы капаят из глаз.
Обнял детей отец, страдая,
В последний раз, в последний раз.
Темнея небо, тучами покрылось,
Звенели голоса, и горе в пепле билось,
А души к свету поднимались,
И в память звезды-свечи загорались,
Чтоб помнилось, не забывалось
И в поколениях осталось.
Светит на небе слезою звезда
О горе, о горе – Треблинка,
Я черная в поле песчинка,
Я в облаке с дымом кружилась,
На землю с дождем опустилась.
Я девочкой Перл когда-то была,
Сгорели в Треблинке и мама, и я,
Душа моя стала небесной звездой,
И светит в тумане слезой голубой.
Я в звездах и травах, я в ветре живу,
Живет в душах память во сне, наяву,
Над Треблинкой дождь слезы горькие льет,
А ветер то крики, то стоны несет.*

3. Письман

3. «Он делал все невозможное – ничего возможного уже не оставалось, – чтобы каждое мгновение было здесь чуть счастливее, нет, не счастливее, а чуть менее страшным. До последнего дня в классах шли уроки, репетировалась пьеса – сказка Рабиндраната Тагора «Почта».

Корчак писал в дневнике:

«Пасмурное утро. Половина шестого. Кажется, день начинается нормально. Говорю Ганне:

– Доброе утро.

Она отвечает удивленным взглядом.

Прошу:

– Ну, улыбнись же.

Бывают бледные, чахлые, чахоточные улыбки».

Надо было «извлечь из своей души» силы жить и дать их двумстам обреченным детям; насколько это труднее, чем самому умереть.

Сотни людей пытались спасти Корчака. «На Белянах сняли для него комнату, приготовили документы, – рассказывает сотрудник Корчака Игорь Неверли. – Корчак мог выйти из гетто в любую минуту, хотя бы со мной, когда я пришел к нему, имея пропуск на два лица – техника и слесаря водопроводно-канализационной сети. Корчак взглянул на меня так, что я съежился. Видно было, что он не ждал от меня подобного предложения... Смысл ответа доктора был такой... не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в запломбированном вагоне и в газовой камере? И можно ли все это пережить?».

... В комнате Корчака – не той, на чердаке, откуда виден был весь мир, а в гетто, рядом со спальней, – лежали больные дети и отец одной из воспитанниц, умирающий портной Азрылевич. Больных становилось все больше, и ширма, отгораживающая стол Корчака, придвигалась, вжимая хозяина комнаты в стену, надвигалась, как знак приближения конца.

Днем Корчак ходил по гетто, правдами и неправдами добывая пищу для детей. Он возвращался поздно вечером; иногда с мешком гнилой картошки за спиной, а иногда с пустыми руками пробирался по улицам, между мертвыми и умирающими.

По ночам он приводил в порядок бумаги, свои бесценные тридцатилетние наблюдения над детьми – их ростом, физическим и душевным, – писал дневник: «Последний год, последний месяц или час. Хотелось бы умирать, сохраняя присутствие духа и в полном сознании. Не знаю, что бы я сказал детям на прощание. Хотелось бы только сказать: сами избирайте свой путь».

Он еще верил, что умрет один, дети останутся. Не мог поверить, что есть кто-то, способный убивать и детей.

И, думая о детях, повторял самую свою главную мысль: избирайте свой путь, не давайте подменить его чужими, фальшивыми, навязанными вам путями.

... Пятого августа сорок второго года по приказу гитлеровцев

Дом сирот – дети и взрослые – выстроился на улице. Корчак и его дети начинали свой последний путь. Над детским строем развевалось зеленое знамя Матиуша. Корчак шел впереди, держа за руку двух детей – мальчика и девочку. Фашисты невольно сторонились. Казалось, идут победители.

Колонна обреченных с детской силой и бесстрашием разрезала самый строй фашизма. Человеконенавистнический фашизм еще жил, он и сейчас не погиб окончательно, но ему не оправиться от этого ножевого удара.

Дети шли на Умшлагплац молча, в полном порядке.

Возглавлял колонну Корчак, больной старик, до конца неся на своих плечах и на сердце самую тяжелую ношу на земле.

Из Варшавы поезд повез детей в Трешлинку. Только один мальчик выбрался на волю: Корчак поднял его на руки, и мальчику удалось выскользнуть в маленькое окошко товарного вагона. Но и этот мальчик потом, в Варшаве, погиб.

Говорят, что на стенах одного из барачков в Трешлинке остались детские рисунки – больше ничего не сохранилось.

История гибели Корчака – предупреждение человечеству: это не может повториться.

* * *

Дом сирот не был отделен от окружающей среды – зло проникло и в него. В это время кодекс товарищеского суда Дома сирот провозглашал свой противостоящий фашизму закон человечности: «Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмыслительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше не станет их слушать.

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится.

... Суд – это еще не сама справедливость, но он обязан стремиться к справедливости; суд – это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Судьи могут ошибаться. Судьи могут наказывать за поступки,

которые и им самим случается совершить, и называть плохим то, что и им самим доводится делать. Но позор тому судье, который сознательно вынесет несправедливый приговор».

Начальные сто параграфов кодекса кончатся одним словом «простить».

«Простить», «простить», «простить...» – почти как молитва разносится по миру, который все яростнее стремится осуждать справедливо или несправедливо, – наказывать, пресекать.

«Не давить» – это для Корчака основа всей педагогики. В детском суде он был секретарем, а не председателем. Он участвовал во всех дежурствах, даже в дежурстве по уборке туалета. Он следил, чтобы ничто не нарушало равенства.

Корчак был замечательным педагогом, сказочником и одновременно выдающимся врачом.

Он видел и изучал ребенка сразу в трех главнейших мирах, в которых протекает детство: сказочном мире мечты, мире познания и мире физического развития. Эти миры теснейшим образом зависят друг от друга.

Корчак наблюдал неустанно. В последние дни жизни одной из главных его забот было переправить туда, за стену гетто, результаты многолетних наблюдений.

Корчак создал детскую республику, государство в государстве, крошечное ядрышко равенства, справедливости внутри мира, построенного на угнетении.

Корчак должен был отгораживаться от внешней среды. Не просто отгораживаться, а как бы строить баррикады, чтобы создать и сделать устойчивой внутреннюю среду.

В Доме сирот не было насилия, тирании, неограниченной власти. «Нет ничего хуже, когда многое зависит от одного, – писала «Школьная газета» Дома сирот. – Уж такова человеческая натура, что когда кто-либо знает, что он незаменим, он начинает себе слишком много позволять, а когда знает, что без него могут обойтись, скорее идет на уступки».

Когда в корчаковском детском доме создался суд, вскоре предусматривается право детей подавать жалобу и на воспитателя, если тот поступил несправедливо, и право – даже моральная обязанность самого воспитателя просить суд дать оценку своему поступку, если он считает этот поступок несправедливым или хотя

бы сомневается в справедливости совершенного.

Если воспитатель никогда не сомневается в разумности своих действий, какой же он воспитатель?

А если, усомнившись, он скроет свои сомнения, как может он учить правдивости; и все равно не уйдет он «от суда людского»; в спальнях, в темных углах, пусть тайком, шепотом, будет произнесен ребячий приговор, всегда менее обоснованный и более суровый, чем приговор открытого суда.

И с этим общим равенством перед законом в душу ребят и в душу воспитателя – он ведь и самого себя тоже продолжает воспитывать в живую душу Дома сирот входит сознание того, что пусть там, за стенами дома, бесконтрольно правят жандармы, войты, большие и маленькие чиновники, те, кто обладает силой, тут все – обязательно все – подчиняются главным нравственным законам.

Корчак несколько раз подавал на себя в суд: когда необоснованно заподозрил девочку в краже, когда сгоряча оскорбил судью, когда выставил расшалившегося мальчишку из спальни и т.д.

Он давал показания судьям – маленьким и большим, назначенным по жребью, – слушал их выступления, принимал приговор. В этом не было и тени позы, это каждый раз было для него серьезнейшей проверкой, порой очень горькой и болезненной. Это позволяло ему еще и еще раз увидеть себя в особых измерениях – в координатах детского мира.

Один раз суд применил к нему семьдесят первую статью: «Суд прощает, потому что подсудимый жалеет, что так поступил». Три раза была применена двадцать первая статья: «Суд считает, что подсудимый имел право так поступить».

«Я категорически утверждаю, – писал Корчак в книге «Дом сирот», – что эти несколько судебных дел были краеугольным камнем моего перевоспитания как нового «конституционного» воспитателя, который не обижает детей не потому только, что хорошо к ним относится, а потому, что существует институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей».

... Эмануэль Рингельблум, замученный впоследствии фашистами, руководил подпольным архивом варшавского гетто. В архиве сохранился его рассказ о последних часах жизни Дома сирот: «... Нам сообщили, что ведут школу медсестер, аптеки,

детский приют Корчака. Стояла ужасная жара. Детей из интернатов я посадил на самом конце площади, у стены. Я надеялся, что сегодня их удастся спасти, уберечь до следующего дня... Стоял и с дрожью в сердце смотрел, удастся ли мой план. Я все время спрашивал себя, все ли вагоны заполнены. Погрузка шла без перерыва, но места еще оставались. Люди шли огромной толпой, подгоняемые нагайками. Вдруг пришел приказ вывести интернат. Нет, этого зрелища я никогда не забуду! Это не был обычный марш к вагонам, это был организованный немой протест против бандитизма!.. Началось шествие, какого никогда еще до сих пор не было. Выстроенные четверками дети. Во главе – Корчак с глазами, устремленными вперед, держа двух детей за руки. Даже вспомогательная полиция встала смирно и отдала честь. Когда немцы увидели Корчака, они спросили: «Кто этот человек?» Я не мог больше выдержать – слезы хлынули из моих глаз, и я закрыл лицо руками».

Игорь Неверли приводит рассказ другого очевидца об отправлении Корчака и его детского дома из гетто в Трeблинку: «Я был на Умшлагплаце, когда появился Корчак с Домом сирот. Люди замерли, точно перед ними предстал ангел смерти... Так, строем, по четыре человека в ряд, со знаменем, с руководством впереди, сюда еще никто не приходил. «Что это?!» – крикнул комендант. «Корчак с детьми», сказали ему, и тот задумался, стал вспоминать, но вспомнил лишь тогда, когда дети были уже в вагонах. Комендант спросил Доктора, не он ли написал «Банкротство маленького Джека». «Да, а разве это в какой-то мере связано с отправкой эшелона?» – «Нет, просто я читал вашу книжку в детстве, хорошая книжка, вы можете остаться, Доктор...». – «А дети?» – «Невозможно, дети поедут». – Вы ошибаетесь, – крикнул Доктор, – вы ошибаетесь, дети прежде всего!» – и захлопнул за собой дверь вагона».

Корчак знал, что до самого конца он должен всем добром, которое еще есть на свете, всеми сказками, всей кровью сердца отбивать, отталкивать надвигающиеся неотвратимо гибель и страдания. Сберегать детей, пока они живы, а потом вместе с ними умереть.

Он это и совершил. Сказки окутывали страшный поезд, везущий ребят в затянутую дымом газовых камер Трeблинку. Жизнь детей продолжалась. И пока это было возможно, до последней се-

кунды, Корчак перенимал, пытался взвалить на свои плечи страдания сотен доверившихся ему детей.

На следующий день Януш Корчак погиб вместе со своими детьми в одной из газовых камер лагеря смерти в Трешлинке.

Незадолго до гибели своих детей Корчак писал: «Если бы можно было остановить солнце, то это надо было сделать именно сейчас» (Шаров А. Януш Корчак / А. Шаров. – К.: Радянська школа, 1988. – 25 с.).

Кейс № 5

«Проявите человечность!»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Очень часто люди не задумываются над тем, что их слова, поступки, а во многих случаях бездействие и равнодушие негативно отражаются на других людях, меняют их судьбы и даже приводят к гибели. Равнодушие учителя страшнее вдвойне. Он знает по долгу службы, что не должен быть безучастным к жизни воспитанника, но проявляет цинизм, равнодушие и полную «глухоту» к проблемам ребенка. Пример из педагогического творчества Ш.А. Амонашвили дает возможность каждому задуматься над проблемой равнодушия, озлобленности учителей и вынести уроки добра.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы понимаете закон отдачи?
2. Охарактеризуйте учителя родной литературы.
3. Дайте характеристику каждому звену этой неприятной цепочки людей.
4. Что бы Вы сказали каждому человеку из этой цепочки?
5. Словесно нарисуйте картину будущего «Обновленный учитель, обновленная школа».

Материал к кейсу

«Коллеги!

Не будет никакого обновления жизни школы, если каждый из нас не обновит душу свою.

Закон отдачи торжествует: отдавшие должны получать.

Дети взрослеют, и мы получим.

Что мы получим?

– Ты опять без домашнего задания?
– Я же вам объяснил...
– Уходи из класса... Пусть придет отец!
– Я же вам объяснил...
– Убирайся из класса!
– Я же вам сказал...
– Ты оглох?.. Мало того, что ты глухой, ты еще и кретин... Убирайся, слышишь?

– Зачем грубите мне?.. Я же сказал вам...
– Говори это своей девчонке... Вон из класса...

Парню было стыдно взглянуть в сторону своей девушки, которую походя облили грязью. Он злобно посмотрел на свою учительницу родной литературы, плюнул ей в лицо и выбежал из класса.

Надо догнать его, надо остановить!

Вы дежурный учитель?

Помогите, пожалуйста, мальчику, который мчится по коридору, ему плохо, его оскорбили, задели за самое больное, живое. Он в отчаянии. Проявите человечность, сострадание, хотя бы вежливость.

– А ну-ка стой! – кричит вслед убегающему дежурный учитель. – Стой, кому говорят!

А почему так грубо, дежурный?

Бегите за ним, проявите вашу сердечность. Он – будущая слава школы. Три дня не выходил из своей домашней лаборатории, смастерил новый прибор, проводил опыты.

Он у порога нового открытия! Ну, дежурный, спасите его!

– Дурак! – кричит дежурный учитель.

Из класса выбегает любимая девушка, вся красная, и хочет догнать парня.

Дежурный, не останавливайте ее, пусть догонит, пусть поговорят они, может быть, она и есть спасение!

Дежурный заграждает путь девушке.

– В чем дело? Пошли к директору!

И девушка не может высвободиться из крепких рук дежурного учителя.

А парень бежит по улице.

Тогда хоть вы, уважаемые прохожие, хотя бы кто-нибудь среди вас заметит душевное смятение парня? Он оскорблен до глубины души, учительница родной литературы оскорбила его! Види-

те, бежит он, как неменяемый. Остановите его, спросите что-нибудь, отвлеките его внимание на несколько минут.

– Вот debil, ходить по улице не умеет, такой верзила! – злобно шипит на парня прохожий.

Парень вбегает в аптеку.

Милая женщина в белом халате, вас, кажется, называют провизором, но вы ведь еще и человек! Теперь вся надежда на вас! Не выписывайте ему чек, скажите, что у вас нет таких таблеток и что их нельзя достать ни в одной аптеке города. Посмотрите ему в глаза, вы же вроде врача, и вы поймете, зачем ему нужны ваши таблетки в таком количестве.

– Пять упаковок! – говорит она, подавая аккуратно упакованный заказ. Ей поручено продавать все, что только покупают, а не людей спасать.

Мальчик вбегает в подъезд своего дома.

Сосед, хорошо, что спускаетесь по лестнице! Видите, мальчик возвращается домой не вовремя. Он вам в сыновья годится. Взгляните на него, в нем роковая решимость.

Теперь уже вы тот единственный, кто может защитить его от отчаянного шага.

Да, он странный, но ведь никогда никого из соседей не обижал, не грубил.

Когда-нибудь ваш дом прославится тем, что он жил здесь.

Видите, как он бежит вверх по лестнице, задел вас и даже не извинился. Такого еще никогда не бывало. Позже вы узнаете, как оскорбила его учительница родной литературы, понимаете, родной литературы! Потом вы вместе со всеми соседями будете возмущаться, и вы вспомните, что он как-то неестественно выглядел в тот день.

Но сейчас, в эту минуту, вы можете спасти его. Бегите за ним, не оставляйте его одного!

– Ослеп, что ли? – бормочет недовольный сосед. – С ума, что ли, сошел?

Он открывает дверь своей квартиры.

Карандашом пишет на клочке бумаги: «Прости меня, мама, но я не могу так жить дальше», – и оставляет записку на столе.

Хоть бы кто-нибудь позвонил сейчас по телефону... Конечно, этого не сделает учительница родной литературы. Она злобно вытерла с лица плевки, бросила убегающей за парнем девушке: «И эта туда

же!» – и объявила всем: «Это им так не пройдет... Я им еще покажу!».

Не будет звонить и дежурный учитель. Выгнали парня? Значит, так надо! Учительница родной литературы – опытный педагог, со стажем. Не ошибется. Он крепко держит девушку и силою пытается отвести ее к директору. Наконец девушка вырывается и бежит догнать любимого. Хоть бы она успела, закричала, что она здесь и любит его.

Никто не звонит, никто не стучит, никто не зовет.

Парень входит в свою крохотную лабораторию, которую он так любит и где проводит бессонные ночи. Так он провел и последние три ночи, забыв все на свете, и любимую девушку тоже.

Он улыбнулся своему прибору, который спустя несколько лет будет назван его именем. Скажут еще, что мальчик из девятого класса был на грани удивительного открытия.

Он сел в кресло.

Разом проглотил горсть таблеток.

Скоро ушел в небытие.

Ушел насовсем.

Улыбка понимания! Зачем покинула ты учительницу родной литературы, оставя ее один на один с накопившейся злостью?

И ты, улыбка сочувствия! Трудно ли было тебе сделать человечнее огрубевшее сердце дежурного учителя?

О, ты, Великая Улыбка!

Говорит статистика казенным языком: «в среднем».

В среднем каждые сутки кончают жизнь самоубийством 17 школьников из-за проблем с учителями и родителями.

В среднем каждые сутки убегают из детских домов несколько сотен детей из-за грубого и жестокого обращения с ними педагогов.

В среднем каждые сутки убегают из семьи более тысячи подростков из-за агрессии родных людей против своих же детей.

В среднем каждые сутки...

О, ты, Великая Улыбка!

Дай нам, учителям Великой Страны, учителям всей планеты Земля энергию и свет жизни, которые ты несешь в себе. Помогни нам оставлять перед входом в школу все суетное, сиюминутное, всю тяжесть нашей повседневной жизни... Вдохнови нас на подвиг против педагогической тьмы, чтобы восторжествовала Педагогика Света!» (Амонашвили Ш. А. Улыбка моя, где ты? / Ш. А. Амонашвили. – Донецк, 2005. – 48 с.).

Кейс № 6

«Жизненная наука учителя»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

У каждого педагога есть свои особенности в общении с воспитанниками, есть, как говорят, своя «изюминка», но есть общее, что объединяет хороших учителей, – это чувство любви, уважения, справедливости, понимания ребенка. Хороший учитель знает, что не сможет сразу увидеть результаты своего труда – их увидят другие педагоги, сменившие его, но он все равно преданно служит своему делу и возлагает большие надежды на своих воспитанников. Воспользовавшись рассказом Ю. Яковлева «Учитель», предлагается обсудить со студентами модель поведения педагога, своеобразность его жизненной науки.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте Учителя, в чем его особенность? Какие качества его души привлекают детей?
2. Почему Учитель называет сердце вечным двигателем?
3. Правильно ли поступил Учитель, посоветовав воспитаннику кулаками доказывать правду? Обоснуйте свою точку зрения. Как бы Вы поступили на месте этого Учителя?

Материал к кейсу

«Говорят, наступает время, когда Учитель становится не нужен. Он научил, чему мог научить, и – поезд отправился дальше, а Учитель остался один на пустой платформе. И если высунуться из окна, то долго еще будешь видеть маленькую, одинокую фигурку человека, провожающего поезд. Потом поезд превратится в точку, замрет железный стук колес, а он все будет стоять. И ему мучительно захочется остановить поезд, вернуть его, ведь с этим поездом навсегда уходит частица его самого, самая дорогая частица. А потом, когда вопреки его желанию поезд скроется и как бы растворится в тумане, сольется с полями и рощами, Учитель оглянется и с удивлением увидит, что платформа полна ребят. Они нетерпеливо переступают с ноги на ногу, дышат в затылок друг другу, толкают соседей – ждут своей очереди. И в их глазах написано: «Поторопись, Учитель, мы ждем тебя! Ты наш, и мы тебя ни с кем не желаем делить. Идем же, Учитель!»

И тогда Учитель сразу забудет об ушедшем поезде и о пустой платформе. Да никакой платформы и не было. Черная доска, как инеем, покрыта пылью мела. На окнах цветы примулы. На стене портрет академика Павлова...

У нашего Учителя были розовые уши, словно он только что пришел с мороза. Даже летом он тер их попеременно ладонью. Глаза у него подвижные, живые – два синих кружочка. На уроке они превращались в два маленьких экрана. В глазах Учителя извергались вулканы, сползали ледники и обрушивались дожди... из лягушек.

Я хорошо помню, как Учитель вошел в класс, энергично потер ладонью розовое ухо и с порога объявил:

– Вчера в Новой Каледонии выпал дождь из лягушек.

Класс подпрыгнул и громко рассмеялся.

– Лягушкам было не до смеха, – совершенно серьезно сказал Учитель. Сильный ураган оторвал их от родного болота и со страшной скоростью понес над океаном. Беспомощно расставив перепончатые лапки, лягушки летели, как птицы. И, вероятно, жалобно квакали. Не думаю, чтобы им нравилось лететь. Потом ветер неожиданно ослаб, и лягушки вместе с потоками дождя стали падать на землю.

Мы посмотрели в глаза Учителю, и увидели себя с раскрытыми зонтиками, и почувствовали, как лягушки упруго плюхались на купола зонтиков. Девочки даже взвизгнули.

Однажды Учитель подошел ко мне, положил на плечо руку и сказал:

– У каждого из нас есть вечный двигатель. У тебя, например.

Ребята удивленно переглянулись, а я уставился в два синих экрана, ища в них ответа. Глаза Учителя загадочно светились.

– У меня нет... вечного двигателя, – сказал я.

– Есть.

Я задумался. Я перебирал в памяти все, что было у меня «движущего», самокат, велосипед, ролики, самолетик с резинкой вместо моторчика. Ничего не двигалось само по себе и тем более вечно.

– Он всегда при тебе. Он и сейчас с тобой! – Учитель как бы играл со мной в «жарко-холодно».

Я пошарил в карманах, заглянул в портфель, но ничего похожего на вечный двигатель не обнаружил.

– Твой вечный двигатель у тебя в груди, – не сводя с меня

глаз, сказал Учитель. – Это – твое сердце. Оно бьется день и ночь, зимой и летом. Без отдыха, без перерыва... вечно.

Я невольно приложил руку к груди и почувствовал слабые, мерные толчки своего сердца. В классе стало тихо, все ребята слушали, как работает их вечный двигатель.

Так Учитель постепенно открывал нам неведомый мир, и после его открытий жизнь становилась удивительной, почти сказочной. Обычные вещи он умел повернуть такой неожиданной гранью, что они сразу менялись и обретали новое значение. Но главная его наука ждала меня впереди.

Однажды в кино у меня произошла странная встреча. Я слонялся по людному фойе в ожидании начала сеанса и вдруг увидел нашу вожатую Аллу, высокую, светловолосую, в каплевидных очках. Рядом с ней сидел рослый десятиклассник. Они ели мороженое в вафельных стаканчиках и о чем-то оживленно разговаривали. Сперва я подумал, что обознался, но, когда не поленился и еще раз прошел мимо, сомнения мои развеялись – это были они. Я даже покраснел от возбуждения. Когда все толпой входили в зал, я потерял их из виду. Но потом обнаружил, что они сидят неподалеку от меня. Вместо экрана я смотрел на них. Я увидел, как десятиклассник положил руку на спинку стула, на котором сидела Алла. Но тут свет погас, и мне пришлось прервать мои наблюдения.

На другой день, пораньше прибежав в класс, я с нескрываемым удовольствием принялся рассказывать ребятам о своем открытии. Я рассказал про мороженое в вафельных стаканчиках и про спинку стула. И мы все очень веселились. Как вдруг я услышал покашливание и оглянулся – в дверях стоял Учитель. Он молча поманил меня пальцем, и мы вместе вышли в коридор.

– Сейчас ты вернешься в класс, – сказал Учитель, глядя куда-то мимо меня, – и скажешь, что никого не встречал в кино и что все это с мороженым и спинкой стула ты придумал.

– Но ведь я видел их!

– Да, ты видел их, но никому не должен был говорить об этом. Стыдно.

– Разве стыдно говорить правду? – спросил я и с вызовом посмотрел на Учителя.

– Эта правда не принадлежит тебе. Если люди выплеснут всю

«правду», какую они знают о других, они захлебнутся. Не всякую правду человек должен знать о другом.

И тут я решил подловить Учителя. Я сказал:

– Значит, лучше соврать!

– Лучше смолчать, – сказал Учитель. – Ты знаешь, что такое чужая тайна? Это тоже правда. Но она принадлежит не всем. В данном случае она не принадлежит тебе. Ты разгласил чужую тайну – все равно что взял чужое. Подло!

Теперь я растерянно смотрел на Учителя и не знал, как ему возразить. А он сказал:

– Иди. И скажи, что ты все это придумал!

– Соврать? – резко спросил я.

– Ты сам пришел к этому. Значит, соврать... во имя правды.

Я уныло поплелся в класс и упавшим голосом объявил, что все это вранье, что никакую Аллу я не встречал, а десятиклассника вообще взял с потолка.

– Трепло! – сказал кто-то. Я проглотил насмешку.

Однажды меня ударил один верзила из старшего класса. Но это было полбеды. Он ударил меня на глазах девочки, которой мне очень хотелось понравиться. Я жестоко страдал. И тогда Учитель подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал:

– Ты должен побить его.

– Как побить? – Я вспыхнул от неожиданности.

– Очень просто. Как бьют.

– Но он сильнее меня, – пробормотал я.

– Сильнее тот, кто прав. Кто прав, всегда побеждает, даже если ему при этом достанется... Учти, женщины не любят битых.

После разговора с Учителем я долго не мог решиться. Но однажды превозмог себя и, борясь со страхом, поднялся на этаж, где учился мой обидчик. Я подстерег его у двери и, когда он вразвлочку вышел из класса, очертя голову бросился на него. Я даже сбил его с ног. И пока он, ошеломленный внезапным нападением, еще не успел прийти в себя, я гордо удалился за стены крепости – в свой класс.

Я ничего не сказал девочке, которой хотел понравиться, но она все поняла по моему победоносному взгляду и еще по тому, как у меня от волнения дрожали коленки.

На другой день меня вызвала завуч, которую мы звали Ка-

таклизма.

– Что это за новости? – воскликнула она, едва я переступил порог кабинета. – Кто научил тебя драться?

– Учитель! – с готовностью ответил я.

– Учитель? – от неожиданности завуч даже поднялась со стула. – Ты понимаешь, что говоришь?

– Понимаю, – сказал я и в ту же секунду понял, что не должен был этого говорить.

– То есть не Учитель... а я... сам. Я решил... – Я бормотал что-то несвязное, но было уже поздно.

– А врать тебя тоже научил Учитель? – Катаклизма атаковала меня. Своими жесткими вопросами она загнала меня в угол.

– Да!.. То есть нет...

Я окончательно запутался. И чтобы спасти положение, шагнул вперед и чуть ли не закричал:

– Я сам побил его, потому что он первый побил меня. И я побил его потому, что женщины не любят битых.

– Что-о-о? – Лицо у Катаклизмы вытянулось и пошло пятнами. – Какие женщины?!

Глаза у Катаклизмы стали выпуклыми, и она прошла мимо меня таким решительным солдатским шагом, что паркет закрипел, как морозный снег.

Прости меня, Учитель! Я предал тебя, но не потому, что сердце у меня черное, просто ты не успел научить меня взвешивать каждое слово. А может быть, умышленно не сделал этого, чтобы сохранить во мне непосредственность – самое прекрасное, что есть в человеке.

Но Катаклизме не удалось остановить вечный двигатель – сердце моего Учителя. Поезд мчится вперед. И когда бы я ни открыл вагонное окно и, жмурясь от встречного ветра, ни оглянулся назад, – я вижу пустую платформу и маленькую, одинокую фигурку человека, который вложил в меня частицу своего сердца. Он жив! Он задумчиво смотрит мне вслед, словно хочет убедиться, что я мчусь в верном направлении, и, может быть, он до сих пор видит во мне мальчика?.. Гремят колеса, ветер гудит в ушах. И я вижу, как по платформе бегут дети – наступая на пятки друг другу, они спешат к Учителю.

Мокрый желтый листок березы припечатал свою ладошку к

стеклу.

Первое сентября» (Яковлев Ю. Двенадцать историй: повести и рассказы / Ю. Яковлев. – М.: Сов. Россия, 1983. – 152 с.).

Кейс № 7

«Сверкающие грани любви»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Любовь к детям – сильнейшее педагогическое средство, которым учителю необходимо умело пользоваться. Чем больше педагог отдает любви и внимания воспитаннику, тем больше любви тот излучает. Рекомендуется направить мысль студентов на то, что любовь к детям многогранна, как сверкающий бриллиант. Если одна из граней не будет сверкать, то и бриллиант утратит свою привлекательность. Для понимания этой мудрости следует обратиться к Священному Писанию (1 Коринфянам 13:4–8), притчи «Любовь подобна цветам», рассказу П. Коэльо «Раскрыть лепестки для любви» и словам Матери Терезы.

Задания для обсуждения:

1. Разбейтесь по парам и смоделируйте ситуацию общения педагог-воспитанник, проявляя при этом одну из граней любви.
2. Обоснуйте силу любви в преобразовании человека.
3. Обратитесь к человечеству с призывом жить в любви.

Материал к кейсу

1. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1 Коринфянам 13:4–8).

2. Притча «Любовь подобна цветам»

«У великого короля было три сына, и он хотел выбрать одного в наследники. Это было очень трудно, потому что все трое были очень разумными и храбрыми. Невозможно было решить, кто достойнее. Тогда король обратился к великому мудрецу за советом, и тот подал ему идею.

Король вернулся домой и попросил всех троих сыновей при-

ти. Он дал каждому сумку цветочных семян и сказал, что собирается совершить паломничество: «Оно займет несколько лет – это испытание для вас. Отдайте мне семена, когда я вернусь. И тот, кто лучше сохранит их, тот станет моим наследником». И король отправился в паломничество.

Первый сын подумал: «Что мне делать с семенами?». Он стал держать их в железном сейфе – когда отец вернется, они будут такими, как были.

Второй сын подумал: «Если я буду хранить их так, как это делает мой брат, они умрут. А мертвые семена вообще не семена». Он пошел в магазин, продал их и получил деньги. И при этом подумал: «Когда придет мой отец, я пойду в магазин и куплю новых семян, я дам их отцу лучшими, чем они были».

А третий сын пошел в сад, посеял семена и стал ухаживать за ростками, пока из них не выросли прекрасные цветы.

Через три года, когда отец вернулся, первый сын открыл свой сейф. Семена умерли и высохли. Отец сказал: «Что это? Разве эти семена я дал тебе? Они должны быть способны расцвести цветами и дать прекрасный аромат, а эти семена абсолютно сухие! Это не мои семена!» Сын возразил, что это те же самые семена, но отец сказал: «Ты – материалист».

Второй сын бросился в магазин, купил семян, вернулся домой и преподнес их отцу. «Это не те же самые семена!... Твоя мысль лучше, но все же это не то качество, которое я хотел бы видеть в тебе. Ты – психолог».

Он пошёл к третьему сыну в большой надежде и страхе одновременно: «Что он сделал?».

Третий сын повел отца в сад, где цвели миллионы цветов вокруг. И сын сказал: «Это те семена, что ты дал мне. Как только они созреют, я соберу их и верну тебе».

Отец сказал: «Ты – мой наследник. Вот так и нужно было поступать!»

Запасаящийся ум не понимает жизнь, подсчитывающий ум теряет ее, но только творящий ум может понять ее суть. В этом красота цветов – они не могут быть запасены. Они олицетворяют истину, а ее нельзя накопить. Они символизируют любовь, а любовь нельзя накопить.

Это не случайно, что цветы являются символом любви – во все века, во всех странах, в любых обществах. Любовь подобна цветам

– если она зацвела в тебе – тебе нужно делиться ею, отдавать ее. И чем больше ты ее отдаешь, тем больше она растет в тебе. Если ты продолжаешь отдавать, придет день, когда ты станешь неизменным, бесконечным источником любви» (http://pritchi.ru/id_323).

3. «Бывают моменты, когда ты испытываешь огромное желание помочь тому, кого любишь, но бессилён сделать что-либо: то ли обстоятельства не дают тебе сблизиться с ним, то ли человек замкнулся в себе и отвергает твоё сочувствие и поддержку.

В таких случаях остается просто любить. Когда всё кажется бессмысленным, мы всё ещё можем любить – не надеясь на взаимность, на перемену отношения к себе, не ожидая благодарности.

Если это получается, энергия любви преобразует всё вокруг нас. Возникнув, она обязательно во что-то выливается. «Время не изменяет людей. Сила воли не изменяет людей. Изменяет людей любовь», – говорит Энри Дрюммонд.

Я читал в газете об одном ребенке из Бразилии, которого так нещадно били родители, что у него развился паралич с потерей речи.

В больнице, куда поместили малыша, за ним ухаживала медсестра, каждый день говорившая ему: «Я тебя люблю». Хотя врачи уверяли, что ребенок не способен слышать и что все её усилия напрасны, медсестра продолжала твердить: «Я тебя люблю, не забывай об этом».

Через четыре недели он заговорил и стал улыбаться. Медсестра отказалась отвечать на вопросы журналистов и не разрешила газете напечатать своё имя, но сам случай зафиксирован, чтобы мы никогда не забывали: любовь лечит.

Любовь преображает, любовь излечивает, но, случается, она же ловит в силки и губит тех, кто решается отдаться ей целиком. До чего же сложное это чувство, которое, по сути, является единственным смыслом продолжения жизни, борьбы, совершенствования!

С моей стороны было бы безответственным пытаться дать ему определение: как все остальные люди, я могу только чувствовать любовь. Тысячи книг написано о любви, спектаклей и фильмов поставлено, стихов сочинено, скульптур высечено из дерева или изваяно из мрамора, но всё, на что способен художник, лишь дать слабое представление о ней. Передать само чувство никому не по силам.

Но я знаю, что любовь проявляется в мелочах, в самых, казалось бы, малозначительных поступках, поэтому нужно всегда

помнить о любви: и в действиях, и в бездействии.

Позвонить по телефону и произнести ласковое слово, на которое перед этим покусился. Оставить свою дверь открытой для всех, кто нуждается в твоей помощи. Согласиться занять должность. Уволиться с должности.

Принять решение, не откладывая на завтра. Попросить прощения за проступок, не дающий тебе покоя. Защищать собственные права. Открыть кредит у цветочника, а не у ювелира. Увеличить громкость музыки, чтобы тот, кого любишь, слышал ее издалека, и уменьшить слишком громкий звук, когда он близко. Уметь сказать «да» и «нет», потому что любовь имеет дело с самыми разными энергиями в человеке. Выбрать вид спорта, которым можно заниматься вдвоем. Не следовать никаким рецептам, в том числе и изложенным мною, ибо любовь требует творческого подхода.

А если все это невозможно, если остается только одиночество, вспомни историю, о которой однажды поведал мне мой читатель.

«Роза день и ночь мечтала подружиться с пчелами, но те никогда не садились на ее лепестки.

И все равно роза продолжала мечтать: во время долгих ночей ей грезилось небо, откуда пчелы одна за другой спешат с нежностью прильнуть к ней. Она не могла дожидаться утра, когда ее лепестки снова раскроются навстречу солнцу.

Но как-то ночью, заметив одинокую розу, луна спросила ее:

– Тебе не надоело ждать?

– Пожалуй, надоело. Но нельзя же сдаваться.

– Почему?

– Потому, что если я не раскроюсь, то завяну».

Когда одиночество грозит отнять красоту, единственный способ уберечь ее – оставаться раскрытым» (Коэльо П. Подобно реке / П. Коэльо. – М.: Издатель: Астрель – 2006. – 135 с.).

4. *Люди неразумны,
Нелогичны и эгоцентричны.
Тем не менее, любите их.*

*Если вы будете делать добро,
Люди обвинят вас в скрытых мотивах.
Тем не менее, делайте добро.*

*Если к вам придет успех,
У вас появятся фальшивые друзья
И истинные враги.
Тем не менее, пусть к вам придет успех.*

*Добро, которое вы делаете,
Будет забыто завтра.
Тем не менее, делайте добро.
То, что вы строили годы,
Может быть разрушено в одну ночь.
Тем не менее, стройте.*

*Люди в самом деле нуждаются в помощи,
Однако те, кому вы помогаете,
Могут наброситься на вас.
Тем не менее, помогайте людям.*

*Отдавайте миру самое лучшее, что у вас есть,
И вы будете избиты.
Тем не менее, отдавайте миру самое лучшее,
Что у вас есть.*

Мать Тереза

Кейс № 8

«Это моя ахиллесова пята»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Многие педагоги очень боятся возникновения чувства любви между воспитанниками и часто не находят нужных слов разъяснения, поддержки любящих сердец. Случается, что сами педагоги своими недостойными высказываниями толкают юношей и девушек на поступки, не имеющие ничего общего с нежными, преданными чувствами. Педагог не имеет права не обращать внимания на вспыхнувшее чувство, ведь это часть жизни воспитанника, может быть, на данный момент даже самая важная. Отрывок из романа Н. Щербаковой «Вам и не снилось» дает студентам «пищу» для размышления.

Вопросы для обсуждения:

1. Как Вы считаете, может ли несчастный педагог наполнить сердце воспитанников прекрасными чувствами? Поясните свою точку зрения.

2. Как Вы относитесь к возникшему чувству любви между воспитанниками?

3. Директор школы говорит, что в сфере любви она бессильна. Правильно ли это, имеет ли право педагог не интересоваться этой сферой?

4. Как Вы считаете, что необходимо делать школе для того, чтобы души детей созрели для прекрасного чувства любви?

Материал к кейсу

«Татьяна Николаевна все узнала постфактум. У нее состоялся прелестный разговор с Марией Алексеевной, их директором. Умная, современная женщина, исповедующая напередовые взгляды на школьную форму (устарела!), ратующая за демократичность отношений между учителями и учениками (демократизм есть дитя интеллигентности), невозмутимая, когда речь шла о повторных браках учителей («Ради бога! Были бы вы счастливы! От счастливых в школе больше проку»), Мария Алексеевна сейчас была маленькой и потерянной в своем кресле.

– Пожалейте меня, деточка! – говорила она. – Я этого боюсь. Ничего другого не боюсь, все могу понять и простить, а от этого холодею...

– Чего вы боитесь, Мария Алексеевна?

– Любовею, милочка! Любовею! Я же не господь бог, я прекрасно понимаю, что это та сфера, в которой я бессильна. Случись у них роман – и плевать они на нас на всех хотели. Они делаются дикими, неуправляемыми, они знать ничего не хотят. Смотришь – и уже эпидемия, пандемия. Все дикие. Все неуправляемые. Возраст? Возраст. Но если есть какая-то возможность сохранять аскетизм – я за это. Любой ценой! Газеты вопят о половом воспитании, фильм «Ромео и Джульетта» на всех экранах... На мой взгляд – это кошмар. Все в свое время, когда созреют души... А души в школе еще зеленые... Поэтому не напирайте на меня... Пришла Лавочкина и попросила документы по этой причине. Я сказала: «Ради бога! Понимаю и разделяю...».

– Вы посмотрите на Юлю. На ней же лица нет.

– Мне жалко девочку. Искренне жалко... Ей кажется, что мир

рухнул в ее сторону. Но скажите, много ли вы знаете случаев, когда эти школьные страсти выростали во что-то путное? И вообще выростали?

– Мария Алексеевна! А вдруг это тот редкий случай?

– Тогда им ничего не страшно... Так ведь?

– Им страшно все, что их разлучает. Мы с вами в их глазах чудовища.

– Я по опыту знаю: учителя, которые в школе казались чудовищами, со временем меняют минус на плюс. Приятные во всех отношениях педагоги, как правило, ничего не стоят... и не остаются в памяти. Но мы не об этом. Милочка! Не мучьте меня больше вопросами на эту тему. Это моя ахиллесова пята. Я прячу и стыжусь ее. Вы молодая и жестокая и не умеете смотреть сразу с двух точек зрения. Но все-таки попробуйте взглянуть на все с моих седин.

– Я не видела и не вижу ничего страшного...

– Ну что ж... Одно могу сказать: кто-то из нас двоих слеп... Кто-то один зряч...» (Щербакова Г. Вам и не снилось / Г. Щербакова. – М.: Издательский дом: Эксмо, 2009.).

Кейс № 9

«Совесьть – голос души»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога на основе размышления о совести как нравственном чувстве.

Методические рекомендации преподавателю

Благородное поведение педагога, прежде всего, основывается на его совести – внутреннем регуляторе поведения, невидимом судье, который беспристрастно выносит приговоры. Совесть педагогу необходимо воспитывать, это чувство не врожденное, но от природы у человека заложена способность к развитию голоса совести. В Священном Писании несколько раз упоминается об этом нравственном чувстве, например, апостол Павел говорил такие слова под вдохновением Бога: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Римлянам 2:14,15).

Обученная совесть будет для педагога предупреждающим сигналом, дающим право совершать или не совершать поступки. В качестве материала для кейса предлагается отрывок из книги «Путь жизни» Л.Н. Толстого и отрывки статьи Д.С. Лихачева «И пробил час». Студентам рекомендуется разбиться на две группы и подготовить проект «Совесть учителя».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Обоснуйте последствия снижения чувства совести у людей, ответственных за культуру.

2. Как Вы думаете, по какой причине бессовестность становится нормой жизни?

3. Подготовьте проект на тему: «Совесть учителя».

Материал к кейсу

1. Совесть – голос души

«В каждом человеке живут два человека: один слепой, телесный, а другой зрячий, духовный. Один – слепой человек – ест, пьет, работает, отдыхает, плодится и делает все это, как заведенные часы. Другой – зрячий, духовный человек – сам ничего не делает, а только одобряет или не одобряет то, что делает слепой, животный человек.

Зрячую, духовную часть человека называют совестью. Эта духовная часть человека, совесть, действует так же, как стрелка компаса. Стрелка компаса двигается с места только тогда, когда тот, кто несет ее, сходит с того пути, который она показывает. То же и с совестью: она молчит, пока человек делает то, что должно. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился.

Когда мы слышим про то, что человек сделал что-нибудь дурное, мы говорим: совести у него нет.

Что же такое совесть?

Совесть – это голос того единого духовного существа, которое живет во всех.

Совесть – это сознание того духовного существа, которое живет во всех людях. И только тогда, когда она такое сознание, она верный руководитель жизни людей. А то часто люди считают за совесть не сознание этого духовного существа, а то, что считается хорошим или дурным теми людьми, с которыми они живут.

Голос страстей может быть громче голоса совести, но голос стра-

стей совсем другой, чем тот спокойный и упорный голос, которым говорит совесть. И как ни громко кричат страсти, они все-таки робеют перед тихим, спокойным и упорным голосом совести. Голосом этим говорит вечное, божественное, живущее в человеке» (Толстой Л. Н. Путь жизни / Л. Н. Толстой. – М.: Издательство: Эксмо, 2009. – 448 с.).

2. «Когда-то, очень давно, мне прислали важное издание «Слова о полку Игореве». Я долго не мог понять: в чем дело? В институте расписались в том, что книгу получили, а книги нет. Наконец выяснилось, что взяла ее одна почтенная дама. Я спросил даму: «Вы взяли книгу?». «Да, – отвечает она. – Я ее взяла. Но если вам она так нужна, я могу ее вернуть». И при этом дама кокетливо улыбается. «Но ведь книга прислана мне. Если она вам нужна, вы должны были ее у меня попросить. Вы же поставили меня в неловкое положение перед тем человеком, который ее прислал. Я даже не поблагодарил его».

Повторяю; давно это было. И можно было бы забыть об этом случае. Но все-таки вспоминаю иногда о нем – жизнь напоминает.

Ведь действительно, кажется, какой пустяк! «Зачитать» книгу, «забыть» вернуть ее владельцу... Сейчас это стало как бы в порядке вещей. Многие оправдываются тем, что мне, мол, эта книга нужнее, чем владельцу; я без нее обойтись не могу, а он обойдется! Распространилось новое явление – «интеллектуального» воровства, вроде бы вполне извинительного, оправдываемого увлеченностью, тягой к культуре. Иногда даже говорят, что «зачитать» книгу – это вовсе не воровство, а признак интеллигентности. Подумайте только: бесчестный поступок – и интеллигентность! А не кажется ли вам, что это попросту дальтонизм? Нравственный дальтонизм: мы разучились различать цвета, точнее – отличать черное от белого. Кража есть кража, воровство есть воровство, бесчестный поступок остается бесчестным поступком, как бы и чем бы они ни оправдывались! А ложь есть ложь, и, в конце концов, я не верю, что ложь может быть во спасение.

Ведь даже проехать «зайцем» в трамвае – это то же воровство. Нет малой кражи, нет малого воровства – есть просто воровство и просто кража. Не бывает малого обмана и большого обмана – есть просто обман, ложь. Недаром же говорится: верен в малом – и в большом верен. Когда-нибудь случайно, мимолетно, вспомнит-

ся вам незначительный эпизод, когда вы поступились совестью в самом будто бы безобидном и ничтожном – и вы почувствуете укор совести. И вы поймете, что если кто и пострадал от вашего пустякового, ничтожного поступка, то пострадали, прежде всего, вы сами – ваша совесть и ваше достоинство.

... Новое противостоит старому, хотя, может быть, не всякое новое лучше старого. Как свет противостоит мраку, так разум и мудрость противостоят невежеству и безрассудству. Это вечное противостояние. И если продолжить цепочку сопоставлений, вернее, противопоставлений, то звеньями ее должны связаться любовь и ненависть, жестокость и милосердие, вражда и мир, дружба и неприязнь и, конечно, правда и ложь. Окажется, таким образом, что вся наша жизнь находится в постоянном борении, в преодолении одними силами других. Это извечный закон, и, вероятно, не будь такого вековечного противостояния, не существовало бы ни самой жизни, ни самого мира. Однако когда нарушается в душах людских равновесие сил, противоборство обостряется.

Стали привыкать жить двойной жизнью: говорить одно, а думать другое. Разучились говорить правду – полную правду, а полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрывается щитом частичной правды.

Стала исчезать у нас совестливость. Говорю об этом, обязан говорить, потому что мне в своей жизни множество раз не по личным делам, а по таким, которые имеют огромное значение для сохранения нашей культуры, приходилось сталкиваться с людьми, у которых чувство совестливости отсутствовало.

Отсутствие совестливости у людей, занятых в хозяйстве, в экономике, наносит ущерб материальный. Отсутствие совестливости у людей, ответственных за культуру, наносит ущерб, не выражающийся материально. Но если в экономике можно наверстать упущенное, то ущерб в культуре чаще всего невосполним. Впрочем, без перемены климата в нашей культуре и экономика не сдвинется ни на шаг.

Честь, порядочность, совесть – это качества, которыми дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств и человек – не человек.

Я получил недавно письмо, в котором школьница пишет о своей подруге. Учительница литературы дала задание этой подруге напи-

сать сочинение об очень крупном советском писателе. И в этом сочинении школьница, отдавая должное и гениальности писателя, и его значению в истории литературы, написала, что у него были ошибки. Учительница сочла это неуместным и очень ее бранила. И вот подруга той школьницы обращается ко мне с вопросом: можно ли писать об ошибках великих людей? Я ей ответил, что не только можно, но и нужно писать об ошибках великих людей, что велик человек не тем, что он ни в чем не ошибался. Никто не свободен от ошибок в нашей жизни, в нашей сложной жизни.

Но еще и другая сторона есть в этом вопросе. Может ли ученица высказывать мнение, не соответствующее взглядам учителя? Мне кажется, что учитель должен поощрять самостоятельность мышления своих учеников. Потому что, если он будет заставлять придерживаться только своего собственного мнения, то представьте, что может получиться с тем учеником, когда он выйдет из школы, окажется рядом какая-то сильная, но дурная личность, которая будет внушать ему свои мнения. Он не сможет им противостоять, Да ему нечего противопоставить, потому что у него нет ничего своего. Ведь если человек не умеет отстаивать свое мнение, а умеет только слушаться, он может послушаться дурного человека, забыв о совести и чести. И ведь бывает, что первые ученики, глядящие в рот своему учителю, потом оказываются на самом деле иногда и плохими людьми, у них нет самостоятельности, у них нет умения отстаивать свою точку зрения. Они привыкли слушать других, слушать только то, что им говорят, и повторять только то, что им говорит преподаватель. Умение отстаивать свою точку зрения – это же очень важно. И оно крайне важно в нашей государственной и общественной жизни. Только тогда мы сможем быть уверены, что человек не попадет под дурное влияние, будет жить по совести.

Тревоги совести... Они подсказывают, учат; они помогают не нарушать этических норм, сохранять достоинство – достоинство нравственно живущего человека» (Лихачев Д. С. И пробил час / Д. С. Лихачев // Литературная газета. – 1 января 1987 года).

Кейс № 10 **«Муки совести»**

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Работа над этим кейсом основывается на результатах проработки кейса «Совість – голос души». Рекомендуется направить рассуждения студентов на уяснение важности воспитания своей совести, на поддержание ее в активном состоянии. Для этого требуются ежедневные усилия по работе над собой, это духовный рост, восхождение на вершину, с высоты которой можно увидеть гораздо дальше. В качестве информации для размышления рекомендуется рассказ В. Кириченко «Муки Совести», притча о совести и поэзия Э. Асадова «Именем совести».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Испытывали ли Вы когда-нибудь муки совести? Опишите свои ощущения. Как Вы справились с этим состоянием?
2. Проанализируйте цепочку событий, которые привели к раскаянию героиню рассказа «Муки Совести».
3. Может ли быть человек счастлив без совести? Обоснуйте свою точку зрения.
4. Какие факторы могут «усыпить» совесть?
5. С какого возраста необходимо воспитывать совесть у детей?
6. Предложите методы воспитания совести у детей.

Материал к кейсу

I. «В послевоенные годы в каждой семье было не меньше троих детей. Один-два ребенка было у тех, кто поженились перед войной. И, естественно, в школе не хватало мест для классов, школе приходилось работать в две смены. С пятого класса по девятый Лера занималась во вторую смену. В тот год зима была сырая и ветреная. В конце декабря снега не было, и под ногами лежала грязь. Небо покрывалось тучами с самого утра, и, когда возвращались из школы (а это было около двадцати часов), темень была непроглядная, так как улицы не освещались.

В тот день школьная библиотека пополнилась новыми книгами. Лера помогала переносить их с телеги и, увидев красивую, в твердом переплете книгу Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», упростила Марию Ивановну выдать её ей. Библиотекарь тут же ее зарегистрировала, поставила штамп и, записав на Леру, вручила ей. С какой радостью девочка прижимала к себе книгу! От нее еще исходил запах типографской краски. Все уроки Лера продержала ее на коленях, рассматривала иллюстрации и пыта-

лась читать. По окончании уроков силилась втиснуть ее в брезентовую сумку, в которой носила школьные тетради и книги, но книга была большая, как классный журнал, и туда не входила. Пришлось прижать ее к себе и нести в руках.

На Лерочкиной улице из ее класса жило девять детей, потому в потемках было не страшно идти домой. Но, не доходя до Лериного дома шагов сто, кто-то ударил ее, выхватил книжку и убежал, а следом за ним побежали и остальные. Лера остолбенела. Никогда еще ей не приходилось переживать такую страшную душевную травму. Лера заплакала и, тяжело переставляя ноги, пошла домой. Целую ночь девочка не спала. Ее успокаивала только надежда на то, что ребята почитают книгу и возвратят ей. На второй день в школе Лера узнала, что вырвал у нее из рук книгу Иван Продан, но он ее не взял, и книга осталась на дороге. Что ей оставалось делать? Возвратить книгу в библиотеку она должна была через неделю. Все эти дни Лера мучилась, не зная, где ее взять. Когда истекла неделя, она пришла в библиотеку и призналась во всем, предложив принести две книги взамен утерянной, но Мария Ивановна не согласилась. Она вошла в ее положение и сказала, чтобы Лера возвратила стоимость книги – 13 рублей, а штрафовать ее не будет. Но если за два дня Лера не уплатит деньги, она напишет письмо на завод, где работал отец, чтобы у него удержали из зарплаты и штраф, и стоимость книги. Лера очень боялась отца. В семье было пятеро детей, а он зарабатывал в месяц 300 рублей. Мама временами батрачила у людей за 10 рублей в день. Что ей оставалось делать? Снова девочка не могла уснуть, и мама, видя, что с дочерью что-то не так, все спрашивала, не заболела ли она. Пришлось придумать, что много уроков сейчас задают и поэтому болит голова.

За ночь Лера нашла выход. Насыпала в мешочек 13 стаканов зерна, которое мама хранила на «черный день», пошла на рынок, чтобы продать по одному рублю за стакан. Рядом с ней торговала Шура Швыдченко. Она была старше Леры на четыре года, но с первого класса по четвертый училась с ней в одном классе, так как во время войны у нее не было возможности учиться. Закончив начальную школу, она стала торговать, чем придется. Так она зарабатывала на жизнь. Лера видела, как она бойко торговала лавровым листом и дрожжами, а ее товаром никто даже не интересо-

вался. И вдруг она увидела, как из Шуриноного кармана выглядывает красная десятирублевая купюра. Пока Шура предлагала свой товар, Лера как-то механически выхватила эту купюру, спрятала в зерно, тут же завязала мешочек и убежала домой. О последствии она тогда не думала. Теперь нужно было достать еще три рубля. Дома, открыв сундук, в боковом ящичке Лера увидела три рубля, которые оставались на хлеб. Забрав эти деньги, она собрала тетради и школьные книги, побежала в школу, где отдала деньги в библиотеку. Мария Ивановна попросила Леру, чтобы она никому не говорила о том, что она не взяла с нее штраф, сказала, что на эти деньги она купит такую же книжку и что никто никогда не узнает про этот случай. После этого Лера должна была успокоиться, но сердце ее ныло, предчувствуя беду.

Придя домой, я осознала весь ужас своего поступка. В комнате стоял открытый пустой сундук, а все его содержимое валялось на полу. Все четыре брата стояли в святом углу на коленях, а покрасневшийся отец хлестал их ремнем, спрашивая о трех рублях. Увидев меня, он поставил меня рядом с братьями на колени и замахнулся ремнем, но мама схватила его за руку, закричав: «Павлуша! Одумайся, девочка не могла взять деньги! Бей лучше меня!» Отец ударил ее, потребовав, чтобы она не мешала ему узнать истину. Он просил нас сознаться в содеянном – иначе все до утра будут стоять в углу. И тут Колька – справедливый, но жестокий брат, глядя на старшего брата Шурика, сказал: «Признайся, гнида! Иначе... сук я уже приметил, а веревку найду!» Я рыдала не от болезненных ударов ремня, а от чувства вины и страха быть повешенной.

Родители легли спать, а мы стояли в углу и слышали, как всхлипывала мама и стонал, рыдая, отец. Через два часа отец приказал всем ложиться спать. Из-за меня напрасно были наказаны братья. Я это сознавала, но страх получить взбучку еще и от братьев удерживал от признания. Я дала клятву себе, что верну все деньги: и в дом, и Шуре Швыдченко.

С каким, нетерпением я ожидала зимние каникулы! Начались святки. На Рождество с самого утра я отправилась колядовать по всем улицам и переулкам. Бродила по слякоти целый день и наколядовала-таки заветных три рубля! Тут же поменяла их на одну купюру и положила на дно сундука, прикрыв вещами.

Весной, перед Пасхой, когда мама белила комнату и просушивала вещи из сундука, она вытряхнула три купюры по три рубля. Собрала она всех детей и сказала:

«Я не хочу знать, кто взял эти злосчастные деньги, но я вижу не только раскаяние, но и вашу любовь и взаимовыручку. Не алчность двигала грешником, а, видать, безвыходное положение. Поэтому отцу скажем об этих трех рублях, что они затерялись в вещах, и что кражи не было. Пусть меня Господь простит за эту ложь!»

Я до сих пор не знаю, кто подбросил две другие купюры, но думаю, что Колька и Шурик. Так я и не смогла признаться в своем грехе, а теперь уже нет в живых ни родителей, ни братьев. Эта боль моей вины до сих пор гнетет душу.

Шура Швыдченко догадалась, что я украла у нее десятку. Как-то она при встрече обозвала меня «воровкой». Я не оправдывалась, а заплакала и все ей рассказала, пообещав вернуть ей эти десять рублей при первой возможности. Шура не настаивала на возврате денег, а сказала, что прощает меня, что я уже сама себя наказала. Но все-таки, получив первую стипендию, я приехала в городок, разыскала Шуру, принесла ей десять рублей и коробку конфет. Деньги Шура не взяла, а с конфетами мы пили чай. Вспоминая тот ужасный случай, мы долго говорили про ту нелегкую жизнь и обливались слезами» (Муки совести [Электронный ресурс] / В. Кириченко // Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/12/05/607>).

2. Притча о совести

«Я беден и слаб, – сказал как-то учитель своим ученикам, – но вы молоды. Я учу вас, и ваш долг найти деньги, на которые мог бы жить ваш старый учитель.

– Что делать нам? – спросили ученики. – Ведь жители этого города очень скупы, и напрасно будет просить у них помощи!

– Дети мои, – сказал учитель, – есть способ добыть деньги без лишних просьб, просто взяв их. Не будет для нас грехом украсть, ибо мы заслуживаем денег больше других. Но, увы, я слишком стар и слаб, чтобы стать вором!

– Мы молоды, – ответили ученики, – мы справимся! Нет ничего, что бы мы не совершили ради тебя, учитель! Скажи же, как нам поступать, а мы будем повиноваться тебе.

– Вы сильны, – ответил учитель, – для вас ничего не стоит

отнять кошелек у богатея. Поступите так: выберите укромное место, где вас никто не увидит, потом схватите прохожего и отберите деньги, но не причиняйте ему вреда.

– Отправимся прямо сейчас! – загалдели ученики.

Только один из них, опустив глаза, хранил молчание. Учитель взглянул на юношу и сказал:

– Другие мои ученики исполнены отваги и горят желанием помочь, а тебе нипочем страдания учителя.

– Прости, учитель! – ответил юноша. – Но твое предложение невыполнимо! Вот причина моего молчания.

– Почему невыполнимо?

Да ведь нет такого места, где никто не увидит, – ответил ученик. – Даже когда я совсем один, я сам вижу. Да я лучше с нищенской сумой пойду подаяние просить, чем позволю самому себе увидеть себя крадушим.

От этих слов лицо учителя просияло, и он обнял своего ученика» (<http://charming-face.ru/blog/43335125389/Pritchka-o-sovesti>).

3. *Именем совести
Какие б ни грозили горести
И где бы ни ждала беда,
Не поступайся только совестью
Ни днем, ни ночью, никогда!*

*И сколько б ни манила праздными
Судьба тропинками в пути,
Как ни дарила бы соблазнами –
Взгляни на все глазами ясными
И через совесть пропусти.
Ведь каждый, ну буквально каждый,
Коль жить пытался похитрей,
Встречался в жизни не однажды
С укором совести своей.*

*В любви для ласкового взгляда
Порой так хочется солгать,
А совесть морщится: – Не надо! –
А совесть требует молчать.
А что сказать, когда ты видишь,*

*Как губят друга твоего?!
Ты все последствия предвидишь,
Но не предпримешь ничего.*

*Ты ищешь втайне оправданья,
Причины, веские слова,
А совесть злится до отчаянья:
– Не трусь, покуда я жива!
Живет она и в час, когда ты,
Решив познать иную новь,
Бездумно или виновато,
Как пса бездомного куда-то,
За двери выставишь любовь.*

*Никто тебе не помешает,
И всех уверишь, убедишь,
А совесть глаз не опускает,
Она упрямо уличает
И шепчет: – Подлое творишь!*

*Стоит она перед тобою
И в час, когда, войдя во вкус,
Ты вдруг задумаешь порою
Урвать не самый честный кус.*

*Вперед! Бери и не робей!
Ведь нет свидетельского взгляда!
А совесть сердится: – Не надо! –
А совесть требует: – Не смей!
Мы вправе жить не по приказу
И выбирать свои пути.
Но против совести ни разу,
Вот тут хоть режьте, скажем сразу,
Нельзя, товарищи, идти!*

*Нельзя ни в радости, ни в горести,
Ни в зной и ни в колючий снег.
Ведь человек с погибшей совестью
Уже никто. Не человек!*

Э. Асадов

Кейс № 11

«Стыд»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Работа над этим кейсом строится на основе кейса «Муки совести». Если совесть – это внутренний судья человека, это разговор между «Я реальным» и «Я идеальным», то стыд – это результат приговора, который вынес внутренний судья. По сути, стыд – это результат работы совести человека. Стыд как нравственное чувство регулирует поведение человека, останавливает его на краю пропасти, ведущей к духовному падению. Если есть чувство стыда, – есть надежда на возвращение к добру. Данный кейс дает возможность студентам поразмышлять над значимостью этого нравственного чувства. В качестве информации для размышления предлагается отрывок из рассказа Ю. Бондарева «Простите нас!»

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Испытывали ли Вы когда-нибудь чувство стыда? Опишите свои ощущения.
2. Испытывали ли Вы когда-нибудь чувство стыда за свой проступок перед учителем? Опишите свои ощущения.
3. Охарактеризуйте модель поведения Павла Георгиевича.
4. Охарактеризуйте модель поведения Марии Петровны.
5. Закончите мысль: «Человек, который забыл о своем Учителе...».

Материал к кейсу

«Павел Георгиевич подошел к троллейбусной остановке, надел плащ, поднял голову и внезапно в проеме улицы увидел свою школу – четырехэтажная, с темными окнами, она стояла, как и тогда... Она не изменилась. Она была прежней, как в детстве, как много лет назад.

Он несколько минут, не отрываясь, смотрел на темный силуэт школы, затем, точно кем-то подталкиваемый, отчаянно махнул рукой, вошел в пустынный чернеющий школьный парк... И с радостным утомлением сел под старой акацией, возле которой когда-то на переменах играли в фанты. Это бывало весной, когда земля еще приятно отдавала сыростью!.. Он ощупал скамью, погладил ствол акации и засмеялся, как будто он встретил очень давнего знакомого, до боли доброго, совсем не изменявшегося

знакомому, который все знал о Павле Георгиевиче, и Павел Георгиевич все знал о нем...

Неужели он когда-то сидел за партой? Неужели когда-то, во время весенних экзаменов, был над школой глухой гром и майский ливень обрушился на город с веселой яростью первой грозы? И прошел с бурным плеском в асфальт, с шумом дождевых струй по ветвям, со звоном в водосточных трубах, с фиолетовыми над мокрыми домами молниями... И тогда хотелось бросить экзамены, бежать вместе с мальчишками под этим веселым теплым дождем и, задрав штаны, болтать ногами в парных лужах, которые еще пузырились, но в них уже отражалось посветлевшее небо.

«Да, ведь это было!» Он представил все ярко и, с волнением и любопытством опять посмотрев на темное здание школы, вдруг заметил справа, в сырой темноте парка под густыми акациями, красный огонек, пробивающийся меж ветвей. Неужели Мария Петровна?.. Здесь жила Мария Петровна, его учительница по математике, как же он сразу о ней не подумал, не вспомнил! Всегда он был ее любимцем, она пророчила ему блестящее математическое будущее...

И, вскочив со скамьи, Сафонов зашагал по аллее в глубину парка, а когда близко увидел маленький домик под деревьями, тусклый свет в окне, задернутом красной занавеской, он даже задышался. Сколько лет они не виделись! Здесь ли она теперь? Жива ли? Что с ней? Как много было связано с этим именем «Мария Петровна»!..

И Сафонов осторожно, сдерживая дыхание, взошел на крыльцо. Он хотел постучать – дверь оказалась открытой, он вошел в неосвещенную переднюю, пахнущую керосином. Под дверью в комнату лежала щель света.

Сафонов постучал. Ответа не последовало.

Сафонов в растерянности нажал на запертую дверь и тут только понял: в доме никого не было. И тогда, усмехнувшись над самим собой, послушав, как в пустой, должно быть, комнате играло радио, Сафонов ощупью в темной передней пошел к выходу. Он задел за что-то плечом, с грохотом упало ведро. Павел Георгиевич машинально наклонился, хотел поднять это ведро и выронил шляпу, с сердцем выругавшись: «Че-ерт возьми совсем!»

– Кто там? – послышалось за его спиной.

Павел Георгиевич выпрямился, полуобернулся. В освещенном проеме двери стояла невысокая худенькая женщина, и он сразу,

еще не различив лица, узнал ее...

– Мария Петровна, – тихо и зовуще сказал Павел Георгиевич, – вы меня узнаете?

– Входите, – сказала она тем вежливым, строгим голосом, каким, очевидно, обращалась к родителям своих учеников, когда те приходили «поговорить».

Павел Георгиевич вошел, опустив руки, и, глядя в близоруко прищуренные глаза своей учительницы, повторил:

– Вы не узнаете? Мария Петровна, это я...

Она несколько секунд всматривалась в него снизу вверх, он видел ее болезненно-бледное, состарившееся, будто источенное лицо, и в эту минуту, сдерживая жалость, отметил про себя, как сильно она изменилась, стала еще более тонкий, хрупкой, только седые волосы были коротко и знакомо подстрижены.

– Паша Сафонов... Паша? – проговорила она почти испуганно, и Павлу Георгиевичу показалось, что лицо ее задрожало. – Садись, пожалуйста... Прости, у меня кавардак... Садись, пожалуйста, вот сюда. К столу, Паша... Ты приехал?

– Да, да, я сейчас, я сейчас! – обрадованно заговорил Сафонов, с неловкостью вешая плащ, шляпу на вешалку, где виднелось одинокое пальто Марии Петровны. И, вешая, не понимал, не знал, почему это он, взрослый, солидный человек, робел, краснел, как школьник, как в те годы.

Он хотел пожать Марии Петровне руку, но сдержался и не пожал, как не жмут при встрече руку матери, и сейчас же потянулся за папиросами и, вынув коробку, спросил совсем стеснительно:

– Можно?

Они сели за стол. Мария Петровна с непонятной настороженностью, с неверием, улыбаясь ему своими близорукими глазами, быстро повторяла:

– Ну вот, Паша, ты приехал... не узнать. Ты в командировку, по делам?

– Я проездом, Мария Петровна, – ответил он и не сказал, что отдыхал на юге, о чем говорить было, наверно, легкомысленно и неудобно.

– Мы сейчас с тобой чай... Подожди, подожди, мы сейчас чай. – И она встала и внезапно снова, как бы обессиленно, села, положив тонкие руки на стол, неверяще улыбнулась. – Да, да, Паша... Совсем не ожидала. Вот Паша Сафонов...

– Мария Петровна, чай не надо, – смущенно проговорил он. – Я только что поужинал...

Пить чай ему не хотелось; хотелось ему только вот так сидеть за столом, смотреть на Марию Петровну, говорить, спрашивать... Но Мария Петровна, вроде не слушая его, взяла чайник, движения ее показались ему стесненными.

– Я сейчас, Паша... Прости, что я называю тебя так. Ты ведь теперь...

Она не договорила, вышла на кухню, и тут, приходя в себя, Павел Георгиевич вздохнул освобожденно, провел ладонью по лбу, огляделся. Она была, как и до войны, одинока и жила в той же маленькой комнатке с одним окном в сад. Все было по-прежнему: стол, кровать, цветной коврик на стене, какая-то вышивка на тумбочке, широкий вместительный шкаф, набитый книгами; посреди стола – чернильница, стопка тетрадей, сбоку – красный, аккуратно отточенный карандаш. В этой комнатке он был лишь один раз. Его вызвала Мария Петровна и хмурилась, говорила с ним строго: кажется, тогда он сделал прыгающую чернильницу и поставил ее на стол преподавательнице немецкого языка. Сейчас Сафонов просто не поверил: пропасть времени лежала между прежним Пашкой и настоящим Павлом Георгиевичем, конструктором, вот в эту минуту не без смущения сидящим за этим столом.

Вошла Мария Петровна с чайником, весело сказала:

– Все готово! Ну, Паша, рассказывай о себе, что ты, как? А Впрочем, я многое о тебе знаю. Из газет, статьи, книгу твою читала. Ты женился? поспешно спросила она.

– Да, Мария Петровна, – ответил Сафонов.

Она подозрительно-ласково посмотрела на него.

– Счастлив?

– Как будто, Мария Петровна. У меня сын.

Она, точно не расслышав, сейчас же сказала:

– Ну хорошо! А как работа? Над чем работаешь?

– Над новой конструкцией, Мария Петровна.

– Ну и как? Удачно?

– Пока не знаю. Знаете что, Мария Петровна, давайте говорить о прошлом, о школе...

Мария Петровна покачала головой, проговорила задумчиво:

– Я хорошо помню ваш класс. Довоенный класс. Это были озорные, способные мальчишки. И хорошо помню твою дружбу

с Витей Снегиревым.

– А помните, Мария Петровна, как вы мне ставили «плохо» по алгебре? В седьмом классе, кажется...

– Да. За то, что ты не делал домашних заданий, надеялся, что кривая вывезет. А математика прекрасно тебе давалась. Но ты был ленив.

– Мария Петровна, а помните, я устроил систему шпаргалок?

– Это то изобретение, когда шпаргалка двигалась по ниточке между партами?

– Да! – Павел Георгиевич засмеялся. – А прыгающая чернильница? Нет, сейчас бы я до такой штуки не додумался. Помню: сидел ночь, ломал голову, высчитывал мощность пружинки, чтоб чернильница подпрыгнула именно в тот момент, когда преподаватель макнет ручку.

Мария Петровна прищурилась, словно сдерживая улыбку.

– А я хорошо помню другое; как ты, Паша, стоял вот перед этим столом...

Она не договорила, налила в чашки чай, взяла ложечку, задумалась и спросила:

– Ты помнишь Мишу Шехтера?

– Ну конечно! Завидовал ему! Мы в классе зачитывали его сочинения: «Образ Татьяны», «Горе от ума». У меня ничего не получалось.

– Он стал журналистом, – медленно проговорила Мария Петровна. – Ездит по всей стране, за границу, Часто читаю его статьи. И часто вспоминаю...

– Он заезжал?

– Нет.

– Да, – сказал Сафонов. – Разлетелись... Я слышал, Витька Снегирев директор завода на Урале. Не думал! Игнатцев Сенька – начальник главка, слышали? Я его встречал в Москве. Солидный, не узнать. А он не заезжал?

– Что? – спросила Мария Петровна и, опустив глаза, тихонько кивнула: Ты пей чай, Паша...

– Мария Петровна, а кто заходил к вам, кого вы встречали еще из нашего класса? – возбужденно спросил Сафонов. – Гришу Самойлова видели? Артист. Помните, он корчил рожи, а вы ему сказали, что у него способности? Занятный был парень.

– Я его видела только в кино, Паша.

– Я тоже. Неужели не приезжал?

Мария Петровна не ответила, она, наклонив голову, мешала ложечкой в чашечке, и он увидел на ее пальце неотмывшееся чернильное пятно, перевел взгляд на ее источенное лицо и с какой-то внезапной жалостью, с любовью увидел морщины вокруг ее губ, ее тонкую, слабую шею, коротко подстриженные, сплошь белые волосы, и что-то больно, тоскливо сжалось у Павла Георгиевича в груди. Он подумал, что, если бы она умерла, он не знал бы этого. И не знали бы другие...

– Мария Петровна, – еле слышным голосом повторил Сафонов, – Витя Снегирев, значит, не был у вас? Кажется, он в прошлом году заезжал сюда.

Она сидела, по-прежнему наклонив голову, и только замедлила движение ложечки в чашке.

– Нет, не был...

– А кто был?

– Что? Ты, пожалуйста, пей чай. Остынет.

– Мария Петровна, а интересно, кто-нибудь пишет вам? Помните, был Володя Бойков, Нина Винокурова? Боря Гмыря? Что-нибудь знаете о них?

Мария Петровна, опять не ответив, оглянулась на окно, там чернел сад, сквозь деревья пульсирующе замелькал свет проходившего троллейбуса.

– Нет, Паша, – сказала она. – Ко мне часто заходит Коля Сибирцев. Он работает на шахте. У него неудачно сложилась жизнь. Он часто заходит.

Сафонов смутно помнил Колю Сибирцева. Этот парень был, кажется, тихий, робкий, ничем не приметный, никакими особыми способностями не отличался, и Павел Георгиевич едва-едва представил его лицо.

– Плохо помню его, – пожав плечами, сказал он. – Забыл!

– Очень плохо, – не то насмешливо, не то осуждающе проговорила Мария Петровна.

Они помолчали. Но от этих последних слов «очень плохо» Сафонову стало не по себе, он понял двойной их смысл. В наступившей тишине он придвинул чашку, неловко потянулся за сахаром и увидел, что Мария Петровна ищущим, долгим взглядом смотрит на книжный шкаф. Он тоже посмотрел и заметил в первом ряду

знакомый корешок своей последней книги по самолетостроению.

– Мария Петровна, – тихо и полувопросительно проговорил он.

– Что, Паша?

– У вас, Мария Петровна, моя книга? – проговорил вполголоса Сафонов и тотчас замолчал, вспомнив, что эту книгу он не прислал ей.

– Да, я читала.

Тогда он встал, вынул из шкафа свою книгу «Конструкция самолетов», полистал и, чувствуя, что лицо его начинает жарко гореть, проговорил сконфуженно, с глупой готовностью:

– Мария Петровна, я вам надпишу. Разрешите?..

Неожиданно из книги выпал маленький листок, он торопливо поднял его, ясно увидел свой портрет, вырезанный из газеты, и ошеломленно оглянулся на Марию Петровну, – она мешала ложечкой и очень быстро говорила:

– Неплохая книга... Прочитала с интересом. А это из «Правды», Паша. Когда я увидела, я дала тебе телеграмму.

Он так же поспешно, точно скрывая нечто порочащее его, неприятное, спрятал листок в книгу и, охваченный стыдом и ненавистью к себе, теперь отчетливо и хорошо вспомнил, что он действительно получил телеграмму два года назад среди кучи других поздравительных телеграмм и не ответил на нее, хотя ответил на другие.

Сафонов неясно помнил, что написал на книге, но хорошо помнил, как они прощались: он как-то стыдливо снял свой роскошный плащ, который висел рядом с потертым пальто старой учительницы, и с непроходящим ощущением вины поклонился. Она зажгла в передней свет, вышла проводить.

Он молчал. Мария Петровна, тоже помолчав, вдруг спросила робко:

– Скажи, Паша, хоть капелька моей доли есть в твоей работе? Хоть что-нибудь...

– Мария Петровна, что вы говорите? – в замешательстве забормотал он. Если бы не вы!..

Она посмотрела ему в глаза, сказала вздрагивающим голосом:

– Ты думаешь, я не рада? Какой гость был у меня! Ты думаешь, я не скажу об этом завтра своим ученикам?.. Иди, Паша, больших успехов тебе. Будь счастливым...

Они простились. Он быстро пошел по дорожке ночного сада. И не выдержал, оглянулся. Дверь передней была еще распахнута, и в темный парк падал желтый косяк света. Мария Петровна стояла на крыльце, и худенькая, неподвижная фигурка ее отчетливо чернела в проеме двери.

Всю дорогу до Москвы Сафонов не мог успокоиться, переживал чувство жгучего, невыносимого стыда. Он думал о Витьке Снегиреве, о Шехтере, о Самойлове – о всех, с кем долгие годы учился когда-то, и хотелось ему достать их адреса, написать им гневные, уничтожающие письма. Но он не знал их адресов. Потом он хотел написать Марии Петровне длинное извинительное письмо, но с ужасом и отчаянием подумал, что не знает номера ее дома.

На большой станции Сафонов, хмурый, взволнованный, вышел из вагона. Он зашел на почту и, поколебавшись, дал телеграмму на адрес школы, на имя Марии Петровны. В телеграмме этой было два слова:

«Простите нас!» (Бондарев Ю. Простите нас! / Ю. Бондарев // Всем, что имею, обязан... – М., 1985.).

Кейс № 12 **«Милосердие»**

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Милосердие является одним из нравственных чувств, проявляющееся в добром и нежном участии к человеку. Согласно Священному Писанию, милосердный человек старается помочь нуждающемуся как материально, так и духовно, при этом ничего не требуя взамен. «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матфея 6:3,4). «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Матфея 5:7). Будущий педагог должен развивать это чувство в себе и понимать, что только милосердием можно воспитать милосердного человека. Пример педагога, проявляющего милосердие к миру, является самым эффективным методом формирования милосердия у его воспитанников. Работу над кейсом рекомендуется построить на основе рассказа Д.А. Гранина «Милосердие».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы считаете, почему милосердия в нашем мире стало меньше?

2. Автор пишет о том, что некоторые понятия, например, «сестра милосердия» устарело, не устаревает ли понятие «милосердие», а, в след за этим, не исчезнет ли само явление?

3. Подготовить педагогический проект «Вернуть милосердие в сердца людей!»

Материал к кейсу

«В прошлом году со мной приключилась беда. Шел я по улице, поскользнулся и упал... Упал неудачно, хуже некуда: лицом о поребрик, сломал себе нос, все лицо разбил, рука выскочила в плече. Было это, примерно, в семь часов вечера. В центре города, на Кировском проспекте, недалеко от дома, где живу.

С большим трудом поднялся – лицо залило кровью, рука повисла плетью. Забрел в ближайший подъезд, пытался унять платком кровь. Куда там, она продолжала хлестать, я чувствовал, что держусь шоковым состоянием, боль накачивает все сильнее и надо быстро что-то сделать. И говорить-то не могу – рот разбит.

Решил повернуть назад, домой.

Я шел по улице, думаю, что не шатаюсь; шел, держа у лица окровавленный платок, пальто уже блестит от крови. Хорошо помню этот путь – метров, примерно, триста. Народу на улице было много. Навстречу прошла женщина с девочкой, какая-то парочка, пожилая женщина, мужчина, молодые ребята, все они вначале с любопытством взглядывали на меня, а потом отводили глаза, отворачивались. Хоть бы кто на этом пути подошел ко мне, спросил, что со мной, не нужно ли помочь. Я запомнил лица многих людей – видимо, безотчетным вниманием, обостренным ожиданием помощи...

Боль путала сознание, но я понимал, что если лягу сейчас на тротуаре, преспокойно будут перешагивать через меня, обходить. Надо добираться до дома.

Позже я раздумывал над этой историей. Могли ли люди принять меня за пьяного? Вроде бы нет, вряд ли я производил такое впечатление. Но даже если бы и принимали за пьяного... – они же видели, что я весь в крови, что-то случилось – упал, ударился, – почему же не помогли, не спросили хотя бы, в чем дело? Значит, пройти мимо, не связываться, не тратить времени, сил, «меня это

не касается», стало чувством привычным?

Раздумывая, с горечью вспоминал этих людей, поначалу злился, обвинял, недоумевал, негодовал, а вот потом стал вспоминать самого себя. И нечто подобное отыскивал и в своем поведении. Легко упрекать других, когда находишься в положении бедственном, но обязательно надо вспомнить и самого себя. Не могу сказать, что при мне был точно такой случай, но нечто подобное обнаруживал и в своем собственном поведении – желание отойти, уклониться, не ввязываться... И, уличив себя, начал понимать, как привычно стало это чувство, как оно пригрелось, незаметно укоренилось.

Раздумывая, я вспоминал и другое. Вспоминал фронтовое время, когда в голодной окопной нашей жизни исключено было, чтобы при виде раненого пройти мимо него. Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили... Кое-кто, может, и нарушал этот закон фронтовой жизни, так ведь были и дезертиры и самострелы. Но не о них речь, мы сейчас – о главных жизненных правилах той поры.

И после войны это чувство взаимопомощи, взаимобязанности долго оставалось среди нас. Но постепенно оно исчезло. Утрачено настолько, что человек считает возможным пройти мимо упавшего, пострадавшего, лежащего на земле. Мы привыкли делать оговорки, что-де не все люди такие, не все так поступают, но я сейчас не хочу оговариваться. Мне как-то пожаловались новгородские библиотекари: «Вот вы в «Блокадной книге» пишете, как ленинградцы поднимали упавших от голода, а у нас на днях сотрудница подвернула ногу, упала посреди площади и все шли мимо, никто не остановился, не поднял ее. Как же это так?» – обида и даже упрек мне звучали в их словах.

И в самом деле, что же это с нами происходит? Как мы дошли до этого, как из нормальной отзывчивости перешли в равнодушие, в бездушие, и тоже это стало нормальным.

Не берусь назвать все причины, отчего утрачено чувство взаимопомощи, взаимобязанности, но думаю, что во многом это началось с разного рода социальной несправедливости, когда ложь, показуха, корысть действовали безнаказанно. Происходило это на глазах народа и губительнейшим образом действовало на

духовное здоровье людей. Появилось и укоренилось безразличие к своей работе, потеря всяких принципов – «а почему мне нельзя?». Начиало процветать вот то самое, что мы называем теперь мягко – бездуховность, равнодушие.

Естественно, это не могло не сказаться на взаимоотношениях людей внутри коллектива, требовательности друг к другу, на взаимопомощи, ложь проникала в семью – все взаимосвязано, потому что мораль человека не состоит из изолированных правил жизни. И тот дух сплоченности, взаимовыручки, взаимозаботы, который сохранялся от войны, дух единства народа, – терялся. Начиная с малого, пропадал.

У моего знакомого заболела мать. Ее должны были оперировать. Он слышал о том, что надо бы врачу «дать». Человек он стеснительный, но беспокойство о матери пересилило стеснительность, и он, под видом того, что нужны будут какие-то лекарства, препараты, предложил врачу 25 рублей. На что врач развел руками и сказал: «Я таких денег не беру». «А какие надо?». «В десять раз больше». Мой знакомый, работник среднего технического звена, человек небогатый, но поскольку речь шла о здоровье матери, раздобыл деньги. Что его поразило: когда он принес врачу деньги в конверте, тот преспокойно вынул их и пересчитал.

На этом история не заканчивается. После операции мать умерла. Врач сказал моему знакомому: «Я проверил, мать ваша умерла не в результате операции, у нее не выдержало сердце, поэтому деньги я оставляю себе». То есть он повел себя как бы порядочно: вот если бы женщина умерла в результате операции, деньги бы он вернул.

С полным сознанием своей правоты говорил это врач государственной клиники, представитель профессии гуманной, человеколюбивой – так, во всяком случае, мы привыкли думать о врачах.

... нравственность... она состоит из конкретных вещей – из определенных чувств, свойств, понятий.

Одно из таких чувств – чувство милосердия. Термин несколько устаревший, непопулярный сегодня и даже как будто оторгнутый нашей жизнью. Нечто свойственное лишь прежним временам. «Сестра милосердия», «брат милосердия» – даже словарь дает их как «устар.»», то есть устаревшие понятия.

В Ленинграде, в районе Аптекарского острова, была улица Милосердия. Сочли это название отжившим, переименовали ули-

цу в улицу Текстилей.

Изъять милосердие – значит лишить человека одного из важнейших действенных проявлений нравственности. Древнее это, необходимое чувство свойственно всему животному сообществу, птичьему: милость к поверженным и пострадавшим. Как же так получилось, что чувство это у нас заросло, заглохло, оказалось запущенным. Мне можно возразить, приведя немало примеров трогательной отзывчивости, соболезнования, истинного милосердия. Примеры, они есть, и тем не менее мы ощущаем, и давно уже, убыль милосердия в нашей жизни. Если бы можно было произвести социологическое измерение этого чувства...

Уверен, что человек рождается со способностью откликаться на чужую боль. Думаю, что это врожденное, данное нам вместе с инстинктами, с душой. Но если это чувство не употребляется, не упражняется, оно слабеет и атрофируется.

Упражняется ли милосердие в нашей жизни?.. Есть ли постоянная принуда для этого чувства? Толчок, призыв к нему?

Вспомнилось мне, как в детстве отец, когда проходили мимо нищих, а нищих было много в моем детстве – слепых, калек, просто просящих подавание в поездах, на вокзалах, на рынках, – отец всегда давал медяк и говорил: поди подай. И я, преодолевая страх, – нищентство нередко выглядело довольно страшновато, – подавал. Иногда преодолевал и свою жадность – хотелось приберечь деньги для себя, мы жили довольно бедно. Отец никогда не рассуждал: притворяются или не притворяются эти просители, в самом ли деле они калеки или нет. В это он не вникал: раз нищий – надо подать.

И как теперь я понимаю, это была практика милосердия, то необходимое упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить.

Хорошо, что нищих у нас сейчас нет. Но должны же быть какие-то другие обязательные формы проявления милосердия человеческого. Ведь в чрезвычайных, аварийных случаях оно же проявляется.

Например, недавняя трагедия в Чернобыле. Она всколыхнула народ и душу народную. Бедствие проявило у людей самые добрые, горячие чувства, люди вызывались помогать и помогали – и деньгами, всем, чем могли, 567 миллионов рублей добровольно пожертвовано в фонд помощи пострадавшим от аварии в Черно-

быле. Это огромная цифра, но главное – душевный отклик: люди сами охотно разбирали детей, принимали пострадавших в свои дома, делились всем. Это, конечно, проявление всенародного милосердия, чувство, которое всегда было свойственно нашему народу: как всегда помогали погорельцам, как помогали во время голода, неурожая...

Но Чернобыль. Землетрясения – это аварийные ситуации. Куда чаще милосердие и сочувствие требуются в нормальной повседневной жизни, от человека к человеку. Постоянная готовность помочь другому воспитывается, может быть, требованием, напоминанием о постоянно нуждающихся в этом...

Не ради упражнения, а потому что много есть в жизни нашей людей, которым необходимо простейшее чувство сострадания и милосердия» (Гранин Д. А. Милосердие / Д. А. Гранин. – М.: Советская Россия, 1988. – 27 с.).

Кейс № 13

«Уроки справедливости»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Справедливость является моральным чувством, основанном на любви и уважении к воспитаннику, позволяющее беспристрастно, объективно оценивать результаты его работы и поступки. Воспитанники очень часто страдают от несправедливости педагогов, от чего снижается их интерес к обучению, к различным видам деятельности. Поэтому целесообразно в процессе профессиональной подготовки акцентировать внимание студентов на том, что справедливость является условием успешного развития ребенка и формирования его как личности. На основе рассказа А.И. Пантелеева «Камилл и учитель» рекомендуется построить со студентами диалоговое поле.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Сравните модель поведения двух героев – воина и учителя.
2. Докажите, что справедливость педагога завоевывает сердца воспитанников.
3. Вспомните случай из своей жизни, когда педагог поступил с Вами несправедливо. Охарактеризуйте его поведение. Как бы Вы

поступили на его месте?

Материал к кейсу

«Очень давно, когда еще и тебя и меня на свете не было, и наших дедушек и бабушек еще не было, жил на свете человек, полководец Марк Фурий Камилл.

Человек этот был римлянин. И больше всего на свете он любил свою родину – Рим. За родину он готов был отдать и свободу, и счастье, и богатство, и даже собственную жизнь. Только одного он, пожалуй, не мог бы отдать даже любимой родине – это своей совести. Человек он был честный, прямой, неподкупный. Сам был такой и от других тоже требовал честности и прямоты.

А то, что он был удивительно храбрый и бесстрашный, и не щадил своей жизни, – это не выдумка.

Вот послушай, что рассказывается о нем в одной старой книге.

Когда Камилл был еще совсем молоденьким человеком, случилось ему принимать участие в одной стычке с врагами, в одной конной атаке. В бою он потерял и меч, и копье, и дротик. И ему ничего не оставалось делать: или беги, или сдавайся в плен. А тут еще, когда он остался без оружия, его ранили: тяжелый вражеский дротик вонзился ему в левое бедро. Наверно, это было очень больно. Но Камилл даже не покачнулся, даже коня не придержал. Он выдернул из раны дротик и с этим чужим, окровавленным оружием в руке поскакал впереди своих войск добивать неприятеля.

За такую отвагу и храбрость римские граждане выбрали Фурия Камилла своим военным трибуном, то есть самым главным начальником или полководцем. И он до конца своей жизни командовал римскими войсками и водил их в походы. И всегда эти походы заканчивались поражением врагов и победой римлян.

Только один город долго и упорно не сдавался Камиллу. Это был город Фалерия – главный город страны фалесков. Город этот был хорошо укреплен. Его окружали высокие каменные стены. Да и сами фалески были народ боевой, храбрый, и сдаваться без боя, продавать задешево свою жизнь и свободу они не хотели. И римляне, как ни бились, ничего не могли с ними поделать. А в городе Фалерия проживал в это время один школьный учитель. И хотя была война, жители Фалерии, желая показать, что они не только не боятся, но и презирают врагов, нарочно не прекращали своих обычных занятий: работали, торговали, ходили в гости... И

школьный учитель тоже, как всегда, занимался со своими ребятами – учил их читать и писать, обучал арифметике, фехтованию, пению и гимнастике.

Человек этот был изменник, предатель. Он очень любил деньги. И за деньги был готов продать и свою родину и своих земляков. И вот послушай, что он придумал, этот учитель. Он стал устраивать со своими учениками ежедневные загородные прогулки. Каждое утро он стал выводить ребят за городскую стену. Сначала он прогуливал их недалеко, у самой стены, а потом стал водить все дальше и дальше от города, все ближе и ближе к римскому лагерю.

Дети сначала побаивались немножко, ведь они знали, что где-то тут поблизости стоят страшные римские войска. Но потом постепенно они привыкли и даже полюбили эти таинственные утренние прогулки. Время было весеннее, в городе пыльно, жарко, а тут и цветы, и бабочки, и ручейки журчат... Тут и побегать можно, и пошуметь, и поиграть, и подраться. Учитель, конечно, покрикивал на них. Он говорил, чтобы они не шумели и не отставали. Иногда он нагибался и срывал цветы и объяснял им, какой цветок как называется: вот это фиалка, это роза, а это вот простенький полевой цветок лютик. Он говорил о цветах, о бабочках, о природе, а сам в это время обдумывал свой хитрый предательский план.

И вот однажды он вывел детей за городскую стену и повел их к римскому лагерю. Дети не знали, куда их ведут, и шли, как всегда, спокойно, ни о чем плохом не думая и ничего не подозревая.

И вдруг из кустов им навстречу выбежали римские воины:

– Стой! Кто такие? Куда?

Дети перепугались, стали кричать и плакать. И тогда солдаты, увидев, что это хотя и фалески, но маленькие, и подумав, что они заблудились, решили их отпустить. Но учитель сказал:

– Нет, не надо нас отпускать. Ведите нас к Фурию Камиллу.

И солдаты повели их в лагерь.

А Камилл в это время сидел у себя в палатке на военном совете. И когда ему доложили, что привели фалесков, он очень обрадовался. Он подумал, что это пришли послы и что фалески решили сдаваться.

Но когда он вышел из палатки и увидел перед собой не по-

чтенных и седовласых послов, а маленьких плачущих детей, он удивился и спросил:

– Что что такое? Почему здесь дети?

Учитель выступил вперед, поклонился и сказал:

– Это я, почтенный Камилл, я, скромный и ничтожный фалесский учитель, привел к тебе пленников.

– Пленников? – с усмешкой переспросил Камилл. – Да на что же мне эти пленники? Разве ты, учитель, не знаешь, что Камилл с детьми не воюет?

– Да, – сказал учитель. – Я знаю, что храбрый, великодушный и непобедимый Камилл не воюет с детьми. Но ты обрати внимание на то, что это дети самых знатных и богатых фалесков. Теперь ты можешь спокойно праздновать победу. Чтобы выручить своих детей, чтобы спасти их, наши фалески теперь уж обязательно сдают тебе город. Вот тебе залог. Получи его.

И учитель еще раз низко, до самой земли поклонился. Он думал, что Камилл кинется его обнимать, расцелует и, наконец, наградит каким-нибудь драгоценным перстнем или мешком золотых либров. Но Камилл выслушал его молча, нахмурился и долго стоял, ничего не отвечая. Потом он повернулся к своим солдатам и сказал:

– А ну-ка, друзья, разденьте, пожалуйста, этого человека. Солдаты кинулись исполнять его приказание. Учитель побледнел, обратился к Камиллу и стал кричать:

– Что ты делаешь? Римлянин! Ты не понял меня!

Но с него уже сдирали его учительскую одежду.

– Теперь свяжите ему за спиной руки, – приказал Камилл. Солдаты и это сделали.

– А теперь принесите сюда хороших прутьев.

Учитель задрожал и кинулся перед Камиллом на колени. Но Камилл даже не взглянул на него. Он повернулся к детям и сказал им:

– Молодые фалески, когда вы будете большими и вам придется воевать с сильным и мужественным врагом, вспомните, что нужно всегда и во всех случаях полагаться на собственные силы, а не на злодейство других.

Дети, может быть, и не поняли, что он им сказал, ведь они еще были совсем маленькие. Но хорошо, если бы ты понял и навсегда запомнил эти слова римского полководца.

– А теперь, – сказал Камилл, – гоните своего педагога домой. Вот вам для этого прутья. Возьмите каждый по прутику – и в добрый путь!..

Это уж даже и маленькие фалески поняли. Они живо расхватили принесенные солдатами прутья и с шумом и с песнями погнались своего ничтожного и недостойного учителя, как какого-нибудь гуся или поросенка, домой, в город.

Когда фалески узнали о том, что сделал Камилл, они тотчас собрали совет и постановили отдать город римлянам добровольно и без боя.

И когда фалесские послы почтенные седовласые старцы, явились к Камиллу, они сказали ему:

– Не мечом и не силой ты победил нас. Ты не сломил наших каменных стен, но ты сокрушил наши сердца своим добрым и справедливым поступком.

И вот уже две с лишним тысячи лет прошло. Камилл давно умер. И дети его умерли, и внуки, и правнуки... А слава этого человека живет. И рассказывать о нем очень приятно» (Пантелеев А. И. Собрание сочинений в четырех томах / А. И. Пантелеев; Том 3. – Л.: Дет. лит., 1984.).

Кейс № 14

«Уроки доброты»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Доброта – это ценное нравственное чувство. Педагогическая доброта позволяет оптимистично подходить к ребенку, опираясь на его лучшие качества, развивать как личность, используя только гуманные методы. Чувство доброты позволяет видеть учителю даже в педагогически запущенном ребенке доброе и с усердием это доброе развивать, вытесняя без принуждения то негативное, что успело проникнуть в душу ребенка. В Священном Писании есть четкое подтверждение важности этого чувства: «О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Михей 6:8). В качестве материала, позволяющего поразмышлять студентам о доброте, рекомендуются

отрывки из рассказа В. Распутина «Уроки французского». Главная героиня рассказа играла на деньги со своим учеником, что для педагога является недопустимым. Правильно ли она поступила, можно ли было поступить иначе? Над этими вопросами необходимо поразмышлять.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте профессиональную модель поведения Лидии Михайловны. Является ли доброта учителя благом для воспитанника?

2. Охарактеризуйте профессиональную модель поведения директора школы.

3. Сравните двух педагогов.

4. Как бы Вы поступили на месте Лидии Михайловны?

5. Согласны ли Вы с тем, что «для учителя, может быть, самое важное – не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому»?

Материал к кейсу

«Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от нее что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моем лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

– Ну вот, – сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. Сегодня среди нас есть раненные.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня

глаза. Они у нее косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

– И что случилось? – спросила она.

– Упал, – брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

– Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

– Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

– Хи, упал! – выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. – Это ему Вадик из седьмого класса поднес. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал, Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что – совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги нас в два счета могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха все всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внес ясность – нечего сказать.

– Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, – не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. – Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: – После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни творил, разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперед в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застегнутый, оттопыривающийся темный френч двигается самостоятельно чуть поперед директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждем, смотри, вся школа ждет, что ты нам скажешь». Ученик начинал в свое оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» – «Что меня побудило?» – Вот именно: что побудило? Слушаем тебя». Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли

ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и все это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увел к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжегшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело – если бы я сам бросил школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадежный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы еще потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от нее, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

– Это правда, что ты играешь на деньги? – сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шепотом, и я испугался еще больше. Но запираяться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

– Правда.

– Ну и как – выигрываешь или проигрываешь? Я замялся, не зная, что лучше.

– Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

– Вы... выигрываю.

– Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и легким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе – она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притяненности и ненужной экономии. Я готов был свалить все на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к

чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдется и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов ее все равно было не уйти.

– Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

– Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

– И больше не играешь?

– Нет.

– А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

– Покупаю молоко.

– Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на нее, я не посмел и обмануть ее. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде ее косящих внимательных глаз все мои беды и несурзости прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки. Я еще раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

– И все-таки на деньги играть не надо, – задумчиво сказала Лидия Михайловна. – Обошелся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в свое спасение, я легко пообещал:

– Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать веревками.

* * *

– Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

– Как же сейчас играть?! – удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

– А что это была за игра? В чем она заключается?

– Зачем вам? – насторожился я.

– Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли, Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

– Нет, – Лидия Михайловна покачала головой. – Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Вот смотри. – Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. – Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. Теперь, – Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, бьешь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь, – значит, выиграл. Бей.

Я ударил – моя монета, попав на ребро, покатила в угол.

– О-о, – махнула рукой Лидия Михайловна. – Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, – я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

– Чего тут непонятного?

– Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

– Как же я с вами буду играть?

– А что такое?

– Вы же учительница!

– Ну и что? Учительница – так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одергивать себя: то нельзя, это нельзя, – Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстраненно смотрела в окно. – Иной раз полезно забыть, что ты учительница, – не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное – не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому. – Она встряхнулась и сразу повеселела. – А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь еще часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живет Василий Андреевич. Он очень серьезный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

– Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

– Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты все равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал ее. Светопредставление – не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

– Ну что – попробуем? Не понравится – бросим.

– Давайте, – нерешительно согласился я.

– Начинай.

Мы взялись за монеты» (Распутин В. Повести и рассказы / В. Распутин. – Новосибирск, 1996. – 164 с.).

Кейс № 15

«Нравственные заповеди педагога»

Цель кейса: развитие эмоционально-чувственной сферы будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

Данный кейс дает возможность преподавателю выявить результативность работы по развитию эмоционально-чувственной сферы будущего педагога. Предлагается выполнить проект «Нравственные заповеди педагога». В качестве материала для проекта рекомендуется обратиться к поэзии: Е. Туркка «Когда мы соучаствуем Добру», Н. Некрасова «Средь мира дольного», А. Нескородова «Красиво жить не запретишь». В творчестве поэтов студенты могут найти практически все основные нравственные чувства и включить их в заповеди. Рекомендуется группу поделить на 2–3 подгруппы, каждая из которых будет готовить свой проект.

Задание для обсуждения:

Подготовить проект «Нравственные заповеди педагога», включив в них те чувства, которые Вы считаете важными для профессионально-педагогической деятельности.

Материал к кейсу

1. *Когда мы соучаствуем Добру,
тем самым причащаемся Бессмертью.
– Дела и мысли Блага не умрут,
ДОБРОТВОРЯЩИЙ
не подвластен смерти.
Душа, что ценит спелый добрый плод,
о добродушии не рассуждает. –
ДОБРОТВОРЕНЬЮ
душу отдает
тот, кто по свету радость насаждает.
Выращивай в Саду –
ДОБРА цветы!
Цветок Добра, посаженный Душою –
итог твоей сердечной Доброты –
бутоном ДОБРОТОЛЮБИЯ раскроет...*

Е. Туркка

2. *Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.*

*Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твёрдую, –
Каким идти?*

*Одна просторная
Дорога – торная,
Страстей раба.
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идёт толпа.
О жизни искренней,
О цели выспренной
Там мысль смешна.*

*Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война.*

*За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.*

*На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.*

*Другая – тесная
Дорога честная,
По ней идут*

*Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.*

*За обойдённого,
За угнетённого,
Стань в их ряды.*

*Иди к униженным,
Иди к обиженным –
Там нужен ты.*

Н. Некрасов

3. *Красиво жить не запретишь
И с Божьей помощью быть может,
Ты где-то, в чем-то победишь,
Я знаю, Бог тебе поможет!
Поможет Он тебе любить,
Быть добрым, честным и бесстрашным,
Добро на всей земле дарить
И жить в гармонии, в мире нашем!
Я знаю, много есть всего,
Чего бы ты хотел увидеть.
Я знаю, есть добро и зло,
Есть те, кого можно обидеть!
Есть те, кто обижал тебя,
Весь мир ты можешь упрекать.
Поверь, всем надо жить любя.
Поверь, надо уметь прощать!
Спорим, ссоримся, обижаемся,
Не всегда подбирая слова.
Не прощаем, когда прощаемся,
Вера, разум – всему голова.
«Невозможно-разумно» ведем, трубя
Доказательством – кто из нас прав.
Так ведут себя, лишь себя любя,
Эгоизма, неся жуткий нрав.
Очень строги во гневе праведном!
Справедливый готовим ответ,
Говорим, что считаем правильным,
Обличаем, выводим на свет
Справедливость та – что в руке стилет,
Обуюдоостро разит.
Поколениям вперед на сто лет
Пораженьем она грозит.*

*Вот, представь, что Всевышний по строгости,
Справедливости всей нам воздал,
По своей Божественной совести
Земных грешников покарал.
И чтоб стало? Мир пустынею
Оказался б в один только миг.
Справедливостию постылою
Даже Бог ничего б не достиг.
К справедливости полной мерою
Милосердие быть должно.
Да Любовь в сочетании с Верою-
Так из века в век решено.
И суди не одной справедливостью,
Не по только свершенным делам.
Но Его Божественной милостью,
Как там сказано: «...аз воздам...»
Милосердие – любовь к ближнему!
Пониманье – прощенья друг!
А надежда – спасенья круг тому,
Кто ослаб, оступившись вдруг.
И когда мы с тобою простимся,
Вскользь, роняя обиды слова.
Вспомним истину, не усомнимся:
Милость сердца – всему голова.*

А. Нескородов

3.3. Кейсы, способствующие формированию профессионального идеала у будущих педагогов

Кейс № 1

«Иисус – идеальный Учитель»

Цель кейса: знакомство с самой великой личностью, Учителем человечества – Иисусом Христом (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя, позитивное отношение и абсолютное принятие его содержания).

Методические рекомендации преподавателю

Процесс формирования профессиональной модели поведения будущего педагога происходит под влиянием многих факторов. Одним из ведущих факторов является личность человека, образ жизни которого может стать примером для подражания, идеалом, к которому следует стремиться. Задача педагога высшей школы – помочь будущему учителю найти эти идеалы и построить профессиональную модель поведения, опираясь на лучшие нравственные образцы. Самым великим человеком в мире был Иисус Христос. Как сын Божий он был идеальной личностью, носителем только добра, милосердия и справедливости. Обладая великими Знаниями и Мудростью, данные ему Богом, Иисус учил людей нравственным законам и завещал это делать своим ученикам. Данный кейс дает возможность познакомиться с Великим Учителем и попытаться познать некоторые его идеи.

Для знакомства с Иисусом рекомендуется прочитать отрывок из работы К. Александрийского «Педагог» и стихи из Священного Писания.

Вопросы для обсуждения:

1. Каким представляет К. Александрийский Иисуса?
2. Почему философ ставит Иисуса выше всех учителей?
3. Какой образ Иисуса сложился у Вас на основании стихов из Священного Писания?
4. Можно ли Иисуса считать педагогическим идеалом? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

1. О лице нашего Педагога и Его воспитательном методе

«Мы показали, что всех нас Писание именует детьми; и не только детьми оно называет нас, последователей Христовых, но и неопытными младенцами, потому что только Отец вселенной совершенен: в Нем – Сын, а в Сыне – Отец.

Теперь, наблюдая в ходе мыслей последовательность, мы скажем о том, кто состоит нашим Педагогом. Имя ему Иисус. Но иногда Он называет Себя и пастырем и говорит: «Я есмь пастырь добрый» (Ин. 10:11). В метафорическом сем выражении, взятом от пастырей, вожатых стад, под пастырем нужно разуметь «Педагога», т.е. заботливого руководителя детей, рачительного пастыря существ неопытных. Дети бывают умом просты; поэтому образно

они называются овцами. И «будет», говорится, «одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10:16). Логос, приводящий нас детей к спасению, по всей справедливости, поэтому состоит Педагогом. Он и сам весьма ясно о Себе сказал через Осию: «Я есм воспитатель ваш». (Ос. 5:2). Педагогика же Его состоит в Божественной религии, в наставлении, как должно служить Богу, в обучении, приводящем к познанию истины. Вот руководство подлинно верное, потому что оно движется по направлению к небу.

Слово «Педагогика» употребляется в различных значениях. Под ним разумеется воспитываемый и обучаемый; потом – воспитывающий и обучающий; им обозначается, в третьих, сам акт воспитания; в-четвертых, передаваемые учения, например, заповеди. Согласно же с волей Божьей педагогика состоит в усмотрении истины по прямому направлению (*κατευθυσμός*) к Богу, в неустанном впечатлении на себе дел вечно ценных. Как полководец через то держит армию в порядке, что заботится о здоровье солдат; и как кормчий правит кораблем, имея в виду сохранить жизнь пассажирам: подобным образом и Педагог наш, в любвеобильной своей заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет к спасению. Но и вообще чего без ущерба для справедливости мы просим у Бога, то при Послушании Педагогу дается нам. Подобно тому теперь, как кормчий не всегда по ветру лавирует, но иногда ставит корабль передней его частью против сох толчков ветра: подобным образом и Педагог наш не соображает с нравами и обычаями, дующими в мире, и не предоставляет им своего питомца на произвол, как какую-нибудь лодку. Педагог не позволяет, чтобы Его питомец Сиянием мирских нравов увлечен был к жизни животной беспутной, но внушает ему, чтобы правильными своими веслами, т.е. своим разумением, держался он твердо единственно ветра истины, доколе – не потерпев никакого вреда – бережно взлелеянным дитем не войдет он в гавань небесную. Потому что так называемые у язычников «отеческие нравы», это вещь преходящая; Божественное же воспитание есть сокровище вечно ценное.

Воспитателем Ахиллеса, говорят, был Феникс; воспитателем сыновей Креза – Адраст; воспитателем Александра – Леонид; воспитателем Филиппа – Навсифой. Но один, а Именно Феникс, был женоугодником; другой, а именно Адраст, изгнанником; Леонид не

сумел смирить гордости Александра, а Навсифой так и не вылечил от запоев царя из Пелл. Фракиянин Зопир не мог обуздать беспутств Алкивиада; да и был-то он приобретенным покупкой рабом.

Воспитатель сыновей Фемистокла, Сикинн, был слугой ветреным; он был изобретателем пантомимных танцев и особенно сатирического танца. Итак, называемые у персов царские педагоги нам не известны. Персидские цари по четверо выбирают их из знатнейших между всеми персами и приставляют их воспитателями к своим сыновьям. Но князьки царские научаются от них лишь стрельбе из лука; в мужской же возраст прийдя, живут со своими сестрами, матерями, бесчисленным количеством своих жен, то законных, то наложниц и отдаются половым отношениям подобно боровам. Наш же Педагог свят; им является Божественный Иисус, Логос, руководитель всего человечества; Сам Он, человеколюбивый Бог есть наш Воспитатель» (Александрийский К. Педагог / Пер. Н. Н. Корсунского отца Гергия (Честякова). – М. – Нью-Йорк, 1996.).

2. «И Бог сотворил человека по своему образу, сотворил его по образу Бога» (Бытие 1:27).

«Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду. И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас» (Иеремия 29:11–12).

«Иисус есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Колоссянам 1:15–17).

«В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Матфея 18:1–5).

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не боль-

ше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Матфея 6:25–34).

«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их.

И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его» (Матфея 7:12–20,28).

«И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а

уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты. Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» (Иоанна 13:2–14).

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матфея 5:44–48).

Кейс № 2

«Обучать – значит служить людям»

Цель кейса: знакомство с педагогической мудростью Иисуса (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя, позитивное отношение и абсолютное принятие его содержания).

Методические рекомендации преподавателю

Этот кейс является логическим продолжением кейса «Иисус – идеальный Учитель». Миссия Иисуса состояла в служении людям, обучении их истине, данной Всевышним. Иисус терпеливо разъяснял людям нравственные законы, побуждая принимать их разумом и сердцем. Современный учитель, желающий добиться добрых результатов в воспитании, может с успехом подражать Иисусу. Первым шагом на пути к педагогическому идеалу будет знакомство с Мудростью Великого Учителя, которая отражена в

стихах Нового Завета.

Вопросы для обсуждения:

1. Какие нравственные качества Иисус ценил? Ценны ли эти качества для современного мира? Обоснуйте свои ответы.

2. В чем Иисус видит счастье человека?

3. Каким основным заповедям учил Иисус? Поясните их взаимосвязь.

4. Какие методы использовал Иисус в обучении людей? Обоснуйте их актуальность в современных условиях.

5. Считаете ли Вы, что миссия учителя состоит в служении детям? Обоснуйте свой ответ.

Материал к кейсу

«Оттуда вышел Он и пришел в Свое отечество; за Ним следовали ученики Его. Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» (Марка 6:1–3).

«Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня» (Иоанна 7:16).

«Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца

вашего Небесного. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Матфея 5:1–26, 38–46).

«Не собирайте себе соковищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе соковища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где соковище ваше, там будет

и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Матфея 6:19–24).

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матфея 7:1–5).

«Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (Матфея 13:34).

«Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Матфея 18:12–14).

Кейс № 3

«Обучение притчами»

Цель кейса: знакомство с методами обучения Иисуса, анализ их возможности в воспитании современных детей (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя, позитивное отношение и абсолютное принятие его содержания).

Методические рекомендации преподавателю

У Иисуса, если пользоваться современной терминологией, были очень интересные методы и средства обучения, которые актуальны в любое историческое время. Так, например, Иисус учил притчами, дающими возможность человеку глубоко поразмышлять над нравственными вопросами жизни. Современный педагог может с успехом использовать методы Иисуса в своей практике, тем самым подражая Великому Учителю.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Проанализируйте притчу о блудном сыне с педагогической точки зрения.

2. Что для своей педагогической сокровищницы Вы взяли бы у Иисуса Христа?

Материал к кейсу

Притча о блудном сыне

«Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв

и ожил, пропадал и нашелся» (Луки 15:11–32).

Кейс № 4

«Благоразумный наставник»

Цель кейса: формирование у студентов представления об идеальном учителе.

Методические рекомендации преподавателю

В философском наследии Квинтилиана «О воспитании оратора» очень точно представлен образ учителя, желающего достичь успехов в воспитании ребенка. Квинтилиан говорит нам о том, что не бывает не способных учеников. Причина их неуспешности кроется в плохом воспитании. В своей работе философ на все времена дает советы учителю по наполнению сосуда (ребенка) знаниями и образами для подражания. Рекомендуется построить работу с кейсом так, чтобы результатом была четко представленная студентами модель идеального учителя (благоразумного наставника по Квинтилиану).

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Что значит возложить на сына лучшие надежды?
2. Продолжите мысль: «Идеальный учитель наполняет сосуд (ребенка) постепенно капля за каплей...».
3. Что значит наполнять душу воспитанника образами? Какие это должны быть образы?
4. Как Вы понимаете – пусть ученик «останется лучше с медленным, чем со злым умом»?
5. Представьте образ благоразумного наставника по Квинтилиану.
6. Вы согласны с таким образом? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

«О воспитании оратора»

Первоначальное воспитание детей до поступления их в школу

Как только родится сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это делает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратит труд и время. Напротив, мы найдем немалое число людей

восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека: как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам достались в особенный удел разум и понятливость; это заставляет думать, что наша душа небесного происхождения. Тупые и не поддающиеся учению умы появляются столько же против законов природы, как и всякие другие уроды и чудовища в физической природе, но таких бывает очень мало. Доказательством этого служит то, что дети подают иногда блестящие надежды, которые потом, с годами, исчезают; следовательно, не природа виновата, а недостаток воспитания служит тому причиной. Я согласен, что один имеет более ума, чем другой; это доказывает только, что один может сделать больше другого, однако не найдешь никого, кто бы не достиг чего-нибудь прилежанием.

Ведь было бы слишком смело питать надежду достигнуть той степени красноречия, какую предполагают дети в своем учителе. Поэтому они и хватаются за ближайшее к себе, как виноградные лозы, привязанные к деревьям, сперва вьются около ветвей, а потом поднимаются до вершины. Да и сам учитель, который старается быть более полезным, чем блистать умом, не должен вдруг обременять слабые умы, но обязан соразмерять свои силы с умственными силами учащихся. Как небольшие и с узким горлом сосуды не могут принять много воды зараз, а наполняются постепенно, капля за каплей, так следует судить и о детских умах; что превосходит их понятия, то не пойдет в их ум, еще мало способный к усвоению знаний. Итак, полезно иметь кого-нибудь для того, чтобы сперва ему подражать, а потом его превзойти. Таким образом, можно надеяться постепенно достигнуть и больших успехов.

Лучше ли учить детей дома или следует отдавать в училища?

... сами учителя не могут говорить перед одним учеником с таким жаром и силою, какими бывает проникнута их речь в многолюдном собрании. Настоящим очагом красноречия служит душа; для нее нужно возбуждение, нужно, чтобы она наполнялась образами и сливалась, так сказать, с теми предметами, о которых говорим. И чем благороднее и возвышеннее душа, тем сильнее должны быть те двигатели, которые служат для ее возбуждения;

поэтому похвала возвышает ее, борьба увеличивает ее силы, и она всегда стремится к великому. Мы чувствуем какое-то тайное отвлечение к проявлению пред одним слушателем своего красноречия, которое приобретает такими большими трудами; даже стыдно бывает отступать тогда от обыкновенной речи. И в самом деле, представим себе человека, который пред одним учеником стал бы говорить со всеми ораторскими приемами, громким голосом, с особого рода жестами и произношением, одним словом, со всем напряжением душевных и телесных сил: не покажется ли он похожим на безумного? Конечно, не было бы между людьми красноречия, если бы всякий из них говорил один на один.

Как распознавать способности детей и как обходиться с ними

Благоразумный наставник прежде всего должен узнать свойства ума и характера поручаемого ему ученика. Особенный признак ума в малолетних есть память; ее действие двойное: скоро понимать и не забывать, что поняли. К этому следует прибавить подражание, которое также указывает на способности ребенка, но надо смотреть, чтобы он обращал этот дар на то, чему его учат, а не на то, чтобы живо представлять собою лица, в которых заметит какие-нибудь недостатки. Я не могу быть хорошего мнения о том ребенке, который старается только смешить таким подражанием. Переимчивое дитя должно быть вместе с тем и добрым, а иначе пусть останется лучше с медленным, чем со злым умом. Но я здесь под именем доброго отнюдь не имею в виду ребенка неразвязного и вялого во всем. Тот, кого я в данном случае представляю себе, без труда должен понимать учение, обращаться иногда и с вопросами, но чаще следовать за учителем, чем предупреждать его. Скороспелые умы, как преждевременные плоды, почти никогда вполне не созревают. Их можно узнать по той легкости, с какой они исполняют незначительные труды; они смелы и на первых же порах обнаруживают то, к чему они способны. Но силы их не обширны: они, например, при чтении легче разбирают слова, произносят их смело и без запинки. Они делают мало, но скоро; тут нет настоящей силы, нет прочного основания; их можно сравнить с брошенными на самой поверхности земли семенами, которые скоро пускают ростки, но зато дают только похожую на хлеб

и пожелтевшую еще до жатвы траву с пустыми колосьями. Правда, такое раннее развитие пленяет нас в детях, но успех их на этом и останавливается, и наше прежнее удивление скоро исчезает.

После таких наблюдений над способностями учащих учителя замечает, как лучше всего обходиться ему с учениками. Один требует понуждения, другой не терпит строгих приказаний; некоторых сдерживает страх, у других же он отнимает бодрость; иной успевает от постоянного прилежания, другой действует порывами. Я желал бы иметь такого ученика, которого бы поощрял я и похвалы, который был бы чувствителен и к славе, и даже плакал бы, когда отстанет от товарищей. Я не опасуюсь лени и нерадения со стороны того, на кого порицание и почет одинаково хорошо действуют.

Детям, каких бы свойств они ни были, следует давать некоторый отдых, не только потому, что нет ничего, что могло бы выдержать непрерывный труд, и что даже неодушевленные предметы сохраняют свои силы не иначе, как оставаясь на некоторое время в покое, но и потому, что прилежание зависит от доброй воли, на которую нельзя подействовать принуждением. Таким образом, дети после отдыха охотнее принимаются за учение; ум, которому свойственна свобода, становится бодрее. Я не осуждаю также в детях и любви к играм; это служит проявлением их живости. Напротив, я еще не могу надеяться, что тот задумчивый и всегда угрюмый мальчик, который вял и в играх, наиболее свойственных его возрасту, будет усердно заниматься. Однако при таких роздыхах надо соблюдать меры или середину, чтобы от недостатка их не возникла ненависть к учению, а от излишества – привычка к праздности. Для упражнения детского ума существуют разные забавы: не бесполезно, например, обращаться к ученикам с разными вопросами, на которые бы они старались давать лучшие друг перед другом ответы. Во время игры всего легче распознавать характер детей; нет возраста, в котором бы так скоро перенималось хорошее и худое; тогда-то и нужно заботиться об исправлении всего дурного, так как дети притворяться еще не умеют и легко поддаются убеждениям. Скорее можно переломить, чем исправить старое дерево. Итак, нужно приучать ребенка к тому, чтобы он не делал ничего по прихоти, по злости или небрежно, и всегда помнить, что привычка, приобретенная в детстве, есть великое

дело, как говорит Вергилий.

Я не одобряю обычая подвергать детей телесному наказанию, хотя это почти всеми принято и не отвергается и Хризиппом. Такое наказание мне кажется низким и свойственным только рабам и справедливо считается жестоким оскорблением для всякого другого возраста. Затем дурной ребенок, которого не исправляют выговоры, привыкнет к побоям и будет терпеть их с рабским упрямством. Наконец, не было бы и нужды прибегать к этому наказанию, если бы заботливый наставник требовал от ученика строгого отчета в его занятиях. В настоящее время проступки детей, которые происходят от небрежности педагогов, исправляются, по-видимому, не тем, что детей заставляют поступать правильно, а только тем, что наказывают их за то, что они этого не исполнили. Притом же, если вы думаете розгою, как единственным средством, принудить ребенка к учению, то как вы поступите с юношей, которому вы не можете грозить этим наказанием, а между тем должны учить его гораздо большему» (Глебовский В. А. Древние педагогические писатели в биографиях и образах / В. А. Глебовский. – СПб., 1903. – С. 96–112.)

Кейс № 5

«Остается третий путь»

Цель кейса: формирование у студентов представления об идеальном учителе.

Методические рекомендации преподавателю

Материал данного кейса содержит отрывки из статьи Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» и книги В.И. Порудоминского «Пирогов», который дает возможность познакомиться с великим ученым-педагогом, с его интересным взглядом на воспитание человека, на условия, в которых происходит это воспитание. Самым главным условием формирования воспитанника как Человека является личность педагога, его желание и готовность к самовоспитанию, саморазвитию и устремлению к высшим идеалам.

Вопросы для обсуждения:

1. Можем ли мы в современных условиях последовать совету Н.И. Пирогова и пойти третьим путем? Каким Вы видите этот путь?

2. Каким должен быть педагог, способный развивать внутрен-

него человека в своем воспитаннике?

3. Какие Вы видите средства для подчинения в себе наружно-го человека?

4. Что и почему Вас заинтересовало в профессиональной модели поведения Н.И. Пирогова?

Материал к кейсу

1. «Как мы принадлежим к последователям христианского учения, то, казалось бы, что воспитание должно нам класть в рот ответы.

Но это предположение возможно только при двух условиях:

во-первых, если воспитание приноровлено к различным способностям и темпераменту каждого, то развивая, то обуздывая их;

во-вторых, если нравственные основы и направление общества, в котором мы живем, совершенно соответствуют направлению, сообщаемому нам воспитанием.

Первое условие необходимо, потому что врожденные склонности и темперамент каждого подсказывают ему, впадет и невпадет, что он должен делать и к чему стремиться.

Второе условие необходимо, потому что без него, какое бы направление ни было нам дано воспитанием, мы, видя, что поступки общества не соответствуют этому направлению, непременно удалимся от него и собьемся с пути.

Но вот главная беда.

Самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с направлением, которому следует общество.

Изменить направление общества есть дело Промысла и времени.

Остается третий путь. Он труден, но возможен: избрав его, придется многим воспитателям сначала перевоспитать себя.

Приготовить нас с юных лет к этой борьбе – значит именно:

«Сделать нас людьми», т.е. тем, чего не достигнет ни одна наша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас с самого нашего детства негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов.

Человеку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое внимание и всю волю в одно и то же время на занятиях, требующих напряжения совершенно различных свойств духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

На чем основано приложение реального воспитания к самому детскому возрасту?

Одно из двух: или в реальной школе, назначенной для различных возрастов (с самого первого детства до юности), воспитание для первых возрастов ничем не отличается от обыкновенного, общепринятого; или же воспитание этой школы с самого его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно к достижению одной известной, практической цели.

В первом случае нет никакой надобности родителям отдавать детей до юношеского возраста в реальные школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще с пеленок для той или другой касты общества.

Во втором случае, можно смело утверждать, что реальная школа, имея преимущественной целью практическое образование, не может в то же самое время сосредоточить свою деятельность на приготовлении нравственной стороны ребенка к той борьбе, которая предстоит ему впоследствии при вступлении в свет.

Да и приготовление это должно начаться в том именно возрасте, когда в реальных школах все внимание воспитателей обращается преимущественно на достижение главной, ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только в том и полагает всю свою работу, как бы скорее выступить на практическое поприще, где воображение ему представляет служебные награды, корысть и другие идеалы окружающего его общества.

Отвечайте мне, положив руку на сердце, можно ли надеяться, чтобы юноша в один и тот же период времени изготовлялся выступить на поприще, не самым им избранное, прельщался внешними и материальными выгодами этого, заранее для него определенного, поприща и вместе с тем серьезно и ревностно изготовлялся к внутренней борьбе с самим собою и с увлекательным направлением света?

Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет,

может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане.

Значит ли это, что я предлагаю вам закрыть и уничтожить все реальные и специальные школы?

Нет, я восстаю только против двух вопиющих крайностей.

Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью своих детей, назначая их, едва выползших из колыбели, туда, где по разным соображениям и расчетам предстоит им более выгодная карьера?

Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?

Кто дал право отцам, матерям и воспитателям властвовать самоуправно над благими дарами творца, которыми он снабдил детей?

Кто научил, кто открыл, что дети получили врожденные способности и врожденное призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами им назначают? Уже давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован; заказное их венчание с наукой празднуется и прославляется, как венчание дожа с морем!

И разве нет другого средства, другого пути, другого механизма для реально-специального воспитания? Разве нет другой возможности получить специально-практическое образование, в той или другой отрасли человеческих знаний, как распространяя его на счет общего человеческого образования?

Вникните и рассудите, отцы и воспитатели!

Еще со времен языческой древности существуют два рода образования: Общечеловеческое и специальное, или реальное.

В Афинах и Родосе философы имели право содержать школы для общечеловеческого образования. Невдалеке от Афин, между светлыми источниками, окруженные садами, размещены были самые главнейшие из них.

В середине стояла школа эпикурейцев, к северу от нее жили последователи Платона, а к югу – ученики Аристотеля. Мирты и оливы разделяли одно учение от другого и служили границами различных взглядов на жизнь и свет. Учителя и ученики жили обществами, вместе; кроме учеников и посторонним лицам вход был открыт. Со всех сторон и из отдаленных земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитых наставников. Философия и красноречие были самыми главными предметами занятий. Не все реальные науки в то время были резко отделены от философии: они обыкновенно преподавались вместе с нею, так что главным основанием всех наук считалась философия. Бог, свет и человек были главнейшими предметами отвлеченных созерцаний. Красноречие было в то время искусством, тесно соединенным с гражданским бытом и историей народа. Поэтому и философия и красноречие считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловеческого образования.

Все готовящиеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому все до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения. Недаром известные сведения исстари называются: *humaniora*, т.е. необходимые для каждого человека. Эти сведения, с уничтожением язычества, с усовершенствованием наук, с развитием гражданского быта различных наций, измененные в их виде, остаются навсегда, однако же, теми же светильниками на жизненном пути и древнего, и нового человека.

Итак, направление и путь, которым должно совершаться общечеловеческое образование для всех и каждого, кто хочет заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительств, и для подданных.

Для правительств, потому что все воспитанники до известного возраста будут образоваться, руководимые совершенно одним и тем же направлением, в одном духе, с одной и той же целью; следовательно, нравственно-научное воспитание всех будущих граждан будет находиться в одних руках. Все виды, все благие намерения правительств к улучшению просвещения будут ис-

полняться последовательно, с одинаковой энергией и одноведомственными лицами.

Для подданных, потому что все воспитанники до вступления их в число граждан будут дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитания.

Это тождество духа и прав воспитания должно считать выгодным не потому, что будто бы вредно для общества разделение его на известные корпорации, происходящие от разнообразного воспитания.

Нет, напротив, я вижу в поощрении корпорации средство: поднять нравственный быт различных классов и сословий, вселить в них уважение к их занятиям и к кругу действий, определенному для них судьбой. Но чтобы извлечь пользу для общества из господствующего духа корпораций, нужно способствовать к его развитию не прежде полного развития всех умственных способностей в молодом человеке. Иначе должно опасаться, что это же самое средство будет и ложно понято и не кстати приложено.

Есть, однако же, немаловажные причины, оправдывающие существование специальных школ во всех странах и у всех народов.

Сюда относится почти жизненная потребность для некоторых наций в специальном образовании граждан по различным отраслям сведений и искусств, самых необходимых для благосостояния и даже для существования страны, и именно когда ей предстоит постоянная необходимость пользоваться как можно скорее и как можно обширнее плодами образования молодых специалистов.

Но, во-первых, нет, ни одной потребности, для какой бы, то, ни было страны более существенной и более необходимой, как потребность в истинных людях. Количество не устоит перед качеством. А если и превозможет, то все-таки рано или поздно подчинится непродолжительно, со всей его громадностью, духовной власти качества.

Это историческая аксиома.

Во-вторых, общечеловеческое, или университетское, образование нисколько не исключает существования таких специальных школ, которые занимались бы практическим, или прикладным, образованием молодых людей, уже приготовленных общечеловеческим воспитанием.

А специальные школы и целое общество несравненно более выиграют, имея в своем распоряжении нравственно и научно в

одном духе и в одном направлении приготовленных учеников.

Учителям этих школ придется сеять уже на возделанном и раз-работанном поле. Ученикам придется легче усваивать принимаемое. Наконец, развитие духа корпораций, понятие о чести и достоинстве тех сословий, к вступлению в которые готовят эти школы, будет и своевременно и сознательно для молодых людей, достаточно приготовленных общечеловеческим воспитанием.

Да и какие предметы составляют самую существенную цель образования в специальных школах?

Разве не такие, которые требуют для их изучения уже полного развития душевных способностей, телесных сил, талантов и особо-го призвания?

К чему же, скажите, спешить так и торопиться со специаль-ным образованием? К чему начинать его так преждевременно?

К чему променивать так скоро выгоды общечеловеческого об-разования на прикладной, односторонний специализм?

Я хорошо знаю, что исполинские успехи наук и художеств на-шего столетия сделали специализм необходимой потребностью общества; но в, то, же время никогда не нуждались истинные специалисты так сильно в предварительном общечеловеческом образовании, как именно в наш век.

Односторонний специалист есть или грубый эмпирик, или уличный шарлатан.

Отыскав самое удобное и естественное направление, которым должно вести наших детей, готовящихся принять на себя высо-кое звание человека, остается еще главное, решить один из суще-ственнейших вопросов жизни: каким способом, каким путем при-готовить их к неизбежной им предстоящей борьбе?

Каков должен быть юный атлет, приготовляющийся к этой ро-ковой борьбе?

Первое условие: он должен иметь от природы, хотя какое-ни-будь притязание на ум и чувство.

Пользуйтесь этими благими дарами творца, но не делайте одаренных бессмысленными поклонниками мертвой буквы, дерз-новенными противниками необходимого на земле авторитета, су-емудрыми приверженцами грубого материализма, восторженны-ми расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Вот второе условие.

Вы скажете, что это общие, риторические фразы.

Но я не виноват, что без них не могу выразить того идеала, которого достигнуть я так горячо, так искренно желаю и моим, и вашим детям.

Не требуйте от меня большего; больше этого у меня нет ничего на свете.

Пусть ваши педагоги с глубоким знанием дела, лучше меня одаренные, с горячей любовью к правде и ближнему постараются из моих и ваших детей сделать то, чего я так искренно желаю, и я обещаю никого не беспокоить риторическими фразами, а молчать и молча за них молиться» (Пирогов Н. И. Вопросы жизни / Н. И. Пирогов // Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1985.).

2. «Служащие по министерству народного просвещения мундир имели темно-синего сукна, с темно-синим же бархатным воротником и латунными пуговицами.

В середине августа 1857 года директор Симферопольской гимназии собрал учителей и строго-настрого приказал являться на уроки в парадной форме. Ожидался приезд самого господина попечителя учебного округа – его превосходительства.

16 августа молодой, только что назначенный учитель Бобровский давал первый в своей жизни урок. По дороге в класс он сорвал на гимназическом дворе несколько растений, чтобы рассказать о них ученикам. Едва Бобровский начал говорить, дверь открылась, и в классе появился незнакомый человек. Странное на нем было платье – не то длиннополый и не в меру широкий сюртук, не то халат, не то пальто. Запыленные сапоги и простецкий картуз.

Человек сказал:

– Я попечитель учебного округа. Продолжайте.

И уселся на первую парту.

Бобровский хотел продолжать – не смог. Смутился, растерялся, позабыл, что говорить.

Попечитель подошел к нему, взял из его рук сорванную у забора лебеду:

– Вы хотели рассказать детям об этом растении?

И вот он уже идет между партами, показывает ученикам ле-

беду, спрашивает о форме листьев, их расположении, о стебле, о корне. Нанизывает один вопрос на другой и всякий ответ завершает новым решительным «почему?». Ребята оживились. Некогда зевать со скуки, разглядывать в окно привычный гимназический двор. Думать надо. Самим доходить до сути. Позабыв про важный чин его превосходительства, ученики вскакивали с мест, дружно выкрикивали ответы, спорили. Обыкновенная лебеда, сто раз виденная, стала вдруг непростой, интересной штукой.

Гимназисты потом все спрашивали:

– Когда еще попечитель приедет?

Для начинающего учителя Бобровского первый урок стал уроком на всю жизнь.

Попечителем Одесского учебного округа с сентября 1856 года был Николай Иванович Пирогов.

Он умел сразу влезать в дела – без «раскачки». Не – ознакомившись, начинал, а – начав, знакомился. Он брался за дела, как ученый. Не радовался находкам, которые лежат на дороге, – знал, что ищет. По пути отделял руду от породы.

Всего через три месяца после вступления в должность попечителя Пирогов подал докладную записку, названную очень категорически: «О ходе просвещения в Новороссийском крае и о вопиющей необходимости преобразования учебных заведений».

В записке изложено лишь то, что неизбежно требовало официальной санкции. Все остальное Пирогов смело взял на свою ответственность.

Во время минувшей войны Пирогов писал из Крыма, что управляет подчиненными деспотически, но справедливо. Пироговский деспотизм уживался со справедливостью. Пирогов-начальник не приказывал, а не давал успокаиваться – без конца ставил задачи и показывал, как добиться цели. Он обладал способностью воспламенять других, потому что сам верил в то, что делает. Всегда был, а не казался. О нем никто не мог сказать: «А сам-то...»

Попечитель – должность мундирная, Пирогов сделал ее человеческой. Само его появление где-нибудь в губернской гимназии или захолустной школе ломало привычные представления. Заросший дорожной грязью тарантас под окнами и важное лицо, которое не требует к себе, не выговаривает, не приказывает, а в поношенной одежде сидит за партою, вместе с учениками решает

задачки из устного счета или переводит латинские тексты.

Если учитель не мундир, а человек, он во всю жизнь не позабудет, как сам Пирогов, осмотрев школу, отправился к нему, простому учителю, ночевать, от кровати отказался и, лежа рядом на полу, всю ночь расспрашивал о разном, советовал, делился мыслями.

Если учитель не мундир, а человек, он во всю жизнь не забудет, как Пирогов, сердито не поверив вначале, что ученики могут переводить Цицерона и Тацита, встал в конце урока и вслух (сам Пирогов!) признал: «Я был неправ. Я вижу теперь, что ваши ученики в состоянии читать и Тацита. Благодарю вас очень».

Сколько их вот так воспламенил на пути своем Пирогов!

За один 1857 год попечитель трижды объезжал учебный округ. Неделями трясся по бездорожью губерний Херсонской и Екатеринославской, Бессарабии и Крыма. И всюду оставлял воспламенных – приверженцев и последователей; они, может, и не всегда знали, как надо, зато знали, что надо не так, как раньше.

Из Херсонской губернии сообщали: здесь стали учить по-пироговски – заставляют детей не зубрить, а думать; отменили розгу; хлопчут об открытии женской гимназии – учителя решили преподавать в ней бесплатно; создан педагогический кружок – в нем читают доклады на разные темы, обсуждают журналы, на заседания кружка собираются не только педагоги, но и публика...

По округу полетели пироговские циркуляры. Они не пестрели казенными завитками параграфов, не одергивали грозными «Предписываю...», «Приказываю...». Циркуляры не трепет вызывали – жгучий интерес. Из бумаги превратились в дело.

Циркуляры по учебному округу – своего рода педагогические «Анналы» Дерптской клиники. Попечитель откровенно делился с учителями хорошим и плохим.

Анализировал:

«...Метод преподавания естественной истории я нашел неестественным. Учитель не обращал никакого внимания на развитие наглядности и наблюдательности в детях... Он мало пользуется даже и тем собранием минералов, которые находятся при гимназии».

Одобрал:

«...Я с удовольствием нашел одного младшего учителя, г. Абрамова, именно таким, какими бы мне желательно было видеть всех учителей... Его метода преподавания отличная. Он со-

держит целый класс в постоянном напряжении и старается уяснить ученикам, обращаясь к каждому с вопросами. Я приношу ему полную благодарность и прошу продолжать преподавание по пути, им проложенному».

Не одобрял:

«Безымянные доносы на состояние училищ... заставили меня обратить особое внимание на управление. Я убедился, что большая часть этих доносов несправедлива и основана или на личностях, или на одних подозрениях».

Иногда злился:

«Мясо... было жестко и не сочно; а третье кушанье (сырники) вовсе неудобоваримо.

... Я отменил употреблять вываренное мясо из супа вместо второго кушанья».

Размышлял вслух:

«По 2-й гимназии. Вообще успехи учащихся в этом заведении более замечательны, чем в 1-й. Ученики более развиты. Вероятно, этому содействует преимущественно то обстоятельство, что во 2-ю гимназию поступают особенно дети бедных родителей, более ревностные к труду».

Советовал:

«... Нужно... предложить г. преподавателю заниматься с учащимися наглядным способом и приохотить их самих к составлению собраний растений, насекомых, бабочек и т.п.».

Делал выводы:

«... Ребенок, не приучившийся напрягать свое внимание в низших классах, никогда не пойдет вперед, и деятельность его ума никогда не будет самостоятельной, если он не будет приучен вникать в слышанное и обдумывать заранее то, что сказать должен».

Итак, не образ мыслей, раз и навсегда установленный табелью о рангах, а мышление настоящего человека – способность вникать и обдумывать, самостоятельно творить умом.

Пирогов придумал литературные беседы. Гимназисты собирались раз в две-три недели; один читал доклад, другие выступали с критикой. Темы выбирали по собственному усмотрению, большей частью из литературы или истории. Педагоги участвовали на общих основаниях, привилегий не имели. Приезжал попечитель, брал слово в прениях, как рядовой. Докладчики с ним

спорили» (Порудоминский В. И. Пирогов / В. И. Порудоминский; 2-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 272 с.).

Кейс № 6

«Учитель – духовный наставник»

Цель кейса: формирование у студентов профессионального идеала (когнитивно-понятийный компонент – осмысление содержания идеала).

Методические рекомендации преподавателю

В.А. Сухомлинский как ученый и педагог, много лет посвятивший детям, может служить для будущих учителей примером для подражания, т.е. профессиональным идеалом. В современных условиях мысли, опыт В.А. Сухомлинского актуальны как никогда. Успешность воспитательной деятельности ученый видит в духовном единении учителя и воспитанника, в наставничестве, а не в насилии над личностью ребенка. В.А. Сухомлинский предохраняет молодых учителей от авторитарной педагогики, не способной формировать творческую, активную, целеустремленную, духовную личность. Как педагог-гуманист В.А. Сухомлинский раскрывает высшее предназначение учителя, его роль в духовном становлении человека. Для подготовки к вопросам и выполнения задания предлагаются отрывки из книги В.А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Каким представляется Вам образ ребенка?
2. Каким представляется Вам образ учителя?
3. Если Вы согласны с позицией В.А. Сухомлинского, то предложите формы общения с детьми, позволяющие выстроить с ними духовные доверительные отношения.

Материал к кейсу

«Настоящая духовная общность рождается там, где учитель надолго становится другом, единомышленником и товарищем ребенка в общем деле. Я чувствовал, что такая общность необходима мне не только для радости творческого труда, но и для того, чтобы учить своих коллег науке и искусству воспитания. Живое, непосредственное, повседневное общение с детьми – источник мыслей, педагогических открытий, радостей, печалей, разочарований, без которых немислимо творчество в нашем труде. Я при-

шел к выводу, что главный воспитатель должен быть воспитателем небольшого детского коллектива, другом и товарищем ребят.

Учительский стол подчас становится той каменной стеной, из-за которой он ведет «наступление» на своего «противника» – учащихся; но чаще этот стол превращается в осажденную крепость, которую «противник» берет измором, а укрывшийся в ней «военачальник» чувствует себя связанным по рукам и ногам. С болью видишь, как даже у знающих свой предмет учителей воспитание иногда превращается в ожесточенную войну только потому, что никакие духовные нити не связывают педагога и учеников, и душа ребенка – застегнутая на все пуговицы рубашка. Главная причина уродливых, недопустимых отношений между наставником и питомцем, имеющих место в отдельных школах, – это взаимное недоверие и подозрительность: иногда учитель не чувствует сокровенных движений детской души, не переживает детских радостей и горестей, не стремится мысленно поставить себя на место ребенка.

Я твердо убежден, что есть качества души, без которых человек не может стать настоящим воспитателем, и среди этих качеств на первом месте – умение проникнуть в духовный мир ребенка. Только тот станет настоящим учителем, кто никогда не забывает, что он сам был ребенком. Беда многих учителей (дети и особенно подростки называют их сухарями) заключается в том, что они забывают: ученик – это прежде всего живой человек, вступающий в мир познания, творчества, человеческих взаимоотношений. В воспитании нет разрозненных вещей, действующих на человека изолированно. Урок – важнейшая организационная форма процесса познания мира учащимися. От того, как дети познают мир, какие убеждения формируются у них, зависит весь строй их духовной жизни. Но познание мира не сводится только к усвоению знаний. Беда многих учителей в том, что они измеряют и оценивают духовный мир ребенка только оценками и баллами, делят всех учащихся на две категории в зависимости от того, учат или не учат дети уроки.

Без постоянного духовного общения учителя и ребенка, без взаимного проникновения в мир мыслей, чувств, переживаний друг друга немислима эмоциональная культура как плоть и кровь культуры педагогической. Важнейший источник воспитания

чувств педагога – это многогранные эмоциональные отношения с детьми в едином, дружном коллективе, где учитель – не только наставник, но и друг, товарищ. Эмоциональные отношения немислимы, если учитель встречается с учениками только на уроке и дети чувствуют на себе влияние педагога только в классе. Конечно, нельзя противопоставлять «мир, зажатый в черной классной доске», и «мир, плывущий за стеклами». Нельзя даже допустить мысли о том, что обязательное обучение – это насилие над душой человека, классная доска – порабощение детской свободы, а мир за окнами подлинная свобода. В годы, предшествовавшие работе в Павлышской школе, я много раз убеждался в том, какую огромную роль играет в жизни ребенка учитель начальных классов. Он должен быть для ребенка таким же дорогим и родным человеком, как мать. Вера маленького школьника в учителя, взаимное доверие между воспитателем и воспитанником, идеал человечности, который видит ребенок в своем воспитателе, – это элементарные и вместе с тем самые сложные, самые мудрые правила воспитания, постигнув которые, учитель становится подлинным духовным наставником. Одно из самых ценных качеств воспитателя – человечность, глубокая любовь к детям, любовь, в которой сочетается сердечная ласка с мудрой строгостью и требовательностью отца, матери. Детство – важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира, – от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш. В дошкольном и младшем школьном возрасте происходит формирование характера, мышления, речи человека. Может быть, все то, что приходит в ум и сердце ребенка из книги, из учебника, из урока, как раз и приходит лишь потому, что рядом с книгой – окружающий мир, в котором малыш делает свои нелегкие шаги от рождения до того момента, когда он сам может открыть и прочитать книгу.

Жизнь утвердила убеждение в том, что если маленькому ребенку не удастся вернуть веру в добро и справедливость, он никогда не может почувствовать человека в самом себе, испытать чувство собственного достоинства. В подростковом возрасте такой воспитанник становится озлобленным, для него нет в жизни

ничего святого и возвышенного, слово учителя не доходит до глубины его сердца. Выпрямить душу такого человека одна из наиболее трудных задач воспитателя; в этом самом тонком, самом кропотливом труде происходит, по существу, главное испытание по человековедению. Быть человековедом – значит, не только видеть, чувствовать, как ребенок познает добро и зло, но и защищать нежное детское сердце от зла.

Учитель должен овладевать вниманием детей, пробуждать то, что в психологии называется произвольным вниманием. Внимание маленького ребенка – это капризное «существо». Оно кажется мне пугливой птичкой, которая улетает подальше от гнезда, как только стремишься приблизиться к нему. Когда же удалось, наконец, поймать птичку, то удержать ее можно только в руках или в клетке. Не ожидай от птички песен, если она чувствует себя узником. Так и внимание маленького ребенка: если ты держишь его, как птичку-узника, то оно плохой твой помощник. Есть учителя, считающие своим достижением то, что им удастся создавать на уроке «обстановку постоянного умственного напряжения» детей. Чаще всего это достигается внешними факторами, играющими роль узды, удерживающей внимание ребенка: частыми напоминаниями (слушай внимательно), резким переходом от одного вида работы к другому, перспективой проверки знаний сразу же после объяснения (точнее: угрозой поставить двойку, если ты не слушаешь то, что я рассказываю), необходимостью сразу же после уяснения какого-нибудь теоретического положения выполнить практическую работу. С первого взгляда все эти приемы создают видимость активного умственного труда: как в калейдоскопе, сменяются виды работы, дети, сосредоточив внимание, слушают каждое слово учителя, в классе напряженная тишина. Но какой ценой все это достигается и к каким результатам приводит? Постоянное напряжение сил для того, чтобы быть внимательными и не пропустить чего-нибудь, – а ученик в этом возрасте еще не может заставить себя быть внимательным – изматывает, издергивает, изнуряет, истощает нервную систему. Не потерять на уроке ни одной минуты, ни одного мгновенья без активного умственного труда – что может быть глупее в таком тонком деле, как воспитание человека. Подобная целеустремленность в работе учителя прямо означает: выжать из детей все, что они могут дать. После

таких «эффективных» уроков ребенок уходит домой уставший. Он легко раздражается и возбуждается. Ему бы отдохнуть да отдохнуть, а у него еще домашние задания, и от одного взгляда на сумку с книгами и тетрадями детям становится тошно.

Важная задача школы – воспитать человека пытливым, творческой, ищущей мысли. Я представляю себе детские годы как школу мышления, а учителя – как человека, заботливо формирующего организм и духовный мир своих воспитанников. Забота о развитии и укреплении мозга ребенка, о том, чтобы это зеркало, отражающее мир, всегда было чутким и восприимчивым – одна из главных обязанностей педагога. Как мускулы развиваются и укрепляются от физических упражнений, в процессе преодоления трудностей, так и для формирования и развития мозга необходимы труд и напряжение. Мозг ребенка развивается и крепнет в процессе установления многогранных связей с предметами и явлениями окружающего мира – причинно-следственных, временных, функциональных. Я видел свою задачу в том, чтобы помогать детям понять эти связи в явлениях окружающего мира, чтобы формировать, укреплять и развивать их пытливый, острый и наблюдательный ум.

Самое главное для учителя – это прежде всего видеть детское горе, печаль, страдания. Видеть и чувствовать детскую душу. В том, как учитель относится к горю ребенка, насколько способен он понимать и чувствовать детскую душу, заключается основа педагогического мастерства. Нельзя вызывать отвечать ученика, переживающего горе, нельзя требовать от него усидчивости и прилежания. Нельзя спрашивать о том, что случилось, – ребенку нелегко говорить об этом. Если дети доверяют учителю, если он их друг, то ребенок расскажет о том, что можно рассказать. Если же молчит – не прикасайся к больному детскому сердцу... Самое трудное в воспитании – это учить чувствовать. И чем старше ребенок, тем труднее учителю прикасаться к тем, образно говоря, тонким струнам человеческого сердца, звучание которых выливается в благородные чувства» (Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – К.: Радянська школа, 1974. – 288 с.).

Кейс № 7

«Учитель есть душа, носитель Света»

Цель кейса: формирование у студентов профессионального идеала (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя).

Методические рекомендации преподавателю

Многие учителя до сих пор считают, что их основная миссия состоит в передаче знаний. Ребенок, по их мнению, – это сосуд, который необходимо доверху наполнить знаниями, а как они там перемешаются, как будут использоваться, их мало волнует. Во всех учебниках педагогики отражена цель воспитания – подготовить всесторонне и гармонично развитую личность. Иными словами цель состоит в подготовке личности, стремящейся к идеалу. Однако как можно воспитать такую личность, если сам педагог не стремится к идеалу, а ограничивает свою миссию передачей ЗУНов. Бесценные мысли Ш.А. Амонашвили дают возможность по-новому посмотреть на роль учителя в современной школе. Каким должен быть идеальный учитель для воспитания личности, устремленной к идеалу?

Вопросы и задания для обсуждения:

1. В чем Вы видите свое предназначение?
2. Предложите пути сотворения Учительской Воли в масштабе школы.
3. Попробуйте создать свою молитву педагога, отразив в ней Ваше устремление и состояние души.

Материал к кейсу

*«Господи!
Помоги устремлениям моим
Впитать в себя море Света!
И помоги, чтобы я свершил
Начертания Твои во мне!
И расширь мою сущность,
Чтобы я смог вместить в себя
Весь дар Твой,
Ибо он велик!
И взыскай с меня сполна,*

*Если я отступлю от пути
Учителя Света.
Аминь.*

Дорогие коллеги!

Поговорим о себе – об Учителе.

Кто мы есть?

К чему мы призваны в это сложное время?

К чему мы устремлены сами и хотим устремить наших учеников?

Поговорим о том, какой нужен учитель современному детству.

Нам нужна мудрость воспитания, а не технология воспитания. Но как мы будем открывать её в себе или из каких источников будем впитывать её?

Нам нужно расширить наше педагогическое сознание. Но что это такое – расширенное педагогическое сознание?

Нам нужно осознать мощь наших устремлений.

Мощь эта очень велика. Велика до той степени, что мы должны добровольно лишиться себя права распоряжаться ею как «культурные одиночки» и поспешить к единению.

Единение всех наших личных устремлений может превратиться в ведущую Мировую Учительскую Волю – в Союз Учительских Сердец. Мировая Учительская Воля будет в состоянии освободить наше педагогическое сознание от современных рыночных заблуждений, от заблуждений авторитарной педагогики, которые угнетают нас. Она сможет противостоять злу и тьме, которые пробиваются в мире образования и стараются разрушить её основы. Мировая Педагогическая Воля способна зародить новое педагогическое мышление для воспитания нового поколения детей, которых мы сами уже называем Детьми Света.

Но пока нет Учительской Воли в масштабе всего мира, давайте для начала сотворим её в наших школах, в наших посёлках и городах, чтобы убедиться в своей светлой мощи, и распространим её благое влияние на страну, на мир. Единение наших возвышенных устремлений есть единственный дар учительского духа, что мы можем привнести в эволюционном движении человечества. Мы в состоянии ускорить и украсить это движение, в состоянии удерживать его от отклонений.

* * *

Кто мы есть, дорогие коллеги?

Не будем себя унижать.

Если кто среди нас скажет, что он маленький человек, тем самым он унизит всех нас, всех учителей.

Нам надо, в конце концов, осознать, что Учитель есть надобщественное явление! Учитель – направляющая сила общества, и путь, по которому он ведёт общество, черпает он не столько из внешних установок, а из весьма глубоких внутренних истоков. Оттуда идут импульсы, которые питают наше чувствознание и убеждение, нашу совесть и преданность, нашу мудрость и веру.

Нам нужно только расширить своё сознание, чтобы дать этим направляющим импульсам, исходящим из недр духа, течь свободно, проявляться и придавать нам смелость в свершении своего предназначения. И мы тогда узнаем, что ведём поколение Света не к лавкам, где торгуют совестью и нравственностью, а к вершинам Культуры и Света. Мы не работаем, мы несём великое служение, ибо мы есть соработники у Бога.

* * *

Сказал мудрец: «Детям Света нужны Учителя Света».

Однако что есть Свет – нечто абстрактное или нечто сущее?

Свет есть явление Божественное.

Свет есть всё, что только возвышает духовно-нравственную природу человека и человечества. Свет есть жизнь, он есть деятельность, направленная на творение Блага, на познание и утверждение Истины.

Свет одухотворяет и облагораживает знания во имя торжества Духа и умножения Культуры.

Свет есть осознанное стремление к сотрудничеству и единению.

Свет есть любовь ко всему, что нас окружает, любовь к ближнему.

Каждый из нас, дорогие коллеги, может продолжить перечисление смысла и значения Света, и ваше доброе сердце не подведёт вас.

Наверное, вы бы дополнили: Свет есть вера, Свет есть сострадание, он есть преданность, красота и т.д., и всё это будет пра-

вильно.

Будет также верно сказать: Свет есть борьба против тьмы, против всяких её проявлений.

На вопрос же – где истоки Света и где хранится Свет, – мы бы пришли к единому ответу: и истоком, и накопителем Света является Человек. Свет в Человеке есть не сумма расчленённых понятий, а состояние его духа. Дух есть источник Света, он же есть накопитель Света. Человек в состоянии вместить в себя столько Света, насколько будет способна его свободная воля и насколько мощно он устремится к Нему. Человек, полный Света, будет щедро Его исторгать.

* * *

Учитель есть душа, носитель Света.

Но сделаем оговорку: носителем Света является духовный Учитель. Восточная мудрость гласит: «Когда готов ученик, приходит Учитель». Это сказано о таком ученике, который осознал в себе значимость духовного Учителя и ищет его, не мыслит свою дальнейшую жизнь без Учителя. К такому ученику приходит Учитель. Ученик этот будет полностью доверять Учителю свою жизнь, будет без оглядки следовать за Ним, будет трепетно внимать его наставлениям. Он будет сознавать всю сложность пути ученичества и с согласием примет его.

Но учеником духовного Учителя редко может оказаться Ребёнок, таким может быть юноша или молодой человек, прошедший отрезок жизненного пути в размышлениях о сути вещей, Природы и Вселенной, о сути Высших Сил и собственного бытия.

Но готовы ли дети, чтобы с такой же сознательной волею искали они своих учителей и безропотно принимали на себя, принимали бы с радостью не совсем лёгкий, может быть, весьма даже тернистый путь познания? Будет ли воодушевлять наших учеников перспектива духовного роста, ожидаемая где-то вдали от сегодняшнего дня. Откажутся ли они ради такого будущего от своих, как говорят психологи, актуальных потребностей, то есть, от сегодняшних радостей и удовольствий.

Конечно же, нет.

Авторитаризм традиционной педагогики решает эту проблему путём принуждения. Логика здесь простая: дети сами не заходят брать на себя бремя учения; потому, ради их же блага, надо прину-

ждать их с помощью всяких открытых и скрытых способов. И если кто-то из них будет упорствовать, будет мешать своим учителям, пусть родители заберут их из школы. Учителям нет дела до таких.

Но мы знаем, что в такой образовательной атмосфере пострадает самое главное: проявление и утверждение личности каждого школьника. Познание для них потеряет истинный смысл; отношение к знаниям станет такое же, как отношение к товарам торговли: купить, чтобы выгодно продать.

Мы путь такой выбрать не можем, ибо мы – Учителя Света, а знания, прошедшие через Свет, не подвергаются купле-продаже, знания служат умножению общего блага, служат ступеньками духовно-нравственного роста.

Да, это так: ученики наши пока ещё озираются вокруг, осваиваются, их начинают манить соблазны и удовольствия земной жизни. Можем ли мы ждать того дня, когда они будут готовы для нас и поспешат к нам, или сами поспешим к ним, чтобы помочь им понять, для чего они рождены? Дети не готовы своей сознательной волей следовать процессу, который их будет образовывать. Это мы должны готовить себя и поспешить к ним. Здесь закон другой: «Если Учитель готов, к нему приведут учеников». Мы не можем сказать детям: «Вот наш Свет, мы несём его вам. Если есть в вас сознательная воля, берите, сколько можете. Если нет её, приходите, когда наберёте». Наше отношение к детям другое: нам нужно приохочивать их к познанию, а также будить и развивать в них сознательную волю, Потому мы не носители Света, а скорее, мы дарители Света.

* * *

Разберёмся со знаниями.

Мы – дарители Света.

Мы знаем, что есть Свет: Он – сама Жизнь, он весь наш духовный мир, который вмещает в себя всё познанное, познаваемое и непознаваемое. Свет есть каждый из нас и все мы вместе.

Свет есть всё.

А знания?

Они часть всего этого.

Знания нельзя отделить от Света, вне Света они опасны, ибо беспризорные знания тут же вовлекают в себя тьма.

Что есть знания?

Знания очерчивают пределы свободы человека и горизонты расширения его свободы. Знания налагают и права на пользование этой свободой.

Знания есть познанная человечеством часть своих прав и дозволенной власти во всём, что его окружает и что есть в нём самом. Во внешнем мире человек открывает знания, а внутренний мир налагает на них нравственные нормы пользования ими. Знания открывают перед человеком его возможную власть во всём, но голос духа и совести призывает его к сознательному ограничению своей власти в пользу себя же самого. Здесь действует закон: «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6:12). Знания даются нам, чтобы мы пользовались ими только во благо. Мы открываем те тайны Природы и нашего внутреннего мира, которые соответствуют, с одной стороны, интеллектуальному уровню нашего развития на данном историческом этапе, с другой, созреванию нашего духовно-нравственного уровня. Но полученные знания часто попадают в руки людей, духовно-нравственный уровень которых ниже, чем мощь знаний. Делать вывод из этого несложно, а в повседневной жизни мы можем увидеть много реальностей того, как высшие знания используются во вред людям.

Знания как незажжённые свечи: вот зажжёт человек свечу и поставит на алтарь храма человечности, чтобы светила она всем. Так знания послужат Свету. Но если он зажжёт свечу, чтобы осмотреться, что можно украсть из храма человечности, тогда знания послужат тьме.

* * *

Кто же властвует над знаниями?

Конечно, человек.

Тогда перед нами – учителями – возникает непреложная задача: воспитывать наших учеников в Свете и Светом, чтобы не произошла через них утечка знаний в область тьмы.

Законным владельцем знаний является Свет. Знания охраняемы Светом.

Знания умножают мощь Света, умножают стократно, тысячекратно, делают его непобедимым. Но украденные знания также

способствуют тьме.

Арифметический счёт есть знания.

Но человек со Светом будет считать на благо всем.

Человек с тьмою будет считать в пользу себя.

Есть разница?

Мы – Учителя Света.

Мы – дарители Света.

Кем же мы станем, если отделим знания от Света? То есть, будем давать знания, и пусть со Светом разберутся сами?

Послужим тьме.

Потеряем Свет и станем носителями знаний. Мы не сможем стать дарителями знаний, ибо дарить умеет только Свет.

Но оглянемся, дорогие коллеги, вокруг: не много ли завелось учителей – носителей знаний, урокодателей? Это они породили в своей авторитарной речи понятия: вооружать подрастающее поколение знаниями, умениями, навыками. А вооружать духовно, нравственно, Светом не надо? Но, видимо, для авторитарного педагогического сознания это не столь важно. Важнее всего – вооружать знаниями. И вооружают, и считают, что это есть забота об учениках, это есть их подготовка к «будущей жизни».

Вооружать!

Вооружение учеников знаниями – плохое, вредное понятие. Оружие есть то, что разрушает жизнь. Вооружён тот, кто против кого-то.

Знания же без Света есть мощнейшее оружие массового поражения. В нашей действительности это так и происходит: знания до той степени обслуживают тьму, что жизнь на земле доводится до грани разрушения. А войны сильных со слабыми затеваются иногда только для того, чтобы испробовать убийственную и разрушительную мощь нового оружия.

Попытаемся отказаться от этого понятия – вооружать будущее поколение... Оно затуманивает смысл нашего служения Свету и осложняет также постижение смысла жизни нашими учениками. Наших учеников не следует вооружать знаниями, дула которых, сознательно или бессознательно, они могут направить против жизни. Лучше дарить и доверять им знания как жемчужины, которые пригодны только для украшения жизни, дарить так, чтобы творили они ими благо и красоту, облагораживали свою жизнь и

жизнь других, служили Свету.

Но надо открыть в себе педагогическую мудрость, как это сделать?

* * *

Чтобы дарить Свет, надо его иметь.

Нам нужно иметь Свет во всей его полноте, в той полноте, какую мы в состоянии вместить в себе.

Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, Учителю надо впитать в себя целое море Света.

Так сказал Василий Александрович Сухомлинский.

Здесь мы позволили себе внести одно изменение: вместо слова «дать» записали слово «дарить». Кроме того, слова «учитель», «свет», «ребёнок» написали с большой буквы, желая придать им особую значимость. Сделали это с верой, что великий педагог поймёт нас.

Пусть мудрость Василия Александровича станет законом для нашей педагогической жизни. Итак, надо впитать море Света! Но Свет мы не купим на базаре. Его надо впитывать и умножать в себе неутомимым трудом души.

Впитывать море Света значит:

– Стремиться расширить своё сознание от Мира Земного до Мира Небесного – в этом поможет нам понимание Духовности.

– Постоянно совершенствовать свои знания и опыт – в этом поможет нам Творчество.

– Прильнуть к горным источникам педагогических знаний – в этом помогут нам Классики мировой педагогики.

– Вращивать в себе благородство и великодушие – в этом поможет наша Свободная Воля.

– Творить благо во всех сферах жизни – в этом поможет нам Сердце.

– Закалять себя в самоотверженной преданности – в этом поможет нам Совесть.

– Радоваться Жизни – в этом поможет нам осознание нашего Предназначения.

В нас есть силы, чтобы наполниться Светом и созидать в себе Светлого Человека, светиться для учеников наших, для окружающих, для всего мира, для Вселенной.

Свет есть источник жизни.

Стремление к Свету поможет нам наполнить образовательный мир жизнью и вытеснить из него скуку и уныние» (Амонашвили Ш. А. Чтобы дарить Ребёнку искорку знаний, Учителю надо впитать море Света / Ш. А. Амонашвили. – М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2009).

Кейс № 8

«Высшее ощущение учителя»

Цель кейса: формирование у студентов профессионального идеала (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоционально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя).

Методические рекомендации преподавателю

Хороший учитель не только обучает своему предмету, но и живет радостями и горестями воспитанников, интересуется тем, чем интересуются они. Хороший учитель испытывает высшее ощущение от причастности к детскому миру, делам воспитанников и от того, что участвует в становлении Человека. Для работы с кейсом предлагается прочитать отрывки из рассказа Н. Солженицына «Для пользы дела» и поразмышлять над предложенными вопросами.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. В чем высшее ощущение учителя?
2. Какие качества Лидии Георгиевны и почему Вас привлекают?
3. Продолжите рассуждение Лидии Георгиевны о важности чтения книг.

Материал к кейсу

« – ... Ну, кто тут меня?.. Здравствуйте, ребятки! Кого ещё не видела – здравствуйте, здравствуйте!

– С победой, Лидия Георгиевна!

– С новосельем!

– С победой и вас, мальчики! И вас, девочки! – Лидия Георгиевна вскинула руки и шевелила пальцами приветственно, всем видно. – С новым учебным годом – и на новом месте!

– Ура-а-а!!

– Не жалко, что поработали? Каникул – не жалко? Воскресный – не жалко?

– Не-е-ет!

– И скажите, ребята, как у нас с младшими благополучно кон-

чилося: никто под кран не попал, никто в канаву не свалился!

Лидия Георгиевна стояла на верхней маленькой площадке лестницы, у дверей учительской, и оглядывала молодёжь, оттеснившую её с трёх сторон – из узкого коридора справа, из узкого коридора слева и по неширокой лестнице снизу. Это было самое просторное помещение в здании техникума, здесь даже собрания устраивали, протягивая ещё репродукторы в коридоры. Обычно здесь не было много света, но в сегодняшний солнечный было довольно, чтоб различать лица и пестроту лёгких летних одежд. Подруги с подругами, друзья с друзьями сгрудились тесно, перекладывая подбородки через плечи передних и подтягиваясь за их шеи, чтоб лучше видеть, – и всё это вместе сияло и чего-то ждало от Лидии Георгиевны.

– А кто это там прячется от меня? Лина? Ты косу срезала? Такую косу!

– Да кто их теперь носит, Лидия Георгиевна!

Учительница озиралась, и ей хорошо было видно, как за лето преуспели новые девичьи причёски: где-то ещё мелькали, правда, и короткие косички с цветными бантиками, и скромные проборчики – но уже, о, как много стало этих по виду необхоженных, кой-как брошенных, полурастрёпанных, а на самом деле очень рассчитанных копнышек. А мальчики все были с незастёгнутыми воротами – и те, кто уже выкладывал покоряющий чуб, и у кого волосы торчали ёжиком.

Здесь не было младших – тех почти детей, но и столпившиеся старшекурсники были ещё в том незакоренелом, послушном возрасте, когда людей так легко повернуть на всё хорошее. Это светилося сейчас.

Едва выйдя сюда из учительской, и всё сразу увидя, и окунувшись в глаза и улыбки, Лидия Георгиевна взволновалась – от этого высшего ощущения учителя: когда тебя вот так ждут и обступают.

А они не могли бы назвать, что они видели в ней, просто по свойству юности любили всё непритворное: на лице её никому не трудно было прочесть, что она думает именно то, что говорит. И ещё особенно узнали и полюбили её за эти месяцы на стройке, где она провела и свой отпуск, куда приходила не в праздничных костюмах, а только в тёмном и где стеснялась посылать других на работу, куда сама не пошла бы. Она вместе с девочками мела, сгребала, подносила.

Ей было скоро тридцать, она была замужем и имела двухлетнюю дочку – но все студенты только что не в глаза называли её Лидочкой, и мальчишки гордились бросаться бегом по её поручениям, которые давала она лёгким, но властным движением руки, а иногда – это был знак особого доверия или надежды – прикоснувшись кончиками пальцев к плечу посылаемого.

Особняком стояли и разговаривали четверокурсники с радиотехнического: блузки девушек весьма незатейливы, рубашка юноши резкого жёлтого цвета и вся запятнана причудливыми изображениями пальм, кораблей и катамаранов. У Лидии Георгиевны пробежала давно удивляющая её мысль: в прежние годы все цвета, украшения и придумки принадлежали девушкам, как и должно быть. Но с какого-то года началось состязание: мальчики стали одеваться пестрей и цветнее девочек, будто предстояло ухаживать не им, а за ними.

* * *

– Ну, Валерик, – спросила она у этого юноши с катамаранами, – что за лето прочёл?

– Да почти ничего, Лидия Георгиевна, – снисходительно отвечал Валерик.

– Но почему же? – расстроилась Лидия Георгиевна. – Зачем же я тебя учила?

– Навено, по программе надо было. – Ему не хотелось продолжать разговор.

– А если книжки читать – тогда ни кино, ни телевизора!.. Когда же успеть-то? – затараторили девушки подле него. – Телевизор без выходных!

Подходили и другие четверокурсники.

Лоб Лидии Георгиевны был далеко открыт прямо назад заброшенными волосами.

– Конечно, ребята, не в нашем техникуме, где вы изучаете телевизоры, мне вас агитировать против телевидения, но всё же помните: телевизионная программа – мотылёк, живёт один день, а книга – века!

– Книга? И книга – один день! – возразил взъерошенный Чурсанов в серой рубашке с вывернутым и уже подлатанным воротником.

– Откуда ты взял? – возмутилась Лидия Георгиевна.

– А я в одном дворе с книжным магазином живу. Знаю: их потом складывают и назад увозят. На макулатуру, под нож.

– Так надо ж ещё посмотреть, какие книги увозят.

Чурсанов рос без отца, у матери-дворничихи не один, после 7-го класса понуждён был в техникум. По литературе и русскому тянулся между двойкой и тройкой, но в техникуме считался гениальным радистом: повреждение умел искать без схемы, будто чувствовал, где оно.

Прищурился:

– Я и смотрел, пожалуйста вам скажу. Многие из этих книг в газетах очень хвалили.

Тут и другие стали забывать. Здоровяк с фотоаппаратом через плечо протеснился и объявил:

– Лидия Георгиевна, давайте говорить откровенно. Вы нам на прощанье дали длиннющий список книг. А зачем они нам? Человеку техническому, а таких в нашей стране большинство, надо читать свои специальные журналы, иначе болван будешь, с завода выгонят, и правильно.

– Правильно! – кричали другие. – А спортивные журналы когда читать?

– А «Советский экран»?

– Но поймите, ребята, книга запечатлевает нашего современника! наши свершения! Книга должна нам дать глубины, которых...

– Насчёт классиков дайте скажу! – тянул руку сутулый, почти с горбом, серьёзный мальчик.

– Насчёт сжатости дайте скажу! – ещё кричали.

– Нет, погодите! – смиряла Лидия Георгиевна бунтарей. – Я вам этого так не оставлю! Теперь у нас будет большой актовый зал, устроим диспут, я вытащу на трибуну всех, кто сейчас...» (Солженицын А. Рассказы / А. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 288 с.).

Кейс № 9

«Что в имени учителя»

Цель кейса: формирование у студентов профессионального идеала (эмоциональный компонент, подразумевающий эмоцио-

нально личностную окрашенность идеала, его привлекательность для носителя).

Методические рекомендации преподавателю

У каждого человека на жизненном пути встречается реальная личность, под воздействием которой меняется его мировоззрение, характер, жизненный настрой. Это личность, которой хочется подражать, она становится идеалом-ориентиром в построении жизненной стратегии и профессиональной модели поведения. В данном кейсе приведен отрывок из книги Ш.А. Амонашвили «Как любить детей», в котором автор с нежностью вспоминает о своем учителе, ставшем для него примером в построении собственной педагогической системы.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Что Вас привлекает в Варваре Вардиашвили?
2. Современна ли ее профессиональная модель поведения? Обоснуйте свой ответ.
3. Какие методы и приемы Варвары Вардиашвили можно применить в воспитании современных детей? Обоснуйте свой ответ.
4. Охарактеризуйте человека, который повлиял на Ваш профессиональный выбор. Считаете ли Вы его профессиональным идеалом?

Материал к кейсу

«Мы очарованы. Что дальше будет?»

Как ни странно, я – круглый двоечник до седьмого класса, потом – круглый троечник, а закончил школу на золотую медаль. Как это могло произойти?

Итак, я в седьмом классе, это 1945–1946 учебный год.

Мы узнаём, что грузинскому языку и литературе нас будет учить Варвара Вардиашвили. Это вызвало в нас восторг.

Мы были наслышаны о ней – все ученики из других классов любили её. Рассказывали о её удивительных уроках, о её доброте и внимательности, о том, как она помогает всем; говорили о её справедливости и о том, как она защищает своих учеников. «У неё нельзя не учиться», – говорили нам старшеклассники.

О ней шли легенды.

Она была заслуженным учителем. Дважды была награждена орденом Ленина.

Седая, полная, невысокого роста, с мягкой и спокойной по-

ходкой, обаятельная, с очаровательной улыбкой, с бархатистым голосом, который никогда не повышался, сдержанная, с ласковым и пронизательным взглядом. Что ещё сказать? Незамужняя, бездетная.

Настал день.

Мы ждали её, и она вошла в класс.

Мы встали.

– Здравствуйте... – сказала она тоном и вибрацией, которые я, спустя годы, буду вспоминать и исследовать. По моему телу пробежали мурашки: это была необычная ласка, долгожданная.

И мы ответили ей не так, как здоровались с другими учителями, а так же нежно, тихо.

Потом она сказала:

– Спасибо...

За что «спасибо»? За то, что мы ответили на приветствие приветствием?

Но «спасибо» было искреннее.

Потом она направила свои мудрые глаза на каждого из нас. Посмотрела на меня тоже. Я утонул в них.

– Садитесь, пожалуйста... – сказала она.

Мы садимся.

Каждый из нас уже очарован.

Что дальше будет?

Что в имени учителя

В те годы я, разумеется, не был способен на обобщения, но сейчас, размышляя над тогдашним состоянием моего духа, могу сказать, в чём заключалась магическая сила влияния Варвары Вардиашвили: в её имени, которое строило в нас воображение о ней, и в первой встрече, которая превзошла наши ожидания.

Имя учителя может нести мощный воспитательный заряд, но, к сожалению, может быть и таким, от которого не надо ждать чего-то радостного.

Имя воодушевляет.

Имя запугивает.

Имя – ни рыба ни мясо.

Имя прославленное.

Имя дурное.

Разные бывают имена у учителей.

В имени Варвары Вардиашвили был заключён не столько опыт, сколько тихое горение, преданность, мудрость, терпение, понимание. Всё это, конечно, в педагогическом смысле. Это было особое сочетание того, что я хочу назвать Учительской, Педагогической Любовью. Любовь эта была с огранкой, как бриллиант. Она любила детей не абстрактно, а всех нас и каждого из нас в отдельности, каждого по-своему. Она любила нас и знала мудрость – как нас любить. И так как она берегла своё Имя и заполняла его лучшими педагогическими оттенками всю жизнь, то Имя её в будущих учениках, которые ещё не соприкоснулись с ней, вызывало почтение, почитание, трепет, настраивало их на взаимность.

Имя Варвары Вардиашвили вошло в наше сознание и настроило нас на лад созвучия, привело нас в готовность следовать за ней.

Вся школа звала её «Дейда Варо». «Дейда» в переводе на русский значит – «тётя», но семантика этого слова имеет следующий смысл: «мамина сестра». Дейда Варо для каждого её ученика была маминой сестрой. Это означало, что в ней была забота о каждом, каждый мог обращаться к ней за помощью, поддержкой, защитой; каждый мог надеяться, что найдёт в ней сочувствие, сострадание. Это означало большее: Дейда Варо сама спешила помогать, сорадоваться и сочувствовать, сама бралась на защиту того, кто в этом нуждался.

В школе не принято звать учительницу тётей, но в нашей школе это было принято только в отношении к Варваре Вардиашвили, надо было лишь набраться смелости и перешагнуть барьер условностей. Я только через год осмелился обратиться к ней «Дейда Варо», и это произошло само собой, естественно, ибо она действительно стала «сестрой» моей матери, то есть, второй матерью для меня.

Подарок

А теперь о первой встрече.

Мы были семиклассниками и, разумеется, не могли охватить всю полноту славы нашей учительницы. Ожидание наше было неопределённое: будет нечто необычное и обязательно прекрасное. Но что?

И то, что произошло, превзошло наше ожидание необычности.

Конечно, мы воспринимали нашу учительницу на фоне того опыта, который сложился у нас в общении с другими учителями.

Кого-то из нас они сделали агрессивными и недоверчивыми, провоцировали на грубость, на конфликты. В ком-то зародили страх, апатию, неуверенность в себе. Кто-то стал злостным правонарушителем и непослушным. Некоторые стали нигилистами, другие – молчаливыми и послушными. Так «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

Учителя входили на урок со строгим лицом и сразу выясняли выполнение домашних заданий; потом проводили строгий опрос и ставили отметки; потом пересказывали очередной параграф из учебника или упражняли в решении разных задач и примеров. Далее напоминали, что скоро будут контрольные работы. В конце задавали завтрашнюю порцию домашних заданий и удалялись. Каждый из нас наизусть знал, с чего начнёт и чем кончит урок тот или иной учитель. По логике вещей, они старались для нас, но мы принимали всё это как принуждение.

А новая наша учительница вошла с доброй, приветливой улыбкой, поздоровалась бархатистым голосом, сказала нам «спасибо», взглянула всем в глаза. Это уже было необычно. А потом – вдруг – спросила:

– Ребята, вы любите стихи?

Нам никто не прививал любовь к стихам; прежний учитель требовал от нас выучить наизусть заданное стихотворение и отбарабанить его на уроке. Никогда не задавал он вопроса, нравятся ли нам эти стихи.

Но на вопрос новой учительницы мы ответили – «да», ещё не зная, что за этим последует.

– Прекрасно, – сказала она, – давайте тогда почитаю вам стихи...

Она держала в руках сборник стихов. Книга была потрёпанная.

– Стихи я посвящаю каждому из вас... Читаю стихи для тебя, Гоги! Думаю, они тебе понравятся...

Она назвала имя ученика; откуда она его знает? Гоги, этот нигилист, от неожиданности растерялся.

Прочла она стихи удивительно искусно, стихи из высокой поэзии. Мы оказались под впечатлением.

Она выдержала паузу.

– Гоги, ну как стихи?

– Очень хорошие... – произнёс зачарованный Гоги.

Гоги воспитывался без родителей.

Ему никогда ни один учитель не посвящал ничего.

И другим тоже никогда не доводилось получить такой подарок от какого-либо учителя.

– Вам тоже понравились стихи? – спросила она нас.

– Да... – тихо и искренне прошептал весь класс.

– И моё чтение понравилось?

– Да... – опять прошептали мы.

– Тогда поаплодируйте мне, пожалуйста...

Мы поаплодировали.

– Спасибо, – сказала она, – а теперь посвятим стихи... – она окинула взглядом всех и остановила его на Гураме, – тебе, Гурам...

Седьмым или восьмым она назвала меня.

Сердце моё забилось звучно и быстрее от осознания своей значимости.

– Думаю, у тебя особая любовь к стихам, Шалва...

Её голос, мелодичность чтения, сами стихи вливались в мою душу как яркий свет, несущий какое-то странное, радостное, до сих пор не испытанное мною чувство; мне хотелось плакать... Она ведь читает стихи для меня, посвящает их мне!

Потом она спрашивает:

– Ну, как, Шалико... – она назвала меня ласкательным именем, – примешь мой подарок?

– Да... – произнёс я шёпотом и, наверное, подбежал бы к ней, обнял бы её. Но этого я не сделал, а, сидя за партой, стал украдкой смахивать слёзы.

Что я пережил тогда? Какое это было необыкновенное ощущение? Тогда я этого не знал, но теперь могу сказать: я почувствовал, что она меня любит, она признаёт меня, она моя, у меня есть Учитель...

Она моя

Как она нас любила?

Любила вот какими способами: на уроках языка мы превращались в лингвистов – исследовали, определяли, опровергали, устанавливали, открывали. Это происходило так, как на научном симпозиуме или в научных лабораториях. Или же, как будто собрались случайно или преднамеренно люди смежных специальностей и задели в разговоре какой-либо вопрос, в обсуждении которого мысль каждого имеет исключительное значение для по-

нимания проблемы. Мы приучались делать это спокойно, с уважением друг к другу.

Время от времени она спрашивала:

– Не пора ли проверить, каким специалистом стал каждый из вас?

Это для неё были плановые контрольные работы, а для каждого из нас – проба собственных способностей и знаний. Она никогда не пугала нас последствиями таких работ, а возможность успеха перед нами никогда не закрывалась. Она – наша учительница – зарождала в каждом из нас устремлённость и торжественность.

Так я стал получать от неё первые пятёрки. Первые пятёрки получали и другие мои одноклассники.

На уроках литературы она любила нас тоже необычно. Уроки принимали вид художественного чтения. Читала сама, и мы слушали с упоением. Потом открыла среди нас нескольких чтецов, и они приходили с книгами разных авторов и читали.

Мы поневоле становились чтецами, литературными «критиками». Она не принимала слово «критика», когда надо обязательно искать недостатки и гордо на них указывать. Наша критика была, скорее всего, развитие и совершенствование наших литературных вкусов и интересов, путь поиска собственных оценок и мировоззрения. Она радовалась, когда видела в наших руках книги классиков литературы, книги утончённых поэтов. Внимательно выслушивала наши отзывы о них. Были случаи, когда обращалась к кому-либо из нас:

– Ты не мог бы дать мне эту книгу почитать на пару дней?

И когда с этой просьбой однажды обратилась и ко мне, я был очень горд и рад. А спустя пару дней, вернув книгу, сказала:

– У тебя хороший вкус, раз такие книги читаешь... Спасибо, я получила удовольствие...

Что ещё было нужно для того, чтобы я пристрастился к чтению? Я жадно искал книги. У меня ведь «хороший вкус», потому выбирал их. И она всегда замечала, что я читаю на этот раз, вела со мной непринуждённый разговор о книге, делилась своими впечатлениями.

«Я», «со мной»...

Я принял её и думал, что она только моя Учительница. Но потом, спустя годы, убедился: каждый из её бывших учеников тоже считал, что она была только его Учителем.

Во мне поэтический дар

Однажды в начале учебного года она подозвала меня пальчиком к себе. Мягкая, еле заметная улыбка на её лице была притягивающей, согревающей, нежной. Она воспитывает, любит меня улыбкою своею. Улыбка – лучик души. Видимо, душа у неё – как Солнце, а этот лучик она сотворила для меня. Вспоминаю эту улыбку и заглядываю в зеркало: можно ли подражать ей и так же улыбнуться детям? Наверное, нет, не получается. Но успокаиваю себя: ведь можно, чтобы я преобразил душу свою в Солнце и творил для детей и для каждого Ребёнка неповторимые улыбки.

Мы уединились у окна, и она тихо говорит мне:

– Мальчик, по твоему взгляду, твоим рассуждениям я чувствую, что у тебя должен быть поэтический дар. Ты стихи пишешь?

Да, я пробовал писать стихи, но об этом никто не знал. Я покраснел.

– Покажи мне свои стихи, если они у тебя есть...

В тот день для меня не было другого занятия, кроме как писать стихи. У меня ведь поэтический дар! Потом я аккуратно переписал свои сочинения в тетрадь, и на другой день, дождавшись в коридоре, застенчиво передал ей.

– Спасибо за доверие... – сказала она с той божественной улыбкой, которую хранила только для меня.

Спустя несколько дней произошло такое событие: она продиктовала всем куплет из моих стихов и попросила провести грамматический разбор и содержательный анализ. А в конце всего сказала:

– Поблагодарим Шалико, это его стихи.

Ребята ахнули: «Он – поэт?!»

Дело было вовсе не в том, был я поэтом или нет, а в том, что во мне укрепилась вера в себя: я совсем не такой, каким меня принимают многие учителя, я тоже что-то значу.

Всели это чувство, Учитель, в своего обречённого другими учителями ученика – и ты вдохновишь его, он воспрянет, он изменится!» (Амонашвили Ш. А. Как любить детей (Опыт самоанализа) / Ш. А. Амонашвили. – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2010).

Кейс № 10

«Хозяин и гости»

Цель кейса: формирование у студентов профессионального

идеала (осмысление содержания идеала и интерпретация включенных в его содержание ценностей, качеств, целей, норм и т.п.).

Методические рекомендации преподавателю

В данном кейсе студентам предлагается ознакомиться с притчей, в которой учитель сравнивается с хозяином дома, а воспитанники с гостями. Добрый хозяин (учитель) будет делать все возможное, чтобы гостям было комфортно в его доме. Гостеприимный хозяин подготовит сам дом для лучшего времяпрепровождения, а также учтет все пожелания и возможности гостей. На основе этой притчи предлагается студентам написать свою притчу, в которой идеальный педагог и ученики будут представлены в необычном образе.

Задание для обсуждения:

Написать притчу на тему «Учитель-ученики», представив их в любом образе, который, по Вашему мнению, подходит для раскрытия сущности понятия «идеальный учитель» и «ученики».

Материал к кейсу

«Учитель подобен хозяину дома. Его гости – те, кто пытается изучать Путь. Эти люди никогда прежде не бывали в домах и плохо представляют себе, что это такое. Но как бы то ни было – дом есть дом.

Когда гости входят в дом и видят место, предназначенное для сидения, они спрашивают, что это такое. Им отвечают: «Это место, где мы сидим». Гости усаживаются на стулья, не вполне понимая назначение стульев.

Хозяин развлекает гостей, но они продолжают задавать вопросы, подчас неуместные. Но хозяин, как гостеприимный человек, не ставит им это в упрек. Гости хотят знать, например, где и когда они будут есть. Они никак не могут понять того, что никто из них не будет обделен вниманием, что кроме хозяина в доме есть и другие люди, которые в этот момент готовят им пищу, и есть другая комната, где их рассадят и подадут угощение.

Так как гости не видят ни еды, ни того, как ее готовят, они смущаются, возможно, даже испытывают сомнения и вообще чувствуют себя неловко.

Добрый хозяин, понимающий состояние своих гостей, должен успокоить их, чтобы ничто не помешало им в назначенный час насладиться трапезой.

Среди гостей есть люди более сообразительные, которые бы-

стрее своих товарищей смогут уловить связь вещей в доме. Они смогут дать этим последним надлежащие объяснения. Между тем хозяин отвечает на вопросы гостей в соответствии со способностями каждого из них воспринимать единство и функции дома.

Одного существования дома недостаточно. Дом должен подготавливаться к приему гостей, и присутствие хозяина в нем необходимо. Кто-то должен добросовестно выполнять роль хозяина, чтобы гостящие в доме чувствовали себя непринужденно, ведь хозяин несет за них ответственность. Вначале многие из них не понимают, что они – гости или, скорее, им неизвестно само понятие «гость», то есть, что от них в этой роли требуется и что это может им дать.

Опытный гость, который уже знает о домах и гостеприимстве, в конце концов, раскрепощается и, таким образом, начинает лучше понимать, что такое дом и каковы многие стороны жизни в нем. Пока гость только пытается постичь сущность дома припомнить правила этикета, его внимание поглощено слишком многими факторами, чтобы он мог заметить, скажем, красоту, цену или назначение мебели» (Шах Идрис Сказки дервишей / Идрис Шах; пер. с англ. – М.: Изд.-торговый дом «Гранд»: Агентство «ФАИР», 1996. – 239 с.).

Кейс № 11 **«Ключ к спасению»**

Цель кейса: формирование у студентов профессионального идеала (деятельностный компонент, предполагающий наличие представлений о способах реализации содержания идеала).

Методические рекомендации преподавателю

В кейсе представлен материал из книги А. Печчеи «Человеческие качества». Автор является основателем и президентом Римского клуба, исследующего глобальные модели развития человечества. А. Печчеи причину многих глобальных проблем человечества видит в трансформации самого человека, в утрате ценных человеческих качеств, ответственности и гармонии с миром. Как исправить эту сложную ситуацию для человечества? Выход он видит в формировании человеческих качеств. Студентам предлагается поразмышлять над мыслями А. Печчеи и подготовить проект «Образ идеального учителя, способного найти ключ к спа-

сению человечества».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Согласны ли Вы с позицией А. Печчеи, что причиной мировых проблем является внутренний кризис самого человека? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Как Вы себе представляете душу Гуманизма?

3. Представьте образ идеального учителя, способного найти ключ к спасению человечества.

Материал к кейсу

«Революционный гуманизм»

Неуправляемое развитие человечества достигло переломного момента. Будущее грозит ему невиданными доселе бедами и в то же время манит соблазнительными горизонтами. И современный человек не имеет сейчас права ошибаться, ибо от того, насколько осознает он важность наступившего момента, какие примет решения и какое изберет поведение, зависит не только судьба его самого и тех, кто его окружает, но и судьба всего рода человеческого. Я уверен, что, оказавшись перед столь ответственным выбором, человек просто не может не почувствовать необходимости как-то изменить прежний курс развития общества. Опрометчивость безоглядного доверия к тому, что сулит дальнейший научно-технический и промышленный прогресс, стала в последнее время тем более очевидна, что этот прогресс медленно, но верно ускользает из-под контроля человека. Вряд ли он может в этих условиях хоть сколько-нибудь серьезно рассчитывать найти выход из положения за счет простой переориентации развития мировой системы, ибо эти процессы слишком сложны, непонятны и далеки от сферы повседневных жизненных интересов рядового человека.

Ни у кого сейчас, разумеется, уже не вызывает сомнения необходимость и неизбежность прогресса и всего, что с ним связано; и вместе с тем растет ощущение, что этого явно недостаточно, чтобы справиться с возникшими затруднениями. Ибо корень их во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с реально существующим миром, – миром, как никогда стремительно и радикально меняющимся прямо на глазах. И человек волей-неволей вынужден признать, что ключ к спасению заложен в нем самом, в его собственной внутренней трансформации. Именно здесь, а не где-то во внешнем мире должен он черпать силы для борьбы с

трудностями современной жизни. А источником этих сил станет ясное и недвусмысленное понимание того, как жить в гармонии с непрерывно меняющимся миром.

Сейчас мы находимся лишь в самом начале процесса глубоких изменений и должны сами позаботиться о том, как направить его дальнейшее развитие и расширение. Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство быть лидером на Земле. Если он найдет в себе силы полностью и до конца осознать всю сложность и неустойчивость своего нынешнего положения и принять на себя определенную ответственность, если он сможет достичь того уровня культурной зрелости, который позволит выполнить эту нелегкую миссию, тогда будущее принадлежит ему. Если же он падет жертвой собственного внутреннего кризиса и не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете, что ж, тогда человеку суждено стать свидетелем того, как станет резко сокращаться число ему подобных, а уровень жизни вновь скатится до отметки, пройденной несколько веков назад. И только Новый Гуманизм способен обеспечить трансформацию человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире.

Этот Новый Гуманизм должен не только быть созвучным приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социальнополитической и научно-технической областях. Поэтому и сам Новый Гуманизм должен носить революционный характер. Он должен быть творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить кажущиеся ныне неизбежными принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций – духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных. И он должен кардинально изменить взгляды и поведение не отдельных элитарных групп и слоев общества – ибо этого будет недостаточно, чтобы принести человеку спасение и вновь сделать его хозяином своей судьбы, – а превратиться в не-

отъемлемую, органическую основу мировоззрения широких масс населения нашего ставшего вдруг; таким маленьким мира. Если мы хотим поднять уровень самосознания и организации человеческой системы в целом, добиться ее внутренней устойчивости и гармонического, счастливого сосуществования с природой, то целью нашей должна стать глубокая культурная эволюция и коренное улучшение качеств и способностей человеческого сообщества. Только при этом условии век человеческой империи не превратится для нас в век катастрофы, а станет длительной и стабильной эпохой по-настоящему зрелого общества.

Революционный характер становится, таким образом, главной отличительной чертой этого целительного гуманизма, ибо только при таком условии он сможет выполнить свои функции – восстановить культурную гармонию человека, а через нее равновесие и здоровье всей человеческой системы. Эта трансформация человеческого существа и составит Человеческую революцию, благодаря которой наконец обретут цели и смысл, достигнут своей кульминации остальные революционные процессы. В противном случае им так и суждено зачахнуть, не расцветши и не оставив после себя ничего, кроме невообразимой и недоступной разуму помеси добра и зла.

Конечно, революционные изменения в материальной сфере принесли человеку немало пользы. И все-таки промышленная революция, которая началась полтора столетия назад на Британских островах с применением механических ткацких станков и паровых машин, а потом, стремительно разрастаясь, обрела, в конечном счете, свой нынешний гигантский, поистине устрашающий облик современной промышленной системы, создает гораздо больше потребностей, чем способна удовлетворить, и поэтому сама нуждается в коренной перестройке и переориентации. Пришедшая вслед за нею научная революция повсеместно распространила научные методы и подходы, чрезвычайно расширила наши знания о самых различных процессах и явлениях физического мира, однако и она не прибавила человеку мудрости. Что же касается технической революции, то именно она-то – при всех материальных благодеяниях, которые она обрушила на человека, – как раз и оказалась главным источником его внутреннего кризиса. Изменив отношение к труду и создав миф роста, она, кроме

того, не только существенно трансформировала средства ведения войны, но и в корне изменила саму ее концепцию. А дорогостоящая военная техника, обладание которой могли себе позволить лишь сверхдержавы, в немалой степени способствовала нынешней политической поляризации мира.

Вряд ли есть смысл оспаривать, что созданный человеком научно-технопромышленный комплекс был и остается самым грандиозным из его творений, однако именно он-то в конечном счете и лишил человека ориентиров и равновесия, повергнув в хаос всю человеческую систему. И грядущие социально-политические революции могут разрешить лишь часть возникающих в связи с этим проблем. Ибо, как бы хорош ни оказался новый порядок, за который сейчас ведется такая упорная борьба, он все-таки затронет только отдельные стороны нынешней международной системы, оставив без изменения лежащий в ее основе принцип суверенитета национальных государств и не коснувшись многих насущных человеческих проблем. Даже при самом благоприятном развитии событий эти революции не смогут свернуть человечество с пагубного пути. Наблюдающееся в обществе сильное брожение умов, разобщенное и беспорядочное, необходимо направлять, планировать и координировать. Так же как и все прочие революционные процессы, эта революция так и останется незавершенной и не воплотится ни в какие реальные деяния, если не вдохновить и не оживить ее чисто гуманистическими человеческими идеалами. Ибо только они придадут революционным процессам общую направленность и универсальные цели.

Для меня наибольший интерес представляют три аспекта, которые, на мой взгляд, должны характеризовать Новый Гуманизм: чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию.

Душа гуманизма – в целостном видении человека во все периоды его жизни – во всей ее непрерывности. Ведь именно в человеке заключены источники всех наших проблем, на нем сосредоточены все наши стремления и чаяния, в нем все начала и все концы, и в нем же основы всех наших надежд. И если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности. Хотя мысль эта, вероятно, уже навязла в зубах и порою кажется

просто трюизмом, но факт остается фактом: в наше время цели практически любых социальных и политических действий направлены, как я уже говорил, почти исключительно на материальную и биологическую стороны человеческого существования. Пусть человек и вправду ненасытен, но нельзя же все-таки, следуя такому упрощенному подходу, сводить к этому его жизненные потребности, желания, амбиции и устремления. И что еще более существенно, такой подход оставляет в стороне главное достоинство человека – его собственные нереализованные, невыявленные или неверно используемые возможности. А между тем именно в их развитии заключено не только возможное разрешение всех проблем, но и основа общего самоусовершенствования и самовыявления рода человеческого.

С этим тесно связана и другая важная мысль – мысль о единстве мира и целостности человечества в эпоху глобальной человеческой империи. Вряд ли надо еще раз повторять, что, подобно тому как биологический плюрализм и дифференциация способствуют стойкости природных систем, культурное и политическое разнообразие обогащает человеческую систему. Однако последняя стала сейчас столь интегрированной и взаимозависимой, что может выжить, только оставаясь единой. А это предполагает взаимно совместимое и согласованное поведение и отношения между отдельными частями этой системы. Всеобщая взаимозависимость процессов и явлений диктует еще одну необходимую для формирования чувства глобальности концепцию – концепцию системности. Без нее невозможно представить себе, что все события, проблемы и их решения активно воздействуют и испытывают такое же воздействие со стороны всего остального круга событий, проблем и решений.

Все эти аспекты новой глобальности тесно взаимосвязаны и соотносятся с двумя другими, продиктованными особенностями нашей эпохи, концепциями. Эти новые концепции касаются соотношения времени и целей и проистекают из того факта, что благоприобретенное могущество человека ускорило ритм событий и увеличило неоднозначность и неопределенность нашего будущего. Это вынуждает человека смотреть дальше вперед и ясно представлять себе свои цели и задачи. Человек, по выражению Денниса Габора, не в состоянии предсказать свое будущее, зато

он может его построить. И гуманистическая концепция жизни на нынешней, высшей стадии эволюции человека требует от него, чтобы он перестал наконец «заглядывать в будущее» и начал «создавать» его. Он должен смотреть возможно дальше и в своих действиях уделять одинаковое внимание как нынешним, так и отдаленным во времени последствиям, включая весь тот период, в течение которого эти последствия могут проявляться. Поэтому он должен хорошенько подумать и решить, каким бы он хотел видеть будущее, и в соответствии с этим регулировать и регламентировать свою деятельность.

Я полностью отдаю себе отчет в том, как трудно нам, при всем различии наших культур, воспринимать концепцию глобальности, – концепцию, связывающую воедино личность, человечество и все взаимодействующие элементы и факторы мировой системы, объединяющую настоящее и будущее, сцепляющую действия и их конечные результаты. Эта в корне новая концепция соответствует нашему новому сложному и переменчивому миру, – миру, в котором в век глобальной империи человека мы оказались полновластными хозяевами. И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, мы должны развить в себе понимание глобальности событий и явлений, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной» (Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 313 с.).

3.4. Кейсы, способствующие формированию системы профессионально-нравственных ценностей будущих педагогов

Кейс № 1

«Жизненные ценности»

Цель кейса: выявление у студентов представлений о жизненно важных ценностях.

Методические рекомендации преподавателю

Этот кейс является в большей степени диагностическим, позволяющим выявить у студентов их жизненно важные ценности и представления о них. Определения этих ценностей очень важно для каждого человека, ведь его поведение, поступки, характер

определяются ценностями, ставшими наиболее важными. К профессионально-нравственным ценностям педагога (см. 1.3.) относятся: ребенок, как предмет воспитания, творчество, ценности общения, познания, самореализации и т.д. Если в списке ценностей студента не окажется ни одной из перечисленных, то есть над чем подумать и педагогу высшей школы и самому студенту, желающему в будущем выполнять одну из почетных миссий на Земле – нести свет знаний ученикам. Рекомендуется студентам ознакомиться с притчами и выписать те ценности, которые являются на данный момент значимыми для них, а также поразмышлять над другими вопросами к кейсу.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Представьте те ценности, которые для Вас являются жизненно важными и менее важными (подобно тому, как это сделал мудрец из притчи). Выделите в них ценности, относящиеся к Вашей будущей профессии. Поясните сущность каждой ценности.

2. В притче отражена ценность общения. Возможно ли построить свою жизнь так, чтобы хватало времени на общение с собственными детьми и воспитанниками. Каким Вы видите это продуктивное общение?

Материал к кейсу

1. Притча о настоящих ценностях

«Один человек в детстве был очень дружен со стариком-соседом.

Но время шло, появился колледж и увлечения, затем работа и личная жизнь. Каждую минуту молодой мужчина был занят, и у него не было времени ни вспомнить о прошлом, ни даже побыть с близкими.

Однажды он узнал, что сосед умер – и неожиданно вспомнил: старик многому научил его, стараясь заменить мальчику погибшего отца. Ощувив свою вину, он приехал на похороны.

Вечером, после погребения, мужчина зашёл в опустевший дом покойного. Всё было так, как и много лет назад...

Вот только маленькая золотая коробочка, в которой, по словам старика, хранилась самая ценная для него вещь, исчезла со стола.

Подумав, что её забрал кто-то из немногочисленных родственников, мужчина покинул дом.

Однако через две недели он получил посылку. Увидев на ней имя соседа, мужчина вздрогнул и открыл коробку.

Внутри лежала та самая золотая коробочка. В ней оказались карманные золотые часы с гравировкой: «Спасибо за время, что проводил со мной».

И он понял – самым ценным для старика было время, проведённое со своим маленьким другом» (<http://psycabi.net/pritchi/142-samoe-glavnoe-v-zhizni-pritcha-o-nastoyashchikh-tsennostyakh>).

2. Притча «Один час твоего времени»

«Как-то раз один человек вернулся поздно домой с работы, как всегда усталый и задёрванный, и увидел, что в дверях его ждёт пятилетний сын.

– Папа, можно у тебя кое-что спросить?

– Конечно, что случилось?

– Пап, а сколько ты получаешь?

– Это не твоё дело! – возмутился отец. – И потом, зачем это тебе?

– Просто хочу знать.

Пожалуйста, ну скажи, сколько ты получаешь в час?

– Ну, вообще-то, 500. А что?

– Пап... – сын посмотрел на него снизу вверх очень серьёзными глазами. – Пап, ты можешь занять мне 300?

– Ты спрашивал только для того, чтобы я тебе дал денег на какую-нибудь дурацкую игрушку? – закричал тот. – Немедленно марш к себе в комнату и ложись спать!..

Нельзя же быть таким эгоистом! Я работаю целый день, страшно устаю, а ты себя так глупо ведешь.

Мальш тихо ушёл к себе в комнату и закрыл за собой дверь. А его отец продолжал стоять в дверях и злиться на просьбы сына. «Да как он смеет спрашивать меня о зарплате, чтобы потом попросить денег?»

Но спустя какое-то время он успокоился и начал рассуждать здраво: «Может, ему действительно что-то очень важное нужно купить. Да чёрт с ними, с тремя сотнями, он ведь ещё вообще ни разу у меня не просил денег». Когда он вошёл в детскую, его сын уже был в постели.

– Ты не спишь, сынок? – спросил он.

– Нет, папа. Просто лежу, – ответил мальчик.

– Я, кажется, слишком грубо тебе ответил, – сказал отец. – У меня был тяжелый день, и я просто сорвался. Прости меня. Вот,

держи деньги, которые ты просил.

Мальчик сел в кровати и улыбнулся.

– Ой, папка, спасибо! – радостно воскликнул он.

Затем он залез под подушку и достал еще несколько смятых банкнот. Его отец, увидев, что у ребенка уже есть деньги, опять разодрался. А малыш сложил все деньги вместе, и тщательно пересчитал купюры, и затем снова посмотрел на отца.

– Зачем ты просил денег, если они у тебя уже есть? – проворчал тот.

– Потому что у меня было недостаточно. Но теперь мне как раз хватит, – ответил ребенок.

– Папа, здесь ровно пятьсот.

Можно я куплю один час твоего времени? Пожалуйста, приди завтра с работы пораньше, я хочу, чтобы ты поужинал вместе с нами» (<http://mirpozitiva.ru/pozitiv/pozitiv10.html>).

3. Притча «Полный сосуд»

«Как-то один мудрец, стоя перед своими учениками, сделал следующее. Он взял большой стеклянный сосуд и наполнил его до краев большими камнями. Прodelав это он спросил учеников, полон ли сосуд. Все подтвердили что полон.

Тогда мудрец взял коробку с мелкими камушками, высыпал ее в сосуд и несколько раз легонько встряхнул его. Камушки раскатились в промежутки между большими камнями и заполнили их. После этого он снова спросил учеников полон ли сосуд теперь. Они снова подтвердили – факт, полон.

И наконец мудрец взял со стола коробку с песком и высыпал его в сосуд. Песок конечно же заполнил последние промежутки в сосуде.

«Теперь» – обратился мудрец к ученикам, – «я хотел бы, чтобы вы смогли распознать в этом сосуде свою жизнь! Крупные камни олицетворяют важные вещи в жизни: ваша семья, ваш любимый человек, ваше здоровье, ваши дети – те вещи, которые, даже не будь всего остального, все еще смогут наполнить вашу жизнь. Мелкие камушки представляют менее важные вещи, такие, как, например, ваша работа, ваша квартира, ваш дом или ваша машина. Песок символизирует жизненные мелочи, повседневную суету. Если же вы наполните ваш сосуд вначале песком, то уже не оста-

нется места для более крупных камней. Также и в жизни: если вы всю вашу энергию израсходуете на мелкие вещи, то для больших вещей уже ничего не останется. Поэтому обращайтесь внимание, прежде всего, на важные вещи, находите время для ваших детей и любимых, следите за своим здоровьем. У вас остается еще достаточно времени для работы, для дома, для празднований и всего остального. Следите за вашими большими камнями – только они имеют цену, все остальное – лишь песок»» (<http://dnevnik.bigmir.net/article/1047759/>).

Кейс № 2 **«Народный Учитель»**

Цель кейса: формирование профессионально-нравственных ценностей будущего педагога.

Методические рекомендации преподавателю

В качестве информации для размышления предлагается рассказ «Народный учитель» из книги Н. Рериха «О вечном...». Автор представляет интересные суждения народного учителя, культивирующего великое образовательное движение, способствующее лучшим мировым изменениям. Чтобы влиться в это движение необходимо мыслить по-новому, должно произойти чудесное изменение самого человеческого сердца. Условием этих изменений будет, безусловно, преобразование, прежде всего, системы ценностей учителя. Опираясь на рассказ, студентам рекомендуется выявить те ценности, которые для народного учителя являются жизненно важными. Для более детального анализа ценностей рекомендуется ответить на ряд вопросов к кейсу.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Выпишите систему ценностей учителя, которые представлены в тексте. Охарактеризуйте каждую ценность.
2. Что значит «приветствовать каждый голос, который, так или иначе, устремляет нас в будущее»?
3. Как Вы понимаете, что с младенчества нужно «закладывать в юные сердца светлые основы прошлых достижений, но в устремлении их в грядущее»?
4. Докажите, что учителя могут совершить гораздо больше, чем завоеватели и главы государств.

Материал к кейсу

«На недавнем съезде английского национального союза учителей председательствовал народный учитель Браун из Соммерсета. Одно это обстоятельство, что народный учитель из далекого местечка избирается председателем, уже показывает всеобщее уважение к этому педагогу. Действительно, в своем президентском обращении этот народный учитель высказал несколько положений, имеющих приложение во всем международном объеме. Приведем несколько положений из этой речи:

«Полагаю, что должно быть государство, в котором будет приложено справедливое распределение справедливого блага, касаюсь ли богатства, отдыха, счастья, здоровья. Но затем и еще более существенно, это должно быть такое государство, в котором все жертвуют и планомерно, и глубоко кооперируют в создании и в росте этого «общего блага».

Это не может быть совершено в одном поколении. Оно нуждается в усилении твердом и мудро распределенном. Нужно образовывать народ – если хотите пропагандой – и возбуждать энтузиазм.

Должна быть законодательная планомерность, промышленная планомерность, торговая планомерность, здравоохранение и, поверх всего, образование в его широчайшем значении – лишь это сделает народ готовым для мира, в котором он живет, и образует в народе желание и способность совершенствования. Я обращаюсь о планомерности образования для будущего.

Когда некая политическая или все политические партии поставят образование не только на первое место в их программах, но на первейшее место в их практике? Вместо никчемных мудрствований о настоящем, почему они не могут твердо и благородно утвердить план для будущего?

Обычный мужчина и женщина желают лучшей жизни для своих детей, нежели та, в которой им пришлось жить. Они, конечно, подавляюще благожелательно ответят на справедливое воззвание. Энтузиазм для великого образовательного движения может быть легко поднят. Средства могут найтись. Они должны быть мобилизованы и использованы. Религия, искусство, наука, здравый смысл – все будет участвовать. С церковных кафедр, с платформ, в прессе, на сцене, через радио разум будет убежден и сочувственно пробужден.

Общественная политика в образовании – когда бы мы такое

имели – была бы сознательной политикой для приложения будущего поколения к нуждам настоящего. Но, поистине, следовало бы заботиться о том, чтобы дать каждому новому поколению способность встретиться на новых путях, с новыми условиями. Если мы действительно хотим образовывать народ, это должно быть признано.

Также должна совершиться не только перемена в политике, но и перемена в самом сердце. Идея, что дети разных общественных классов должны быть воспитываемы в школах разного типа, утверждает касту и делает народность недостижимой. Обычно это не что иное, как глубокий снобизм. Вы не можете образовать народ, воспитывая его на классовых предрассудках и утверждая классовые различия.

Можно сказать, что способ образования, даваемый в начальных школах, должен быть дан в лучших методах и установлен так, чтобы образовать всего человека – тело, разум и дух. Но это препятствуется многими несовершенными условиями и не очень-то продвигается. Удалите эти неудобства, и получится образование, пригодное для ваших будущих граждан, которое даст им более полную и лучшую жизнь».

Не знаю, сошлись ли бы мы с педагогом-председателем во всех деталях, но основная его мысль должна быть близка всему миру. Действительно, школьное образование в сущности своей не должно привязывать учащихся только к прошлому, но должно делать их вполне вооруженными, чтобы светло встретить улыбку грядущего. Как раз эту мысль утверждали мы в советах нашему Институту Объединенных Искусств и Международному Центру Искусств.

Самое страшное – это повернуть голову человека назад, иначе говоря, удушить его. В старину говорили, что дьявол, овладевая человеком, всегда убивает, повернув его голову назад. То же самое выражено и в обращении жены Лота в соляной столб. Она, вместо того чтобы устремляться в будущее, все-таки обернулась назад и мысленно и телесно окаменела. Та же мысль выражена и во множестве других убедительных образов. И, несмотря на все, в практике жизни и в школьном образовании она никогда почти не применяется.

Следует приветствовать каждый голос, который, так или ина-

че, устремляет нас в будущее. Также справедливо говорит английский педагог, что начальное образование, конечно, должно быть единообразным. Так же точно единообразно, от младенчества, нужно закладывать в юные сердца светлые основы прошлых достижений, но в устремлении их в грядущее. Истинный сын своей страны тот, кто хочет ее улучшения и совершенствования, который понимает, что без совершенствования будет лишь отступление и регресс. Или двигаться вперед, или отступать. Стоять на месте невозможно, это сказано и повторено.

Главное же, нужно взаимно утвердиться в доброжелательных поступательных намерениях. В подробностях всегда можно поговорить. Если человеку от малых лет будет внушена светлая терпимость, он всегда найдет основу уважения к своим сотрудникам. Стоит лишь восчувствовать эту общую созидательную и поступательную основу, как и все прочие проблемы покажутся лишь техническими подробностями.

Мне уже приходилось не раз отмечать прекрасные суждения педагогов Америки, Индии и Европы, произнесенные во время всевозможных съездов и конвенций. Также приходилось горестно отмечать все те утеснения, которые так часто выпадают на долю учителей. И в этом нужно найти общий фронт, чтобы перебороть всякие темные трудности.

Английский педагог правильно замечает о том, что не только формальное законодательство должно быть изменено, но должны произойти и благие перемены в самом сердце, в сердечных чувствованиях. Без этих здоровых сердечных устремлений каждое законодательство – форма – останется лишь мертвым грузом. Но чтобы могло совершиться это чудесное изменение самого сердца человеческого, нужно всем, кто мыслит о культуре, всем нужно объединиться и поддержать друг друга в светлом образовательном движении.

Общественное мнение нужно воспитывать и образовывать. Общественное мнение закладывается в школах от первых школьных занятий. Итак, если все учителя мира помыслят о том, что так неотложно нужно всему человечеству, то и построится тот храм общественного мнения, тот Музейон всех Муз, который всегда будет светлым маяком для ждущих, ищущих и совершен-

ствующихся.

Привет английскому педагогу, привет всем учителям, идущим к той же вершине труда, терпимости и совершенствования.

Герберт Уэллс правильно замечает:

«Ни один завоеватель не может изменить сущность масс, ни один государственный деятель не может поднять мировые дела выше идей и способностей того поколения взрослых, с которым он имеет дело. Но учитель – я употребляю это слово в самом широком смысле – может совершить больше, нежели завоеватели и государственные главы. Они, учителя, могут создать новое изображение и освободить скрытые силы человечества».

Именно учителя, в стремлении к миру всего мира – к Культуре – могут совершить завоевание, мирное и великолепное» (Рерих Н. К. О Вечном ... / Н. К. Рерих. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.)

Кейс № 3

«Остаться верным до конца...»

Цель кейса: формирование у студентов профессионально-нравственных ценностей (твердой воли, добросовестности, творчества).

Методические рекомендации преподавателю

В истории найдется немало примеров мужества и героизма, проявленных людьми, занимающимися педагогической деятельностью. Таким необычным человеком был генерал Д.М. Карбышев. Его жизнь и смерть могут стать примером служения Родине, профессиональному делу, человечеству. У Карбышева, как у педагога, сложилась своя система обучения, эффективная при подготовке военного состава. Очевидно, что результативность обучения во многом зависела от ценностей, которые стали опорой в жизни генерала. Студентам рекомендуется познакомиться с этим удивительным человеком, прочитав отрывки из документальной повести Е.Г. Решина «Генерал Карбышев».

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте профессиональную модель поведения Д.М. Карбышева.

2. Какие ценности стали для Д.М. Карбышева основой его профессиональной деятельности?

Материал к кейсу

«С большой теплотой писал о педагогическом мастерстве Д.М. Карбышева его ученик и сослуживец Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян:

«Интерес к его лекциям исключительно повышался благодаря богатейшему иллюстрационному историческому материалу, который Дмитрий Михайлович трудолюбиво отыскивал: здесь были и подлинные документы прошедших войн, и диапозитивы, и материалы о последних достижениях инженерной службы иностранных армий, и неисчерпаемый запас исторических примеров. Впервые Дмитрий Михайлович применил для иллюстраций своих лекций и докладов проекционный фонарь.

Очень любили слушатели посещать и консультации Дмитрия Михайловича, во время которых получали все необходимые данные для того, чтобы самостоятельно прийти к правильному решению задачи на предстоящих занятиях. При этом Дмитрий Михайлович отнюдь не натаскивал своих подопечных. Он всегда стремился развить у нас самостоятельность в мышлении, оградить от шаблона, схемы.

Дмитрий Михайлович не жалел времени на работу со слушателями. Он ни разу не сказал, что время истекло, и готов был, казалось, сидеть со слушателями до утра. Когда же запас вопросов иссякал, то он объявлял, где его можно будет найти, если еще возникнут вопросы. Квартира Карбышева находилась рядом с академией, и он просил нас не стесняться и, как он говорил, «топать» прямо к нему домой хоть группой, хоть поодиночке, коль к тому возникнет надобность.

И не удивительно, что слушатели чрезвычайно его любили и уважали.

Дмитрий Михайлович Карбышев был энтузиаст по своей натуре. В любом деле он буквально горел. Дух соревнования был органически присущ ему. При решении любых задач он своим юношеским задором заражал нас, слушателей и молодых преподавателей. Он постоянно был готов вызвать каждого из нас на самое серьезное соревнование при решении любой задачи.

Мне вспоминается, что на занятиях в поле при решении учебных вопросов он всегда старался вызвать у нас, слушателей, стремление – кто быстрее. Даже в перемещения с одной точки

местности на другую он умудрялся вносить спортивный азарт. «А ну, кто первым прибудет на следующую точку?» – задорно спрашивал он и первым бросался вперед. Нам стыдно было отставать, и мы устремлялись за ним...

Именно таким, всегда устремленным вперед, остался в моей памяти Дмитрий Михайлович Карбышев».

Другой ученик Дмитрия Михайловича, доктор военных наук, профессор, генерал-полковник в отставке А.И. Гаспилович пишет о нем:

«Он с первых же встреч поразил мое воображение огромной разносторонностью знаний, желанием и умением передать их другим в увлекательной, доходчивой форме, пронизанной добродушным юмором. Чем больше приходилось мне соприкасаться с Дмитрием Михайловичем, тем ярче вырисовывались его энергия и трудолюбие, любовь к людям и высокий патриотизм, соединенные с большой скромностью и оптимизмом.

Как многие тысячи генералов и офицеров наших Вооруженных Сил, я с гордостью могу назвать себя учеником Дмитрия Михайловича в буквальном понимании этого слова. Вспоминается, с каким удовольствием в 1928–1931 годах я и мои товарищи, обучавшиеся тогда в Военной академии имени М.В. Фрунзе, слушали лекции Д.М. Карбышева и участвовали в проводимых им занятиях.

Военно-инженерное дело, преподавание которого он вел, на первый взгляд может показаться довольно сухим предметом. Но не у такого мастера и знатока, каким был Дмитрий Михайлович! Широкое использование для военно-инженерных расчетов различных простых мнемонических правил, разработанных им самим и облеченных в полушутливую форму, умело вставленный веселый пример или острое словцо оживляли занятия и лекции Д.М. Карбышева и делали их просто увлекательными, а его мнемонические правила запоминались на всю жизнь.

... В 1938–1939 годах я работал вместе с Дмитрием Михайловичем на кафедре тактики высших соединений Академии Генерального штаба уже старшим преподавателем. В этот период мне особенно ярко раскрылись такие черты характера Д.М. Карбышева, как удивительное трудолюбие, скромность и желание помочь товарищу по работе.

Помню, с каким большим количеством недоуменных вопро-

сов, особенно методического характера, мне, молодому преподавателю, пришлось столкнуться и как Дмитрий Михайлович, не жалея сил и времени, часто уже после окончания рабочего дня, терпеливо помогал в них разобраться. Самым важным при этом было то, что Дмитрий Михайлович не только разъяснял или рекомендовал те или иные методические приемы, но своим неиссякаемым оптимизмом и веселым остроумием вселял в молодого преподавателя уверенность в собственных силах».

То же самое утверждал ученик Карбышева, работавший много лет преподавателем Военной академии имени М.В. Фрунзе и начальником кафедры военно-инженерного дела и тактики инженерных войск, генерал-лейтенант инженерных войск в отставке Е.В. Леошенин:

«Карбышев обладал особым умением превращать самое сложное и неясное в простое и понятное. Это не было упрощением, а глубоким, логическим и популярно-научным изложением сложного предмета. Всегда он наслаждался возможностью учить, объяснять, отдаваясь своему любимому педагогическому делу целиком с необыкновенной страстностью. Вел занятия Дмитрий Михайлович доходчиво, зачастую весьма популярно, не щеголял сложными расчетами и формулами и никогда не делал секрета из своих знаний. Мы считали его своеобразной открытой книгой, но с той лишь разницей, что книга обычно не может дать больше того, что в ней написано, а он казался нам неиссякаемым источником широких и разнообразных знаний во всех областях многогранного военно-инженерного искусства.

Обучение и воспитание Карбышев считал единой задачей, прививая своим слушателям любовь к советской социалистической Родине, а также высокие моральные качества – дисциплинированность, коллективизм, гуманность, честность и правдивость, которые он выработал, прежде всего, в самом себе.

Генерал-майор в отставке М.Ф. Липатов, учившийся у Карбышева в Военной академии имени М.В. Фрунзе и в Академии Генерального штаба, пишет:

«Весьма сильное впечатление на меня производили лекции Дмитрия Михайловича. Многие преподаватели преподносили инженерное дело сухо и скучно, сопровождая лекции громоздкими цифровыми материалами, нормативами. Казалось, что они задались целью оглушить нас шквалом цифр.

А вот как Дмитрий Михайлович талантливо, просто и весьма доходчиво преподносил нам нормы производительности при рытье окопов.

Однажды он вошел на лекцию с написанными мелом цифрами: на колене – единица, на поясе – двойка, на груди – четверка и на ладони вытянутой вверх руки – восьмерка. Мы, конечно, сразу не поняли значения этих цифр и недоумевали. Дмитрий Михайлович тут же рассеял наше недоумение: для стрельбы лежа окоп должен быть такой глубины, чтобы можно было укрыться до колена, на рытье одного метра такого окопа одному человеку требуется один час. Поэтому на колене и написана единица. Для стрельбы с колена глубина окопа должна быть такой, чтобы можно было бойцу укрыться по пояс, на рытье такого окопа требуется два часа, и т.д. Карбышев впоследствии издал портативную таблицу, где были изложены упрощенные нормы, необходимые командирам всех родов войск и легко запоминаемые.

Чтобы лекция была интересной, Дмитрий Михайлович широко иллюстрировал ее схемами и рисунками, диафильмами. Часто лекция превращалась в беседу, изобиловала остротами, историческими примерами, которых Карбышев знал множество».

Плен

Мы тогда еще не знали, что гитлеровские захватчики задались целью любой ценой, во что бы то ни стало привлечь, переманить советского генерала на службу фашистской Германии. Знали только про его выдержку, стойкость, верность присяге и воинскому долгу. Его беззаветная любовь к Родине помогла людям обрести душевные силы, дала многим понять, что и в фашистском плену есть на кого равняться, с кого брать пример.

Добрые вести летят на крыльях. Вскоре весь лагерь передавал от одного к другому имя непреклонного советского военачальника. Это был профессор, доктор военных наук, генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Несколько поколений наших офицеров учились у него в военных академиях или изучали его военные труды. Он был в армии очень популярен, пользовался заслуженным уважением и почетом.

Мы, военнопленные, воспрянули духом. У многих из нас появилась уверенность, что настанет день, когда и на нашей улице

будет праздник.

Фашисты внимательно следили за Карбышевым, стараясь изолировать его от остальных, посеять к нему недоверие, неприязнь. Немцы обращались с ним подчеркнуто вежливо, давая понять, что он не ровня другим пленникам.

Но Дмитрий Михайлович стойко держался своей линии поведения. Он был у всех на виду. Небольшого роста, похудевший старый человек в солдатской шинели, с удивительно молодыми глазами...

Среди военнопленных были и колеблющиеся, отчаявшиеся люди, распространялись панические слухи о близком и неизбежном падении Москвы. Фашистская пропаганда кое-кого сбивала с толку.

Карбышев с терпением и тактом умел рассеивать сомнения, вскрывать, отметать ложь фашистских «агитаторов». Он беспощадно разоблачал предателей. Даже в невероятно тяжелых условиях пленные не чувствовали себя отвергнутыми, отщепенцами, изгоями.

Дмитрий Михайлович видел силу и спасение советских людей, попавших в фашистский плен, в борьбе и только в борьбе. Он призывал к единению, сплоченности, товарищеской взаимопомощи и солидарности. И вместе с другими офицерами разрабатывал планы и методы борьбы военнопленных с их палачами.

– Надо прорываться к своим! Временные успехи врага не решают исхода войны в его пользу. В конечном счете мы победим, не сомневайтесь, товарищи!

Измученные люди жадно ловили каждое слово генерала.

Как томила их физическая жажда по глотку воды, точно так же казалась непереносимой неутоленная жажда борьбы.

Основные положения «Правил», созданных Карбышевым в плену:

1. Организованность и сплоченность в любых условиях плена.
2. Взаимопомощь. В первую очередь помогать больным и раненым товарищам.
3. Ни в чем не унижать своего достоинства перед лицом врага.
4. Высоко держать честь советского воина.
5. Заставить фашистов уважать единство и сплоченность военнопленных.
6. Вести борьбу с фашистами, предателями и изменниками Ро-

дины.

7. Создавать патриотические группы военнопленных для саботажа, вредительства и диверсий в тылу врага.

8. При первой возможности совершать побеги из плена.

9. Оставаться верными воинской присяге и своей советской Родине.

10. Разбивать миф о непобедимости гитлеровских войск и вселять военнопленным уверенность в нашей победе.

* * *

Старший лейтенант Н.Л. Белоруцкий уже в лагере Флоссенбург слышал, как Карбышев рассказывал товарищам следующее:

– Сначала они все были вежливы со мной, расписывали прелести жизни, которая меня ждет, если я соглашусь на них работать... Постепенно они становились все суше, начали намекать на мой престарелый возраст, на то, что я все равно не выдержу сурового режима концентрационных лагерей...

Один из генералов, который принимал участие в переговорах с Карбышевым, был крайне недоволен тем, что немецкому командованию приходится его так долго уговаривать. По-видимому, стойкое поведение Карбышева, его патриотизм вывели фашиста из терпения, и он гневно заявил:

– Напрасно вы, генерал и профессор, кичитесь так своим патриотизмом и ученостью. Имейте в виду, что Германия в скором времени применит в войне такое новое оружие массового уничтожения, что от СССР и его войск; не останется и следа. А вы, генерал, своим упорством и нежеланием помочь великой Германии в ее победе добьетесь того, что закончите свою жизнь на виселице.

Карбышев спокойно возразил:

– Советские ученые, наверное, тоже не сидят сложа руки, они тоже совершенствуют свое оружие...

Узнав о том, что Карбышев отказался принять условия главной квартиры инженерных войск, гестапо попыталось соблазнить его другим предложением.

Узник Майданека врач Л.И. Гофман-Михайловский рассказывает о том, как уговаривали фашисты советского генерала перейти на службу в РОА:

– Если вы не хотите служить немцам, служите русской армии, созданной и руководимой генералом Власовым. Он борется с ору-

жием в руках против коммунизма. Время Советской власти сочтено, измена не будет тяготеть над вами.

– Предательство Родины – наибольшее преступление для меня. Военскую честь я всегда ставил выше своей, жизни. Я не способен на измену и вечный позор, – ответил Карбышев».

Тогда гестаповцы, по свидетельству П.П. Кошкарова, попробовали свой излюбленный метод – шантаж.

– Напрасно вы упорствуете, генерал, жертвуете своим здоровьем, а быть может, и жизнью, – для кого? Ведь вы вашей Родине и партии больше не нужны – там вас считают предателем и изменником.

– Перед моей Родиной и партией я отвечу сам. Напрасно вы, господа, этим озабочены...

– Карбышев крепкий большевик, фанатик, – ответил с раздражением фашистский полковник.

Главная квартира инженерной службы вермахта не сразу отважилась формально признать провал переговоров с Карбышевым. Но по настоянию гестапо вынуждена была, в конце концов, представить письменную характеристику:

«Этот крупный советский фортификатор, кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался насковзь зараженным большевистским духом, фанатически преданным идее верности, воинскому долгу и патриотизму... Карбышева можно считать безнадежным в смысле использования его у нас в качестве специалиста военно-инженерного дела».

На этом донесении появилась резолюция: «Направить в концлагерь Флоссенбюрг на каторжные работы. Не делать никаких скидок на звание и возраст».

О том же была сделана особая отметка в его личной карточке военнопленного.

Ему оставалось жить очень недолго. Но долгим оказался его героический путь борьбы в фашистской неволе.

* * *

Письмо участника французского Сопротивления Эмиля Балле начинается словами: «Я это видел, пережил. Я был среди узников Маутхаузена, одним из них...»

«... В январе и феврале 1945 года союзники преследовали последние части эсэсовцев. На фронтах быстро продвигались совет-

ские воины-освободители, те, кто только и мог распахнуть ворота лагеря, где мы столько страдали.

Фашисты, отступая, с садистским бешенством разрушали, убивали, умножали количество своих преступлений.

... Все лагеря вблизи фронта были эвакуированы. Длинные колонны истощенных от голода заключенных потянулись по дорогам. Шли, невзирая на погоду, – в снег, мороз, без еды, по четыре-пять и больше суток подряд.

Иногда нас подвозили поезда, составленные из побитых товарных вагонов без крыш или открытых платформ. Горе той голове, которая поднимется над другими: ее сейчас же пробьет пуля эсэсовца, он, развлекаясь, щелкнет затвором автомата и пошлет пулю в живую цель, как в тире.

Во время эвакуации лагерей Освенцима и Верхней Силезии многие узники были убиты в дороге...

В начале февраля 1945 года в двенадцатиградусный мороз нас отправили из Заксенхаузена, и 16 февраля мы прибыли в Маутхаузен. По назначению прибыло меньше половины. Но администрация лагеря нашла, что и это слишком много. Она решила уничтожить еще до 500 человек, среди них оказался и генерал Дмитрий Карбышев.

После долгих и жестоких издевательств всех отобранных узников заставили раздеться, унесли одежду и оставили голыми во дворе до шести часов вечера.

В этот час проверили, кто еще держится на ногах, не свалился. И опять оставили в том же положении на морозе.

К ночи температура воздуха резко понизилась, ветер залютовал. А люди стояли голыми. Среди обреченных было много детей. Своими согнутыми от холода телами взрослые прикрывали детей, прижимались друг к другу, чтобы леденящий мороз уносил меньше жертв.

Лагерные палачи, однако, считали, что узники умирают недостаточно быстро. Эсэсовцы стали загонять их в душевую. Через полчаса заключенных снова выгнали во двор.

Я видел, как мокрые люди из душевой шли по снегу, подставляя изможденные тела ледяному ветру. Видел, как их загоняли обратно в душевую и оттуда снова – на мороз.

Так повторялось трижды. Десятки узников уже лежали, скошенные смертью.

Оставшихся в живых заставили плясать. Их расставили друг против друга и приказывали бежать – одних к ограде лагеря, других – наперерез – к прачечной. Они бежали, сталкивались, падали и не поднимались. Если кто на земле шевелился, пытался встать, того добивали дубинками или топорами.

Мы не забудем никогда этих черных дней февраля 1945 года и просим вас, честные люди всей Земли: никогда этого не забывайте!

Эмиль Балле. Лагерный № 60652».

Руководитель антифашистского подполья советских узников Маутхаузена Валентин Иванович Сахаров оказался также очевидцем гибели Д.М. Карбышева.

«... Место, где в течение двух суток пытали генерала Карбышева, было оцеплено отрядом эсэсовцев и пожарно-полицейской командой. У пулеметов над воротами даже днем дежурила охрана. Заключенным запрещалось выходить на апельплац...

Ночью, после горячего душа, генерала Карбышева вывели во двор. Стоял двенадцатиградусный мороз. Из брандспойтов ударили перекрещивающиеся ледяные струи. Карбышев медленно покрывался льдом.

– Бодрей, товарищи, думайте о своей Родине, и мужество не покинет вас, – сказал он перед смертью, обращаясь к узникам Маутхаузена.

Последние слова героя-генерала передавались из уст в уста. Мы поклялись тогда отомстить эсэсовским палачам за гибель славного советского патриота. Мы еще раз поклялись отдать дорого свою жизнь и, если потребуется, умереть солдатской смертью, не позволив утопить себя в водах Дуная или отравить в душегубках».

Дмитрий Михайлович Карбышев погиб. Но в Маутхаузене еще оставались узники. Остались те, кого не успели замучить, сжечь, заморозить. Те, кто выжил, дождался победы и вырвался из лагеря смерти на волю» (Решин Е. Г. Генерал Карбышев: докум. повесть / Е. Г. Решин; 4-е изд., испр. – М.: ДОСААФ, 1987. – 317 с.).

Кейс № 4

«Письмо молодого учителя»

Цель кейса: формирование у студентов профессионально-нравственных ценностей.

Методические рекомендации преподавателю

В кейсе в качестве информации для размышления представлено письмо молодого учителя из повести Ч. Айтматова «Материнское поле», который только делал первые шаги в своей профессии, но война вынудила его изменить жизнь и пойти защищать свою землю. Изменил ли молодой лейтенант своей профессии, остался ли верен своим ученикам? В этом направлении рекомендуется построить диалоговое поле со студентами.

Вопросы для обсуждения:

1. В подготовку учителя страна вложила большие средства. Как Вы думаете, может больше пользы этот учитель принес бы стране, оставшись работать с детьми? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Остался ли верен учитель своему делу?

3. Какие ценности являются для учителя жизненно важными?

Материал к кейсу

Письмо молодого учителя

«Понимаешь, мама, – писал он, – пройдет время, и ты поймешь меня, убедишься, что я сделал правильно. Да, ты обязательно скажешь, что сын твой поступил честно. И все-таки, хотя ты и поймешь, где-то в глубине твоего сердца останутся невысказанные мне слова: «Как же ты мог, сынок, так просто уйти из этого светлого мира? Зачем я тебя родила, зачем растила?» Да, мама, ты мать и вправе спросить с меня, но на твои вопросы ответит потом история. А я сейчас могу лишь сказать, что мы не выпросили себе войну и не мы ее затеяли, это огромная беда всех нас, всех людей. И мы должны проливать свою кровь, отдавать свои жизни, чтобы сокрушить, чтобы уничтожить это чудовище. Если мы этого не сделаем, то не достойны будем имени Человека. Я никогда не жаждал совершать геройства на войне. Я готовил себя к самой скромной профессии – я хотел быть учителем. Я очень хотел им быть. Но вместо мела и указки мне пришлось взять в руки оружие и стать солдатом. Не моя в этом вина. Время мое оказалось такое. Я не успел дать детям ни одного урока.

Через час я иду выполнять задание Родины. Вряд ли я вер-

нусь живым. Я иду туда, чтобы сохранить в наступлении жизнь многим своим товарищам. Я иду ради народа, ради победы, ради всего прекрасного, что есть в человеке.

Это мое последнее письмо, это мои последние слова. Мама! Да, тысячу раз я буду повторять твоё материнское имя и все-таки останусь перед тобой в неоплатном долгу. Прости меня, мама, за горе, которое я приношу тебе. Но ты пойми, мама, это не безрассудная жертвенность, нет. Так учила меня жить сама жизнь. И это мой первый и последний урок детям, которых я должен был учить. Я иду по своей воле и убеждению. Я горжусь, что выполняю свой самый высокий долг перед людьми.

Не плачь, мама, пусть никто не плачет. В таких случаях никто не должен плакать.

Прости, мама, и прощай.

Прощайте, горы мои – Ала-Тоо! Как я любил вас! Твой сын – учитель, лейтенант Маселбек Суванкулов.

Фронт, 9 марта 1943 г. 12 часов ночи) (Айтматов Ч. Материнское поле. Повести / Чингиз Айтматов; перевод с киргизского автора. – К.: Издательство детской литературы «Веселка», 1976.).

Кейс № 5

«Прикасаюсь к ранам»

Цель кейса: формирование у студентов профессионально-нравственных ценностей.

Методические рекомендации преподавателю

В качестве материала к кейсу предлагается отрывок из романа Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (письмо учителя «Прикасаюсь к ранам»). В этом письме автор представляет читателям несколько отличающихся друг от друга учительских позиций о школе, учениках, воспитании. Каждая из этих позиций питается ценностями, ставшими для учителя основополагающими в жизни. Само название письма «Прикасаюсь к ранам» заставляет читателя задуматься над важным вопросом: «Имеет ли право, должен ли педагог прикасаться к ранам ребенка?».

Вопросы для обсуждения:

1. Какими ценностями руководствуется Мэри Льюис, высказывая свою точку зрения на случившееся с ученицей несчастье?
2. Какими ценностями руководствуется Генриетта, высказыва-

вая свою точку зрения на случившееся с ученицей несчастье?

3. Какими ценностями руководствуется Пол?

4. Какими ценностями руководствуется С. Баррет?

5. Имеет ли право и должен ли учитель прикасаться к душевным ранам воспитанника? Обоснуйте свое мнение.

Материал к кейсу

«Дорогая Эллен!

Умерла Эвелин Лазар. Та девочка, что просила меня встретиться с ней в день учительской конференции. Может быть, увидаюсь я с ней тогда, она была бы сегодня жива. Умерла она от заражения крови, пытаясь вызвать выкидыш с помощью вязальной спицы. У меня осталось только ее имя в классном журнале и указание вычеркнуть его. Навсегда.

Пол говорит: «Спасайся, кто может. Думай о себе. Незачем принимать все близко к сердцу».

Беа говорит: «Вы не бог. Винить себя нам можно только за плохое преподавание».

Генриетта говорит: «Если вам удалось отвлечь их от улицы и заинтересовать хотя бы ненадолго, вы заслужили свой заработок».

Сэди Финч говорит: «Сдайте до трех часов дня ключ от шкафчика и библиотечный формуляр Лазар Эвелин».

Элла Фрейд говорит: «Не зависящее от нас влияние окружающей среды часто вызывает эмоциональную неуравновешенность».

А Фрэнсис Игэн, школьная медсестра, на минуту отвлеклась от составления меню и сказала, что помочь здесь было ничем нельзя: «Эвелин часто попадало от отца, однажды она пришла в школу вся в синяках».

– И что же вы?

– Напоила ее чаем.

– Почему чаем? О господи!

– Почему? Потому что я все знаю, – сердито крикнула она, – знаю больше всех, что происходит за стенами школы: нищета, болезни, наркомания, вырождение. Но мне не положено даже делать перевязки. Вначале я требовала, стучала по столу, спорила до хрипоты... Никто не хотел слушать меня. И теперь я предлагаю детям чай. Хоть что-то.

– Но вы же медсестра, – сказала я.

Она показала мне распоряжение Совета по образованию, висящее у нее над столом: ШКОЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА НЕ ДОЛЖНА ПРИКАСАТЬСЯ К РАНАМ, ВЫДАВАТЬ ЛЕКАРСТВА, ВЫНИМАТЬ ИЗ ГЛАЗ ИНОРОДНЫЕ ТЕЛА.

Значит, никому из нас не дозволено прикасаться к ранам?

В чем же тогда ответственность учителя? С чего начинается и где кончается? Какая доля вины падает на нас?

По этому поводу завязалась дискуссия в учительской столовой.

Мэри Льюис шокировала моральная распушенность современной молодежи. «Нельзя ожидать, – сказала она, – чтобы и без того перегруженные учителя занялись еще и нравственной опекой своих учеников». Генриетта Пасторфилд ничего не имела против сексуальной свободы, если она проявляется открыто. Будь девочка в ее классе, такого бы не случилось; ее ученики доверяются ей, она говорит с ними на их языке. Фред Лумис изрек: «Стерилизация – вот ответ на вопрос. Стерилизовать их и выкинуть из школы». Беа Шехтер говорила о том, как тоскуют эти дети по любви. Пол Барринджер с ней не согласился: «Они не умеют обращаться с любовью, не знают, что это такое. Ироническая отстраненность – вот единственный способ не расстраиваться». «Но мы не можем отстраниться, если мы учителя, – сказала Беа. – И мы должны учить вопреки всему, что мешает нам учить в самом прямом смысле этого слова». «Чепуха, – сказал Лумис, – школа для ребят – чужой мир».

Так и сидели мы за белым столом с искусственной розой в пластмассовой вазе и надписью на стене, призывающей убирать после еды подносы. И каждый пробивал в зарослях джунглей свою тропинку. Вскоре в столовой остались только Мэри, Генриетта, Пол и я. Я снова попыталась заговорить, но Мэри оборвала меня:

– Я начинала так же, как вы, но обнаружила, что ничего из этого не выходит. Так что и вам лучше не пытаться. Проработаете столько, сколько я, доведете себя до ручки, но никто вам не скажет «спасибо». Чем больше делаешь, тем больше тебя нагружают. И так во всех школах, поверьте уж мне. У нас хоть есть Сэди Финч и пара помощников, но не больно-то они о нас заботятся. У меня нет классной доски, никак не починят батарею, а на меня навалили подготовительные занятия, внеклассное чтение, продленку.

Я еще и советник при редакции «Фанфар». Приходится бегать с третьего на пятый этаж, это при моих-то больших венах. За двадцать три года я ни разу, ни на минуту не опоздала, всегда первой сдаю все отчеты – спросите у Финч, – и я никогда не жалуясь. Я просто выполняю свою работу, хотя всем известно, что я классная наставница в самом худшем классе, и вся моя энергия уходит на то, чтобы как-то утихомирить ребят прежде, чем начать занятия.

– Если ученики ведут себя беспокойно, – сказала Генриетта, – я стараюсь шуткой вывести их из этого состояния. Не важно, сколько они выучат, важно, чтобы им хотелось ходить в школу; чтобы на них воздействовало обучение. И они знают, что могут говорить со мной о чем угодно – будь то секс или еще что-нибудь. Ребята чувствуют, что я своя. Пусть я и старая дева, но я еще не сдаюсь.

– Тут не до шуток, – сказала Мэри, – мы их слишком балуем. Они так к этому привыкли, что приходят ко мне в класс без малейшего представления о том, как надо учиться и что такое предложение. И могут ли они выучить иностранный язык, когда и своего-то не знают?

– Те, кто хочет, выучат, – ответила Генриетта, – возьмите Боба – лучший ученик в школе по английскому языку и литературе. Не сочинения, а мечта. Победитель конкурсов, красив, вежлив, радость класса. Мне не приходится обучать его грамматическому разбору предложений.

– Потому что это уже сделала я, – парировала Мэри. – Ваши новомодные штучки и превращение урока в игру и оставляют их неграмотными. Я им даю твердую основу, навыки. В моих классах они не отделываются шумными дискуссиями, обменом мнений и описанием своих ощущений. Какие могут быть у них мнения? Что они испытали в жизни? Что они знают? Они изучают то, что знаю я.

– Беда в том, – Пол улыбнулся своей очаровательной улыбкой, – что учитель должен быть одновременно актером, полицейским, ученым, тюремщиком, родителем, инспектором, рефери, другом, психиатром, учетчиком, руководителем и воспитателем, судьей и присяжным, властителем дум и составителем отчетов, а также великим магистром Классного журнала.

– Может быть, у вас и стихи есть об этом? – вежливо осведо-

милась Мэри.

– Конечно, – ответил Пол, становясь в позу. – Слушайте!

*Нас можно рифмовать, объединяя
Психиатрию, технику, науку;
С улыбкой входишь в класс, сияя,
И ломкий мел к доске направит руку.
В нас аккуратность и образование,
Умны, тверды и не грубим с рожденья,
Вниманье к нам – в соседстве с понимаем.
Такое наше в жизни положенье.*

– Очень забавно, – сказала Мэри. – Наверно, у вас все время уходит на стихи, неудивительно, что вы никогда не приходите к первому уроку. Кто пробивает вашу карточку – Джилберт или Салливэн?

Но он сыграл свою роль, и, когда зазвенел звонок, все улыбались.

Бедная Эвелин Лазар – неоплаканная, невоспетая, ушедшая в небытие! Ее смерть преследует меня. Я все время думаю – если бы я услышала тот ее зов о помощи! Но нам не дано прикасаться к ранам...

Эвелин – единственная девушка, о которой мне что-то удалось узнать, потому что она оказалась в моем классе и потому что о ней случайно стало известно. А бесчисленное множество других, тех, кто, отсеявшись, исчезает или одиноко бьется во мраке? Пол считает, что я придаю этому слишком большое значение, что вполне вероятно, она хотела поговорить со мной всего лишь о перемене замка в шкафчике или о разрешении на передачу зачета. Но дело не в этом, дело вовсе не в этом.

Разве нам платят только за то, чтобы мы учили их разбору предложений, и поддерживали порядок, и задавали читать книги, которые есть в нашей библиотеке.

И все же вот Генриетта, со своим стародевичьим восторгом рассказывающая о своем лучшем ученике Бобе. Вот Пол, высмеивающий заимствованные из цветных кинофильмов мечты маленькой Алисы. Вот я, сражающаяся с Макхаби за душу Фероне. Я все еще стремлюсь пробиться к нему. Он все такой же наглый и настороженный, отказывается встретиться со мной после уроков, врывается в класс с зубочисткой во рту, руки в карманах, как

будто бросает мне вызов. Что хочет он доказать? Наконец-то он согласился поговорить со мной: «А вы уверены, что вы этого хотите? Что ж, вам решать!» Но до того, как нам удалось встретиться, его исключили из школы на две недели за то, что он носил с собой финский нож. Понимаешь, временное исключение – это такая форма наказания, которая оставляет ребят вне всякого контроля на какой-то период, пусть болтаются по улицам и попадают в разные банды.

Когда я попыталась убедить Макхаби, что куда полезнее было бы дать Фероне возможность встретиться со мной, чем выкидывать его, Макхаби выдал мне на полную катушку:

– Когда вы поработаете в нашей системе столько, сколько я – (все они говорят это!), – вы поймете, что не взаимопонимание нужно им. Я их прекрасно знаю – в них нет ничего хорошего. Дисциплина – вот что им нужно. У них нет ее дома. Вот вы и должны показать им, кто здесь хозяин. Мы обязаны учить их, наказывая каждый раз, сто раз, так, чтобы они поняли, что к чему. Если мы этого не сделаем, они получают то, что заслужили, от полицейского, судьи или своего начальника, если им посчастливится найти работу. Они не отличают плохое от хорошего, они не отличают свою задницу от – извините, пожалуйста. Вы молоды, хороши собой, они говорят вам комплименты, а вы с радостью принимаете их, заводите для них пластинки, уговариваете писать пожелания в ящик для пожеланий, ведете с ними душевные беседы. Что от этого толку? Конечно, мы должны добиваться их уважения, но только страх – наш помощник. Только это они понимают. Пусть и стоят по струнке, иначе сделают из нас котлету. Вы бывали когда-нибудь у них дома? Вы бывали в суде для малолетних преступников? Вы слышали, как они говорят о нас между собою? Это скверные дети. Их надо научить закону и порядку, и если не мы, то кто же научит их? Мы связаны с ними, и они связаны с нами, так пусть ведут себя как следует. Попробуйте-ка вы, люди с высокими идеями, руководить этой школой по-своему хотя бы один день, и у вас будет бунт в каждом классе. Говорю вам это, желая добра, – вам многому еще надо научиться.

Вероятно, надо.

На этой неделе мой урок собирается посетить Бестер. Он был так мил, что предупредил меня об этом. Собираюсь заняться при-

даточными предложениями или стихотворением Фроста.

Не думала, что это письмо получится таким длинным, но мне так муторно и беспокожно, а тебе я могу излить душу. Бывает, что я чувствую себя здесь совсем чужой. Может быть, мне стоило бы работать в Уиллоудэйле? Может быть, мне стоило бы вовсе отказать от учительства? Или, может быть, мне бы стоило найти молодого человека, который говорил бы прозой, и осесть в своем гнездышке? Ты, по-видимому, нашла ответ на этот вопрос.

Но я не хочу сдаваться, не попытавшись чего-то добиться. Думаю, ученики заслуживают лучшего, чем то, что получают. Да и учителя тоже.

Попытаюсь пробиться к ним через родителей...» (Кауфман Б. Вверх по лестнице, ведущей вниз / Бел Кауфман. – М.: Азбука-классика, 2007.).

Кейс № 6

«А разве мгновение ничего не стоит?»

Цель кейса: формирование у студентов ценностного отношения к воспитаннику.

Методические рекомендации преподавателю

В качестве информации для размышления над вопросами кейса рекомендуется отрывок из повести С. Соловейчика «Ватага «Семь ветров»», в котором автор представил образы равнодушных учителей, побуждающих своих воспитанников задуматься над очень важными жизненными вопросами. Супруги-педагоги идут на небольшой педагогический эксперимент, который называют «эпохой больших разговоров». Нужно ли проводить такие эксперименты в современной школе или это должно стать нормой школьной жизни? При создании диалогового поля рекомендуется направить размышления студентов на принятие ребенка как ценностного объекта педагогического процесса.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Как Вы думаете, правильно ли делали педагоги, что каждый день разговаривали с воспитанниками просто так, обо всем на свете – без плана, без задачи?

2. С какого возраста необходимо вводить воспитанников в «эпоху больших разговоров»?

3. По каким причинам происходят в семьях разногласия, по-

добные семье Киреевых?

4. Может ли семья справиться с трудностями по воспитанию детей без поддержки школы?

5. Может ли школа исправить характер детей без поддержки родителей?

6. Как Вы считаете, мгновение может что-то стоить?

7. Какая ошибка допущена Киреевой в воспитании дочери?

8. Фраза «а разве мгновение ничего не стоит?» натолкнула Каштанова на возможное разрешение затяжного семейного конфликта матери и дочери. Поразмышляйте, что мог посоветовать педагог матери?

Материал к кейсу

«Кольцо»

Позже Каштанов шутил называл эти несколько недель «эпохой больших разговоров».

А началась эта «эпоха» с того, что однажды он спросил Елену Васильевну:

– Скажи, Алена... Вот ты школу кончила... Десять лет в школе училась... Скажи: сколько раз ты с кем-нибудь из твоих учителей одна, с глазу на глаз, по душам разговаривала?

Каштанова задумалась, потом ответила:

– Ни разу. Ни с кем и ни разу за десять лет...

– А ты сама? С кем из учеников твоего девятого класса ты по душам разговаривала?

– С Мишей Логиновым... С Аней Пугачевой...

– Всё? Не густо... А их у тебя, между прочим, три десятка душ.

– Да некогда, Алеша... Столько нагрузок, а еще сиди разговаривай? Ла-ла, ла-ла...

Каштанов вздохнул.

– Конечно, некогда... Конечно, хочется что-то сделать, а не ла-ла... Но без этого ла-ла людям одиноко... И вот смотри, чуть только провинится человек – сразу у нас и время находится и желание. Вот это мы умеем распекать. Умение распекать считается необходимой или даже главной частью педагогического мастерства! Воспитатели-распекатели! А поговорить – не умеем и не знаем даже, с какого бока к человеку подойти, если он ни в чем не провинился.

Но, как говорил всегда Каштанов, «главное в жизни что? Глав-

ное в жизни – вовремя спохватиться». Спыхватились и положили за правило: каждый день с кем-нибудь разговаривать, по очереди, неторопливо, обо всем на свете – без плана, без задачи, а просто так. Расспрашивать о жизни, об увлечениях, о заботах. И – не ругать, не делать замечаний, не читать нотаций, не говорить о недостатках, ни в коем случае!

Ребята были заинтригованы. Всё видали за девять лет – такого не было. Сначала все были уверены, что идет какое-то тайное расследование: кто-то что-то натворил, и вот теперь копают... Предположения были самые фантастические, и идти разговаривать никто не хотел: «А о чем спрашивать будут, а? О чем? Я ничего не знаю!» Но постепенно оказалось, что ничего страшного не происходит, и главное, все, о чем говорят, по всей видимости, остается в тайне. Тогда началось обратное движение: все захотели разговаривать с Еленой Васильевной или Алексеем Алексеевичем по душам, все спрашивали: «А когда меня позовете?» – или просили: «Позовите меня еще, а? Ну что вам стоит?» Много неожиданного открылось в этих разговорах перед Каштановыми – и в ребятах и в себе. Оказалось, что это так трудно – снять с себя шлем учителя и не отвечать на каждую реплику замечанием или сентенцией! Но особенно много размышлений вызвал у Каштановых разговор Елены Васильевны с Клавой Киреевой, королевой Семи ветров.

– Вот вы, когда девчонкой были, Елена Васильевна, ВЫ ходили с дворовыми ребятами? – спрашивала Клава.

– Нет.

– Не ходили, я так и знала... Значит, вы и не поймете. – Клава улыбнулась полупрезрительно и повела головой. – Вот приходим мы, значит, в школу, в первый класс, так? Все в бантиках, все в гольфиках, все в передничках белых – все одинаковые. И живем рядом, и родители наши станок в станок работают – ну, во всем одинаковые, так? А с четвертого – пятого класса начинается распасовочка...

– Что? – не поняла Каштанова.

– Распасовочка. Одни туда, другие сюда. Один – во двор, на танцы, курить, то да сё... А другие вроде бы «хорошие».

– Значит, плохие и хорошие?

– Да чем, чем же они хорошие? И чем мы плохие? Я вообще не люблю этого, ну вот не люблю, когда о девушках плохо говорят.

Говорят: ну, эти, нынешние, такие-сякие, чуть не уличные... Ну почему – уличные? Ну, вот если бы все девушки на улицу вышли, так что было бы? Столпотворение! А где оно, столпотворение? Где?

Каштанова долго смеялась, и Клава стала смеяться, когда увидела, что смеется Каштанова не над ней.

Распасовочка... Слово это царапнуло Алексея Алексеевича. «Вот, кажется, всё делают для того, чтобы всем одинаковые условия, а вот же – гони ее в дверь, а она в окно, распасовочка... Это только кажется, это лишь нам, учителям, кажется, – думал Каштанов, – будто сидят они все в одном классе и живут в одном мире. На самом деле они в двух разных мирах. «Хорошие» презирают «плохих», «плохие» ненавидят «хороших», а кончат школу – не вспомнят, что они в одном классе учились. Они же годами и не разговаривают друг с дружкой. А разница между ними в том, что одни торопятся домой и боятся выйти из дому, а другие бегут из дому и боятся в дом свой войти. Естественно, что одни других не понимают. «Как они живут? – говорят про «хороших» девочки из компании Керунды. – Во дворе не гуляют, на танцы не ходят, от дружинников из подъездов не бегают». Домашние и бездомные – такая грустная распасовка. И нечего их ругать и воспитывать, бездомных, надо вернуть им дом, если удастся!»

Каштанов решил начать с королевы бездомных Клавы Киреевой.

Вызывать Кирееву-старшую в школу, передавать записку через Клаву Каштанову не хотелось, и он дозвонился на завод, в лабораторию, где Тамара Петровна работала.

Киреева пришла, но разговора с ней не получилось. Никто так дружно не живет, как мать с дочерью, пока они живут дружно, но никто и не воюет с таким ожесточением, как мать с дочерью, когда они начинают воевать.

Тамара Петровна намучилась с дочерью. Клава была для нее несчастьем и позором. Тамара Петровна всем жаловалась на дочь и у всех просила совета: как ей быть? Один говорили ей: «Ломай характер, пока не поздно, а то потом намучаешься»; другие советовали ей выйти замуж, чтобы мужчина в доме был; третьи рекомендовали обратиться в милицию, в детскую комнату: «Там таких быстро в чувство приводят!»

Замуж Киреева-старшая не собиралась, не за кого было, в ми-

лицию идти боялась. Что же ей оставалось делать?

Ломала характер, как могла.

Она заранее знала, что скажет ей Каштанов, как он будет жаловаться на Клаву и требовать, чтобы она, Тамара Петровна, приняла меры. А какие меры может она принять? Бить ее? Так она и бьет ее чем попадая, ничего ей не спускает, и крик у них в доме стоит с утра до ночи.

– По-моему, – сказала Киреева, – она у меня больная. Больная – и всё! Ей только двенадцать было, а она утром расчесывается – и швырк гребенку на пол! А потом говорит: «Мама, подними!» Ну, не больная ли?

– А вы взяли бы да подняли расческу, да еще пошутили бы: дескать, спасибо, Клавдюша, мне полезно нагибаться, – или еще что-нибудь в этом роде придумали бы...

Тамара Петровна чуть не задохнулась от этих слов Каштанова. И здесь над ней издеваются? И в школе?

– Она, подлая, бросила расческу, а я – кланяйся перед ней? Да кто она такая, чтобы перед ней кланяться?

– Она ваша дочь, – тихо сказал Каштанов.

– Ну и что же, что дочь? Я в лаборатории работаю, у нас завод семьдесят процентов со знаком качества дает, у нас продукция на весь мир идет, и в Африку даже, с нас теперь требуют – кошмар! А я как на иголках – что дома? Кого привела? Куда ушла? Когда вернется? Все нервы у меня истрепаны, и еще ей кланяться?

– Как хотите, – пожал плечами Каштанов. – Но я могу предсказать, чем все это кончится: кончится тем, что вы на свою родную дочь заявление в милицию напишете... К сожалению, не вы первая.

– В милицию? И напишу!

Тамара Петровна поднялась, поняв, что помощи она и здесь не дождется, ее же и обвинят. Ничего этот человек в воспитании детей не понимает, и как назначают таких! За что им деньги платят! Попробовал бы на заводе спину погнуть!

– Ну что же это у нас получится, – сказал Каштанов, – что у нас получится, Тамара Петровна, если дети будут писать заявления на родителей, а родители – на детей?

Но Киреева не стала его больше слушать, ушла. Каштанов долго сидел в своем кабинете, тер лицо руками. Он был недоволен собой.

Отчего он так холодно разговаривал с Киреевой? Что его раздражало в ней? Потом понял: а то, что она жалуется на дочь... Не защищает ее, а жалуется. Что за люди?

И жалобы-то ее – не ходит в магазин, не моет полы, не убирает посуду за собой... Как будто она растит служанку, как будто о служанке, о прислуге речь идет. «Все перепуталось, – думал Каштанов, – и концов не найдешь».

А главное, у него было такое чувство, будто Клава – его, а не этой женщины дочь и он должен ее спасти.

Между тем Клава Киреева по прозвищу Керунда достала пузырек лака с блестками и сделала такой маникюр, какого, кажется, еще и не было в городе. Правда, девчонки видели в Москве лак со звездочками, но даже по рассказам Клава представить его себе не могла.

Теперь предстояло пройти утром в школу так, чтобы Наталья Михайловна, директор, не увидела бы маникюра и не заставила бы его смыть. Эта новая неприятность была Клаве совсем ни к чему, потому что вчера они опять поссорились с мамой, а не может человек жить, если у него всюду ссоры и неприятности. Поссорились они, как всегда, из-за того, что Клава поздно вернулась с танцев в клубе.

А кого касается, с кем и где она ходит? Шестнадцать ей исполнилось, паспорт она поспешила получить в самый день рождения (а другие и месяцами за паспортом не идут), и теперь и вправду, если мать хочет, то можно и разъезжаться, менять квартиру на две, пока они с мамой до кровавых боев не дошли. А дойдут! Ведь мало ей, матери, что она по соседям ходит, на Клаву жалуется, так еще и в школу таскалась она – видели ее в школе.

Чуть подождяв, пока кто-нибудь откроет перед ней дверь, Клава вошла в школу и мигом оценила обстановку: эта комендантша Наталья Михайловна была на своем посту. Не проспала, не опоздала, и на совещание ее не вызвали. И что им, ну что им до всего дело есть? Девушка, считала Клава, должна быть заметной. Клава не терпела ничего блеклого, серенького, скромненького и высшую степень презрения к кому-нибудь из знакомых выражала словом «мышь» или «мышка». И активистка Лаптева была как мышь, и Галя Полетаева – мышка, и все они, девчонки в их классе, – серые, невзрачные, трусливые существа, подхалимки, мышки.

– Жолтикову из шестого «б» поймали, – доложила Таня Про-

нина, Проша. – Ну, малявки, с каких начинают, а? Пошли быстрее, пока разбираются.

Умело перестраиваясь на ходу. Сева, Проша и под их прикрытием Керунда прошли через безопасную цепочку семиклассников, и уже ликовало сердце Керунды, как вдруг Фролова окликнула ее.

– Здравствуй, Клава, ты что же не здороваешься? – Фролова смотрела весело и совсем не была похожа на директора школы. Ни строгости, ни вида, ничего.

– Я поздоровалась, почему я не здоровалась, я здоровалась! Ну, всегда ко мне придираются!

– Заметна очень, все на тебя внимание обращают. Разве тебе это не нравится? Ты же любишь выделяться?

Все сразу стало ясно Клаве. Это мать наговорила на нее что-то ужасное!

– Почему это я люблю выделяться? Кто вам сказал? Это мать наговорила?

И так, слово за слово, сама того не замечая, Клава выложила Наталье Михайловне все: и что мама собирается с ней разъезжаться, и что она жалуется на нее соседкам, обвиняет в краже какого-то кольца, а она никакого кольца не брала, – так что в конце концов Фролова остановила ее и сказала:

– Вот вы всегда сами всё рассказываете, а потом удивляетесь, откуда учителя всё знают про вас, шпионов каких-то ищете.

А потом Наталья Михайловна нагнулась к Клаве и велела все с лица смыть, да еще пойти в ее кабинет, найти в шкафчике ацетон и вату, специально для этих случаев приготовленные, и привести руки в порядок.

– Ой, да ну, Наталья Михайловна!

– И без «ой», без никаких «ой».

– Да ну ладно вам, – попробовала Клава другой тон, свойский, – ну подумай!

– Ты знаешь где, сама найдешь? Или отвести?

И жалко же было Клаве своих ноготочков, просто передать нельзя, до чего жалко!

– Вы вообще не имеете права! Я в школу не за этим прихожу! Я на урок опоздаю!

– Что же ты стоишь, теряешь время? Поторопись! – сказала Наталья Михайловна, а сама подумала со страхом: «А вдруг Ки-

реева пойдет в класс как ни в чем не бывало, что тогда? Может, пусть идет с миром?» – подумала Наталья Михайловна, но поздно: Клава объявила, что снимать маникюр она не будет.

– Но в таком виде я тебя в школу пустить не могу. Это из всяких рамок выходит.

– А я не портрет, чтобы в рамке, – огрызнулась королева Керунда, повернулась и пошла вон из школы, расталкивая идущих навстречу ребят.

А из-за кого все это случилось с ней? Из-за мамы. Только самый злой враг мог бы досаждать ей так, как мама.

Поссорившись с директоршей, Клава побродила по улицам и вернулась домой.

– Ты почему пришла? – спросила Тамара Петровна в дверях.

– Англичанка заболела.

– Английский – один урок.

– И физик заболел.

– Что, все заболели, одна ты здоровая? Сколько же это будет продолжаться, Клавдия? Ты когда вчера вернулась? А если бы соседи увидели – стыд на весь дом!

Клава молчала.

– Тебе мать что – кукла? Матрешка? Всю ночь не спала!

– Спи, кто тебе мешает?

– Нет, ты только посмотри! Ну, словно враг в доме!

Клава прошла на кухню, заглянула в кастрюли, зажгла газ.

– Ты дашь мне поесть спокойно? Поем, а тогда уж и начинай свой сеанс! И вот пилит, и вот пилит! Еще и в школу таскается! Из-за тебя меня выставили, на уроки не пустили! Кто тебя просил в школу таскаться? Кто?

– Я не таскаюсь! Я...

Клава бросила ложку и, хлопнув дверью, ушла в комнату. Ну, разве это жизнь? «Ну, я знаю, – думала Клава, – люди всюду едят друг друга, но у нас дома это делается не по-человечески».

Ока собрала горой подушки, развернула плед и легла, укрывшись с головой, – нет ее.

– Ты это брось! – появилась в дверях мама. – Что за манеру взяла? Чуть что, сразу ложкой об стол и дверью хлопать! Мать говорит – слушай! И что ты разлеглась среди дня? Ты видела когда-нибудь, чтобы я среди дня легла? Вставай, бери тряпку, мой пол!

– Тебе надо, ты и мой!

– Ах ты... Ты скажи... Ты мне лучше сама скажи, пока я в милицию не пошла...

– Уже и в милицию. – Клава села, закуталась в плед. – В школе побывала, теперь в милицию, потом куда пойдешь?

– Найду, куда мне идти! Ты мне по-хорошему скажи: взяла кольцо?

– Опять сначала! Не видала я твоего кольца.

– Посмотри мне в глаза.

– Да пожа-алуиста...

Тамара Петровна долго смотрела в честные глаза дочери. Не может человек так смотреть, если он виноват!

Дорогое малахитовое кольцо, и притом чужое – Тамара Петровна с сотрудницей одной поменялась на время – пропало в доме! Нигде его нет! Тамара Петровна уже и половину стоимости его выплатила, – но где же кольцо?

Неужели Клавдия взяла?

– Просто чудо какое-то, – пробормотала мама и взялась за тряпку – мыть пол. Клава поджала ноги, чтобы не мешать ей.

– Вот! – закричала Тамара Петровна. – Ноги она поджимает! Мать полы мой, а она сидит, поджав ноги!

– Могу опустить, – сквозь зубы сказала Клава.

Тамара Петровна заметалась по комнате, не зная, что же ей сделать. Потом схватила с вешалки вещи Клавы и заперла их в шкаф.

– Сиди дома, учи уроки. Приду со смены, проверю тетради.

– Много ты в моих тетрадях поймешь! – сказала Клава, чтобы последнее слово осталось за ней.

Вечером Клава готовилась идти в клуб. Возле нее крутилась соседская девочка Марина.

– Я собралась и пошла, а у тебя баночки, щеточки, кисточки... Зачем?

– Вот будет тебе шестнадцать, тогда узнаешь зачем, – вяло почула Клава. – В твоем возрасте я уже на танцы ходила... Отсталые дети пошли... Говорят, акселерация кончается...

– Меня мама не пускает.

– А меня пускает? Вон, всю одежду заперла. А мы дверцу ножницами подденем... Все равно мы с ней разводимся, с мамочкой моей драгоценной...

– Это только муж с женой разводятся.

– Раньше так было, а теперь кто хочешь с кем хочешь разводится. Еще и лучше. А то мы с ней до кровавых боев дойдем. Я ей уже давно проверку устроила, и вышло, что она меня не любит!

И Клава рассказала, как она однажды загадала: если бросить расческу на пол, поднимет мама или не поднимет?

Если любит – поднимет! Клава бросила расческу и стала просить, умолять маму поднять ее, но мама только и сказала:

– Новые новости! Клава, а ты знаешь? Может, ты больная, а?

И расчески не подняла. Не любит!

* * *

Чтобы помочь мужу в его задаче с Керундой, Елена Васильевна решила дать классу сочинение на тему «Хороший ли я сын» – «Хорошая ли я дочь».

– Этого еще не хватало! – воскликнула Клава.

– А стихами можно? – спросил Саша Медведев.

– Можно, если хорошими.

– У нас плохих не пишут! – ответил Костя Костромин.

Похихикали, поострили, потом – что делать? – покорились и стали писать.

И вот Каштанова открывала тетрадь за тетрадью...

Игорь Сапрыкин: «Какой я сын? Плохой. Хуже, чем кто-нибудь думает. По дому сейчас не помогаю, учусь плохо, иногда даже злюсь на родителей. В подробности вдаваться не хочу. По правде говоря, пишу на эту тему только для них. И так двоек полно, а так, может быть, поставите тройку, на большее я не рассчитываю. Просьба сочинение вернуть. Не думайте, что я боюсь, – за все, что написал, могу ответить».

Сережа Лазарев: «С отцом у нас отношения особые. Он сталеваром работает, там жара постоянная, металл раскаленный близко. Вот он приходит домой и просит меня сыграть что-нибудь. Я ведь музыкальную школу окончил, пять лет учился, всё благодаря отцу. Ну вот, он просит меня сыграть, а я бочком, бочком ухожу из комнаты. Вот и проявляется неуважение к отцу. Когда я хотел бросить девятый класс, он ходил надутый, все говорил: «Если бросишь, тогда на меня не обижайся». А когда я пошел снова, он стал совсем другой, теперь у нас все нормально. Все-таки очень

хорошо, когда сделаешь отцу приятное...».

«А что такое сын? – писал Роман Багаев. – Если отпрыск мужского рода, то, разумеется, я сын. А если нет, то уж не знаю, как ответить. По хозяйству я, само собой, ничего не делаю. Значит, я не есть сын в вашем понимании. Говорят, сын должен хорошо учиться и иметь возвышенные планы на будущее. Стало быть, опять я не есть сын. Еще сын должен заботиться об отдыхе уставших после работы родителей. И опять я не сын! Предки спят, а я в другой комнате извлекаю из гитары очень немзыкальные звуки, – не сын! Сын должен слушаться родителей.

Ура!! Наполовину я сын! Сын пользуется любовью родителей и всеми сыновними привилегиями. Вот тут уж я сын!

Три с половиной на полтора: сын ли я?»

Чем дальше читала сочинения Елена Васильевна, тем сильнее было ее удивление. А она-то, она все говорит им о хорошем отношении к родителям, но они и сами все прекрасно знают и понимают! Вот это кто написал?

«Я часто огорчаю своих родителей. Бывает, нагрублю им, обижу их ни за что. Но все это совершается в мимолетном порыве негодования. Бросишь им какую-нибудь грубость – и сразу раскаиваешься» – это Козликов! Кто бы мог подумать?

И главное, все, все подряд, все, как один!

Аня Пугачева: «Хорошая ли я дочь? Критиковать себя не хочется, а хвалить – тем более неудобно. Да и кто в наши дни хвалит себя? Я раньше была такой грубой, бессердечной девчонкой, сейчас так стыдно! Сейчас я все стараюсь сделать, чтобы маме было лучше, чем мне».

Лида Горюнова: «У меня очень много слабостей. Во-первых, я люблю сгущенное молоко. Во-вторых, я люблю командовать младшими сестрами, а они меня не слушаются. В-третьих, я люблю, чтобы в доме было чисто, но если я возьмусь за дело, то в редких случаях довожу его до конца. Я знаю, что с вредными слабостями надо бороться, но лень».

Света Богомолова: «Во всем виновата я одна! И вот сейчас, когда нам дали посмотреть на свое отношение к родителям со стороны, я увидела себя в незавидном положении.

Я сказала себе: «Как ни изворачивайся, ты плохая дочь...»

Ох, оказывается, как я все прекрасно понимаю! Надо пере-

страивать свою жизнь...»

А Саша Медведев настолько все прекрасно понимает, что действительно стихами написал!

Стихи у него получились такие:

*Мне бабуся изготовит
Завтрак или там обед
И стоит, уныло смотрит,
Как внучонок плохо ест.
Может, рад за хлебом сбегать,
Рад-то рад, да не дают.
Отдохнешь, пальто наденешь,
Глядь, а хлеб уже несут.
Пошло все выходит, дрябло,
Не поэзия, а швах...
Не хочу, чтоб было вяло
В окружающих ушах!*

С тетрадкой Медведева Елена Васильевна побежала к мужу в комнату: «Посмотри, что за прелесть! «Не хочу, чтоб было вяло в окружающих ушах!»»

Они долго смеялись и говорили о том, что не такие уж и темненькие у них ребята. Каштанов спросил, что написала Клава Киреева. Каштанова нашла тетрадь Клавы и буквально оторопела, когда прочла мужу вслух:

«Да, я очень резкая и несдержанная, и иногда («Иногда!» – подчеркнула Елена Васильевна) я все-таки огорчаю свою маму. Но я стараюсь изменить характер в лучшую сторону».

Алексей Алексеевич упрекнул жену: зачем давать такие сочинения? Зачем заставлять писать не то, что они думают?

– Я?! Я заставляю писать не то, что думают?

– Конечно. Вот Клава и написала тебе...

– Трудная девочка, неискренняя, хитрая!

– Да? А по-моему, она молодец. Ты хотела бы, чтобы она жаловалась тебе на родную мать? Это понравилось бы тебе больше? И нечего давать им такие сочинения, нечего лезть им в душу!

Вот и у них в доме назревал скандал! Елена Васильевна тихим голосом попросила мужа выбирать выражения, но Алексей Алексеевич не только не извинился, а вдобавок прошелся насчет

привычки словесников давать сочинения типа «За что я люблю Маяковского». А может, ученик и не любит его вовсе?

– Так и напиши: «Не люблю!»

– «Так и напиши»... Напиши, – а потом полгода объясняйся с тобой!

Каштанова ничего не ответила. Может быть, Алексей прав? Она долго думала об этом и решила, что все-таки права она. Ну и пусть Клава Киреева писала неискренне, пусть! Но в ту минуту, когда она писала, она и вправду немножко верила, что станет лучше... Каштанова сказала об этом мужу, тот ответил:

– Даже если и так, то это ведь на одно мгновение!

– А разве мгновение ничего не стоит? – произнесла Елена Васильевна фразу, которая потом много раз звучала в их доме, потому что Каштанов сразу повторил ее, потом повторял на многие лады, потом встал, волнуясь, и забегал по комнате.

– Алена, – сказал он, – Алена, ты сама-то хоть понимаешь, что ты сейчас изобрела?

– А что? – спросила Каштанова испуганно. – Я опять не права?

– Ты права, права, права, тысячу раз права! Ты и представить себе не можешь, как ты права! Ты нашла то, чего мне не хватало, о чем я день и ночь думаю.

– Не знаю, чего там я нашла...

А Тамара Петровна все больше и больше тревожилась из-за дочери.

Она всматривалась в Клаву, вслушивалась в ее голос, так легко переходивший в визг, вглядывалась в ненавидящие глаза и старалась понять: откуда взялся в ее доме этот совершенно чужой человек?

Уже давно Тамара Петровна постоянно слышала внутренний укоряющий голос или, вернее, голос возможного укора со стороны знакомых или незнакомых ей людей: «Что же вы за дочерью плохо смотрели, Тамара Петровна?»

Она отвечала этому голосу: «Я за ней смотрела! Я ей ничего не спускала! Я всюду ходила – и в школу, и всюду! Я не виновата!» – и вновь набрасывалась она на Клаву, чтобы не быть ни перед кем виноватой, не чувствовать себя виноватой, чтобы нашлось у нее оправдание, если когда-нибудь внутренний, тайный голос превратится в явный, реальный например, в голос прокурора или судьи...

А дело могло дойти до этого. Перебирая вещи в шкафу, Тамара Петровна нашла в кармане Клавиной кофточки пропавшее у нее

кольцо. Она так растерялась, настолько не знала, что же ей делать, что, оглядываясь на дверь, чтобы дочь не застала ее за этим постыдным занятием, торопливо положила кольцо обратно.

На следующий день Тамара Петровна сама пошла к Каштанову, больше ей идти было некуда. Пошла скрепя сердце: она привыкла к тому, что обращаться к официальному лицу – значит отнимать у этого лица драгоценное время, и знала, что все недовольны бывают, когда к ним обращаются дважды. Вполне возможно, что Каштанов холодно скажет ей: «А чем я могу вам помочь? Я вам говорил... Надо лучше смотреть за дочерью». Хотя Каштанов вовсе не говорил ей этих слов...

Однако странный учитель явно обрадовался ей, словно он ждал ее, и тут же объявил, что он должен сказать Тамаре Петровне нечто очень важное, хотя и трудное для понимания...

Тамара Петровна не могла знать, что у Каштанова появился некий план, что он, кажется, решил задачу о Керунде и что, если бы она сегодня не пришла к нему, завтра он и сам явился бы к ней домой или в лабораторию.

– По всей вероятности, – сказал Каштанов, – вы будете возмущены моим предложением. И все-таки постарайтесь понять меня. Обещаете?

– Да о чем вы? – совсем растерялась Тамара Петровна. – В колонию Клаву?

– Ну нет... В какую колонию? За что? Зачем? Вот в этом и беда, Тамара Петровна. Беда в том, что вы ведете со своей дочерью войну.

– Не я начала эту войну! Она!

– Неважно, кто ее начал, важно, кто ее выигрывает. Как только родители начинают войну с детьми, они должны знать, что уже проиграли ее. Все что угодно, только не воевать с детьми, потому что война и воспитание совершенно разные вещи. Начинается война – кончается воспитание!

– В чем вы меня упрекаете? – спросила Тамара Петровна. – Я все для нее делаю... Посмотрите, как одета, – кто еще на Семи ветрах так одет? Я ей только добра желаю... Я не балую ее, как другие, я слежу за ней... Характер у нее трудный – я ломаю характер. Я не могу видеть, как она лжет, как она вся извертелась. Я ведь тоже человек, я этого не люблю!

Тамаре Петровне очень хотелось рассказать о том, как она нашла кольцо, но было стыдно за себя и за дочь, и она удержалась.

– Вы все делаете правильно, – пытался успокоить Кирееву Алексей Алексеевич, – за исключением одного: вы воюете с ней, а вам нужен мир, мир, любой ценой мир! И зачем вам вздумалось ломать ее характер?

– Все так говорят, – удивилась Тамара Петровна. – Только и слышишь: «Ломай характер, ломай характер!»

Да, так Каштанов и думал. Он не с Тамарой Петровной сражается, перед ним вековое представление о воспитании послушных детей, только послушных... А чуть не слушается – ломай характер, и начинается война. Дети же с каждым новым поколением все меньше готовы к слепому послушанию, и война ужесточается... Это сколько же предстоит ему разговаривать, убеждать, выступать на родительских собраниях, пока родители его учеников не оставят нелепое занятие – ломать характеры...

– Так что же, – сказала Тамара Петровна, – по-вашему, пусть делает, что хочет? Все ей прощать?

– Если мать не простит своего ребенка, кто его простит? – сказал Каштанов.

– А если мать его не накажет, кто его накажет? – сказала Киреева.

– Наказывающих много, прощающих мало, – сказал Каштанов. – Она же ваша дочь! Почему я все время должен напоминать вам, что она ваша дочь!

– Не дочь она мне... – едва слышно прошептала Тамара Петровна.

– То есть как это? – опешил Каштанов.

– Не дочь она мне больше, не дочь... Она украла у меня... Понимаете? У родной матери украла...

– Что она у вас украла?..

– Кольцо...

И Киреева, не таясь, и постоянно извиняясь перед Алексеем Алексеевичем, и упрасывая его никому не говорить об этом, рассказала все, что знала про кольцо. Малахитовое кольцо за сто пятьдесят рублей – немалая сумма для Тамары Петровны, а половину она уже выплатила.

И ведь знает Клава, как мать кольцо ищет, как деньги выпла-

чивает, сколько неприятностей у нее, – и молчит хладнокровно. Страшный человек, страшный! «Я таких и не видела», – горестно говорила Тамара Петровна.

Вот Керунда так Керунда! Вот задачка так задачка!

Как вы ее решите, учитель Каштанов?

Через все круги ада тащит вас тупая сила. Один чуть не убил, другая обворовала собственную мать, да ведь и еще, наверно, экземпляры есть в девятом классе... А во всей школе?

Каштанов смотрел на Тамару Петровну и вдруг забыл все, что он собирался ей сказать и к чему так тщательно готовился. Он просто увидел перед собой женщину в горе, женщину, теряющую своего ребенка, и это горе всего тяжестью навалилось на Каштанова. Он задохнулся от неожиданного удара и, защищаясь от него, отталкиваясь от дурного известия, закричал:

– Нет, нет, не было этого! Вы говорили с ней? Что она вам сказала? Не говорили? Ну вот! – ухватился Каштанов за соломинку и продолжал спокойнее: – Мало ли какие бывают недоразумения в жизни! Не было этого, забудьте и никому больше не рассказывайте.

– Да что вы, я никому, я сама не знаю, как это у меня сейчас вырвалось, – пробормотала Тамара Петровна. Оттого, что Каштанов не поверил, и не просто не поверил, а страстно, решительно не поверил в то, что ее дочь может украсть, ей стало легко, как будто и вправду не было этого кошмара и не держала она сама кольцо в руках. Тамара Петровна впервые посмотрела на Каштанова с доверием и благодарностью и даже укорила себя: ну как она МОГЛА поверить? Не было этого!

– Вы в понедельник в какую смену работаете? – спросил Каштанов.

– В вечернюю...

– Вот и хорошо. Я научу вас, что надо сделать, – твердо сказал Каштанов, почувствовав, что внутреннее сопротивление Тамары Петровны сменилось доверием. – Итак, в понедельник...

– Да ведь поздно уже, Алексей Алексеевич... Поздно...

Каштанов весело посмотрел на нее:

– Я вас научу... Главное в жизни что? Главное в жизни – вовремя спохватиться!

Когда Елена Васильевна проверяла сочинения, а потом они заспорили с мужем и она произнесла: «А разве мгновение ничего

не стоит?», Каштанову за этой малозначительной, даже банальной фразой открылось нечто такое, что надолго и даже на всю жизнь определило движение его мысли и его поиска.

* * *

Как трудно далась ему эта простая и понятная мысль! Большую часть времени он должен проводить во встречах с родителями, чтобы вместе с ними постигать то искусство, которым, судя по истории с Керундой, многие не владеют: искусство любить своих собственных детей.

Видеть в них хорошее и поддерживать это хорошее. Не смотреть на детей как на будущих людей – относиться к ним как к людям сегодняшним, сколько бы лет им ни было. Поддерживать их собственные усилия, доверять им, да и просто разговаривать с детьми: Каштанов обнаружил, что во многих семьях с детьми разговаривают только о школьных отметках, и то на ходу, незаинтересованно. Он решительно отменил и запретил всевозможные «экраны успеваемости», которые старательные учителя, поддавшись моде, вывесили в заводской проходной, дабы родителям было стыдно перед всеми, если их дети плохо учатся. Часами уговаривал учителей не ругать своих учеников на родительских собраниях, при всех» (Соловейчик С. Ватага «Семь ветров» / Симон Соловейчик. – Л.: Детская литература, 1979).

Кейс № 7

«Искать, учиться, а потом творить»

Цель кейса: формирование у студентов ценностей, ориентирующих на творческое саморазвитие.

Методические рекомендации преподавателю

Принятие ребенка как ценности педагогического процесса поддерживается ценностью творчества. Каждый воспитанник уникален, уникально каждое поколение детей, приходящих в школу, и только творчество, подкреплённое педагогической любовью, будет способствовать нахождению тропинок к сердцу и разуму детей. Жизнь педагога – это постоянный творческий поиск, это победы и неудачи, но из них истинный педагог будет также извлекать уроки, потому что отрицательный результат – это тоже результат. В качестве материала предлагается отрывок из романа

братьев Вайнеров «Визит к минотавру», в котором отражено общение учителя и ученика – великого скрипичного мастера Амати и будущего гения Страдивари. Амати учит своего юного ученика не только технике изготовления инструментов, но и побуждает его к творчеству, в котором видит ключ к счастью, успеху и месту в людской памяти.

Задания для обсуждения:

1. Используя рассуждения Амати, напишите эссе «Рождение педагога».

2. Прокомментируйте слова Амати: «Но гением становится только тот, кто, отдав всего себя творению своему без остатка, в разгаре счастья уже чувствует холодок неудовлетворенности – он уже вновь возродился для мук и страданий в поиске совершенства».

Материал к кейсу

« – Если бы мне не жаль было дерева, я велел бы сделать тебе скрипку по этому промеру. Может, у тебя купил бы ее за несколько байокко бродячий музыкант...

– Почему, учитель? Я взял вашу «Анжелу» как образец!

Старый Никколо снова захохотал:

– Потому что в сорока трех точках промера ты один раз ошибся, и, кроме меня, этого бы никто не заметил. Но скрипочка твоя годилась бы только для балагана.

– Один раз? – переспросил ошарашенно Антонио.

– Да, один раз. Этого достаточно – скрипка звучать не будет. Но дело не в этом – ты мог и не ошибиться, через несколько лет ты научишься хотя бы мерить правильно. И тогда, как дурацкая бессмысленная обезьяна, ты сможешь скопировать мою скрипку. Доволен?

– Я был бы счастлив сделать что-нибудь подобное, – испуганно сказал Антонио.

– Принеси мне холодной воды и апельсинов, болван. На большее ты все равно не способен.

Антонио подал мастеру глиняный кувшин холодной воды и плетенку с апельсинами. Никколо вновь плеснул в кружку вина, долил воды и стал выжимать в нее сочные ароматные плоды. Апельсины лопались в его толстых сильных пальцах, и в неровном свете свечи казалось, будто над кожицей их поднимается пар.

Мастер забыл про Антонио. Потом он поднял голову и посмотрел иронически на него:

– Говоришь, был бы счастлив? А тебе не приходило в голову, почему бы другим мастерам не купить вкладчину мою скрипку – они ведь дорогие, – радостно засмеялся Никколо. – Разобрать, скопировать и научиться делать скрипки, такие же, как мои? А? Ты что думаешь об этом?

Антонио молчал.

– Промер скрипки можно украсть, – сказал Никколо. – Разобрать и измерить. А лак ты как украдешь? Лак, который мы варим сто лет, и каждый раз он у нас получается новый? Ты его как украдешь? Он ведь у меня здесь, – постучал себя по красному зальсому лбу Амати. – А без лака не будет звучать скрипка так, чтобы по звуку издали сказали – это Амати!.. Породу дерева, возраст его, место среза, способ промывки, затем сушки, пропитку лаком, нанесение его – тоже украдешь?

Мастер сделал два больших глотка, задумчиво посмотрел на свечу, не спеша сказал:

– Но разве в лаке дело? Это дураки думают, что богатство дома Амати – секрет лака. Хочешь расскажу секрет лака, которым покрыта «Анжела»?

Антонио отрицательно покачал головой. Николло выжал в кружку еще один апельсин, поднял глаза:

– Твое счастье, что отказался. А то выгнал бы.

– Я понимаю, – кивнул Антонио.

– Ничего ты не понимаешь, – сказал Никколо. – Но я надеюсь, что еще поймешь. В тебе есть одержимость, и жаль, если пропадет это все попусту. Мне ведь не только секрета жалко...

– А чего?

– Тебя. Ты маленький фанатик. Есть такие послушники, но у них дело пустое, умирают в тоске и разочаровании. Даже перед святым причастием врут. А ты можешь умереть счастливым...

– Как?

– Искать, учиться, а потом творить. Я сорок три точки промера наизусть помню, потому что каждую искал долгие годы. Если ты не найдешь своих точек – значит зря я с тобой вожусь...

– И умру я в раскаянии и тоске... – тихо повторил Антонио.

– Да. И пока ты будешь учиться, тебя не будут покидать муки

исканий, страдание неудовлетворенности и стыд бессилия твоего. Истина, как человек, рождается в боли, страшном усилии всего нашего брэнного тела и высоком воспарении души. А скрипка подобна человеку...

– И все-таки я могу не постигнуть этого, – в смятении сказал Страдивари. – Ведь может так случиться, что я и не научусь делать скрипки!

Никколо Амати сидел на верстаке, выпятив толстый свой живот, с любопытством глядя на него из-под седых клочкастых бровей.

– Скрипки не делают. Делают бочки и скамейки. А скрипки, как хлеб, виноград и детей, рожают и возвращают. Не сеют хлеб в январе, не мнут виноград в мае, и человек должен созреть, чтобы родить себе подобных. Свою скрипку ты еще должен зачать в себе и долго вынашивать. Пройдет много времени, и тебе будет казаться, что ничего не меняется. Но незаметно для тебя пальцы твои будут приобретать гибкость и твердость, глаз станет светел и прям, как солнечный луч, а слух изощрен и трепетен. И тогда воображение представит тебе, как в юношеском сне, сладком, зыбком, мгновенном, то, что ты ищешь. Эта скрипка будет, как первая женщина в твоей жизни – широкими полными бедрами разойдутся обечайки, тонок и строен будет стан ее грифа, изящно, как поворот шеи любимой, наклонится завиток, а эфы загадочными волнующими складками очертят ее лоно. И она подаст тебе свой голос – нежный, ласковый, поющий, и не будет мига более полного счастья – сколько бы тебе ни довелось прожить, – чем это мгновенье сладостного обладанья! И тебе будет казаться: ничего прекраснее в мире не может быть и продлится это вечно. Но гением становится только тот, кто, отдав всего себя творению своему без остатка, в разгаре счастья уже чувствует холодок неудовлетворенности – он уже вновь возродился для мук и страданий в поиске совершенства...

– А знаете ли вы кого-нибудь, учитель, кто достиг совершенства?

Амати усмехнулся и встал:

– Совершенство – это постоянное блаженство. Сиречь состояние, свойственное только святым и идиотам.

– Значит, поиски эти бессмысленны? – с отчаянием спросил Страдивари,

– Да. Если можно считать бессмысленной саму жизнь. Ибо жизнь – это стремление познать совершенство.

– Познать, чтобы стать идиотом?

– Или святым, – сказал Никколо, зевнул, перекрестил рот.

– Пошли, пора спать. Мне много лет, и до смерти остается совсем мало. Завтра я хочу сделать еще один шаг к познанию...» (Вайнер А. А. Визит к минотавру: роман: в 2 кн. / А. А. Вайнер, Г. А. Вайнер. – М.: Юридическая литература, 1990. – 352 с.).

Кейс № 8

«Привычка учиться»

Цель кейса: формирование у студентов потребности познания как ценности профессионально-педагогической деятельности.

Методические рекомендации преподавателю

Реализация творчества в педагогической профессии невозможна без потребности человека в познании. Как сказал Джордан Айян: «Творчество расцветает, когда питается мыслями других людей». В. Маяковский выразил это таким образом:

*Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.*

В кейсе использован отрывок из фантастического рассказа А. Азимова «Профессия». Автор представляет читателю необычное время, необычных людей, необычное образование. Все дети в восемь лет в «День чтения» путем программирования приобретают умение читать, а в восемнадцать получают подобным образом и профессию. Многие люди, наверное, могут даже позавидовать героям рассказа. Считают ли будущие педагоги потребность познания ценностью профессионально-педагогической деятельности, следует выяснить, обсудив ряд вопросов к кейсу.

Вопросы для обсуждения:

1. Считаете ли Вы эффективной такую технологию образования молодежи?

2. Как Вы думаете, может, благодаря программированной системе обучать всех людей, а только потом давать возможность проявлять творчество, тем самым сокращая сроки на базовое образование?

3. Согласны ли Вы с тем, что не все люди имеют творческий потенциал?

4. В чем ценность книжного обучения?

Материал к кейсу

« – Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, – сказал Джордж.

– Как, и вы тоже? – вежливо спросил новианин. – По-видимому, там присутствовала вся Земля.

– Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру, – очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

– И что же из этого следует?

– Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

– А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

– Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

– Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера? Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. – А он забавен, – сказал он. – Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

– Не думайте, что это шутка, – сказал Джордж горячо. – Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

– А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвездного пространства?

– Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

– Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

– Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

– А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

– По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

– Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? – спросил новианин.

– Да, да, – подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

– А как быть с математикой?

– Это легче всего, сэр... достопочтенный. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись

с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разоб-
браться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

– А разве есть легкие книги?

– Безусловно. Но если бы их и не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

– Боже мой! – сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. – У этого чертенка на все есть ответ.

– Да, да! – вскричал Джордж. – Спрашивайте!

– А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

– Да, – сказал Джордж.

– И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

– Да, достопочтенный, – заверил Джордж. – Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

– Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

– Ну... может быть, несколько лет.

– Два года? Пять? Десять?

– Еще не знаю, достопочтенный.

– Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

– Думаю, что да.

– Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему.

– Но...

– Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

– Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усво-

ение новых деталей будет для него вопросом дней.

– По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

– Может быть, и нет... – начал Джордж.

– То-то же, – сказал новианин.

– Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

– А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? – спросил новианин.

– Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

* * *

Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

– Институт высшего образования – вот как точно называются эти заведения.

– Теперь-то я это понимаю, – сказал Джордж, – до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

– Совершенно верно.

– А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

– Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

– Почему мне не сказали об этом с самого начала?

– К сожалению, это невозможно, – ответил Омани. – А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот – хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

– Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? – спросил Джордж. – Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

– А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

– А мы? – спросил Джордж. – Мы, исключения? Один на десять тысяч?

– Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

– Каким образом?

– Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто

не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям» (Азимов А. Профессия / А. Азимов. – М.: Эксмо, 2007.).

Кейс № 9 **«Цветок на земле»**

Цель кейса: формирование у студентов ценностного отношения к жизни, познанию, труду.

Методические рекомендации преподавателю

В качестве информации для размышления рекомендуется рассказ А. Платонова «Цветок на земле», имеющий глубокий философский смысл. Главный герой, старый дедушка Тит, необычным образом преподносит уроки жизни своему внуку. И хотя старик далек от учительской деятельности, его педагогический прием способствует зарождению у внука жажды познания, заставляет его задуматься над важными жизненными вопросами.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте педагогический прием дедушки Тита.
2. Почему цветок стал примером для разъяснения внуку самого главного в жизни?
3. На какие мысли натолкнул Тит мальчика?
4. Сравните развитие цветка и ребенка. В чем Вы видите сходство?

Материал к кейсу

«Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днем спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

– Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, – сказал нынче утром Афоня дедушке.

– Не буду, Афонюшка, я не буду, – ответил дед. – Я лежать

буду и на тебя глядеть.

– А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь?
– спросил тогда Афоня.

– Нынче я не буду глаза смежать, – обещал дедушка Тит. –
Нынче я на свет буду смотреть.

– А отчего ты спишь, а я нет?

– Мне годов много, Афонюшка... Мне без трех девяносто будет, глаза уж сами хмурятся.

– А тебе ведь темно спать, – говорил Афоня. – На дворе солнце горит, там трава растет, а ты спишь – ничего не видишь.

– Да я уж все видел, Афонюшка.

– А отчего у тебя глаза белые и слезы в них плачут?

– Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали, мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил еще один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда – пусть он живет отдельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые черные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

– Не спи, дедушка! – попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели ее; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

– Мама нету, папы нету, дедушка спит, – говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно; тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.

– Проснись, дедушка, – просил Афоня. – Ты спишь?

- А? Нет, я не сплю, – отвечал дедушка Тит с печки.
- Ты думаешь? – спрашивал Афоня.
- А? Я тут, Афоня, я тут.
- Ты думаешь там?
- А? Нет, я все обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.
- Дедушка Тит, а ты все знаешь?
- Все, Афоня, я все знаю.
- А что это, дедушка?
- А чего тебе, Афонюшка?
- А что это все?
- А я уж позабыл, Афоня.
- Проснись, дедушка, скажи мне про все!
- А? – произнес дедушка Тит.

– Дедушка Тит! Дедушка Тит! – звал Афоня. – Ты вспомни!
Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей теплой землею.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

– Вставай, дедушка! – сказал Афоня.

А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснется.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колесики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

– Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

– А ты не спи! – сказал Афоня. – Ты скажи мне про все! А то ты спишь и спишь, а потом умрешь, мама говорит – тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про все?

– Обожди, дай мне квасу испить, – произнес дед и слез с печи.

– Ты опомнился? – спросил Афоня.

– Опомнился, – ответил дед. – Пойдем сейчас белый свет пытать.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повел Афоню полевою дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

– Это я сам знаю! – протяжно сказал Афоня. – А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про все! А этот цвет растет, он не все!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

– Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь: песок мертвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живет и не дышит, он мертвый прах. Понял теперь?

– Нет, дедушка Тит, – сказал Афоня, – тут понятного нету.

– Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый?.. А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь...

– А трава и рожь тоже главное делают? – спросил Афоня.

– Одинаково, – сказал дедушка Тит.

– А мы с тобой?

– И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот желтый цвет на лекарство идет, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снес. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь, он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дыша-

щие чистым духом в белый свет.

– Теперь я сам знаю про все! – сказал Афоня. – Иди домой, бабушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, бабушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошел спать в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал желтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнес в аптеку на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принес его деду и подарил ему: пусть теперь бабушка чешет себе бороду тем гребешком.

– Спасибо тебе, Афонюшка, – сказал дед. – А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мертвом песке живут?

– Не сказывали, – ответил Афоня. – Ты вон сколько живешь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про все. Ты не знаешь.

– Правда твоя, – согласился дед.

– Они молча живут, надо у них допытаться, – сказал Афоня. – Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся и погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом бабушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул» (Платонов А. П. Избранные произведения: Рассказы. Повести / А. П. Платонов. – М.: Мысль, 1983.).

Кейс № 10

«Искусство видеть мир»

Цель кейса: развитие у студентов потребности в искусстве.

Методические рекомендации преподавателю

В параграфе 1.3. было отмечено, что система ценностей выстраивается на основе развития у личности потребностей. Для формирования системы нравственных ценностей необходимо развивать и соответствующие потребности, например, в искусстве (Л.И. Божович). В статье К.Г. Паустовского «Искусство видеть мир» автор необычным образом объясняет читателю влияние одного вида искусства на другой, а самое главное воздействие искусства на человека. Педагог как никто нуждается в искусстве и как человек, и как творец. Ведь некоторым образом он сродни

и поэту, и прозаику, и скульптору, и художнику. Только каждый работает над своим творением. Эту мысль можно подчеркнуть словами Ш.А. Амонашвили: «Дорисуйте то, что желаете видеть в своем ученике красками доброты!». Как художник запечатлевает на картине то, что порой не может увидеть человек в реальной жизни, так и педагог оптимистически «дорисовывает» ребенка лучшими красками, придавая ему привлекательные черты, которые со временем станут реальными. К тому же, благодаря искусству педагог может посмотреть на жизненную ситуацию под различным углом зрения, увидеть то, что вчера для него было еще скрыто и непонятно.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Может ли педагог эффективно построить свою профессиональную деятельность, не обращаясь к искусству?
2. Опишите Ваши ощущения после встречи с искусством (на выбор: поэзия, проза, живопись, театр, скульптура, киноискусство).
3. Какие уроки выносите Вы от общения с искусством?
4. Представьте мини-проект «Жизнь без искусства».

Материал к кейсу

«Живопись учит смотреть и видеть (это вещи разные и редко совпадающие). Благодаря этому живопись сохраняет живым и нетронутым то чувство, которым отличаются дети.

Человек останавливается, пораженный, перед такими вещами, какие не могут играть никакой роли в его жизни: перед отражениями, которые нельзя схватить, перед отвесными скалами, которые нельзя засеять, перед удивительным цветом неба.

Есть неоспоримые истины, но они часто лежат втуне, никак не отзываясь на человеческой деятельности, из-за нашей лени или невежества.

Одна из таких неоспоримых истин относится к писательскому мастерству, в особенности к работе прозаиков. Она заключается в том, что знание всех соседних областей искусства – поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки – необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придает особую выразительность его прозе. Она наполняется светом и красками живописи, свежестью слов, свойственной поэзии, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры и ритмом и мелодичностью музыки. Это все добавочные богатства прозы, как

бы ее дополнительные цвета. Я не верю писателям, не любящим поэзию и живопись. В лучшем случае это люди с несколько ленивым и высокомерным умом, в худшем – невежды. Писатель не может пренебрегать ничем, что расширяет его видение мира, конечно, если он мастер, а не ремесленник, если он создатель ценностей, а не обыватель, настойчиво высасывающий благополучие из жизни, как жуют американскую жевательную резинку. Часто бывает, что после прочитанного рассказа, повести или даже длинного романа ничего не остается в памяти, кроме сутолоки серых людей. Мучительно стараешься увидеть этих людей, но не видишь, потому что автор не дал им ни одной живой черты. И действие этих рассказов, повестей и романов происходит среди какого-то студенистого дня, лишённого красок и света, среди вещей только названных, но не увиденных автором и потому нам, читателям, не показанных. Несмотря на современность темы, беспомощностью веет от этих вещей, написанных зачастую с фальшивой бодростью. Ею пытаются подменить радость, в особенности радость труда. Причина этой тоскливости не только в эмоциональной скудости и неграмотности автора, но в его вялом, рыбьем глазе. Такие повести и романы хочется разбить, как наглухо заклеенное окно в душной и пыльной комнате, чтобы со звоном полетели осколки и сразу же хлынули снаружи ветер, шум дождя, крики детей, гудки паровозов, блеск мокрых мостовых, – ворвалась бы вся жизнь с ее беспорядочной на первый взгляд и прекрасной пестротой света, красок и шумов. У нас немало книг, написанных как будто слепыми. Предназначены они для зрячих, и в этом заключается вся нелепость появления таких книг. Для того чтобы прозреть, нужно не только смотреть по сторонам. Нужно научиться видеть. Хорошо может видеть людей и землю только тот, кто их любит. Стертость и бесцветность прозы часто бывает следствием холодной крови писателя, грозным признаком его омертвения. Но иногда это простое неумение, свидетельствующее о недостатке культуры. Тогда это дело, как говорится, поправимое. Как видеть, как воспринимать свет и краски – этому могут научить нас художники. Они видят лучше нас. И они умеют помнить увиденное.

Когда я был еще юным писателем, знакомый художник сказал мне:

– Вы, мой милый, еще не совсем ясно видите. Несколько мут-

новато. И грубо. Судя по вашим рассказам, вы замечаете только основные цвета и сильно окрашенные поверхности, а переходы и оттенки сливаются у вас в нечто однообразное.

– Что же я могу поделаться! – ответил я, оправдываясь – Такой уж глаз.

– Ерунда! Хороший глаз – дело наживное. Поработайте, не ленитесь, над зрением. Держите его, как говорится, в струне. Попробуйте месяц или два смотреть на все с мыслью, что вам это обязательно надо написать красками. В трамвае, в автобусе, всюду смотрите на людей именно так. И через два-три дня вы убедитесь, что до этого вы не видели на лицах и десятой доли того, что заметили теперь. А через два месяца вы научитесь видеть, и вам уже не надо будет понуждать себя к этому. Я послушался художника, и действительно – и люди и вещи оказались гораздо интереснее, чем раньше, когда я смотрел на них бегло и торопливо. И меня охватило едкое сожаление о глупо потраченном времени. Сколько бы я мог увидеть за прошлые годы превосходных вещей! Сколько интересного необратимо ушло, и его уже не воскресить! Это был первый урок, который я получил от художника. Второй урок был нагляднее.

Однажды осенью я ехал из Москвы в Ленинград, но не через Калинин и Бологое, а с Савеловского вокзала – через Калязин и Хвойную. Многие москвичи и ленинградцы даже не подозревают о существовании этого пути. Он хотя и дальше, но интереснее, чем привычный путь на Бологое. Интереснее тем, что дорога проходит по пустынным и лесистым краям. Моим попутчиком оказался маленький человек с узенькими, но очень живыми глазами. Одет он был мешковато. Человек этот вез большой ящик с масляными красками и рулоны загрунтованного холста. Нетрудно было догадаться, что это художник. Мы разговорились. Мой попутчик рассказал, что едет под город Тихвин, где есть у него приятель лесник, будет жить у него на кордоне и писать осень.

– А почему же вы забираетесь так далеко, под Тихвин? – спросил я.

– Там у меня облюбовано одно место, – доверительно ответил художник. Всем местам место! Такого второго нигде не найдете. Чистый осиновый лес! Кое-где только попадаются редкие ели. Осина дает осенью такой нарядный убор, как ни одно дерево.

Лист у нее чистой раскраски. Пурпурный, лимонный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер. Поработаю там до зимы, а зимой подамся на берег Финского залива, за Ленинград. Там, вы знаете, самый лучший иней в России. Нигде я такого инея не видел.

Я сказал, конечно, шутя, что при таких познаниях мой спутник мог бы составить ценный путеводитель для художников, где что писать.

– А что же вы думаете! – серьезно ответил художник. – Составить нетрудно. Но только нет смысла. Все набьются в одно место, тогда как сейчас каждый ищет себе красоту в отдельности. А это не в пример лучше.

– Почему?

– Разнообразнее раскрывается страна. В русской земле столько прелести, что всем художникам хватит на тысячи лет. Но знаете, – добавил он с тревогой, – что-то человек начал очень уж затаптывать и разорять землю. А ведь красота земли – вещь священная, великая вещь в нашей социальной жизни. Это одна из конечных наших целей. Не знаю, как вы, но я в этом убежден. Без понимания этого, какой же может быть передовой человек!

Днем я уснул, но вскоре мой сосед разбудил меня.

– Вы уж не сердитесь на меня, – говорил он смущенно, – но лучше встаньте. Разворачивается удивительная картина – гроза в сентябре. Поглядите! Я взглянул за окно. С юга подымалась тяжелая и высокая, в полнеба, туча. Ее передергивало вспышками молний.

– Мать честная! – воскликнул художник. – Какая уйма красок! Такое освещение никак не напишешь, будь ты хоть сам Левитан.

– Какое освещение? – спросил я растерянно.

– Господи! – с отчаянием сказал художник. – Куда же вы смотрите? Вон видите – там лес совершенно темный, глухой; это на нем легла тень от тучи. А вон, подальше, на нем бледные желтые и зеленоватые пятна: это от приглушенного солнечного света из-за облаков. А вдаль он весь в солнце. Видите? Весь как отлитый из красного золота. И весь сквозной. Своего рода золотая узорчатая стена. Или вроде как протянули по горизонту плат, что вышили мастерицы в наших тихвинских золотильнях. Теперь смотрите ближе, на полосу елей. Видите бронзовый блеск на хвое? Это от

золотой стены леса. Она обдает ели своим светом. Отраженный свет. Писать его трудно – легко загубить. А вон, видите, там только слабое сияние, я бы сказал – такая нежность освещения, что нужна, конечно, очень спокойная и верная рука, чтобы его передать. Художник посмотрел на меня и засмеялся. – Какая сила все-таки у света, отраженного от осенних лесов! Все купе как в зареве. И, в частности, ваше лицо. Вот бы так вас написать. Но, к сожалению, все это мимолетно.

– В этом и дело художников, – сказала я, – чтобы останавливать на столетия мимолетные вещи.

– Стараемся, – ответил художник. – Если это мимолетное не застанет нас врасплох, как сейчас. В сущности говоря, художник никогда не должен расставаться с красками, холстом и кистью. Вам лучше, писателям. Вы эти краски носите в памяти. Смотрите, как все это быстро меняется. Ишь, как лес пышет то светом, то темнотой!

Впереди грозовой тучи бежали на нас рваные облака и своим стремительным движением действительно перемешали на земле все краски. Путаница багреца, червонного и белого золота, маляхита, пурпура и синей тьмы началась в лесных далях. Изредка солнечный луч, прорвавшись сквозь тучи, падал на отдельные березы, и они вспыхивали одна за другой, как золотые факелы, но тотчас гасли. Предгрозовой ветер налетал порывами и усиливал эту сумятицу красок.

– А небо, небо какое! – закричал художник. – Смотрите! Что оно только творит!

Грозовая туча курилась пепельным дымом и быстро опускалась к земле. Вся она была однообразного аспидного цвета. Но каждая вспышка молнии открывала в ней желтоватые зловещие смерчи, синие пещеры и извилистые трещины, освещенные изнутри розовым мутным огнем. Пронзительный блеск молний сменялся в глубине тучи полыханием медного пламени. А ближе к земле, между тучей и лесами, уже опустились полосы проливного дождя.

– Каково! – кричал возбужденный художник. – Таковую чертовщину не часто увидишь!

Мы переходили с ним от окна в купе к окну в коридоре. Занавески трепетали от ветра и усиливали мелькание света. Хлынул ливень. Проводник торопливо поднял окна. Косые шнуры дождя

заструились по стеклам. Свет померк, и только страшно далеко, у самого горизонта, сквозь пелену дождя еще светила последняя позолоченная полоска леса.

– Вы что-нибудь запомнили? – спросил художник.

– Кое-что.

– И я только кое-что, – с огорчением сказал он. – Вот пройдет дождь, тогда краски будут крепче. Понимаете, солнце заиграет на мокрой листве и стволах. Между прочим, в пасмурный день перед дождем приглядитесь к свету. До дождя он один, во время дождя – другой, а после дождя – совершенно особый. Потому что мокрые листья придают воздуху слабый блеск. Серый, мягкий и теплый. Вообще изучать краски и свет, милый вы мой, наслаждение. Я свою долю художника ни на что не променяю.

Художник сошел ночью на маленькой станции. Я вышел на платформу попрощаться с ним. Светил керосиновый фонарь. Впереди тяжело дышал паровоз. Я позавидовал художнику и вдруг возмутился на всякие дела, из-за которых я должен был ехать дальше и не мог остаться хотя бы на несколько дней в северной стороне. Здесь каждая ветка вереска могла вызвать столько мыслей, что их хватило бы на несколько поэм в прозе. Совершенно непонятным было то обстоятельство, что на протяжении жизни я, как и каждый, не позволял себе жить по велению своего сердца, а был занят только как будто неотложными делами.

Краски и свет в природе надо не столько наблюдать, сколько ими попросту жить. Для искусства годится только тот материал, который завоевал место в сердце. Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна еще и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем это видеть и удивляться, что не замечали этого раньше.

Французский художник Монэ приехал в Лондон и написал Вестминстерское аббатство. Работал Монэ в обыкновенный лондонский туманный день. На картине Монэ готические очертания аббатства едва выступают из тумана. Написана картина виртуозно. Когда картина была выставлена, она произвела смятение среди лондонцев. Они были поражены, что туман у Монэ был окрашен в багровый цвет, тогда как даже из хрестоматий было известно, что цвет тумана серый. Дерзость Монэ вызвала сначала возмущение.

Но возмущавшиеся, выйдя на лондонские улицы, взгляделись в туман и впервые заметили, что он действительно багровый. Тотчас начали искать этому объяснение. Согласились на том, что красный оттенок тумана зависит от обилия дыма. Кроме того, этот цвет туману сообщают красные кирпичные лондонские дома. Но как бы там ни было, Монэ победил. После его картины все начали видеть лондонский туман таким, каким его увидел художник. Монэ даже прозвали «создателем лондонского тумана».

Если обращаться к примерам из своей жизни, то я впервые увидел все разнообразие красок русского ненастья после картины Левитана «Над вечным покоем». До тех пор ненастье было окрашено в моих глазах в один унылый цвет. Вся тоскливость ненастья и вызывалась, как я думал, именно тем, что оно съедало краски и заволакивало землю мутью. Но Левитан увидел в этом унынии некий оттенок величия, даже торжественности, и нашел в нем много чистых красок. С тех пор ненастье перестало угнетать меня. Наоборот, я даже полюбил его за чистоту воздуха, холод, когда горят щеки, оловянную рябь рек, тяжелое передвижение туч. Наконец, за то, что во время ненастья начинаешь ценить простые земные блага – теплую избу, огонь в русской печи, писк самовара, сухую солому на полу, застланную грубым рядом для ночлега, усыпительный шум дождя по крыше и сладкую дремоту.

Почти каждый художник, к какому бы времени и к какой бы школе он ни принадлежал, открывает нам новые черты действительности. Мне посчастливилось несколько раз быть в Дрезденской галерее. Помимо «Сикстинской мадонны» Рафаэля, там есть много картин старых мастеров, перед которыми просто опасно останавливаться. Они не отпускают от себя. На них можно смотреть часами, может быть, сутками, и чем дольше смотришь, тем шире нарастает непонятное душевное волнение. Оно доходит до той черты, когда человек уже с трудом удерживает слезы. В чем причина этих непроливающихся слез? В том, что в этих полотнах совершенство духа и власть гения, заставляющего нас стремиться к чистоте, силе и благородству собственных помыслов.

При созерцании прекрасного возникает тревога, которая предшествует нашему внутреннему очищению. Будто вся свежесть дождей, ветров, дыхания цветущей земли, полуночного неба и слез, пролитых любовью, проникает в наше благодарное сердце

и навсегда завладевает им. Импрессионисты как бы усилили солнечный свет. Они писали под открытым небом и иногда, может быть, нарочно усиливали краски. Это привело к тому, что земля на их картинах предстала в ликующем освещении. Земля стала праздничной. В этом не было никакого греха, как нет его ни в чем, что прибавляет человеку хотя бы немного радости. Импрессионизм принадлежит нам, как и все остальное богатое наследие прошлого. Отказываться от него – значит сознательно толкать себя к ограниченности. Ведь не отказываемся мы от «Сикстинской мадонны» Рафаэля, хотя эта гениальная картина написана на религиозную тему. Мы не так глупы, чтобы не понять, где проходит грань между живописным гением и религией. Не думаю, чтобы хотя бы один советский человек, восхищенный «Сикстинской мадонной», вдруг стал верующим. Нелепость этой мысли очевидна. Почему же мы всерьез считаемся с такими смехотворными мыслями, когда дело касается импрессионистов? Чем опасен для нас новатор Пикассо, импрессионисты Матисс, Ван-Гог или Гоген? Тот, который, кстати говоря, вступил в борьбу с колониальными французскими властями за независимость таитян? Что в этом опасного или дурного? В каких завистливых или приспособленческих мозгах может появиться мысль о необходимости вычеркнуть из человеческой и, в частности, нашей культуры плеяду блистательных художников?

После встречи в поезде с художником я приехал в Ленинград. Снова открылись передо мной торжественные ансамбли его площадей и пропорциональных зданий. Я подолгу всматривался в них, стараясь разгадать их архитектурную тайну. Она заключалась в том, что эти здания производили впечатление величия, на самом же деле они были не велики. Одна из самых замечательных построек – здание Главного штаба, вытянутое плавной дугой против Зимнего дворца, по своей высоте не превышает четырехэтажного дома. А между тем оно гораздо величественнее любого высотного дома Москвы. Разгадка была простая. Величественность зданий зависела от их соразмерности, гармонических пропорций и от небольшого числа украшений оконных наличников, картушей и барельефов. Всматриваясь в эти здания, понимаешь, что хороший вкус – это, прежде всего, чувство меры. Я уверен, что эти же законы соразмерности частей, отсутствия всего лишнего,

небольшого числа украшений, простоты, при которой видна и составляет истинное наслаждение каждая линия, – все это имеет некоторое отношение и к прозе. Писатель, полюбивший совершенство классических архитектурных форм, не допустит в своей прозе тяжеловесной и неуклюжей композиции. Он будет добиваться соразмерности частей и строгости словесного рисунка. Он будет избегать обилия разжижающих прозу украшений – так называемого орнаментального стиля. Композиция прозаической вещи должна быть доведена до такого состояния, чтобы ничего нельзя было выбросить и ничего прибавить без того, чтобы не нарушился смысл повествования и закономерное течение событий.

Как всегда в Ленинграде, больше всего времени я провел в Русском музее и Эрмитаже. Легкий сумрак Эрмитажных зал, тронутый темной позолотой, казался мне священным. Я входил в Эрмитаж как в хранилище человеческого гения. В Эрмитаже я впервые, еще юношей, почувствовал счастье быть человеком. И понял, как человек может быть велик и хорош. Первое время я терялся среди пышного шествия художников. У меня кружилась голова от обилия и густоты красок, и, чтобы отдохнуть, я уходил в зал, где была выставлена скульптура. Там я сидел очень долго. И чем больше я смотрел на статуи безвестных эллинских ваятелей или на едва заметно улыбавшихся женщин, тем яснее понимал, что вся эта скульптура – зов к прекрасному в самом себе, что она предвестница чистейшей утренней зари человечества. Тогда поэзия будет властвовать над сердцами и социальный строй – тот строй, к которому мы идем через годы труда, забот и душевного напряжения, – будет основан на красоте справедливости, красоте ума, сердца, человеческих отношений и человеческого тела. Наша дорога – в золотой век. Он будет. Досадно, конечно, что мы не доживем до него. Но мы должны быть счастливы тем, что ветер этого века уже шумит вокруг нас и заставляет сильнее биться наши сердца. Недаром Гейне приходил в Лувр, часами просиживал около статуи Венеры Милосской и плакал. О чем? О поруганном совершенстве человека. О том, что путь к совершенству тяжел и далек и ему, Гейне, отдавшему людям яд и блеск своего ума, уже, конечно, не дойти до той обетованной земли, куда его всю жизнь звало беспокойное сердце. В этом – сила скульптуры, та сила, без внутреннего огня которой немислимо передовое искусство, осо-

бенно искусство нашей страны. А тем самым немислима и полновесная проза.

Прежде чем перейти к влиянию поэзии на прозу, я хочу сказать несколько слов о музыке, тем более что музыка и поэзия подчас неразделимы. Тему этого короткого разговора о музыке придется ограничить только тем, что мы называем ритмом и музыкальностью прозы. У подлинной прозы всегда есть свой ритм. Прежде всего, ритм прозы требует такой расстановки слов, чтобы фраза воспринималась читателем без напряжения, вся сразу. Об этом говорил Чехов Горькому, когда писал ему, что «беллетристика должна укладываться (в сознании читателя) сразу, в секунду». Читатель не должен останавливаться над книгой, чтобы восстановить правильное движение слов, соответствующее характеру того или иного куска прозы. Вообще писатель должен держать читателя в напряжении, вести его за собой и не допускать в своем тексте темных или неритмичных мест, чтобы не давать читателю возможности споткнуться об эти места и выйти тем самым из-под власти писателя. В этом напряжении, в захвате читателя, в том, чтобы заставить его одинаково думать и чувствовать с автором, и заключается задача писателя и действенность прозы.

Я думаю, что ритмичность прозы никогда не достигается искусственным путем. Ритм прозы зависит от таланта от чувства языка, от хорошего «писательского слуха». Этот хороший слух в какой-то мере соприкасается со слухом музыкальным. Но больше всего обогащает язык прозаика знание поэзии. Поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную девственную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать! Чем это объяснить, я не знаю.

Я предполагаю, что слово оживает в двух случаях. Во-первых, когда ему возвращают его фонетическую (звуковую) силу. А это сделать в певучей поэзии значительно легче, чем в прозе. Поэтому и в песне и в романсе слова сильнее действуют на нас, чем в обычной речи. Во-вторых, даже стертое слово, поставленное в стихах в мелодический музыкальный ряд, как бы насыщается общей мелодией стиха и начинает звучать в гармонии со всеми остальными словами. И, наконец, поэзия богата аллитерациями. Это одно из

ее драгоценных качеств. На аллитерацию имеет право и проза. Но главное не в этом. Главное в том, что проза, когда она достигает совершенства, является, по существу, подлинной поэзией. Чехов считал, что лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка» доказывают родство прозы с сочным русским стихом. Пришвин однажды написал о себе (в частном письме), что он «поэт, распятый на кресте прозы». «Где граница между прозой и поэзией, – писал Лев Толстой, – я никогда не пойму». С редкой для него горячностью он спрашивает в своем «Дневнике молодости:

«Зачем так тесно связана поэзия с прозой, счастье с несчастьем? Как надо жить? Стараться соединить вдруг поэзию с прозой или насладиться одной и потом пуститься на произвол другой? В мечте есть сторона, которая выше действительности. В действительности есть сторона, которая выше мечты. Полное счастье было бы соединением того и другого».

В этих словах, хотя и сказанных наспех, высказана верная мысль: самым высоким, покоряющим явлением в литературе, подлинным счастьем может быть только органическое слияние поэзии и прозы, или, точнее, проза, наполненная сущностью поэзии, ее животворными соками, прозрачайшим воздухом, ее пленительной властью. В этом случае я не боюсь слова «пленительный» (иными словами «берущий в плен»). Потому что поэзия берет в плен, пленяет и незаметным образом, но с непреодолимой силой возвышает человека и приближает его к тому состоянию, когда он действительно становится украшением земли, или, как простодушно, но искренне говорили наши предки, «венцом творения».

Прав отчасти был Владимир Одоевский, когда он сказал, что «поэзия есть предвестник того состояния человечества, когда оно перестанет достигать и начнет пользоваться достигнутым» (Паустовский К. Г. Золотая роза / К. Г. Паустовский. – М.: АСТ, 2008. – 320 с.).

3.5. Кейсы, способствующие формированию профессиональной идентичности будущих педагогов

Кейс № 1

«Бессловесная педагогика»

Цель кейса: формирование позитивного образа выбранной профессии.

Методические рекомендации преподавателю

Педагогика учит, что основным методом и средством воздействия на ребенка является слово. Мудро подобранное слово, интонация, тембр голоса – все воздействует на сознание развивающейся личности. Произнесенное педагогом вовремя слово может поддержать, а во многих случаях, и спасти ребенка от необдуманных поступков. Но бывают случаи в педагогической практике, когда молчание учителя оказывает большее воздействие на личность ребенка, нежели слова. Подтверждением тому являются детские воспоминания педагога-новатора Е.Н. Ильина. Урок бессловесной педагогики, данный мудрым учителем, зародил в сердце юного Ильина духовную потребность быть причастным к самой важной профессии на земле.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте профессиональное поведение директора школы.
2. Какой урок дала ее бессловесная педагогика юному Ильину?
3. Приведите пример из своей школьной жизни, когда учитель мог с успехом применить бессловесную педагогику, но не сделал этого.

Материал к кейсу

Бессловесная педагогика

«В разное время разные дороги открывала мне судьба. В 60–е годы едва не стал журналистом, а в 70–е – кандидатом педагогических наук. Но не «взманили почести и знатность», житейские и иные расчеты. Не скрою, бывали моменты, когда, подавшись житейской логике, здравому смыслу наконец, вдруг уходил (мысленно!) в устроенный, обихожный мир «взрослых».

... Благодарю судьбу, что даже в минуты смятения, измотанности не изменил ребятам и не ушел от них. Да, я радуюсь каникулам, отпуску, выходным дням как отдохновению от ребят, но

точно беды боюсь «заслуженного отдыха» от них. Как Давыдова тянет на Путиловский, Корчагина – в мастерские, а старшего из Журбиных на верфи, так и меня – в школу, на свой «завод», к духовным «станкам» ученических парт. На каждой надо оставить свою кровиночку.

Человеческая судьба порой представляется механизмом, который кем-то заведен и пущен. Хочется отыскать «руку» и «ключик», которым ты заведен. Если рука добрая, неторопливая – гарантия бессрочная. А если злая и равнодушная – сплошные поломки, ремонты, которые тебе и близким в копеечку обходятся. Так чьей же рукой заведен и пущен мой механизм? Кто и каким образом открыл во мне учителя?

Тридцатые годы... Я и двое младших сестер остались без отца. Не имевшая профессии мать кое-как сводила концы с концами. Учился я в IV классе и, оказавшись без присмотра (мать днями и вечерами работала), стал отбиваться от дома. Пропускал уроки, грубил учителям, бывало, и вовсе не приходил в школу, околачиваясь где-нибудь в подворотне. Одним словом, катился по наклонной.

За дерзкую выходку однажды удалили с урока. В ту пору модным было – удалять, изолировать. От скуки бесцельно слонялся я по коридорам. Вдруг вижу, как с первого этажа на второй, где находился буфет, поднимается рослый грузчик, держа на голове большую корзину, доверху наполненную румяными слойками. Мгновенно осенило: пока грузчик поднимается на второй пролет лестницы, я забегу на третий и, свесясь с перил, незаметно возьму слойку. Всего лишь одну! По совести! В корзине их так много! И вот он, желанный момент: перекинувшись через перила, я осторожно беру... Но что-то похожее на угрызение совести (не страха, нет!) шевельнулось в душе. В ту же минуту я потерял равновесие. Чтобы не упасть, рукой оперся на всю грудку слоек, не выпуская той, которую взял. Дальше события развернулись с ужасающей быстротой. Поставив корзину на лестничную площадку, грузчик молча (идут уроки!) погнался за мною по длинному коридору третьего этажа. В конце был черный ход, мне бы только добежать до двери, а там... Обычно всегда открытая, в этот раз, как назло, она оказалась запертой. Полвека прошло с тех пор, но память и до сей поры хранит во всех жутких подробностях эту немую сцену. Вижу перекошенное злобой большое, раскрасневшееся лицо

грузчика, что, подобно Медному всаднику, скакал за мной по коридору, а сейчас неторопливо, точно палач, спокойно шел к своей жертве, прижавшейся к двери. Едва переводя дыхание, он своей огромной рукой взял меня за шиворот и не повел, а поволок в кабинет директора, что располагался на первом этаже. Уборщица тетя Даша попробовала было вступить, но, отстранив ее, он только прибавил шагу. «Ворюга! Щенок!» – с этими словами, открыв дверь, швырнул меня к директорскому столу.

Строгая, властная женщина, такая же массивная и рослая, как сам грузчик, сидела и что-то писала. Мельком взглянув на нас, она не прервала работу, но я видел, как лицо ее становилось мертвенно бледным, под стать седым волосам. Спокойно и твердо прозвучало: «Оставьте, разберусь!» Сквозь выпуклые очки она долго смотрела на меня, на булку, которую я держал в руке. Внутренне был готов к любому наказанию, только бы не вызывали мать. Чуть что она сразу же начинала плакать. Не укоряла, не ругала, а плакала тихо, беззвучно. В такие минуты мне хотелось приласкать ее, но по меркам неписаных обычаев улицы, с которой я тогда крепко сдружился, проявить нежность я не мог. С надеждой смотрел на выпуклые очки. Не холодом и не угрозой, а каким-то живым, человечьим вниманием светились ее глаза. «Пойдем», – вдруг сказала она, выходя из кабинета. Снова я на втором этаже. Идем по коридору. Значит, в класс и там... при всех... Дескать, не дружите с ним, ребята, он... А знаете, где его отец?.. Но мы идем мимо IV А. Ясно: к завучу, чтобы тот... Но и кабинет завуча прошли. В пионерскую? Проходим и ее. Не оглядываясь, высокая, седая, она красиво и уверенно шла впереди. И... свернула в буфет. Я остановился. «Ну чего же? Заходи!» – по-домашнему сказала она. Через минуту на моем столе появился стакан компота и несколько слоек.

Зазвенел звонок, началась перемена. Школьная и – другая... В моей судьбе. Я все еще ждал, когда вызовут мать. Но проходили, дни, недели. Тогда почему не вызывают меня? И учительница? И ребята? Странно. Неужели то, о чем каждодневно думал, кошмарный сон? Нет, не сон. Две свежие ссадины на шее – следы могучих пальцев грузчика – свидетельствовали об этом. И все-таки Она была сильнее Его, потому что – защитила. Спасла. Не за булочку, за человека держала ответ. Верила, что в горькой беде ребенок, как взрослый, поймет и оценит благородство души, бесхитрост-

ную людскую ласку. Ее не всегда можно выразить в слове, ибо порой до жестокости обидной бывает выходка ученика, и тут, что называется, слова не идут, да и словами многое испортишь. Здесь нужен поступок, нередко такой же неожиданный, ошеломляющий, как и проступок. Учитель, разбирающий ЧП и много о нем говорящий, меня всегда настораживал. Есть ситуации, где наивысшая профессиональная выучка выражается не словами, а действием, импульсивным и страстным, как в немом кино. Воспитывать – это не изрекать, а действовать, действовать. По сути, все годы то так, то этак анализируя курьезный эпизод моего детства, я причащался к своей сегодняшней профессии.

Детские впечатления и поныне контрастно разделяют для меня мир – на злобно торжествующих краснолицых «грузчиков» и пылливо глядящих сквозь выпуклые линзы очков, уставших и седых как лунь «учителей». А в промежутке – безмерное поле сложной человеческой жизни, где столько поводов опустить нас на первый этаж – за «наказанием» и столько же возможностей поднять на второй – пригреть, обласкать. За ней, высокой и грузной, шел я тогда и иду сейчас по длинному школьному коридору – минуя классных руководителей, завучей, отцов и матерей, лично (!) и тайно (!) отвечая за ранимую душу ребенка.

Не потеряй я тогда «равновесия» от стыда и совести, возможно, иначе сложилась бы судьба. Булочка, незаметно исчезнувшая из корзины, наверное, оказалась бы особенно вкусной, развила бы «аппетит», иную (не духовную) жажду. И оттого, наверное, стремлюсь не упустить возможности в ученических ЧП своевременно перевести стрелку на другой, зеленым светом отмеченный путь. Отсутствие ЧП еще не признак благополучия. Бывает тревожно, когда в классе, где ты работаешь, ни одного «происшествия», и ты вроде как в почете: воспитательная работа на высоте! Но так ли уж высока эта высота? Есть ли в ней вершина? Не упущен ли случай перевести чью-то стрелку? Самое грустное – видеть последний вагон уходящего в тупик поезда. Я за школу, где, как и в самой жизни, каждый день что-то происходит. И ты, хоть и злишься, хоть и бледнеешь порой от неожиданного, непредвиденного, в душе по-своему благодарен случаю, дающему возможность что-то изменить, перестроить, оставив свою добрую отметину в чьей-то судьбе. Не просто хорошую, отличную отмет-

ку, а – отметину.

Мне снова хочется вернуться в тот далекий длинный коридор, где парами и в одиночку, а иногда и по трое бродили в ожидании звонка наказанные, изолированные, нестандартные, а попросту выброшенные из класса. На примерах своего детства, а не только учительской практики убедился, сколь рискованно и опасно удалять с урока, тем более удалять трудного, запущенного. Даже если мешает, все равно должен, быть на уроке. Пусть лучше идет за учителем, а не ищет черного хода. И потом – удаления всегда обоюдны: вместе с учеником выталкивает себя и учитель, хоть и остается в классе. Помню, как в безлюдном коридоре я вслух продолжал диалог с учителем русского языка и литературы, который чаще других изолировал меня. Значит, и он был со мною, если я разговаривал с ним? Может, не у грузчика, а у него, и не от голода, а от обиды украл я злополучную булочку? Разве так не бывает: обидит один, а «платишь» другому.

На своем веку повидал разных учителей. Работать с классом в общем умел каждый, с учеником – считанные единицы. А ведь педагогика всерьез начинается с ученика, а не с класса. «Приручить хотя бы одного, в чье-то сердце двери распахнуть», – поется в песне. Не в этом ли наш подлинный успех?

... Близилось лето 41–го года. Подводили учебные итоги. За поведение и прилежание мне впервые поставили «отлично». Мы уже знали, что в V–А историю будет вести сам директор. Больше всех обрадовался я и уже в конце мая ждал сентября. Но сентябрь отодвинул и заслонил собою страшный июнь...

Где-то в январе 42–го года я последний раз увидел Ее. Мы стояли в очереди за хлебом – длинной и неподвижной, как улица, засыпанная снегом. Нет, это все-таки была она, высокая, гордая и скорбная и в то же время до неузнаваемости худая, обессиленная. Обмотанная платком, стояла прислонившись к стене, изрешеченной осколками. По-моему, взглянула на меня. Но в ту пору мы с трудом узнавали друг друга. Мне вдруг захотелось отщипнуть кусочек от своей скудной пайки и отдать ей. Я знал, что я этого не сделаю, потому что сам отощал, но мне хотелось (!) сделать это. Очень хотелось. С тех пор я не видел ее и ничего о ее судьбе не знаю. Даже имени и отчества толком не помню. Кажется, Елена Васильевна.

В морозные сумрачные дни блокады, сидя у огня, я, мать и

сестры клялись друг другу беречь каждую корочку хлеба. Вспоминали, что и где лежало в буфете, который теперь разломали на дрова. Какие сорта буханок и батонов наполняли булочную, что напротив дома. Короче, вспоминали хлеб – во всех его видах и запахах, вкусовых ощущениях. Чуть было не рассказал матери о том, как тогда... украл булочку, пленившую меня сладким, духовитым ароматом заводской выпечки. Память тут же воскресила огромную корзину свежих, почти горячих слоек. Но ни к одной даже мысленно не притронулся – столь глубокой, незабываемой отметиной был для меня тот день, равный судьбе. Даже та слойка, которую тогда взял и судорожно держал в руке, лежала в корзине.

Вот такая история произошла со мной на двенадцатом году жизни. От судьбы, а не от профориентации зародился во мне учитель – творец духовного хлеба. Но сколько надо перепахать, забронировать, прополоть... И все вручную! Уйма черновой работы.

Но даже Лев Толстой, потомственный граф, гений, в конце концов пришел в школу и считал этот период своей жизни важнейшим и главным. В этом смысле был и остаюсь толстовцем. Но иду не только за Ним, великим писателем и педагогом, но и за Ней, обыкновенной питерской учительницей, умевшей понять и обласкасть детей 30–х годов» (Ильин Е. Н. Путь к ученику: раздумья учителя-словесника: кн. для учителя: из опыта работы / Е. Н. Ильин. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.).

Кейс № 2

«Очаровать книгой, Открыть героем, Обворожить писателем»

Цель кейса: формирование позитивного образа выбранной профессии.

Методические рекомендации преподавателю

Учитель подобно актеру, должен удерживать внимание зрителей (учеников) и не только удерживать, но и включать их в спектакль, отводя им там определенные роли. Материалом кейса послужил отрывок из книги Е.Н. Ильина «Путь к ученику», в котором автор, как учитель-словесник, акцентирует внимание на важности умения педагога открывать своим воспитанникам душу прочитанной книги. Это под силу лишь учителю-артисту. В качестве задания к кейсу предлагается студентам перевоплотиться в

героев любимого художественного произведения и представить зрителям их характер.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Должен ли быть педагог немного артистом? Сравните деятельность педагога и артиста.

2. У каждого из Вас наверняка есть любимое художественное произведение педагогической направленности. Вы очарованы героем или героями, учитесь у них, извлекаете жизненные уроки. Продемонстрируйте в артистичной форме Вашу восторженность сюжетом и героями книги, так чтобы зрители (студенты, преподаватель) тоже увлеклись этим произведением и почерпнули что-то важное для своего профессионального развития.

Материал к кейсу

«Помню, у меня заболела десна и щека заметно припухла. Обычный флюс. Явиться в таком виде на урок мешало самолюбие. С другой стороны, не пойти тоже нельзя: издалека приехали гости – и немало. Значит... Что же касается щеки, то, по-своему, она может быть наглядным пособием. Приду и сразу (!) спрошу: у кого из литературных героев тоже был флюс? Вот и ехать надо, даже бежать, а из дома не выйти: слишком приметно. Заставлю и ребят, и гостей (и тебя, читатель) крепко задуматься – у кого же? Уже не на меня, не на припухшую щеку, а в литературу будут смотреть. И урок состоится, и самолюбие спасено. Творческим приемом. Сегодня он необходим еще и по другой причине. Учебное знание для некоторой части ребят все труднее «давать», «проводить», «прививать», надо еще и «протаскивать». Творческий прием, даруемый искусством, в этом смысле незаменимое средство.

Теперь уже не спорят: быть или не быть учителю артистом. Быть! Ибо только артист, т.е. художник, имеет право открыть на уроке художественную книгу. Ее недостаточно прочитать, объяснить – ею надо взбудоражить и увлечь, как это делают кинорежиссеры, театральные постановщики, радиочтецы. Над своими заветными творениями, которые мы называем безликим словом «текст», Гоголь, к примеру, работал как артист. Проигрывал каждую строчку и записывал, если она нравилась ему – другому Гоголю, который наблюдал со стороны. А ведь за нами, словесниками, наблюдают не менее строгие ценители. Они не пропустят, отвергнут даже гоголевскую, выверенную строчку, если она не

воскрешена с тем же пылом и жаром и в той же интонации, с какими рождалась в темной комнате, при свече, за конторкой... Разве не удивителен тот факт, что, помимо Гоголя, незаурядными актерами были Чехов, Блок, Маяковский...

Всякое творчество, тем более художественное, в основе – игровое, импровизационное. Значит, передать его и приобщить к нему в какой-то другой манере нельзя. Просчет традиционной методики еще и в том, что, всячески ратуя за эстетическую (!) интерпретацию художественного текста, она вместе с тем недоверчиво, высокомерно относилась к учителю-артисту. Идеалом был комментатор, толкователь, исследователь. Так народился тип полувузовского, полушкольного, а в общем безликого академического словесника, способного понять и объяснить саму книгу, но не ее душу. Как и все живое, импульсивное, душа доступна художнику, т.е. артисту. Чем академист проигрывает ему? Теряя контакт с аудиторией (учениками) как зрительным (!) залом, он перестает чувствовать ее потребности, и уже не только от ребят, от него самого ускользает книга. Ее нужно вывести в люди, окунуть в гущу. То и другое по силам учителю-артисту, в ком есть этот счастливый дар перепутать условность – с реальностью, сцену – с действительностью, класс – с жизнью.

Педагогика экспрессии (жеста, мимики, интонации...) как особая ветвь науки не существует. Слово и только слово – вот инструмент урока. А так ли? В моей практике немало случаев, когда жест бывал красноречивее слов, а мимика в кратчайшую долю секунды досказывала то, на что потребовались бы монологи. Да и вряд ли был бы эффект, равный достигнутому. Где нужно всего лишь мимолетное движение души, там и самые проникновенные, задушевные слова не достигают цели. Продукция сегодняшних пединститутов, между прочим, сплошной брак. Манекены, а не артисты приходят на урок: скованные, зажатые, скороговоркой что-то бормочущие, пылающие не румянцем вдохновения, а растерянностью, неловкостью. Каменное лицо, загипсованные руки, безлико транслирующий голос... Вот и верь такому, будто бы Анна Керн пробудила в душе поэта «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Слезы – может быть. Но не больше. Понаблюдайте за людьми, которые жестикулируют.

Какие разные руки! Этот протягивает ладони, точно дарит себя;

тот – хвастливо вскидывает вверх, ожидая триумфа, признания; другой раздумчиво потирает подбородок, дескать, минуточку, сейчас что-то очень-очень важное скажу. Как-то на уроке повторения попросил ребят вспомнить характерные жесты литературных героев. Хотелось, чтобы, не заглядывая в книгу (за месяц до выпуска!), точно в яви увидели бы их снова. Сколько любопытного открывалось! Барон («На дне») любит картинно, по-барски засовывать руки в карманы, произнося свое излюбленное «дальше», чтя дальше уже некуда; Нагульнов («Поднятая целина») то и дело прикладывает ладонь к нагрудному карману гимнастерки, где рядом с партбилетом Лушкин платочек; размахивающий руками Лопухин («Вишневый сад») с его циничной репликой «за все могу заплатить»... А жестикуляция Иудушки Головлева – и вовсе особая тема.

Как разговаривают ребята между собою? Приглядитесь. Сколько теряем мы в напускной солидности нашего общения с ними, стыдясь своих рук, лица. Артистизм – уже не достояние одиночек, а современное (!) учебное родство урока, которым обязан овладеть каждый. Иначе – парадоксы. По вечерам, не выходя из дома, ребята встречаются с Гурченко, Джигарханяном, Табаковым, Быковым, а утром, точно из другого мира, приходит к ним чем-то похожий на робота, сверкающий и холодный, суровый и скучный, до тошноты правильный учитель, изрекая: «Мой друг! Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» А вот порывов-то и нет, одни потуги. Да и монологов, таких же острых, захватывающих, как у Чацкого, Онегина, героев Чехова, Горького, потому что словесник не учится у той литературы, которую преподает, – нет. «Театр урока» как проблема вообще не поставлена наукой. Отсюда многие серьезные промахи, в частности и этот.

Не только у авиаторов, у словесников тоже бывает нелетная погода... Вроде бы и тема хорошая, в разные годы на разных ребятах обкатанная, проверенная, есть и в запасе кое-что не открытое, манящее, а вот полета – полета мысли! – нет. Нет и все тут. Погода «давит». Те из нас, которые на уроках не любят и не умеют «лить воду», особенно ощущают «процент влажности», перепад температур и прочие капризы атмосферы. Разумеется, наша метеозависимость не столь серьезно влияет на работу, как, предположим, у летчиков, тем не менее, качество снижается. Импульсивно скачет кривая учительского красноречия. Через нее попадают в странную зависимость от погоды

и ребята: снижается их настроение, интерес.

Самочувствие, очевидно, такая же профессиональная проблема, как и эрудиция, педагогический стаж, методическая оснащенность.

Как победить погоду (солнечные вспышки, магнитные бури и прочее) – в комплекс учительского, а в общем актерского мастерства изначально включил и эту проблему. Разве не обидно, скажем, на открытом уроке вместо сверкающей россыпи точных, ограненных фраз вдруг выдать крупные, обильные капли пота? Понял: победить себя можно только (!) искусством игровых перевоплощений, творчеством особого рода, когда ты сам есть в том, о чем рассказываешь. Обиду Чацкого, метания Онегина, боль Печорина, одиночество Базарова, муки Раскольников, тупики Болконского и Пьера, сомнения Левинсона и т.д. постигал не только через их, но и как бы свой, личный опыт. Каждый становился понятен и близок мне, потому что по-своему тоже одолевал себя. Я не просто узнавал их и рассказывал о них, я учился у них. Может, еще и по этой причине мне всегда удавался анализ в нравственном аспекте. Между прочим, ребята в момент «усекают» наше отношение к персонажу. Если только рассказываем, можно и не слушать, но если сопереживаем... «Изобразить» того же Печорина или, допустим, Базарова – лишь половина дела, а целым становится, когда ты сам в чем-то уподобляешься им. Камень преткновения многих словесников – во внутренней отчужденности от персонажей, в неспособности «оживить» каждого из них искусством подлинной сопричастности герою.

На ослабленном нерве я

Не зазвучу,

Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!

Просты и мудры эти слова В. Высоцкого и очень-очень необходимы школьному учителю, который, во-первых, нередко путает, чей нерв подкручивать, чтобы была мелодия: свой или ученика; а во-вторых, даже если и свой – то как это делать? Отвечаю: как артисты! Они умеют «доставать» себя, потому что нужен успех! А успех – это внимание. Кто мы есть, когда нет его? Итак, чтобы анализ не убивал искусство, он сам должен быть искусством. Художественная книга требует и художественного подхода. Понять и объяснить ее можно лишь теми же средствами, какими она создавалась. Отсюда: строить урок по законам искусства во-

все не субъективная позиция отдельных артистических натур и даже не способность нашего экранного времени, а потребность самой книги. Я вправе говорить о целом синтетическом комплексе весьма непростых средств и умений, из которых сложился мой метод общения с книгой: художественный анализ художественного произведения. Всякий иной противоречит природе искусства, возрастным особенностям школьника, гуманистической направленности урока. Такой анализ включает в себя не только яркие детали, острые вопросы, интригующие приемы, страстные монологи, увлекательные задания, но также и личностный отбор знаний, броскую тематику, многожанровость урока, где план нередко напоминает сюжет, а конспект – своеобразную заготовку. Закон триединого «О», рожденный многолетним поиском: Очаровать книгой, Окрылить героем, Обворожить писателем – всецело реализуется этим методом: художественным» (Ильин Е. Н. Путь к ученику: раздумья учителя-словесника: кн. для учителя: из опыта работы / Е. Н. Ильин. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.).

Кейс № 3 **«Вера в человека»**

Цель кейса: формирование у студентов способности проникать во внутренний мир ребенка, понимать, принимать и сочувствовать ему, эмоционально переживать (эмпатический компонент профессиональной идентичности).

Методические рекомендации преподавателю

Каждый человек нуждается в том, чтобы в него верили, а ребенок, как развивающая личность, нуждается в этой вере вдвойне. Вера придает уверенность, целеустремленность, порождает стремление стать таким человеком, каким его представил в своем воображении мудрый учитель. Очень точно выражена суть веры у М.М. Пришвина: «Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя». Одной из составляющих профессиональной идентичности педагога является способность проникать во внутренний мир ребенка для нахождения в нем пусть слабых, но добрых ростков. Только верой, надеждой и любовью педагогу под силу взрастить в ребенке порядочность, отзывчивость, милосердие, сердечность, благородство и совесть. В качестве материала для размыш-

ления предлагается отрывок из книги С.Л. Соловейчик «Педагогика для всех», в котором автор акцентирует внимание, как педагогов, так и родителей на значении веры в ребенка.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Поясните слова: «Мы не потому не верим в детей, что они плохие, а дети потому и становятся плохими, что мы в них не верим».

2. Какие могут быть последствия такой схемы воспитания «проступок – наказание – а то хуже будет»?

3. Права ли учительница, заступившаяся за первоклассника? (поясните свою точку зрения).

Материал к кейсу

«Мы воспитываем не ребенка, а человека. Каждому человеку, сколько бы ему ни было, хоть полгода, нужно, чтобы его считали человеком. Считайте человека за человека, и он будет благодарен вам и рано или поздно пойдет вам навстречу. Считайте человека за человека – больше для воспитания ничего не нужно, здесь – правда, только правда и вся правда.

Ребенку говорят:

– Будь человеком!

Слышу в ответ детский голосок:

– Я согласен! Но прошу считать меня человеком!

– Прошу считать меня человеком – прошу верить в меня!

Молодая преподавательница техникума в Подмосковье призналась мне: – Я очень плохая учительница... Я так мучаюсь от этого, иногда и ночью не сплю.

Мне было известно о ней, что это редкая по своим качествам учительница, может быть, даже редчайшая. Я спросил, за что же она так корит себя.

– Знаете, – сказала она, – есть несколько учеников, в которых я не верю... Это ужасно. Им так плохо, когда в них не верят! Они просто на глазах увядают. А я ничего с собой не могу поделать, не могу поверить в них... Их всего несколько человек из ста пятидесяти, но ведь... Это же преступление, правда? Учитель не имеет права не верить!

Вот истинно нравственное отношение к воспитанникам.

Не верить в ребенка – значит посягать на него, убивать его. Это преступление. Но немногие из нас понимают, что за свою веру в че-

ловека надо бороться, что мы отвечаем за веру и неверие и что мы обязаны непременно верить в человека, которого мы воспитываем.

Отец, не наказывающий мальчика, обычно чувствует себя виноватым: «Я мало занимаюсь ребенком, я не учу его, я виноват».

Но я никогда не встречал отца или маму, которые сказали бы словами учительницы: – Что мне делать? Я не верю в своего мальчика, я виновата!

Обычно нам кажется, будто виноват мальчик – и потому в него трудно верить. Все наоборот! Мы не потому не верим в детей, что они плохие, а дети потому и становятся плохими, что мы в них не верим.

Маленькие не понимают, в чем дело, подросток кричит матери:

– Ты меня не понимаешь, ты мне не веришь!

Мама задыхается от возмущения: не верю? Да как же тебе верить, если ты весь изолгался, на каждом шагу обман!

Но этот изолгавшийся перед матерью мальчишка больше других нуждается в доверии, и только оно его и вылечит. Сто раз уличим подростка во лжи – он обманет двести раз.

Один раз поверим ему, несмотря на явную ложь, – ну хоть притворимся, что верим! – и в другой раз (или в десятый, или в сотый) ему, наконец, станет стыдно обманывать.

В нашем сознании живет трудноистребимая схема «проступок – наказание – а то хуже будет». У нас одна реакция на проступок: наказание, осуждение, замечание. Но ведь на проступки можно реагировать и верой: я верю, что он случаен, этот проступок, я верю в то, что ты достойный человек, я знаю, что все будет хорошо. Это же духовные процессы, здесь все не так, как по здравому смыслу. Тихое слово действует сильнее громкого, а несделанное замечание сильнее выговора. И незаметная, необъявленная, никак не проявляемая вера в ребенка действует на него с огромной силой. А малейшее недоверие, даже если оно не высказано, портит отношения.

Ребенок вдруг становится дерзким, без всякого повода с нашей стороны. В чем дело? Но повод был. Мы подумали о ребенке плохо.

Однажды мне привели мальчика-семиклассника, чтобы я поговорил с ним. У него не складывались отношения с родителями. Мальчик как мальчик, дружелюбный, словоохотливый, он стал

мне рассказывать про свои житейские дела, про школу, про увлечение марками. Я слушал его, слушал и вдруг подумал: «Какие у него некрасивые уши!» И тут же мне стало стыдно, я попытался заглядить свою вину усиленным вниманием. Мальчик это почувствовал, сбился, заторопился – разговор испортился. А кто знает, может быть, от этого разговора вся жизнь его зависела? Я позволил себе плохо подумать – а испорчена жизнь.

Есть известный психологический эксперимент. Психологи пришли в третий класс и стали изучать учеников. Приборы, тесты, расспросы – чуть не полгода работали. В конце концов, они сказали учительнице, что, по результатам их исследования, такие-то три ученика в классе покажут в будущем году заметный сдвиг в развитии. Прошел следующий год, и предсказания учеников полностью оправдались.

Но эксперимент состоял в том, что эти три имени были выбраны по таблице случайных чисел. История с опросами и приборами была спектаклем для одного зрителя – для учительницы. Учительница верила в науку, поверила в трех учеников, случайно выбранных, – и они действительно стали лучше учиться.

Вера в человека улучшает человека.

Поэтому когда приходят родители и начинают жаловаться на сына: «Он такой-то и такой-то, он то-то и то-то, ну отчего это? Что мне делать?» – то ответ всегда ясен. Он такой-то и такой-то, ваш сын, потому что вы способны жаловаться на него без конца – от одного этого дети портятся! Когда я жалуясь, что у меня плохой сын, я все больше уверяюсь в этом, я все меньше верю в него – и он становится все хуже и хуже.

Что делать? Ходите и рассказывайте, какой ваш сын хороший!

Особенно страшно для детской души подозрение.

Я обещал не учить и не призывать, но вот случай, когда я готов крикнуть: не смейте!

Не смейте подозревать ребенка в дурном! Даже если для подозрения есть основания.

Бойкий первоклассник стянул в школьном буфете пирожные – да не одно, не два, а целый поднос. Схватил с прилавка и потащил. Разумеется, его тут же поймали и повели к директору школы на суд и расправу. Но в директорский кабинет ворвалась молодая учительница:

– Коля не брал! – закричала она. – Вы не знаете! Коля не вор! Пирожные упали, он их собрал и понес... Нельзя же с полу есть?

Когда об этом случае было рассказано в газете, то пришло несколько возмущенных писем: что же это за учительница? Она по-такает воришке! Что вырастет из мальчика?

На взгляд одних, мальчик был погублен в этот день.

На взгляд других, мальчик был спасен добросердечной учительницей.

А вы как думаете, читатель?» (Соловейчик С. Л. Педагогика для всех: книга для будущих родителей / С. Л. Соловейчик. – М.: Дет. лит., 1989. – 367 с.).

Кейс № 4

«Если бы я был учителем»

Цель кейса: формирование у будущих педагогов особого чувства – причастности ко всему, что происходит в педагогическом сообществе.

Методические рекомендации преподавателю

Начало рождения педагога, зачастую, начинается не в высшем учебном заведении, не на первом проведенном уроке, а в детстве, когда ребенок попадает к любящему, понимающему педагогу, которому подражает во всем, мечтая стать в будущем таким же, как он. Однако недоброе отношение педагога к ребенку может также дать толчок к зарождению мечты стать учителем, но не таким, а лучшим, способным принимать и понимать ребенка как личность. Материалом для кейса послужили отрывки из рассказа Н.З. Соломко «Если бы я был учителем». Главный герой – ученик-второгодник, и не думал быть учителем, но неверие в него классного руководителя не озлобило мальчика, а, напротив, заставило задуматься над вопросами: «А такие ли должны быть учителя?», «Кто виноват, что люди становятся злыми?». Отвечая на вопросы кейса, студенты должны попытаться понять главного героя и причины его стремления принадлежать к педагогическому сообществу.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте профессиональное поведение Анны Михайловны.
2. Что для Андрея Митюшкина является источником развития?

3. Проследите за началом рождения в Андрее учителя. Охарактеризуйте каждый его шаг навстречу профессии.

4. Как Вы думаете, получится ли из Андрея хороший учитель? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

«Что Земля круглая, нам объясняли в школе. Но я это знал и сам, еще до школы. Наш поселок по имени Полуночное стоит на самой макушке Земли. Когда утром выходишь из дому, то сразу видать: Земля круглая, все в порядке улочки, обозначенные пунктиром деревянных одноэтажных домов, разбегаются от наших ворот и тянутся вниз, вниз – к лугам... В лугах пасутся кони. А за лугами – ближний лес, он светло-зеленый. А за ним – синь и тень тайги до самого горизонта. Сразу за горизонтом – Сибирь...

Я иду в школу по круглой Земле и думаю о лошадях, что пасутся в лугах и ждут меня. А я иду в школу...

Кто бы знал, как мне туда неохота!

Мое любимое время года – лето. Потому что не надо в школу. Летом я мечтаю стать лесником: в лесу тихо и никто не кричит, в лесу так хорошо, что и взрослым становиться необязательно.

Зато осенью, зимой и весной мое главное желание – скорее, во что бы то ни стало вырасти! Стать большим, сильным, недоступным. Чтобы меня все боялись и не трогали. Осенью, зимой и весной я мечтаю стать милиционером. А то слишком много хозяев! И каждый знает, каким ты должен быть, что ты должен делать. И каждый уверен, что он может поучать тебя, запрещать и наказывать.

Например, моя классная, Анна Михайловна... Когда она говорит: «Я из вас сделаю людей!» – мне становится страшно.

А когда она говорит: «Вырастете – сами спасибо скажете!» – я смеюсь. Потихоньку, конечно, чтоб она не заметила. Никогда, никогда я не скажу ей спасибо, пусть мне хоть сто лет будет! Она злая. А может, и не злая, а просто за что-то всех нас очень не любит. А за что – никто не знает...

В общем, конечно, я сам виноват. Я сам дурак! Остался на второй год. Один остался – все мои друзья ушли. Вон они – рядом, бегают по школьному двору, курят потихоньку за поленицей, идут домой, размахивая портфелями... Но что-то произошло, что-то разделило нас. Наверно, то, что они – в шестом, а я – в пятом. И я обхожу их стороной, стараюсь не встречаться. А новых друзей

у меня нет. Ну их, они же малышня... Поэтому я все время один. Поэтому я весь год читаю книги. Там много всяких людей, они как живые, я люблю их. Но я про них знаю, а они про меня – нет, а так хочется поговорить с кем-нибудь, кто все понимает и не сердится... С мамой? Ей некогда. И она не любит говорить про книги. Я понимаю – ей трудно, она переживает из-за того, что я остался на второй год. Она любит меня и не любит, когда я читаю. Она говорит:

– Лучше – учись! Что тебе эти книги? Все, что нужно, написано в учебнике...

Я не спорю с мамой – я ее люблю. Особенно сейчас, когда она уже месяц лежит в больнице и я живу совсем один. Хуже всего вечером. Я не боюсь темноты. Но больно тихо в доме, нет шагов. Я не могу к этому привыкнуть. Поэтому все вечера провожу в лугах – у лошадей.

Они – добрые, хоть и молчаливые. Я разговариваю с ними. Они слушают и тихонько фыркают. С ними хорошо. И конюх, дядька Самойленко, меня не гонит, разрешает кататься.

– Митюшкин, ты опять без сменной обуви?! – встречает меня на пороге школы Анна Михайловна.

– Опять, – отвечаю я.

– Ты, Митюшкин, не дерзи! – сердито говорит Анна Михайловна и смотрит на меня не мигая. – Ты, Митюшкин, достукаешься! Взрослый балбес, а понятия как... – Она замолкает, подыскивает сравнение пообидней.

– ... как у первоклассника, – подсказываю я.

– Ну уж нет! Первоклассник рядом с тобой – Сократ!

– А это кто такой? – выпучив глаза, интересуюсь я.

– Ну и неуч! – отвечает она.

– Нет, правда, это кто? Писатель, что ль? А чего он такого написал?

– Вы поглядите на него! – возмущается Анна Михайловна. – Он мне будет экзамены устраивать! Пришел без сменной обуви, да еще и разговаривает!

Я ухожу и, уже поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, слышу, как Анна Михайловна говорит кому-то:

– Вы можете себе это представить – дожить до таких лет и не знать, кто такой Сократ! Тупейшей души человек этот Митюшкин!

– Да чего вы от него хотите – второгодник! – успокаивающе

отвечают ей.

Мне смешно. Я ведь знаю, кто такой Сократ. Просто Анне Михайловне про это не говорю. Зачем?

Почему-то в школе я совсем другой. Я очень вредный в школе. Раньше со мной этого не было. Раньше я был тупица, но тихий. А теперь я тупица и хулиган. Так про меня говорят.

Раньше, когда меня ругали и спрашивали: «Тебе не стыдно?!» – я опускал голову и говорил: «Стыдно».

А теперь я говорю: «Не!» – и нахально улыбаюсь.

Я улыбаюсь нахально и мучаюсь. Потому что – я же знаю – человек должен быть добрым. А я – злой. Что-то со мной случилось, что ли. В школе я как с цепи срываюсь. Не могу я в школе быть добрым. Да от меня ведь этого и не требуют. Требуют, чтоб я был послушным...

Я не люблю себя такого – злого, вредного и улыбающегося нахально, но поделаться с собой ничего не могу. Когда я говорю: «Не!» – и улыбаюсь, я вру. На самом деле мне стыдно. Но не перед Анной Михайловной, а перед кем-то другим. Не знаю, перед кем...

* * *

Сейчас вы напишете сочинение на вольную тему: «Если бы я был учителем»...

– Уя!..

– ... а мы их отправим в Москву, в «Пионерскую правду».

– Прямо в газету?!

– Ой, а ошибки?!

– Ошибки я проверю и исправлю.

– Ой, спасибо, Анна Михайловна!

– А чего писать-то?.. – с недоумением спрашивает Афанасьев.

– Про школу. Про то, что каждый должен стараться учиться, про любимые предметы и учителей... – объясняет Анна Михайловна. – Хватит разговоров, начинайте, а то не успеете.

А Ленки и Цыбулько все нету...

– А если я не хочу быть учителем? – спрашиваю я с места. – Тогда как?

– А тебя, Митюшкин, никто в учителя и не приглашает! – пожимает плечами Анна Михайловна. – Ты вообще можешь не писать, это не учебное задание...

Но я пишу.

Пишу торопливо. Наверное, делаю много ошибок. Ну и пусть! Мне весело и страшно...

«Митюшкина А., ученика 5 «В». Сочинение. «Если бы я был учителем»:

«Смешно даже думать об этом! Быть учителем я не хочу ни за что, и представлять это не хочу даже понарошку. Надо быть совсем дураком, чтобы не понимать, что все должно быть не так, а совсем наоборот!

Вот как я это себе представляю: прихожу я в школу, а все учителя говорят мне:

«Здравствуй, Андрюша!» – и глаза у них добрые.

«Здрате! – отвечаю я сурово и иду себе мимо. – Вызовите-ка ко мне директора! Что-то его второй день в школе не видать, прогуливает опять?!»

«Да он на совещании был», – заступаются учителя.

«А вот я сейчас разберусь, где он был!» – грозно обещаю я.

Прибегает директор. Очень испуганный. Смотрит в пол.

«Ты меня вызывал, Андрюша?»

«Зайдите ко мне в класс», – говорю я сердито.

В глазах у меня – лед, в голосе – сталь.

Мы входим в класс.

«Так вот зачем я вас вызвал, Владимир Палыч, что-то опять у учителей дисциплина разболталась. Опять они безобразничают на уроках!»

«Боже мой! – бормочет директор. – Неужели опять?»

«Представьте себе! Вчера на географии Юлия Ивановна обозвала Петрова бестолочью! Что это – метод воспитания в вашей школе?»

Директор разводит руками:

«Ох, Андрей, у меня уже просто руки опускаются! Сколько раз я ей говорил! Но, знаешь, ее надо понять – у нее сейчас неприятности дома, помнишь, я тебе в прошлый раз говорил...»

«А может, у Петрова тоже неприятности дома? – укоризненно говорю я. Но он ведь не обзывается...»

Директор молчит, лицо у него несчастное, он вот-вот заплачет, будто он не директор, а маленький обиженный мальчик.

«Да ладно вам! – говорю я. – Чего вы, в самом-то деле! Чем плакать, лучше бы попробовали разобраться, что там к чему, в

этой вашей педагогике! Это же просто!»

«Как же! – машет рукой он. – Вот ты сам сперва попробуй, а потом и говори!»

«По-моему, – говорю я, – надо просто быть добрым... Ну... Наверно, надо просто любить своих учеников...»

– Ты с ума сошел! – испуганно бормочет он. – Разве это просто?!»

– До конца урока двадцать минут! – объявляет Анна Михайловна. Поторапливайтесь!

А Ленки и Цыбулько нет и нет! Где они? Может, их в милицию забрали?.. За что?

– Митюшкин, что ты там пишешь? Я же сказала: тебе писать не надо.

Я не отвечаю, пишу дальше.

«... Директор вздыхает.

«Обратите особое внимание на поведение Анны Михайловны, – выговариваю ему я. – Вчера она...»

«Обзывалась?»

«Хуже! Ударила Саньку Лапкина указкой!»

«Какой ужас! – стонет директор. – Какой позор!» – и хватается за голову.

«Немедленно позвать сюда Анну Михайловну!» – распоряжается он.

Ее приводят.

Директор волнуется, краснеет и даже не сразу может заговорить.

«Вы! – наконец произносит он. – Как вы смели?! Как могли, а?!»

Анна Михайловна с ходу начинает шмыгать носом.

«Я больше так не буду... – обещает она. – Понимаете, он...»

«Кто?»

«Лапкин... Он вертелся... а у меня указка в руке была... И... все как-то само собой вышло...»

«Та-ак! – зловеще тянет директор и оборачивается ко мне: – Что будем делать, Андрей Петрович?»

«Я думаю, – говорю я, – пора исключить Анну Михайловну из школы. Довольно мы с ней мучились! Уговаривали, помогали, беседовали... Всякому терпению бывает конец!»

«Простите меня! – в голос ревет Анна Михайловна. – Я боль-

ше так никогда-а-а...»

«Нет, даже не просите! – мрачно заявляет директор. – Мне ваши обещания во где сидят! Вот переведем вас в школу для трудных, пусть там с вами разбираются!..

И тут звенит звонок. Я сдаю свой листок Анне Михайловне.

* * *

– То есть как это вы мальчиков не берете? – спрашиваю я их.

– Очень просто! – отвечают они.

Вокруг меня суетятся. На меня прибегают посмотреть.

Приходит председательница приемной комиссии, очень строгая, очень толстая, в очках.

– А почему вы хотите поступить именно к нам? – подозрительно спрашивает она.

– У вас в правилах приема не сказано, что вы мальчиков не берете! – начинаю сердиться я.

Кладу документы на стол.

В комнате тихо. Председательница приемной комиссии со вздохом рассматривает мое свидетельство о неполном среднем образовании.

– А троек-то, троек... – качает она головой.

– У вас в правилах приема не сказано, что вы только отличников берете! – огрызаюсь я. – Я ж не прошусь к вам без экзаменов! Буду сдавать, как все...

– Разумеется... – неуверенно соглашается она. – Но почему же именно к нам? Почему не в ПТУ... Не в техникум, в конце концов?

– По-моему, у нас в стране человек сам выбирает, кем ему быть! – объясняю я.

Спорить с этим утверждением трудно, поэтому некоторое время все молчат.

Я тоже.

– Ну хорошо... – вздыхает председательница. – Как вас зовут?

– Там написано, – киваю я.

– Митюшкин Андрей... – читает она.

– Петрович, – уточняю я.

– Дело вот в чем, Андрей... Петрович... У нас ведь учатся, в основном, девочки... То есть мальчикам, конечно, не запрещается к нам поступать... Но как-то они к нам не идут. Они все больше в

техникумы идут...

– Это их дело, – отвечаю я. – А мне в техникум не надо. Мне сюда надо.

– Н-да... – переглядывается она с окружающими. – Ну а не проще ли тогда уж закончить школу и поступить сразу в институт?

Я пожимаю плечами, вот ведь пристали.

– Нет, не проще.

– Да пойми: не станешь ты у нас учиться! Ну, поступишь, допустим! И все равно сбежишь через месяц!

– Почему это?

– Андрей, миленький ты мой, ну что ты будешь делать – один среди трехсот семидесяти пяти девочек? Ну пойми сам!

– А чего тут думать? Учиться буду!

Снова тихо. Я стою у стола и уходить не собираюсь.

– Господи! – вздыхает председательница приемной комиссии. – Это просто конец света какой-то!.. Мальчик пришел... Ты можешь мне объяснить, почему ты хочешь поступать именно к нам? Это уму непостижимо – мальчик!..

– А чего тут непостижимого? – отвечаю я. – Это ведь педагогическое училище?

– Вот именно! – подтверждают присутствующие.

– Ну и вот! – говорю я им. – А я хочу стать учителем. И как можно скорей...

* * *

Конечно, так было бы красивее: драться одному против шестерых. Во всяком случае, пока стоишь на ногах... А потом? Когда они меня свалят и ногами им будет удобнее?..

Надо сматываться, это точно! Я сделал еще шаг назад... Нет, я не боялся их, я их ненавидел! Я думал о них раньше. Ну, не об этих именно, а вообще о таких, я их много видел... Мне они никогда не нравились, но когда они никого не пинали ногами, а просто бродили в одиночку по улицам и глаза у них были тоскливые, как у людей, мне было их жалко. Я думал: так получилось, что они – не люди... Это их несчастье. Я жалел их потому, что ничего у них не было в этой их дурацкой и злой жизни и ничего им было не надо... Есть... Пить... Ходить толпой, чтоб все расступались и боялись их... А зачем нужно, чтоб их боялись, они ведь и сами не

знают... Мне это странно было: ведь все мы родились похожими, и все – людьми... Как же они стали такими? Разве они не знают, что если пнуть человека ногой, то ему больно? Или знают и им это нравится? Почему? Может быть, их не учили быть людьми? Но тогда кто-то ведь виноват в этом?.. Кто-то должен был их научить?.. Я поэтому решил стать учителем... Потому что я и сам мог быть таким, только мне пнуть было трудно... Мне жалко было... Но я же помню... Живешь-живешь, и всякий над тобой хозяин, всякий командует как хочет. Потому что он – сильный. Или он – старше. А ты – маленький, ты делай что велят. А обиды копятся, просто нет сил пока ответить... И все думаешь: вот вырасту, тогда я вам!.. Я вам всем!..

Я ведь и учителем сначала решил стать, чтоб отомстить... Анне Михайловне хотя бы... Я потом только понял, что не мстить надо, а заступаться, потому что иначе что получится? Как вы мне, так и я вам, да?..» (Соломко Н. З. Если бы я был учителем: повести и рассказы / Наталья Зоревна Соломко; [худож. Е. Стерлигова]. – М.: Дет. лит., 1984. – 207 с.).

Кейс № 5

«Момент педагогической истины»

Цель кейса: формирование у студентов позитивного образа выбранной профессии.

Методические рекомендации преподавателю

Этот кейс является логическим продолжением кейса «Если бы я был учителем». У Андрея Митюшкина был свой момент истины, повлиявший на выбор профессии, на его жизнь, на сознание. В данном отрывке из книги Ш.А. Амонашвили «Как любить детей», автор представляет свой момент истины, без которого он бы не состоялся как человек, как учитель, как ученый. Обсуждая вопросы кейса, важно сделать акцент на том, что способность видеть приближающийся момент истины, умение его использовать в воспитании ребенка, является для педагога обязательной частью служения профессии и детям.

Вопросы для обсуждения:

1. Как Вы думаете, почему именно в этот момент учитель приехала такой прием, который Ш.А. Амонашвили называет «момент педагогической истины»?

2. Был ли Вашей жизни момент истины? Охарактеризуйте его с педагогической точки зрения.

3. Как Вы думаете, что может помочь педагогу не пропустить момент педагогической истины?

Материал к кейсу

Момент истины

«Вся предварительная работа сделана.

Она даёт на уроке всем творческое сочинение, сама уединяется у окна и открывает сборник стихов. Она не будет с недоверием ходить вдоль рядов и проверять, кто пишет, а кто – нет. Не будет зорко следить со своего наблюдательного пункта, не списывает ли кто. Каждый из нас в любой момент может подойти к ней и, шепча, посоветоваться. Если всё же возникнет необходимость самой подойти к кому-либо, она сделает это бесшумно, будет приближаться на цыпочках, чтобы не нарушить наше творческое горение. Она уважает наш творческий труд.

Я соображаю, как писать сочинение, какие мысли развивать, по какому плану. Начинаю писать, увлечён, погружаюсь в мысли. И не замечаю, как она, держа в руках книгу, приближается ко мне. И когда она наклонилась к моему уху, только тогда я взглянул ей в лицо.

На этот раз она не дарит мне мою любимую улыбку, лицо у неё грустное. Она наклоняется, приближаясь к моему лицу, так что её седые волосы касаются моей щеки. Я чувствую нежный запах духов. На ней кремовая шёлковая кофточка с перламутровыми пуговками. На кофточке – старинная серебряная брошь. Её глаза – ласково-грустные – вобрали меня в себя. Мне трудно выдерживать эту непонятную грусть. Опускаю голову. Её губы прикасаются к моему правому уху и посылают мне всю свою грусть и боль прямо в душу, прямо в сердце:

– Мальчик, – шепчет она, – мои пятёрки краснеют рядом с двойками... Как быть?..

Она знает, что после этого я сочинение дальше писать не смогу. Но на фоне того ожидания, что может произойти, разве это важно?

Как в педагогике назвать вот это действие – что это за приём, способ, метод, принцип?..

Нет этому названия.

Потому, спустя десятилетия, я назвал его моментом педаго-

гической истины. В этих мгновениях, когда ученик души не чаёт в учителя, а мудрость учителя чувствует, что именно сейчас, не раньше, не позже, нужно помочь ученику выправить путь, может произойти воспитательное чудо. Момент педагогической истины состоит из встречи двух его составных: первое – само предчувствие наступления этого мгновения, второе – искусство воспользоваться мгновением. Вне этого мгновения искусство может быть бесполезным, без искусства мгновение унесёт водопад времени без всякого следа.

Она не ждёт от меня ответа, так же бесшумно возвращается к окну, но книгу уже не читает, смотрит в небо, может быть, молится в душе.

А в душе моей происходит взрыв.

Я закрываю голову руками и начинаю тихо плакать, чтобы рядом сидящий не догадался, в чём дело.

Пятёрки моей учительницы краснеют рядом с двойками.

Дело не в пятёрках, а в том, что в них любовь моей учительницы ко мне. А эти двойки могут навредить этой, – самой дорогой, что мне досталось за последние месяцы, – Любви!

Я причиняю учительнице боль – и мне больно от этого.

Мне стыдно перед Дейда Варо, потому что ей стыдно за меня.

Что нужно делать, чтобы пятёрки не краснели, чтобы уберечь Любовь любимого учителя ко мне?

Надо уничтожить эти двойки.

Моё сознание меняется, чувствую суровость долга перед погибшим отцом, перед больной матерью, перед Дейда Варо.

Меняется моё сознание, и оно меняет мою жизнь. Начинаю применять те усилия, которые соизмеримы с принципом: тебе, утопающему, подали спасательный круг – Любовь, береги её сейчас.

Я доказываю, внушаю самому себе, что во мне есть способности, и всё в моих руках.

Я внимателен на всех уроках, многое не понимаю, потому начинаю приставать к учителям, чтобы объяснили дополнительно, прошу друзей-одноклассников, продвинутых в науках, чтобы помогли мне. Но так как многое сразу понять не могу, то зазубриваю формулы и параграфы.

Только вот проблема с учителем русского языка: она видеть не хочет мои старания. Мама моего друга, узнав о моей беспомощ-

ности в русском, сама предложила помощь – помогала понимать тексты, выполнять грамматические упражнения.

Спустя два-три месяца моя школьная погода чуточку проявилась: двойки потеснились, появились тройки, иногда даже четвёрки и пятёрки.

Моя любимая учительница следит, как я преуспеваю, и радуется, улыбается, поощряет.

А однажды просит меня сопровождать её на спектакль в театр Руставели. У меня, говорит, два билета, племянница моя не может пойти со мной, у неё занятие по музыке, может быть, ты пойдёшь со мной?

В тот вечер я был самым нарядным в жизни и учился быть элегантным» (Амонашвили Ш. А. Как любить детей (Опыт самоанализа) / Ш. А. Амонашвили. – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2010.).

Кейс № 6

«Рождение учителя»

Цель кейса: формирование у студентов осознания себя в профессии, умения давать адекватную самооценку и оценку другим специалистам.

Методические рекомендации преподавателю

Вхождение в педагогическое сообщество у каждого молодого учителя своеобразное, неповторимое, особенное. Придя в школу, молодой специалист получает уроки от своих коллег: от одних черпает мудрость, напитывается знаниями, опытом, а другие служат ему примером каким учителем не надо быть. Не зря восточная мудрость гласит: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе Учитель». Материалом кейса служит отрывок из рассказа Н. Долининой «Первые уроки», в котором автор представляет образы учителей, повлиявших на становление главной героини как педагога. Обсуждая вопросы кейса, необходимо акцентировать внимание студентов на том, что негативный пример педагогической деятельности может стать для начинающего учителя уроком и наглядным примером того, как не следует поступать, если желаешь стать для воспитанников другом и наставником.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте этапы вхождения Натальи Григорьевны в педагогическое сообщество.

2. Какие элементы внес каждый из коллег в процесс ее рожде-

ния как педагога?

3. Согласны ли Вы с тем, что творчество «должно быть сурово регламентировано, разложено по полочкам, втиснуто в схему»?

4. Согласны ли Вы с тем, что Меттер не любил учеников? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

«Педсоветы»

В учительской я чувствовала себя обманщицей. Это началось в первый день, когда старая учительница литературы Евгения Васильевна Сазонова спросила, как меня зовут. Я была готова к этому вопросу в классе. Всю ночь я просыпалась с мыслью о том, как войду и скажу: «Меня зовут Наталья Григорьевна. Мы с вами будем заниматься русским языком и литературным чтением...». Об учительской я не подумала, и на вопрос Евгении Васильевны твердо ответила: «Наташа». Она не улыбнулась, только спросила: «А по отчеству?» – и заговорила о деле: – «Так вот, Наталья Григорьевна, нам нужно составить вместе поурочное планирование уроков на четверть...».

Планирование уроков на четверть! Не знаю, чья это была бредовая идея, потом, в других школах, такого планирования не требовали. Но думаю, что идея была централизованная: основы этого планирования мы списывали в институте усовершенствования учителей.

Тогда я, конечно, поверила, что без этого никак нельзя, и еще острее почувствовала себя обманщицей. Мы принялись за дело. Это была чисто формальная, бессмысленная работа: нельзя планировать уроки на три месяца вперед – эти планы ломаются через неделю.

И все-таки эта работа мне помогла. Потом, когда с меня никто ничего не спрашивал, я для себя распределяла часы на тему вперед – не на четверть и не на полугодие, конечно, а на тему – это помогало. Много из того, что нас заставляли делать формально, оказывалось полезным, если отказаться от чрезмерного – но отказываться надо было научиться.

Мне было интересно в учительской. Это была длинная узкая комната. У двери справа стоял стол завуча Ивана Федоровича, возле которого всегда толпились ученики. Можно было пробиться через толпу, чтобы попасть в дальнюю часть комнаты, где за круглым столом проверялись тетрадки, на продавленном диване обсуждались семейные дела и время от времени возникали споры

об учениках. В школе работали хорошие люди. Иногда я думала: почему в этой школе все учителя такие добрые, мягкие? Теперь это понятнее: властному человеку было не сработаться с папой Карло – властные уходили. Завуч Иван Федорович преподавал географию. У него тоже были близнецы, пятилетние, – это обстоятельство меня погубило. Иван Федорович не сочувствовал мне нисколько подумаешь, близнецы! Он-то знал, что и близнецы вырастают не хуже остальных детей.

Он пришел ко мне чуть ли не на третий урок. Мы разбирали рассказ Толстого «После бала». Иван Федорович, сопя, сидел на задней парте и слушал мои разглагольствования. В учительской он посмотрел на меня сквозь очки и сказал вполне определенно, что учителя из меня никогда не получится. Захлебываясь ревом, я бегала по своей громадной кухне и курила. В коридоре муж кричал в телефон:

– Мама, она опять курит одну за другой! Мама, у нее молока нет... чем кормить?

Приехала моя спокойная, сдержанная, моя любимая свекровь. Тогда я ее скорее боялась, чем любила. Большими мягкими докторскими руками она осмотрела детей. Потом без симпатии оглядела мое зареванное лицо, мельком сказала: «Будет из тебя учительница». Вынула из портфеля бутылочки с молочной смесью и уехала. К утру молоко появилось.

Отныне я работала для Ивана Федоровича. Каждую среду я неслась в институт усовершенствования учителей, – там красивая старуха-методистка, помнившая девочкой мою мать, объясняла, как научить взрослых людей грамоте. Я завела конверты – на каждом была фамилия ученика, внутри конверта лежали карточки со словами, в которых этот ученик делает ошибки. Слова я выписывала сама: ученики не успевали. Смешной лупоглазый парень с внешностью Теркина, по фамилии Грошев, ездил с моим конвертом в электричке – он жил за городом и зубрил слова. С получки он выпил и потерял конверт. Оказалось, что мы оба помним все слова наизусть. Я снова написала все карточки. В диктовках Грошев изредка писал два-три слова правильно.

Иван Федорович в меня не верил. Он больше не ходил ко мне на уроки и не замечал меня в учительской. Но Евгения Васильевна Сазонова сидела у меня на уроках каждый день. Разбирая со мной

урок, она начинала так: «У вас было много хорошего... вот, например...» Она выискивала жалкие крохи успеха и щедро хвалила их, а потом, когда речь шла о недостатках, не судила – подсказывала...

Через десять лет я в составе высокой комиссии проверяла школу, где работал Иван Федорович. Он очень волновался. Урок получился плохой. Разбирала я его так: «У вас было много хорошего...». Иван Федорович очень удивился. Он не знал, что этому меня научили в его школе.

Карл Иванович набрал много молодых учителей – у всех были маленькие дети. На переменах мы обменивались впечатлениями о первых шагах и первых словах. Если получка выпадала на среду или субботу, многие приезжали за деньгами с детьми – у дверей школы скапливались коляски, в кабинете папы Карло топали маленькие ноги.

Я завидовала Басе Наумовне Друяновой. Ее дочка была старше моих на полтора года – она уже говорила, и у нее была бабушка, чтобы ходить за ребенком. Кроме того, она преподавала литературу в старших классах и проверяла сочинения, и знала в этом толк. Она была всегда спокойная, всегда ровная, всегда красивая. Ученики ее любили. Мне хотелось быть такой же спокойной, ровной и красивой. Ничего не получалось. Единственное, чем я могла ее перешибить, был аккуратный учительский почерк с правильным наклоном, как на прописях. Но мы редко писали что-нибудь вместе.

Мы дружили – как дружат на работе – по поводу работы. И я смертельно завидовала ей, когда она спокойно и величественно шла из класса, а следом шествовал папа Карло: он был у нее на уроке. И у нее не стучали колени.

Месяца через два после моего появления в школе завуч Иван Федорович ушел на другую работу. Куда-то его перевела инспектор Суховей. Уход его прошел незаметно – просто однажды на месте Ивана Федоровича появился другой человек. В очках, с проседью, похожий на большую добрую птицу. С неизгладимой печатью духовности на лице.

Дочь этого человека сейчас учится вместе с моей дочерью на биологическом факультете. Девчонки подружились еще школьницами, сами по себе, через каких-то своих мальчиков познакомились в филармонии. Ленка возникла у нас в доме в последний год жизни своего отца – он умер от рака. Я люблю Ленку и ценю в ней женственную

тишину. Но еще больше я люблю в ней память о ее отце.

В самом звуке его голоса была мягкость. Как он срабатывался с папой Карло, я не знаю – но на нового завуча папа Карло не кричал. И тем более ни на кого никогда не кричал новый завуч. В учительской воцарилась тишина. Ученические очереди к столу завуча почти совсем исчезли: проблема прогулов и отпускных записок разрешалась где-то там, в глубине коридора. Новый завуч проводил перемены с учениками.

Рафаил Соломонович Ланин был прежде всего интеллигентный человек. Это разительно отличало его от всех нас, работавших в школе. Мы числились интеллигентами по социальному положению, а он жил той напряженной духовной жизнью, которая одна дает право называться интеллигентом. Он все читал. Обо всем думал. И не боялся – в те годы не боялся – на уроках и во время перемен спокойно обсуждать с учениками книги, фильмы, газетные сообщения.

В школе о нем ходили легенды. Говорили, что в первые послевоенные годы он руководил всей культурной жизнью Германии. Я спросила его об этом, он засмеялся и сказал: «Я служил в Австрии». Потом выяснилось, что пост, который он занимал, был очень высок.

Мы подружились на детской почве. Рыженькая Ленка – его единственный поздний ребенок – была чуть старше моих. Мы обсуждали, чем кормить, сколько гулять, во что одевать. Если получка случалась вечером, мы шли после уроков в Елисейский магазин и покупали вкусные вещи для своих семей.

Преподавал он историю в старших классах. На его уроках я узнала, что можно разговаривать с классом, как с одним близким человеком. Говорил он негромко и уважительно, высказывая твердую уверенность, что ученики понимают все, о чем он толкует. Просил ученика показать что-нибудь на карте, как просят об услуге. Казалось, просто ему не хочется вставать, брать в руки указку... Ему задавали очень много вопросов. Иногда он говорил: не знаю, посмотрю в книгах, отвечу позже. Это я тоже видела впервые.

Когда он пришел ко мне на урок, я замерла – вот кому покажу великую свою образованность! Что это был за урок, не помню. Ланин сидел, склонив свою добрую птичью голову, а я из кожи лезла. Он сказал, что из меня может получиться хорошая учитель-

ница, но пока надо приглядеться, как работает Друянова: из нее уже получилась. Она отлично преподает.

Друянова работала четко. Эта четкость вызывала во мне протест – на ее уроках все было разложено по полочкам, все ясно: зачем урок, что на нем надо узнать, кого спросить, что рассказать, какие вопросы поставить. Мне казалось, это слишком просто. Я недоумевала: где же творчество?

Теперь я знаю: самое трудное в творчестве учителя – то, что оно должно быть сурово регламентировано, разложено по полочкам, втиснуто в схему – и при этом должно остаться творчеством.

Раз в месяц нас собирали на педсовет. В эти дни мы не уходили домой между сменами – мои дети питались молочной смесью номер три, а я сидела в школе с утра до ночи. Трудно представить себе более обычные, банальные педсоветы. Но они были первыми в моей жизни и казались мне исключительными.

Всю жизнь я играла в школу. Ни во что другое – только в школу. Бумажные куклы, которые вырезал мне отец, были учениками. Мои классы состояли из этих кукол, и из настоящих, и из вятских игрушек, стоявших на письменном столе отца. У каждого ученика была тетрадка, в которой я писала за него упражнения. Мы читали стихи – я читала за себя и за учеников. Первый урок я дала двенадцати лет: меня послали занять первоклассников, чтобы они не шумели. Я училась в пятом. Следующее первое сентября застало нас на пароходе. Мы ехали из Ярославля в Пермь, мы были эвакуированы из Ленинграда. Школы никакой не было, но мальчишки-девятникласники решили учить нас русскому языку и математике. Они были старшими – десятиклассники воевали.

Я тоже попросилась кого-нибудь учить, и мне дали пятерых учеников вторых и третьих классов. Я учила их с упоением. Потом мы приехали в деревню под Пермью, там была школа. Моя педагогическая деятельность прекратилась. Следующий урок я давала Нейдлиной.

Всю жизнь я играла в школу – все пятнадцать лет своей работы. Может быть, это нехорошо и несерьезно. Но я играю и в «хорошую маму» – так называют это мои дети. Мне было скучно просто стирать и гладить рубашки сына: когда он был маленький, я гладила и придумывала, как он будет большой. Теперь я тоже что-нибудь придумываю.

Они были подростками, и мы придумали игру, что они взрослые, а я нуждаюсь в их опеке. Когда в этом году меня положили в больницу, игра сослужила свою службу.

Все пятнадцать лет я наслаждалась тяжелыми пачками тетрадей – это правда. Иногда я проклинала их, но всегда играла с ними в увлекательную игру. Приносила домой, раскладывала по пачкам, рассчитывала, сколько штук в день я должна проверить. И открывала каждую, замирая, как будто сейчас откроется тайна.

Человек, которого я любила, заглянул однажды в тетрадки моих пятиклассников и сказал: «Как скучно!». Никто никогда не оскорблял меня сильнее.

Я люблю черную школьную работу: заполнять журналы и табеля, проверять дневники, ставить отметки в ведомости. Запереться в пустом классе и, не дыша, карандашом вписывать отметки в аттестаты, потом проверять по много раз и вызывать ребят по одному, чтобы они тоже проверили свои отметки, – и только потом обводить чернилами.

Много раз я оплакивала разлуку со школой – ни с кем и ни с чем связь не рвалась так больно. Последние табеля последнего класса я заполняла с отчаянием и сухими глазами – так хоронят.

На первых педсоветах в первой моей школе я чувствовала себя обманщицей еще больше, чем в учительской во время перемен. Там хоть были просто взрослые люди, среди которых и я почему-то прикидывалась взрослой. Здесь были люди, занятые серьезным делом, и я сидела среди них, как будто такая же, как будто все это на самом деле, а не игра, в которую я играю тайно.

Педсоветы бывают трех типов. Первый: говорит один директор (или один завуч), учителя молча слушают и молча расходятся. Второй: после краткого вступительного слова директора или завуча выступают заранее подготовленные и проверенные директором или завучем учителя по заранее запланированным вопросам. Третий: говорят все, кто хочет и о чем хочет. Разновидность этого типа: директор произносит обличительную речь, учителя встают один за другим и оправдываются, и обвиняют во всех смертных грехах друг друга.

В школе Карла Ивановича все педсоветы были первого типа. Говорил сам, массы слушали молча и не прекословили. Потом говорил Медников. Иногда, для разнообразия, – председатель мест-

кома. Последнее слово предоставлялось завучу – для информации. Он читал приказы и распоряжения: кто когда дежурит по школе, кому идти в отпуск, кому – на курсы повышения квалификации...

Я наслаждалась этими педсоветами – все было как у взрослых – я только боялась, чтобы не раскрылся мой обман: я вовсе не чувствовала себя учительницей. В классе – да, но не здесь, среди взрослых людей.

На первом педсовете я увидела Его. Он был громадный, старый, в очках. Как выяснилось впоследствии, ему было сорок шесть лет. На педсовет он опоздал. Ко мне наклонилась Друянова и прошептала: «Это замечательный учитель. Он у нас по совместительству. Меттер». Папа Карло сделал нам замечание. Услышав мою фамилию (я носила тогда фамилию отца), Меттер подвинул свой стул ко мне. Когда папа Карло отвернулся, он спросил, кем я прихожусь моему отцу. На эти вопросы была одна реакция: я заревела и не могла остановиться до конца педсовета. Между педсоветом и вечерней сменой было два часа: Меттер позвал меня гулять; мы пошли по книжным магазинам, где его знали все продавщицы.

На следующий день я пошла к нему на урок. Теперь трудно объяснить, что со мной происходило. Я любила своего мужа, и у меня были грудные дети. Но в Него я влюбилась, как в учителя. И как в мужчину. И, вероятно, как в отца: он был ровно вдвое старше меня.

На его уроках я связывала себе руки за спиной: всякое представление о том, что я учительница, выветривалось из моей головы; когда он задавал вопрос, я поднимала руку, это смешило класс и сердило его. Не всегда и не на все вопросы я могла бы ответить.

Позже, когда он ушел из нашей школы, – разумеется, не работавшись с папой Карло, – я репетировала его учеников. Репетиторство – это тяжелый хлеб. Но работать с его учениками было хорошо. Они все – девочки и мальчики – были влюблены в него, как и я. Ко мне попадали преимущественно двоечники – они тоже были влюблены.

Самое странное: он их не любил. Никогда не брал воспитательского класса, не вел кружков. Не оставался с ними после уроков – разве что в перемену поговорит с ними о литературе. Но когда он входил в класс огромный, прихрамывая, опираясь на палку, класс замирал не от страха, а от любви.

На войне он командовал отдельным батальоном связи и был

ранен. Нога часто болела, он приходил в класс мрачный, раздраженный. И все равно на этих уроках мне хотелось поднять руку.

Иногда он звонил мне и звал погулять. Я бросала недокормленных детей, тетрадки, планы уроков, лихорадочно наряжалась и неслась к Дому книги. Его жизнь вне школы проходила в книжных магазинах. «Купил новую кни-и-жечку», говорил он, увидев меня. Книги он любил больше всего. Эта страсть сохранилась до конца, когда он уже ушел из школы, был на пенсии...

Впервые я поняла, что урок может быть спектаклем, исповедью и научным открытием одновременно. Он не делал скидок на усталость, занятость, недостаток культуры. Он рассказывал ученикам то, что ему было интересно, и требовал от них того, что было интересно ему. В классы рабочей школы он приносил письма писателей, дневники, мемуары современников, редкие издания, старые журналы. Купив новую книгу, он назавтра обыгрывал ее в классе. «Школа Паюпу» давала ежегодно по десять-двенадцать медалей – их зарабатывали Меттер и учитель математики, которого папа Карло откуда-то переманил.

Весной Он вызвал меня проверять экзаменационные сочинения. Мы сидели вдвоем в пустой школе, я проверяла его тетради, замирая от страха и любви. Мы работали молча.

– Жалко! – сказал он вдруг. – Пропустила одну запятую. Не будет медали.

И поставил жирную красную птичку на полях. Я уже знала, что в экзаменационных работах учителя подставляют запятые синими чернилами. Сейчас я думаю, что это правильно. Если в меру, конечно. Если не для себя. Потому что одна запятая – чепуха, а она может решить судьбу ученика. Особенно тогда могла: с медалью в вуз поступали без экзаменов. Он не думал об этом.

С его уроков я уходила разбитая. «Никогда, никогда не смогу приблизиться к этому, – думала я. – Никогда, никогда мне не стать настоящей учительницей...».

Я много раз пыталась повторять в классе то, что делал Он. Выходило глупо и скучно. Через много лет молодые учительницы пытались повторять то, что делала я, – у них тоже ничего не получалось. Это как в любви – нужно быть самим собой. Только самим собой – до конца.

Когда нас всех стали заставлять работать по липецкому ме-

тоту, Меттер ушел из школы в вуз – учить русскому языку иностранцев. Он не мог перестроиться – у него был свой метод, не липецкий. Может быть, годный только для него одного. Но мальчишки-семиклассники оплакивали его уход.

Никто не знал, что мы встречаемся вне школы. Он был суров со мной. К нам прислали еще одну молодую учительницу – ученики на нее жаловались: плохо преподает, неграмотно пишет на доске, путает причастие с деепричастием. Меттер устроил экзамен нам обеим: мы писали диктовку и разбирали предложения. Он волновался за меня, но не сказал мне заранее ни слова, экзамен был для меня неожиданностью. Когда я его выдержала, Он за спиной папы Карло погладил меня по голове.

Восьмого марта в школе был учительский вечер. Я не знала тогда, что во всех школах всегда бывают учительские вечера на Восьмое марта. Я привезла из дома посуду и наслаждалась видом Медникова, резавшего колбасу. Мы выпили, и папа Карло был тихий, спокойный. Меттер, отставив палку, пригласил меня танцевать. Он сказал, что я расту, и он надеется... он даже уверен, что я буду хорошо преподавать. Учительский вечер казался мне сказочным балом. Я была счастлива» (Долинина Н. Первые уроки / Н. Долинина // Нева. – 1988. – № 1. – С. 37–63.)

Кейс № 7

«Учителем надо родиться»

Цель кейса: формирование у студентов умения давать адекватную оценку педагогам; развитие способности проникать во внутренний мир ребенка, понимать, принимать и сочувствовать ему, эмоционально переживать (эмпатический компонент профессиональной идентичности).

Методические рекомендации преподавателю

Материалом кейса послужил отрывок из повести А.А. Кузнецовой «Земной поклон». Перед читателями образ справедливого, мудрого, любящего свое дело и детей учителя Николая Михайловича Грозного. Кажется, что он родился таким, даже его ученица считает, что «учителем надо родиться». Но с этим утверждением не совсем согласен Николай Михайлович, он пытается достучаться до сердца молодого педагога, совершающего ошибки, дает

ей уроки, которые не были даны в вузе или она просто их плохо усвоила. Выстраивая диалоговое поле со студентами, рекомендуется акцентировать внимание на привлекательных моментах в профессиональной модели поведения опытного педагога и негативных в поведении молодого учителя. Ведь профессиональные ошибки Светланы Ивановны являются типичными для многих начинающих педагогов.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Правильно ли сделал Николай Михайлович Грозный, что не стал разговаривать с Лалей Кедриной о ее поступке?

2. Согласны ли Вы с тем, что Николай Михайлович Грозный роняет авторитет учителя?

3. Правильно ли то, что учитель должен извиняться перед воспитанником?

4. Охарактеризуйте профессиональное поведение Николая Михайловича.

5. Охарактеризуйте профессиональное поведение Светланы Ивановны.

6. Как Вы думаете, может ли еще получиться из Светланы Ивановны хороший педагог?

Материал к кейсу

«Ее все звали Наташкой-Коврижкой. Даже учителя между собой. Но не только потому, что фамилия девочки была Ковригина. Весь облик Наташи уж очень соответствовал этому прозвищу. Круглолицая, с большими серыми глазами, удивленно поднятыми подковками бровей, с ямочками на аппетитных, румяных щеках, вся она была по-здоровому сильная и крепкая: и ноги, и плечи, и даже голос. Наташка-Коврижка, да и только!

С первого класса она дружила с Лалей Кедриной. Ребята считали эту дружбу настоящей, и многие даже завидовали ей.

Дружба действительно была настоящей. Прошлым летом Лаля предпочла поездку в пионерский лагерь с Наташкой отдыху с родителями на берегу Черного моря. А Наташка однажды перед всей школой приняла на себя вину подружки, за которую вызывали ее на педсовет, разбирали на комсомольском собрании и грозились исключить из школы.

Дело было в том, что художественный кружок школы много лет потратил на сбор подлинных работ местных художников. И

вот уже два года центральное место на стене класса, где занимался кружок, было отдано картине «Славное море – священный Байкал» Филиппа Кедрина, подаренной им школе.

Это было метровое полотно, натянутое на подрамник. Тяжелую золоченую раму Дора Павловна сняла, перед тем как вручить картину школьникам. «И так перешло...» – сказала она недовольно.

На картине было изображено беспредельное «Славное море», в сероватых сумеречных тонах, спокойно сливающееся с горизонтом. Только справа, сквозь туман, просвечивали гряды гор, вершины которых покрывал снег.

Два года висела картина в школе. Но вот случилось так, что Филиппу Кедрину предложили поместить в областной музей несколько своих работ. И выбор его пал на «Славное море». Он сказал об этом дочери. Та возмутилась, заявила, что картина эта теперь собственность школы и брать ее оттуда недостойно художника. Отец было согласился, но мать настаивала заменить картину другой.

Тогда... Утром школьники обнаружили, что картина Кедрина испорчена. Кто-то полоснул холст ножом.

Видимо, нелегко было Лале совершить это. У нее начались сильные головные боли, поднялась температура. Ее уложили в постель. Наташка, конечно, все знала.

Пока Лаля болела, она приходила к ней каждый день и сообщила ей как-то между прочим, что испорченную картину сняли для реставрации. И всё.

Дора Павловна, судя по ее сухому обращению с дочерью, тоже все поняла. Отец же ни о чем не догадался, сходил в школу, увидел, что картину легко восстановить, и успокоился. А пока в музей отправил другую – мрачное изображение загородного «Чертова озера», с давних лет овеянного страшными легендами.

Для Николая Михайловича, отлично знавшего семьи девочек, характеры отношений в них, случай с картиной «Славное море – священный Байкал» был совершенно ясен. Думал он поговорить по-серьезному с Лалей, но поставил себя на ее место, перенесся в неповторимые пятнадцать лет и никакой угрозы для становления личности в ее поступке не усмотрел. Поэтому и разговаривать с ней не стал, а тем более не стал делиться своими мыслями с коллегами. Он знал, что, увы, в учительской далеко не все понимали детские души, некоторые даже не всегда интересовались ими.

Воспитанники Николая Михайловича Грозного нередко доверяли ему свои сокровенные тайны. Знал учитель, что Наталья посещает клуб, где второй год уже занимается стрельбой из пистолета. Знала об этом Лаля. Знали родители Наташки. Оба спортсмены – тренеры по художественной гимнастике, они ничего особенного не видели в увлечении дочери. А Николай Михайлович не раз задумывался, почему стреляет Наташка из пистолета, а не из винтовки, и чувствовал, что, открывая ему свою тайну, Наташка чего-то недоговаривала. И у Лали при разговоре о спортивном увлечении подруги лицо становилось деланно равнодушным, ну совсем потусторонним. Это тоже настораживало учителя.

Три раза в неделю Наташка прямо из школы мчалась в городской клуб. Обогнув одноэтажный новый дом, она, с гордостью предъявив в проходной пропуск, пересекала двор, с трудом удерживаясь, чтобы не бежать, входила в низкую дверь и долго шла длинным, полутемным коридором. В эти минуты в памяти ее возникали рыцари из прочитанных книг. Казалось даже, она слышала звуки скрещенных мечей.

Здесь путь ей преграждал сидящий на стуле человек в кожаной куртке и кожаных штанах. Он снова проверял ее пропуск и только потом с визгом и лязгом, неприятно нарушая мертвую тишину коридора, открывал железную дверь оружейного склада, доставал пистолет, проверял, заряжен ли он. Затем всегда с одинаковой фразой: «Проверьте, товарищ стрелок, при мне, заряжен ли пистолет» – подавал его Наташке. Та, положив пистолет в ящик, шла дальше по темному коридору в специальное помещение, где теперь еще раз тренер проверит, не заряжен ли пистолет, затем даст ей один патрон и будет следить за ее вытянутой рукой, уже теперь не дрожащей, как в прошлом году, за тем, как, прищуривая один глаз, взводит она курок и стреляет в мишень.

Редко-редко в коридоре навстречу ей попадался какой-нибудь уже отстрелявшийся мальчишка и, замедляя шаг, вглядывался в девчонку, гордо вышагивающую с ящиком в руке, а потом останавливался и провожал ее взглядом. А иной, идущий сзади, намеренно обгонял ее и с любопытством оборачивался. Из пистолета, со дня основания кружка, стреляли только мальчишки. Уже в клубе прошел слух, что какая-то девчонка «на обе лопатки положила всех мальчишек» и вот-вот будет мастером спорта.

Рассказала Наташка Грозному и о случае, происшедшем с ней во время зимних каникул в спортивном лагере «Снайпер», разместившемся на окраине небольшого села. Этот случай, кроме Лали, никто не знал.

Юные стрелки готовились к городским соревнованиям. Для сельской молодежи это было событием. Школьники издали наблюдали занятия стрелков, толпами собираясь на краю просторной, убеленной снегом поляны, где посередине высилась снежная гора, в которую упирался блиндаж с навесом у входа.

Накануне в штаб лагеря была подброшена записка:

Ребята! Наши хулиганы решили отобрать у вас оружие. Будьте осторожны!

Над запиской посмеялись и сожгли ее в печке.

Наташка стреляла. Левая рука упиралась в бедро, правая – вытянутая – крепко и уверенно держала тяжелый пистолет. Выстрел. Снова выстрел. Третий... пятый... восьмой... На асфальт падают гильзы.

Наташка устала, замерзла рука, а в магазине еще два патрона. «Достреляю в следующий раз», – решила она и, поглядывая, не заметил ли тренер недострелянных патронов, вынула магазин, положила в ящик рядом с пистолетом.

– Почисти. Потом сдашь, – сказал тренер, направляясь к другому стрелку.

Наташка вышла на поляну, по тропинке обогнула навес и по ступенькам спустилась в блиндаж.

От белизны снега поляны она вначале ничего не видела в охватившем ее полумраке и вдруг, приглядевшись, заметила впереди трех рослых парней.

– Давай оружие! – свистящим шепотом сказал один, и все трое медленно двинулись к девочке.

На одно мгновение Наташка растерялась, но сразу же ее охватила сумасшедшая отвага. Она поспешно выхватила из ящика пистолет, сунула в него магазин, отступила. Рванулась мысль: «Стрелять в ноги среднему и тому, что справа!» Она вытянула руку с пистолетом и с криком: «Стреляю!» – взвела курок.

Парни кинулись в стороны и в мгновение исчезли.

На крик Наташки прибежал бледный, взволнованный тренер, примчались стрелки с ящиками и пистолетами в руках.

Все мгновенно вспомнили сожженную записку. А толпы деревенских школьников на поляне, ничего не подозревая, сгорая от любопытства, издали наблюдали за тем, что творилось в блиндаже.

Итак, стрельбу из пистолета от Николая Михайловича Наташка не скрывала, а вот то, что она занималась английским и немецким языками у частного учителя, оказалось для него неожиданностью и в какой-то степени подсказало разгадку Наташкиного увлечения стрельбой.

Однажды Наташка остановила Грозного в коридоре. Была она очень взволнована, с пунцовыми щеками, блестящими глазами, и губы ее подергивались не то от негодования, не то от усилия не расплакаться. Такой Наташку Николай Михайлович еще никогда не видел. Он понял: произошло что-то из ряда вон выходящее.

Очень может быть, что все рассказанное ученицей на иногo учителя не произвело бы впечатления. Но Грозный почувствовал в этом самое страшное для школы, что только может быть: когда вместо воспитания в ее стенах калечат юные души.

И Грозный ринулся в бой за правду.

Спокойный, но с такими же пылающими глазами, как у Натальи, он после уроков подошел к учительнице английского языка и попросил ее задержаться.

Ей было всего 22 года, и она, окончив институт, лишь первый год работала в школе.

На вид она казалась еще совсем девчонкой, со взбитыми темно-рыжими волосами, с круглыми, неподвижными глазами, по которым невозможно было угадать ее чувств и мыслей. У нее были полные губы, влажные, потому что по привычке она то и дело облизывала их. Она была очень маленького роста, с малюсенькими ножками и ручками.

Держалась она всегда высокомерно и самоуверенно. И Николай Михайлович не раз пытался понять: таков ли ее характер, или она все это напускает на себя, чтобы спрятать свою неопытность и страх перед новым делом?

– Светлана Ивановна! Почему вы мне не сказали, что уже месяц у вас конфликт с Натальей Ковригиной? – спросил ее Николай Михайлович, когда они сели в учительской за стол друг против друга. – Почему вы ей не разрешили рассказать об этом мне и я

узнал все от ее одноклассников? – Грозный решил не выдавать Наташку. – Мне уж потом пришлось заставить ее рассказать все.

– Я хотела ликвидировать эту историю без вмешательства классного руководителя, – запнувшись и краснея, как школьница, сказала она.

«Да, пожалуй, не высокомерна и не самоуверенна. Просто беспомощна, молода и неопытна», – подумал Грозный и немного смягчился.

– Как рассказала вам Ковригина о том, что произошло? – вдруг живо спросила Светлана Ивановна.

– Извольте. В конце урока вы объявили, что задержите учеников на следующий – седьмой, дополнительный урок. Ковригина встала и с обычной своей прямоотой и резкостью сказала, что дополнительные уроки вообще-то запрещены и учитель имеет право проводить их лишь с согласия самих учеников. Сказала она это, возможно, и грубо, что свойственно детям этого возраста. Кстати, насчет дополнительных уроков, Светлана Ивановна, ученица-то права! Дальше Наталья сказала, что она не может остаться на дополнительный урок, так как с утра сговорилась с мамой встретиться в городе. Вы сказали: «Ах, какая важность – ждет мама! Маменькина дочка!» Вы перед классом высмеяли ее за то, что она в пятнадцать лет имела мужество в присутствии класса и учителя показать свое уважение к матери! И с тех пор почти месяц вы неизменно бросаете в классе реплики на ее счет, что, дескать, есть среди нас «маменькины дочки», «а что скажет мама». – Николай Михайлович встал и, заложив за спину руки, сказал, глядя в упор на учительницу: – Знаете ли вы, что одна из первых заповедей школы – воспитывать в учениках любовь и уважение к родителям? А вы сегодня переполнили чашу терпения ученицы. Вы при всем классе заявили, что напишете письмо в партийную организацию ее отца, чтобы там пригляделись к своему члену партии, получше бы узнали, что он за человек, если воспитал дочь, которая хуже уличного хулигана. Было это или нет?

– Нет, не было! – выпрямляясь и краснея, сказала учительница. – Ковригина все врёт!

– Я знаю Ковригину с пятого класса. Она может быть невыдержанной, может быть грубоватой. Но она никогда не врала. За что и пользуется исключительным уважением класса, учителей

школы. А вы сравнили ее с уличным хулиганом! Вы кричали на нее и заставили стоять весь урок. Поймите, это же экзекуция. Это почти то же, что век назад: стояние учеников коленями на горохе!

– Вы бы видели, с какой наглостью она смотрела на меня!

– А как же, чем же ей защищаться от несправедливости? Только взглядом. Сказать ей ничего нельзя. Прав будет все равно учитель. А кричать? Кричать – это значит расписываться в собственной беспомощности. Когда учитель кричит, класс на стороне того, на кого кричат, и всегда против учителя. Учитель роняет свой авторитет. Криком он растит бессовестных крикунов. Так не воспитывают, а калечат!

Он уже шагнул из угла в угол и курил, хотя никогда не позволял себе курить в учительской, в присутствии некурящей женщины, да еще не спросив разрешения.

– С чего вы взяли? Я никогда не кричу! Значит, по-вашему, я вру? Подождите минутку. Я сейчас.

Она бросила на стол портфель, который до этого стоял на полу, и выскочила из учительской.

Николай Михайлович решил, что ей стало нехорошо, и упрекнул себя в несдержанности. Он потушил сигарету, сел и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Вошла раскрасневшаяся Наташка, за ней такая же раскрасневшаяся Светлана Ивановна.

Светлана Ивановна села. Николай Михайлович тоже сидел. Наташка стояла.

– Ковригина, почему ты говоришь, что я кричу на тебя? Разве я когда-нибудь вообще кричала? Значит, я вру?

Что же могла сказать Наташка? Николай Михайлович отлично понимал – она не может сказать: «Да, врете вы, а не я!»

Это опять была та же экзекуция, что и стояние весь урок.

Щеки Натальи покраснели. Глаза сузились и глядели на учительницу с откровенным презрением. Только раз она перевела взгляд на Грозного, и в нем он уловил такую беспомощность, что у него сжалось сердце.

Он встал и постарался спокойно сказать:

– Иди, Наташа.

Она выбежала из учительской, и ему послышалось, что скрип двери заглушил несдержанное рыдание.

«Боже мой! До чего неумна!» – с болью подумал он о Светлане Ивановне.

– Вы подрываете авторитет учителя! – крикнула Светлана Ивановна, вскакивая и тоже готовая разрыдаться.

– Если действовать таким образом, то авторитета у вас никогда не будет. Я допускаю, что это от вашей неопытности. Опытный педагог такой конфликт разрешил бы в два часа. А у вас он тянется второй месяц. Вы истерзали ученицу, изнервничались сами. На уроке вы не замечаете Ковригину, не спрашиваете ее.

– Неправда, я проверила диктант и даже поставила ей пятерку.

– Еще бы! Она отлично знает английский! Она четвертый год, оказывается, берет уроки у доцента кафедры английского языка. Он обнаружил у нее удивительное дарование. Ведь она отлично знает еще и немецкий. Так что оставаться на дополнительный ей действительно не нужно было. Послушайте меня, Светлана Ивановна, учителя уже с немалым опытом. Я вам только добра желаю. Когда у вас возникнет конфликт с учеником, никогда не пытайтесь уладить его в присутствии класса. Поговорите один на один, и вы всегда нащупаете верный подход. Никогда не кричите на учеников и будьте предельно справедливы к ним, иногда этой справедливостью уязвляя даже свое самолюбие. В этом возрасте все они ищут правду. Кидаются из одной крайности в другую. И любая неправда, любая несправедливость, восторжествовав, заставит их думать: «Раз так, значит, надо заискивать, надо приспособливаться, надо ненавидеть учителя, но молчать, надо лгать». Несправедливостью учитель одним махом может зачеркнуть все лучшее в юной душе, и потом уже ее не выправишь. Помните это ежеминутно. А если не можете, лучше уйдите из школы.

Он помолчал и сказал, снова сдерживая себя, чтобы казаться спокойным:

– Советую вам сейчас позвать сюда Ковригину и сегодня же закончить этот конфликт. Уверю вас, Наталья очень хороший человек.

– Но что же, я первая буду зазывать ее на беседу, унижаться перед девчонкой, когда она извиниться передо мной не желает?

«А в чем ей извиняться?!» – хотел было спросить Николай Михайлович, но не спросил, а только сказал:

– Зачем вам это формальное извинение? Вам важны не пустые

слова, а перемена ее отношения к вам. Любой ценой, пусть трудной для вас. Вам нужно поговорить с ней спокойно, с глазу на глаз.

– Самой вызывать ее на разговор? Вы считаете это педагогичным?

– Да. Считаю педагогичным. И даже необходимым в данном случае. Лично я подошел бы к ученице первым. И были времена – подходил.

– Ну, знаете, не зря все учителя считают, что вы роняете авторитет педагога! – зло сказала Светлана Ивановна, схватила свой портфель и выбежала из учительской.

Николай Михайлович немного постоял, хотел закурить, но подумал, что где-то в коридоре или у вешалки, а может, на улице его наверняка ждет Наташка. Надо успокоить ее. Суметь в чем-то оправдать учительницу, найти и ее, Наташкину, вину. Словом, пойти чуть-чуть наперекор своим взглядам, чуть-чуть стать нечестным в отношении к себе и своим ученикам.

Он направился к двери, приоткрыл ее и увидел: в дальнем конце коридора стояла Наташка. К ней подошла Светлана Ивановна и что-то сказала. Наташка выпрямилась, упрямо прислонилась к стене. Светлана Ивановна еще сказала что-то и показала рукой на соседний класс. Они обе зашли туда – первая Светлана Ивановна, быстро и решительно, за ней Наташка, как бы колеблясь, с трудом отдирая ноги от пола.

Николай Михайлович закрыл дверь и облегченно вздохнул. «Молода! Неопытна! Но, кажется, дошло. Как же надо неотрывно следить за работой начинающего учителя! И что это за бесконечные дополнительные уроки?»

Не откладывая, он пошел потолковать с завучем.

В этот день Наташка, конечно, провожала Николая Михайловича до самого дома. И рассказывала ему:

– Она подошла ко мне и сказала: «Ты не хочешь поговорить со мной?» Я ответила: «По-моему, не о чем, все ясно». И наверно, зло это у меня получилось. Она ведь оскорбила меня тем, что стоять перед классом заставила, и бестактностью в отношении моих родителей, и «уличной хулиганкой». «А может быть, все-таки побеседуем?» – говорит вдруг, да так мирно. И, знаете, обида, зло на нее у меня улеглись. Я, к сожалению, очень незлопамятна. Думаю, интересно, что скажет она. Да и вспомнила слова моего отца.

Уезжая, он всегда напутствует меня одной фразой: «От дураков подальше!» Я знаю, что вы сейчас скажете: нельзя называть так взрослых, особенно учителей. Но только скажете. Невозможно же, чтобы вы думали, что она умная.

– Ты путаешь, Наталья, ум и неопытность педагога. Она просто очень молода. Светлана Ивановна не знает еще, как подойти к вам, ей самой страшно, вот она и кричит. Подожди, лет через пять из нее может получиться отличный учитель.

– Не получится, Николай Михайлович. Учителем, мне кажется, надо родиться. Это, как раньше говорили, «от бога». Талант нужен.

«В пятнадцать лет так рассуждать, – думал Николай Михайлович, – и с таким разумным, глубоким, вполне сложившимся человеком, отлично понимающим, что такое добро и зло, не найти общего языка! Это почти невероятно. Как же надо было оскорбить чувства ученицы, чтобы Наташка, такая волевая и все понимающая, не пожелала взять себя в руки и пошла на конфликт, который, она знала, грозил ей только повседневными неприятностями».

– А я, откровенно говоря, уже хотела уходить в другую школу. Я не смогла бы ничего доказать. Учителя не захотели бы «ронять честь мундира». И, кроме вас, меня никто бы не защитил. И вам же потом на педсовете за это досталось бы! Только вот жаль было наш замечательный класс. И... – Наташка не сказала, но Николай Михайлович знал – жалко было расставаться с ним самим!» (Кузнецова А. А. Земной поклон: повесть / А. А. Кузнецова; рис. Н. Кравченко. – М.: Дет. лит., 1977. – 175 с.).

Кейс № 8 **«Еще мама»**

Цель кейса: формирование у студентов способности проникать во внутренний мир ребенка, понимать, принимать и сочувствовать ему, эмоционально переживать (эмпатический компонент профессиональной идентичности).

Методические рекомендации преподавателю

Ребенок до школы проводит большую часть времени с мамой, для него мама – это и островок безопасности, и учитель, и заботливый друг. Для многих детей, идущих в первый класс, расставание с мамой на несколько часов проходит болезненно и очень важ-

но, чтобы в этот непростой период в жизни ребенка его принял понимающий и мудрый учитель. Как утверждал В.А. Сухомлинский, он должен стать «для ребенка таким же дорогим и родным человеком, как мать». Материалом кейса является рассказ А. Платонова «Еще мама». Разбирая кейс, рекомендуется проанализировать приемы учителя, позволяющие привлечь к себе ребенка, заинтересовать его школой, учением. Студенты должны прийти к пониманию, что проявление учительской нежности и заботы разрушает между педагогом и воспитанником барьер, препятствующий установлению духовных отношений.

Вопросы и задания для обсуждения:

1. Охарактеризуйте педагогические приемы учителя, способствующие безболезненному вхождению ребенка в новую школьную жизнь.

2. Почему учитель первое слово на доске написала «мама»? Обоснуйте свою точку зрения.

3. Правильно ли сделала Аполлинурия Николаевна, сказав, что сейчас она первокласснику мама? Обоснуйте свою точку зрения.

Материал к кейсу

« – А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! – сказал Артем своей матери, Евдокии Алексеевне. – Правда, мама?

– Правда, правда, – ответила мать. – Чего тебе ходить!

– Чего мне ходить? Ничего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

– Не надо, – сказала мать, – не надо!

А когда прошло лето и стало Артему семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артем хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из ее руки; рука у матери теперь была твердая, а прежде была мягкая.

– Ну что ж! – сказал Артем. – Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

– Скоро, скоро, – ответила мать. – Поучись чуть-чуть и домой пойдешь.

– Я чуть-чуть, – соглашался Артем. – А ты по мне дома не скучай!

– Не буду, сынок, я не буду скучать.

– Нет, ты немножко скучай, – сказал Артем. – Так лучше тебе будет, а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сра-

зу буду играть, я бегом домой прибегу.

– А я тебя ждать буду, – сказала мать, – я тебе оладьев нынче испеку.

– Ты будешь ждать меня? – обрадовался Артем. – Тебе ждать не дожидаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дожидайся!

– Да уж ладно! – засмеялась мать Артема. – Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

– Ты дыши и терпи, тогда не помрешь, – сказал Артем. – Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа – ее целое лето строили, – а за школой начинался темный лиственный лес. До школы отсюда еще было далеко, до нее протянулся долгий ряд домов – дворов десять или одиннадцать.

– А теперь ступай один, – сказала мать. – Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

– А то будто! Вон она!

– Ну, иди, иди, Артемушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артем задумался.

– Нет, она за тебя не будет, – тихо произнес Артем, – она чужая.

– Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артема в лоб, и он пошел далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артему хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошел вперед, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артема, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артем снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако ее уже не было видно.

И пошел он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крикнул и защемил клювом штанину у Артема, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артем рванулся прочь и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы, – решил Артем, – они живут вместе с орлами».

На другом дворе были открыты ворота. Артем увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями, животное стояло к Артему хвостом, но все равно оно было сердитое и видело его.

«Ктой-то это? – подумал Артем. – Волк, что ли?» Артем оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, – и не видать ли ее там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, это хорошо, волк ее не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артема пасть с зубами.

Артем узнал собаку Жучку.

– Жучка, это ты?

– Р-р-р! – ответила собака-волк.

– Тронь только! – сказал Артем. – Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она виднеется!

– Ммм, – смиренно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

– Эх, далече еще до школы! – вздохнул Артем и пошел дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артема по щеке, словно вонзился в нее, и тут же вышел вон обратно.

– Это ктой-то еще? – напугался было Артем. – Ты чего дерешься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик – ты видишь!

Он поглядел вокруг, а никого не было, один ветер шумел павшими листьями.

– Спрятался? – сказал Артем. – Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артем поднял его, потом положил на лопух.

– Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет.

Сказавши так, Артем побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: «Ффурфурчи!»

– Не трожь меня: мне некогда! – ответил Артем и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артем не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артем не понимал, что они говорили.

– А ты знаешь жирный шрифт? Ого! – сказал мальчик из другой деревни.

А еще двое говорили:

– Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

– А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!
– Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелёта проходили.
«А я ничего не знаю, – подумал Артем, – я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлинария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

– Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне. Все ребята пошли в школу, один Артем остался во дворе.

Аполлинария Николаевна подошла к нему:

– А ты чего? Оробел, что ли?

– Я к маме хочу, – сказал Артем и закрыл лицо рукавом. – Отведи меня скорее ко двору.

– Нет уж, нет! – ответила учительница. – В школе я тебе мама.

Она взяла Артема под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, – на была лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела было посадить Артема за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошел с рук. Аполлинария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артема оставила у себя на коленях.

– Эж ты, селезень толстый какой на коленях сидит! – сказал один мальчик.

– Я не толстый! – ответил Артем. – Это меня орел укусил, я раненый.

Он сошел с коленей учительницы и сел за парту.

– Где? – спросила учительница. – Где твоя рана? Покажи-ка ее, покажи!

– А вот тут! – Артем показал ногу, где гусак его защемил.

Учительница оглядела ногу.

– До конца урока доживешь?

– Доживу, – обещал Артем.

Артем не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далекое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь – вот бабушка Дарья весною враз померла, не чаяли, не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь

Артем давно из дому ушел, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

– А ты чего, Федотов Артем, ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

– Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

– Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь.

– Без меня потушат? – спросил Артем.

– Без тебя управятся.

После уроков Артем первым побежал домой.

– Подожди, подожди, – сказала Аполлинария Николаевна. – Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

– Эх, какой – инвалид, а бегаешь!

Артем остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлинарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто, хорошо.

Аполлинария Николаевна посадила Артема на стул, обмыла его ногу теплой водой из таза и перевязала красное пятнышко – щипок гусака – белой марлей.

– А мама твоя будет горевать! – сказала Аполлинария Николаевна. – Вот горевать будет!

– Не будет! – ответил Артем. – Она олады печет!

– Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артем в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошел учиться – значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

– И правда! – испугался Артем.

– Правда. Давай сейчас учиться.

– Чуть-чуть только, – сказал Артем.

– Ладно уж, чуть-чуть, – согласилась учительница. – Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его к себе на руки и понесла в класс. Артем боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», – подумал Артем.

В классе Аполлинария Николаевна написала на доске одно

слово и сказала:

– Так пишется слово «мама». – И велела писать эти буквы в тетрадь.

– А это про мою маму? – спросил Артем.

– Про твою.

Тогда Артем старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артем писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

– Ты молодец! – сказала Аполлиария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артем сумел написать буквы хорошо и ровно.

– Еще учи! – попросил Артем. – Какая это буква: вот такая – ручки в бочки?

– Это Ф, – сказала Аполлиария Николаевна.

– А жирный шрифт что?

– А это такие вот толстые буквы.

– Кормлёны? – спросил Артем. – Больше не будешь учить – нечему?

– Как так «нечему»? Ишь ты какой! – сказала учительница. – Пиши еще!

Она написала на доске: «Родина».

Артем стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!», а потом еще раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!»

И Артем увидел в окне черную голову быка. Бык глянул на Артема одним кровавым глазом и пошел к школе.

– Мама! – закричал Артем. Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

– Не бойся! – сказала она. – Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

– У-у-у! – прогудел бык.

Артем обхватил руками шею Аполлиарии Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

– Я прогоню быка. Артем не поверил.

- Да. А ты не мама!
- Мама!.. Сейчас я тебе мама!
- Ты еще мама? Там мама, а ты еще, ты тут.
- Я еще. Я тебе еще мама!

В классную комнату вошел старик с кнутом, запыленный землей; он поклонился и сказал:

– Здравствуйте, хозяева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была...

– А вы кто, вы чьи? – спросила Аполлинария Николаевна.

– Мы дальние, – ответил старик. – Мы скрозь идем вперед, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

– Они вот детей могут изувечить, ваши быки! – сказала Аполлинария Николаевна.

– Еще чего! – обиделся старик. – А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипяченой воды – он полбака выпил, вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артему. «Ешь, – сказал, точи зубы», – и ушел.

– А еще у меня есть еще мамы? – спросил Артем. – Далеко-далеко, где-нибудь?

– Есть, – ответила учительница. – Их много у тебя.

– А зачем много?

– А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина – еще мама тебе.

Вскоре Артем пошел домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

– Куда ты? Рано еще, – сказала мать.

– Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! – ответил Артем.

– Ну что ж, что учительница. Она добрая.

– Она, должно, уже соскучилась, – сказал Артем. – Мне пора. Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

– Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой» (Платонов А. Еще мама: рассказ / А. Платонов; сост. А. Акимова; рис. В. Куприянова. – Л.: Дет. лит., 1985).

Кейс № 9

«Удивительные открытия»

Цель кейса: формирование у студентов способности проникать во внутренний мир ребенка (эмпатический компонент профессиональной идентичности).

Методические рекомендации преподавателю

Педагогическая деятельность интересна тем, что сопровождается ежедневными, ежечасными удивительными открытиями. Проникая во внутренний мир ребенка, учитель, как разведчик, осторожно, чтобы не навредить, познает этот мир. В.А. Сухомлинский утверждал, что в сердце каждого ребенка есть своя струна, на которую необходимо педагогу настроиться, чтобы его слова отозвались в сердце ребенка.

Интересные педагогические открытия представлены в рассказе Ю.Я. Яковлева «Багульник». Молодой педагог не сразу увидела в своем воспитаннике доброго, отзывчивого человека. Понадобилось время и педагогу, и воспитаннику, чтобы произошли удивительные открытия для каждого, настал момент истины, когда струны сердец учителя и ученика стали настраиваться на понимание и духовное общение.

Вопросы для обсуждения:

1. Какие открытия были сделаны учителем?
2. Какие открытия были сделаны Костой?
3. Как Вы считаете, какие педагогические меры должна предпринять Евгения Ивановна, узнав правду о своем воспитаннике?

Материал к кейсу

«Он вызывающе зевал на уроках: зажмуривал глаза, отвратительно морщил нос и открывал пасть – другого слова тут не подберешь! При этом он подвывал, что вообще не лезло ни в какие ворота. Потом энергично тряс головой – разгонял сон – и уставлялся на доску. А через несколько минут снова зевал.

– Почему ты зеваешь?! – раздраженно спрашивала Женечка.

Она была уверена, что он зевает от скуки. Расспрашивать его было бесполезно: он был молчальником. Зевал же потому, что всегда хотел спать.

Он принес в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой. И все посмеивались над прутиками, и кто-то даже пытался подмести ими пол, как веником. Он отнял и снова поста-

вил в воду.

Он каждый день менял воду.

И Женечка посмеивалась.

Но однажды веник зацвел. Прутики покрылись маленькими светло-лиловыми цветами, похожими на фиалки. Из набухших почек-узелков прорезались листья, светло-зеленые, ложечкой. А за окном еще поблескивали кристаллики уходящего последнего снега.

Все толпились у окна. Разглядывали. Старались уловить тонкий сладковатый аромат. И шумно дышали. И спрашивали, что за растение, почему оно цветет.

– Багульник! – буркнул он и пошел прочь.

Люди недоверчиво относятся к молчаливкам. Никто не знает, что у них, молчаливков, на уме: плохое или хорошее. На всякий случай думают, что плохое. Учителя тоже не любят молчаливков, потому что хотя они и тихо сидят на уроке, зато у доски каждое слово приходится вытягивать из них клещами.

Когда багульник зацвел, все забыли, что Коста молчаливик. Подумали, что он волшебник.

И Женечка стала присматриваться к нему с нескрываемым любопытством.

Женечкой за глаза звали Евгению Ивановну. Маленькая, худая, слегка косящая, волосы – конским хвостиком, воротник – хомутиком, каблуки с подковками. На улице ее никто не принял бы за учительницу. Вот побежала через дорогу. Застучали подковки. Хвостик развеивается на ветру. Остановись, лошадка! Не слышит, бежит... И долго еще не затихает стук подковок...

Женечка обратила внимание, что каждый раз, когда раздавался звонок с последнего урока, Коста вскакивал с места и сломя голову выбегал из класса. С грохотом скатывался с лестницы, хватал пальто и, на ходу попадая в рукава, скрывался за дверь. Куда он мчался?

Его видели на улице с собакой, огненно-рыжей. Очесы длинной шелковистой шерсти колыхались языками пламени. Но через некоторое время его встречали с другой собакой – под короткой шерстью тигрового окраса перекачивались мускулы бойца. А позднее он вел на поводке черную головешку на маленьких кривых ногах. Головешка не вся обуглилась – над глазами и на груди

теплились коричневые подпалины.

Чего только не говорили про Косту ребята!

– У него ирландский сеттер, – утверждали они. – Он охотится на уток.

– Ерунда! У него самый настоящий боксер. С такими ходят на диких быков. Мертвая хватка! – говорили другие.

Третьи смеялись:

– Не можете отличить таксы от боксера!

Были еще такие, которые спорили со всеми:

– Он держит трех собак!

На самом деле у него не было ни одной собаки.

А сеттер? А боксер? А такса?

Ирландский сеттер горел костром. Боксер, как перед боем, играл мышцами. Такса чернела обгоревшей головешкой.

Что это были за собаки и какое отношение они имели к Косте, не знали даже его родители. В доме собак не было и не предвиделось.

Когда родители возвращались с работы, они заставляли сына за столом: он поскрипывал перышком или бормотал под нос глаголы. Так он сидел запоздно. При чем здесь сеттеры, боксеры, таксы?

Коста же появлялся дома за пятнадцать минут до прихода родителей и едва успевал отчистить штаны от собачьей шерсти.

Впрочем, кроме трех собак, была еще и четвертая. Огромная, головастая, из тех, что спасают людей, застигнутых в горах снежными лавинами. Из-под длинной свалывшейся шерсти проступали худые, острые лопатки, большие впалые глаза смотрели печально, тяжелые львиные лапы – ударом такой лапы можно сбить любую собаку – ступали медленно, устало.

С этой собакой Косту никто не видел.

Звонок с последнего урока – сигнальная ракета. Она звала Косту в его загадочную жизнь, о которой никто не имел представления.

И как зорко ни следила за ним Женечка, стоило ей на мгновение отвести глаза, как Коста исчезал, выскальзывал из рук, улетучивался.

Однажды Женечка не выдержала и бросилась вдогонку. Она вылетела из класса, застучала подковками по лестничным ступеням и увидела его в тот момент, когда он несся к выходу. Она

выскользнула в дверь и устремилась за ним на улицу. Прячась за спины прохожих, она бежала, стараясь не стучать подковками, а конский хвост развивался на ветру.

Она превратилась в следопыта.

Коста добежал до своего дома – он жил в зеленом облупившемся доме, исчез в подъезде и минут через пять появился снова. За это время он успел бросить портфель, не раздеваясь проглотить холодный обед, набить карманы хлебом и остатками обеда.

Женечка поджидала его за выступом зеленого дома. Он пронесся мимо нее. Она поспешила за ним. И прохожим не приходило в голову, что бегущая, слегка косящая девушка не Женечка, а Евгения Ивановна.

Коста нырнул в кривой переулочек и скрылся в парадном. Он позвонил в дверь. И сразу послышалось какое-то странное подвывание и царапанье сильной когтистой лапы. Потом завывание перешло в нетерпеливый лай, а царапанье в барабанную дробь.

– Тише, Артюша, подожди! – крикнул Коста.

Дверь отворилась, и огненно-рыжий пес бросился на Косту, положил передние лапы на плечи мальчику и стал лизать длинным розовым языком нос, глаза, подбородок.

– Артюша, перестань!

Куда там! На лестнице послышался лай и грохот, и оба – мальчик и собака – с невероятной скоростью устремились вниз. Они чуть не сбили с ног Женечку, которая едва успела прижаться к перилам. Ни тот, ни другой не обратили на нее внимания. Артюша кружился по двору. Припадал на передние лапы, а задние подбрасывал, как козленок, словно хотел сбить пламя. При этом лаял, подскакивал и все норовил лизнуть Косту в щеку или в нос. Так они бегали, догоняя друг друга. А потом нехотя шли домой.

Их встречал худой человек с костылем. Собака терлась о его единственную ногу. Длинные мягкие уши сеттера напоминали уши зимней шапки, только не было завязочек.

– Вот, погуляли. До завтра. – сказал Коста.

– Спасибо. До завтра.

Артюша скрылся, и на лестнице стало темнее, словно погасили костер.

Теперь пришлось бежать три квартала. До двухэтажного дома с балконом, который находился в глубине двора. На балконе сто-

ял пес боксер. Скуластый, с коротким, обрубленным хвостом, он стоял на задних лапах, а передние положил на перила.

Боксер не сводил глаз с ворот. И когда появился Коста, глаза собаки загорелись темной радостью.

– Атилла! – крикнул Коста, вбегая во двор.

Боксер тихо взвизгнул. От счастья.

Коста подбежал к сараю, взял лестницу и потащил ее к балкону.

Лестница была тяжелой. Мальчику стоило больших трудов поднять ее. И Женечка еле сдержалась, чтобы не кинуться ему на помощь.

Когда Коста наконец приставил лестницу к перилам балкона, боксер спустился по ней на землю. Он стал тереться о штаны мальчика. При этом поджимал лапу. У него болела лапа.

Коста достал припасы, завернутые в газету. Боксер был голоден.

Он ел жадно, но при этом посматривал на Косту, и в его глазах накопилось столько невысказанных чувств, что казалось, он сейчас заговорит.

Когда собачий обед кончился, Коста похлопал пса по спине, прицепил к ошейнику поводок, и они отправились на прогулку.

Отвисшие углы большого черногубого рта собаки вздрагивали от пружинистых шагов. Иногда боксер поджимал больную лапу.

Женечка слышала, как дворничиха им вслед сказала:

– Выставили собаку на балкон и уехали. А она хоть помирай с голоду! Люди ведь!..

Когда Коста уходил, боксер провожал его глазами, полными преданности. Его морда была в темных морщинах, лоб пересекала глубокая складка. Он молча шевелил обрубок хвоста.

Женечке вдруг захотелось остаться с этой собакой. Но Коста спешил дальше.

В соседнем доме на первом этаже болел парнишка – был прикован к постели. Это у него была такса – черная головешка на четырех ножках. Женечка стояла под окнами и слышала разговор Косты и больного мальчика.

– Она тебя ждет, – говорил больной.

– Ты болей, не волнуйся, – слышался голос Косты.

– Я болею... не волнуйся, – отвечал больной. – Может быть, я отдам тебе велосипед, если не смогу кататься.

– Мне не надо велосипеда.
– Мать хочет продать Лаптя. Ей утром некогда с ним гулять.
– Приду утром, – после некоторого раздумья отвечал Коста. – Только очень рано, до школы.
– Тебе не попадет дома?
– Ничего... тяну... на тройки... Только спать хочется, поздно уроки делаю.

– Если я выкарабкаюсь, мы вместе погуляем.

– Выкарабкивайся.

– Ты куришь? – спрашивал больной.

– Некурящий, – отвечал Коста.

– И я некурящий.

– Ну, мы пошли... Ты болей... не волнуйся. Пошли, Лапоть!

Таксу звали Лаптем. Коста вышел, держа собаку под мышкой.

И вскоре они уже шагали по тротуару. Рядом с сапогами, ботинками, туфлями на кривых ножках семенил черный Лапоть.

Женечка шла за таксой. И ей казалось, что это пламеннорыжая собака обгорела и превратилась в такую головешку. Ей захотелось заговорить с Костой. Расспросить его о собаках, которых он кормил, выгуливал, поддерживал в них веру в человека. Но она молча шла по следам своего ученика, который отвратительно зевал на уроках и слыл молчальником. Теперь он менялся в ее глазах, как веточка багульника.

Но вот Лапоть отгулял и вернулся домой. Коста двинулся дальше, и его невидимая спутница – Женечка – снова пряталась за спины прохожих. Дома уменьшились ростом. А спин стало совсем мало.

Город кончался. Начались дюны. Женечке трудно было идти на каблуках по вязкому песку и корявым корням сосен. В конце концов, она сломала каблук.

И тут показалось море.

Оно было мелким и плоским. Волны не обрушивались на низкий берег, а тихо и неторопливо напозлали на песок и так же медленно и беззвучно откатывались, оставляя на песке белую каемку пены.

Море выглядело сонным и вялым, не способным к бурям и штормам.

Но бури на нем бывали. Далеко от дюн, за линией горизонта.

Коста шел по берегу, наклоняясь вперед – против ветра. Женечка сняла туфли, босиком было идти легче, но холодный влажный песок обжигал ступни. На берегу сохли развешанные на кольях сети с круглыми поплавками из бутылочного стекла, лежали лодки, перевернутые вверх килем.

Неожиданно вдалеке, на самой кромке берега, возникла собака.

Она стояла неподвижно, в странном оцепенении. Большоголовая, с острыми лопатками, с опущенным хвостом. Ее взгляд был устремлен в море. Она ждала кого-то с моря.

Коста подошел к собаке, но она даже не повернула головы, словно не слышала его шагов. Он провел рукой по свалывшейся шерсти.

Собака едва заметно шевельнула хвостом. Мальчик присел на корточки и разложил перед собакой хлеб и остатки своего обеда, завернутого в газету. Собака не оживилась, не выказала никакого интереса к пище. Коста стал ее поглаживать и уговаривать:

– Ну, поешь... Ну, поешь немного...

Собака посмотрела на него большими впалыми глазами и снова обратила взгляд к морю.

Женечка притаилась за развешанными сетями, словно попала, запуталась в них и не могла вырваться, чтобы тоже гладить собаку и говорить:

«Ну, поешь... Ну, поешь хоть немного!»

Коста взял кусок хлеба и поднес ко рту собаки. Та вздохнула глубоко и громко, как человек, и принялась медленно жевать хлеб.

Она ела без всякого интереса, как будто была сыта или привыкла к лучшей пище, чем хлеб, холодная каша и кусок жилистого мяса из супа... Она ела для того, чтобы не умереть. Ей нужно было жить. Она ждала кого-то с моря.

Когда все было съедено, Коста сказал:

– Идем. Погуляем.

Собака снова посмотрела на мальчика и послушно зашагала рядом. У нее были тяжелые лапы и неторопливая, полная достоинства львиная походка. Следы заполнялись водой.

В море переливались нефтяные разводы. Будто где-то за горизонтом произошла катастрофа, рухнула радуга и ее обломки прибило к берегу.

Мальчик и собака шли не спеша, а Женечка – следопыт Женечка – слышала, как Коста говорил собаке:

– Ты хороший... Ты верный... Пойдем со мной. Он никогда не вернется. Он погиб. Честное пионерское.

Собака молчала. Она и не должна была говорить. Она не отрывала глаз от моря. И в который раз не верила Косте. Ждала.

– Что же мне с тобой делать? – спросил мальчик. – Нельзя же жить одной на берегу моря. Когда-нибудь надо уйти.

Рыбацкая сеть кончилась. И Женечка как бы выпуталась из сетей.

Коста оглянулся и увидел учительницу. Она стояла на песке босая, а туфли держала под мышкой. И сквозняк, тянувший с моря, развеивал ее волосы, собранные в конский хвост.

– Что же с ней делать? – растерянно спросила она Косту.

– Она не пойдет. Я знаю, – сказал мальчик. Он почему-то не удивился появлению учительницы. – Она никогда не поверит, что хозяин погиб...

Женечка подошла к собаке. Собака глухо зарычала, но не залаяла, не бросилась на нее.

– Я ей сделал дом из старой лодки. Подкармливаю. Она очень тощая... Сперва укусила меня.

– Укусила?

– Руку. Теперь все зажило. Я йодом смазывал.

Пройдя еще несколько шагов, он сказал:

– Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Море потускнело и стало как бы меньше размером. Погасшее небо плотнее прижалось к сонным волнам. Коста и Женечка проводили собаку до ее бессменного поста, где неподалеку от воды лежала перевернутая лодка, подпертая чурбаком, чтобы под нее можно было забраться. Собака подошла к воде. Села на песок. И снова застыла в своем вечном ожидании...

Обратно учительница и ученик шли быстро, но, когда берег кончился, за дюнами Женечка остановилась и сказала:

– Я не могу так быстро. У меня каблук сломался.

– Мне надо бы поспеть до их прихода, – отозвался Коста.

– Тогда иди.

Коста внимательно посмотрел на Женечку и спросил:

– А как же вы?

– Я дойду не спеша.

– Может быть, вбить гвоздь? У вас есть гвоздь?

– Не знаю. – Женечка протянула ему туфлю.

Он покрутил каблук, как зуб, который шатается. И постучал камнем.

– Вот.

– Теперь лучше, – сказала Женечка, надевая туфлю.

Но шла она прихрамывая, наступая на носок, чтобы каблук держался.

На другой день в конце последнего урока Коста уснул. Он зевал, зевал, но потом уронил голову на согнутый локоть и уснул. Сперва никто не замечал, что он спит. Потом кто-то захихикал.

И Женечка увидела, что он спит.

– Тихо, – сказала она. – Совсем тихо!

Когда она хотела, все было как полагается. Тихо так тихо.

– Вы знаете, почему он уснул? – шепотом произнесла Евгения Ивановна. Я вам расскажу... Он гуляет с чужими собаками. Кормит их. Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Зазвенел звонок с последнего урока. Он звенел громко и протяжно.

Но Коста не слышал звонка. Он спал.

Евгения Ивановна – Женечка – склонилась над спящим мальчиком, положила руку ему на плечо и легонько потрясла. Он вздрогнул и открыл глаза.

– Звонок с последнего урока, – сказала Женечка, – тебе пора.

Коста вскочил. Схватил портфель. И в следующее мгновение скрылся за дверью» (Яковлев Ю. Я. Багульник: рассказы: [для сред. возраста] / Ю. Я. Яковлев. – М.: Дет. лит, 1975. – 415 с.).

Кейс № 10

«Твори Добро и ты растворишь Зло»

Цель кейса: формирование у студентов позитивного образа выбранной профессии; ответственности за результаты своей деятельности.

Методические рекомендации преподавателю

В качестве материала для кейса взят отрывок из книги В.Д. Плыкина «Вначале было слово... или След на воде». Автор является доктором технических наук, но в доступной форме излагает читателю причины проблем человечества, основной из которых является снижение уровня духовности человека.

Ученый ничего не говорит о роли учителя в деле повышения

уровня духовности человека, но этот процесс, безусловно, находится в руках великой армии педагогов. От учителя во многом зависит к чему придет человечество: к самоуничтожению или к возрождению как духовного сообщества. Будущий педагог должен понимать насколько ответственна его миссия, какие знания и как он будет передавать воспитанникам, чтобы уровень их духовности всегда превышал уровень полученных знаний.

Выстраивая диалоговое поле, необходимо сделать акцент на том, что каждое знание, выходящее из уст педагога, должно иметь духовную основу. Как писал М. Монтень: «Знания, – обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться. Тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред».

Вопросы для обсуждения:

1. Успешно ли будет познание ребенка и его воспитание на основе материалистического мышления педагога? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Согласны ли Вы с тем, что современный человеческий жизненный поток – это путь к катастрофе человечества? Какую роль в этом потоке играет учитель?

3. В чем сущность творения Добра учителем?

Материал к кейсу

«Материализм сделал своё дело на определенном этапе развития человечества. Этот этап закончился. Победная поступь науки затормозилась, сегодня наука переживает глубокий кризис. Материалистическое мировоззрение из прогрессивного превратилось в интеллектуальные оковы и не позволяет человечеству выйти на принципиально новый уровень развития.

Сегодня сознание современного человека поражено вирусом материализма. Его мировоззрение основано на материи, как на первопричине всего сущего. Оказывается, материя это не первопричина и даже не причина. Материя – это результат работы Разума Вселенной, информации и энергии, то есть, это следствие.

Наш материальный (физический) мир – мир следствий. Мир причин – в системе информационно-энергетических потоков Вселенной. Мир первопричин – во Вселенском Разуме, который формирует информацию, программирует Вселенские процессы и

реорганизует энергию, потоки которой, согласно программе, реализуют эти процессы.

Наша официальная наука сегодня исходит из того, что материя первична. И весь научный аппарат направлен на исследование именно этой «первичной» субстанции. Вся экспериментальная мощь современной науки направлена на материю: мы ее разрываем, пилим, расплавляем, растворяем, бомбардируем в ускорителях, и всё это делается для того, чтобы выйти к причинам мироустройства – к Истине.

Наше научное мышление и все наши научные методы направлены на работу с материей, то есть, со следствием. Какими бы тонкими ни были наши эксперименты, измерения и вычисления, какие бы усилия мы ни прилагали в сфере нашей науки, мы прилагаем их к следствиям.

Естественно, в результате мы имеем только следствия. Все истины, полученные нашей наукой, являются относительными. Сегодня наука утверждает, что это истина, завтра экспериментально получают новые результаты (факты) и это уже не истина.

Снова разрабатываются теории, которые выдвигают новые истины, и так до бесконечности. Наше материалистическое мышление в принципе не может привести нас к Истине. А ведь она есть и существует, независимо от того, знаем мы о ней или нет. Современная наука, изучая следствие (материю), отвечает на вопрос «как?», но не в состоянии ответить на вопрос «почему?».

В начале развития человечества на Земле, система мышления была одна: мышление, направленное на истинное миропонимание. Поэтому, логическая и Духовная составляющие процесса мышления были неразрывно связаны. В то время не было разделения на религию, философию и науку.

Это была единая система постижения Истины Мироустройства. Вот почему египетские жрецы еще 5000 лет назад были подлинными интеграторами знаний человечества того времени. Создав такую систему мышления, человечество вошло в эру Накопления Знания (период с 4400 года до н.э. по 2200 год до н.э.).

Далее система постижения истины расчленяется на логическую систему мышления и мистическую (Духовную) систему мышления. Этим расчленением ознаменовалось начало эры Потери Знания (период с 2200 года до н.э. до Рождества Христова).

Далее расчленение усилилось – логическое и Духовное мышления вошли в противоречие. Наука стала полностью базироваться на логической системе, а религия – на Духовной системе мышления, что привело к антагонизму между наукой и религией.

Этим ознаменовалось начало эры Воинствующего Невежества человечества (период от Рождества Христова до сегодняшнего дня). Человечество сегодня живет в завершающей фазе эры Воинствующего Невежества. В основе интеллекта современного человека лежит логическое мышление.

Современный человек для приобретения познаний должен изучать десятки наук, прочитывать сотни книг, затрачивая огромные физические, психические и интеллектуальные силы, тратя на это десятки лет своей жизни, расходуя большие материальные средства.

А египетский жрец, будучи человеком, духовно высокоразвитым, развившим в себе способности мгновенного озарения (происходящего на информационно-энергетическом уровне человека, но никак не на физическом уровне), мог мгновенно получать знания большие, чем современный ученый за всю свою жизнь.

Причём, знания человек получает такого объема и такой ясности, что у него не возникает ни сомнений, ни потребности в каких-то дополнительных домыслах и физических экспериментах. Все великие открытия были сделаны, как акт озарения гениальных ученых нашей планеты.

В силу воинствующей бездуховности (воинствующего невежества) современного человечества Земли, Истина скрыта от нас. Истина скрыта от нас Разумом Вселенной. Именно **Разум Вселенной** человечество еще в древности назвало **Богом**.

Я понимаю, что это слово не очень вписывается в словарный багаж современного человека. Но ведь дело не в названии, а в сути. Пусть для верующего человека это будет Бог. Материалисту просто дается информация о том, что во Вселенной есть Управляющее Ядро Разум Вселенной.

Только в силу того, что Он есть, во Вселенной существует глобальный порядок. Вселенная выращивается в строгом соответствии с законами Мироздания под постоянным управлением Вселенского Разума. В противном случае, был бы хаос, а хаос никогда не дает созидания, хаос – это беспорядок в начале процесса

и разрушение в конце.

Одна пчела не сможет построить улей и выжить. Не смогут и сто и тысяча пчел. Необходимо критическое число пчёл в рое (критическое число взаимодействий), после чего над роем пчёл создается единое информационно-энергетическое поле – сознание.

Сознание превращает пчелиный рой в высокоорганизованную семью. Это сознание устанавливает связь с сознанием планеты и получает всю необходимую информацию по организации жизни пчелиной семьи. Это сознание устанавливает связь с каждой пчелой и превращает пчелиный рой в сообщество (материальное образование) с высоким уровнем организации.

Один муравей никогда не построит муравейник, не построят его и сто и тысяча муравьев. Необходимо критическое число муравьев (критическое число взаимодействий), после чего над муравейником создается единое информационно-энергетическое поле – сознание муравейника, которое устанавливает связь с сознанием планеты.

Точно так же, нужно критическое количество живых существ – людей в человечестве Земли, животных, птиц, насекомых, растений, причем всё это – в великом многообразии, чтобы над планетой образовалось единое информационно-энергетическое поле – сознание планеты, которое устанавливает связь с сознанием вселенной и с сознанием каждого живого существа на Земле.

Мы материалистически твердо «знаем», что человек живёт на Земле только один раз и торопимся «взять» в этой жизни всё, что можно, любой ценой, не ограничивая себя в средствах достижения цели.

В результате такой стратегии жизни, человечество Земли излучает колоссальный поток отрицательной информации и энергий – **ЗЛА**. Этот поток настолько мощный, что достигает информационного слоя, разрушая целые информационные области и нарушая закономерности планетарных процессов.

Поэтому, не нужно удивляться земным катаклизмам: росту межнациональных конфликтов; вспыхиванию войн там, где их никто не ожидал; из ряда вон выходящему поступку конкретного человека, зная, что этот человек, в принципе, не мог так поступить, а он... поступил.

Это мы, люди своими черными душами, своими грязными помыслами, своей взаимной друг к другу злобой вызываем земле-

трясение или ураган в какой-то части нашей планеты. Это мы вызываем столкновение двух народов, которые веками жили в мире.

Сегодня человечество Земли напоминает организм, который не очищается от собственных шлаков. Этот организм или отравится собственными отработками, или начнёт усиленное самоочищение для спасения.

Еще в юности я читал Библию, но не понимал призыва к любви ко всему сущему. Я не понимал, что значит любить всех, зачем это нужно, и как этого можно достичь. Только теперь мне стал понятен смысл этого призыва, и только теперь я понял смысл короткой фразы: **«Твори Добро и ты растворишь Зло».**

Это не просто фраза – это Великий Вселенский Закон: «Жизнь дается человеку для того, чтобы он растворял мировое зло». Выполняя этот закон в течение жизни, существо человека духовно возвышается ещё на одну ступень и помогает возвыситься другим.

Наш современный образ жизни не направлен на совершенствование Духа. Духовная темнота и невежество человечества сегодня достигли предела. Это про нас сказано в Библии: «Идущий во тьме не знает куда идёт».

Не зная законов Вселенной, мы изобрели свои законы. И сегодня вся наша жизнь построена на искусственных, удобных нам законах и ложных «истинах». Поэтому, наш жизнепоток – это путь к катастрофе человечества.

Духовность – это не фанатичная религиозность, духовность – это постоянное совершенствование Духа человеческого до такого возвышенного состояния, когда существо человека не в состоянии творить зло, когда этот человек будет излучать только тепло, когда в нём сформируется братское отношение ко всему сущему на Земле, когда у человека проснется истинная любовь к своей планете, как к Матери, когда человек поймет, что он – часть единого живого организма, который называется **Вселенная**.

Не зная Истины, мы разодрали науку на клочки. Для каждого объекта исследования создали свою науку. В этих науках совершенно различные подходы, методы и закономерности. Трагический результат такого расслоения мы начали ощущать только теперь.

Путь к Истине возможен только через Разум Вселенной. А задача человечества воспринять эту Истину, но для этого, каждый человек должен трансформироваться в совершенно иное суще-

ство, в существо, преисполненное добра и любви ко всему сущему во Вселенной.

Великие ученые всех времен видели в природных закономерностях Божественные законы – неизменные, раз и навсегда данные.

Аристотель считал: «... Изучение человеческой души и созерцание величия Бога гораздо важнее изучения материального мира».

Фома Аквинский говорил: «Существует некий вечный закон, а именно рассудок, существующий внутри Сознания Бога и управляющий всей Вселенной».

Декарт писал о «... законах, которые Бог вложил в Природу».

Ньютон считал высшей целью своей научной работы сбор доказательств существования «... законов, предписанных Природе Богом». По мнению Ньютона: «... Бог создал материальные частицы, силы между ними и фундаментальные законы движения». Он говорил, что вся Вселенная запущена в движение Богом и движется до сих пор подобно хорошо отлаженному механизму.

Паскаль недоумевал: «Если человек не создан для Бога, почему счастлив он только в Боге? Если человек создан для Бога, почему он так сопротивляется Богу?»

Эйнштейн мучил вопрос: «Какой выбор был у Бога, когда Он создавал Вселенную?»

Артур Комптон – физик, лауреат Нобелевской премии, писал: «Для меня вера начинается с того, что высший разум вызвал Вселенную к существованию и сотворил человека. Для меня нетрудно иметь эту веру, поскольку неоспоримо, что там, где есть план, есть разум. Упорядоченность Вселенной свидетельствует об истинности наиболее величественного утверждения: «В начале – Бог».

Еще одним порождением материализма является закон конкуренции. Его мы считаем сегодня основным законом развития человеческого общества. Закон конкуренции – это искусственный закон. Это следствие другого искусственного закона – закона естественного отбора.

Искусственно введенную Дарвином борьбу видов за выживание и борьбу внутри вида за выживание ученые перенесли на человеческое общество – «Выживает сильнейший». А это привело к конкуренции между государствами, между фирмами внутри государств, между предприятиями внутри фирм, между службами внутри предприятий и между сотрудниками внутри служб.

Конкуренция – подавление слабого сильным, превратила

деньги в средство усиления сильного и ослабления слабого. В основе современного общества лежат деньги и наша жизнь медленно, но неумолимо превращается в деньги.

Сегодня деньги дают возможность избежать тюрьмы. Деньги дают возможность посадить в тюрьму невиновного. Сегодня всё продается. Причем, если проблема не решается большими деньгами, то она обязательно решится очень большими деньгами.

Человечество скатилось к всеобщей примитивной гонке за накоплением денежных состояний, к всеобщей купле и продаже, что является причиной устрашающего роста духовной нищеты человечества.

Истинный закон развития человеческого общества – это Закон Вселенской Любви: «... Возлюби ближнего своего, как самого себя». Только этот Закон общественного устройства может спасти человечество Земли от духовной деградации – от катастрофы.

В настоящее время это необходимо для того, чтобы от разрозненных народов и враждебных государств человечество, стирая государственные границы, начало движение к созданию Планетарного Братства на планете Земля.

Сегодня необходимо единство науки и религии. Этого единства не будет до тех пор, пока ведущая мировая религия – Христианство – не подаст пример всему Миру и не совершит на практике то, к чему эта религия призывает на протяжении последних двух тысяч лет – акта Любви к ближнему. Христиане обязаны (так повелел Иисус Христос) возлюбить друг друга! В Святом Писании Отец принял и простил блудного сына.

Выше было сказано, что вокруг Земли есть информационный слой. Этот слой осуществляет обмен информацией между Землей и Вселенной. Он содержит программы управления всеми планетарными процессами на Земле.

В настоящее время этот слой стал уязвимым и совершенно незащищенным от бездуховного человечества Земли. Он стал постоянно деформироваться под воздействием мощных отрицательных информационно-энергетических потоков от человечества Земли (зависть, жадность, злоба, ненависть, агрессивность – и всё это в массовом порядке).

Этот поток искажает информацию в информационном слое, что, в свою очередь, вызывает перекосы в энергетике нашей планеты. Это приводит к катаклизмам от региональных до общепла-

нетарных масштабов.

Необратимые процессы в организме людей и в планетарных процессах Земли вызывает каждый запуск космической или баллистической ракеты. В этом случае не просто деформируется, а выжигается целая зона информационного слоя, и трудно даже оценить масштабы информационно-энергетических перекосов и их последствий на планете.

Информация является фундаментом Вселенной. Информационный слой Земли является фундаментом нашей планеты. Человечество своей бездуховностью и невежеством разрушает этот фундамент. Поэтому, все силы сейчас должны быть сконцентрированы на сохранении этого фундамента, а, следовательно, на обуздании воинствующего, научно обоснованного невежества.

Необходим перелом в мировоззрении человека, необходим его духовный рост, необходимо поднять человека до такого уровня, когда он почувствует себя сыном матери нашей – Земли. За это нужно бороться не щадя сил, потому что уровень духовности человека всегда должен превышать уровень его знаний.

Как только уровень знаний человека превысит уровень его духовности, это приводит к созданию таких «шедевров» человеческой мысли, как атомное и термоядерное оружие, атомные электростанции, геновая инженерия, захоронение радиоактивных отходов в глубинах Земли, протоколы сионских мудрецов, стратегия создания «золотого миллиарда» и т.д.

Все эти направления и связанные с ними открытия, представляют особую опасность для человечества Земли. И вся надежда здесь на духовность науки и на научность религии, то есть, на их единство в планетарном масштабе.

Хочу обратить ваше внимание на то, как червь бездуховности внедряется в существо будущего ученого с первых его шагов на Земле. С малых лет в детском саду, в школе, в институте в ребенке воспитывается дух гордыни и самости – быть самым сильным, самым быстрым, самым умным... самым-самым «первым».

Сначала это выглядит безобидно, в виде детской игры, затем это внедряется в существо человека настолько, что становится стратегией жизни. Зачем любить ближнего и помогать ему, когда успеха в жизни добивается сильнейший?

Ты должен быть первым, значит, ты должен победить всех со-

перников в своей сфере деятельности. Причем, средства для достижения цели, уже не играют роли. Победителей не судят, И мы все хорошо видим результаты такой всеобщей жизненной стратегии на примере современного общества в России.

Но гораздо опаснее для человечества такая жизненная стратегия ученого. Сначала он бьётся с сотрудниками за место под «научным солнцем», затем он бьется с коллегами за право «за столбить» своё научное направление.

После этого он бьётся за то, чтобы «ошеломить» мир уникальностью своих результатов. И он «ошеломляет», не задумываясь над тем, какие плоды принесут его «ошеломляющие» результаты: благоденствие и процветание человечества или катастрофу планетарного масштаба. Это неважно.

Важно только то, что это сделал он, он один и никто, кроме него. Об этом должен знать обязательно весь мир. Но современный ученый – материалист, и он оценивает результаты своих исследований по их действию на материальном уровне.

А материя – это следствие, это не причина. И если наши научные «фокусы» с материей не всегда опасны, то подобные «фокусы» с причиной – с информацией – опасны **всегда**.

Генная инженерия – искусственное искажение Вселенской Программы развития клетки. В результате, на кукурузном початке вырастает огромный пшеничный колос. Это здорово, с точки зрения «фокуса» по преобразованию материи и повышению урожайности. Но это чрезвычайно опасно, с точки зрения искажения информации в клетке.

Я никому не советую есть такую пшеницу, потому что в ней не свойственная данному продукту информация. Эта информация будет передана в клетки ваших пищеварительных органов. Ваши клетки могут начать развиваться по несвойственной им программе и начинает расти в организме инородная ткань. Это как раз то, что мы называем сегодня раковой опухолью.

Избыток информации гораздо опаснее ее недостатка. Человечество может воспринять и правильно использовать только ту информацию, к восприятию которой оно сегодня готово. Поэтому, далеко не все результаты наших исследований нужно «выплескивать» на человечество.

Египетские жрецы 5000 лет назад обладали глубокими зна-

ниями истинного устройства Вселенной. Но, будучи истинными отцами человечества, они очень мудро дозировали информацию и очень аккуратно передавали знания, чтобы люди могли их использовать только во благо и не могли нанести себе вреда.

Жрецы считали, что Знание, которое прокричали на площади, тут же будет искажено толпой и направлено против истинных мудрецов. Они говорили, что Знание – подобно военной силе, попав в негодные руки, может привести к неисчислимым бедствиям.

Жрецы не были распространителями Знания, они были его хранителями. В своей среде они воспитывали высокодуховных юношей и передавали им это Знание. Знание никогда не выходило из среды жрецов, и это было гарантом безопасности человечества.

Читатель! Я предлагаю вам вместе со мной взглянуть на учение Иисуса Христа более внимательно, с позиции излагаемого в данной работе мировоззрения, и вы увидите, что Христос опасался давать людям того времени тайны Вселенной и учил апостолов тому, что нельзя давать Божественную Мудрость неподготовленным духовно людям, так как они не воспримут ее и могут направить эту мудрость против других людей.

В стихе 6 главы 7 Евангелия от Матфея, Иисус Христос говорит: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

Апостол Павел в Первом послании к Коринфянам (главы 2, 3) говорит: «... Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, и которой никто из властей века сего не познал... А нам Бог открыл это Духом Своим, ибо Дух всё проникает, и глубины Божий. Я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские...»

Святой Климент Александрийский в своем труде «Stromata» говорит: «Господь разрешил нам распространять эти тайны среди тех, кто способен воспринять их. Он не раскрыл толпе то, что не принадлежит толпе, но лишь некоторым, про которых он знал,

что они способны воспринять и соответственно преобразиться...»

К великому сожалению, современное человечество – это та самая толпа, о которой говорит Святой Климент Александрийский. И всё же, я глубоко убежден, что конец XX и начало XXI века – это тот рубеж духовного падения человечества, за которым следует катастрофа.

Для спасения человечества, необходимо дать ему некоторые тайны Вселенной уже сегодня. Осознав эти тайны и необходимость духовной перестройки, человечество должно перейти из эры научно обоснованного невежества в эру накопления истинного Знания» (Плыкин В. Д. Вначале было слово или след на воде / В. Д. Плыкин; изд. 2–е, перераб. и доп. – Ижевск: Издательство: Удмуртский университет, 1997. – 54 с.).

Кейс № 11

«Благие зерна в сердца детей бросать не уставай»

Цель кейса: формирование у студентов ценностного отношения к своей профессии, ответственности за воспитание молодого поколения.

Методические рекомендации преподавателю

Анализ этого кейса дает возможность преподавателю оценить результативность работы по формированию духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущих педагогов. На основе усвоенных педагогических ценностей, профессиональных идеалов, актуализации чувственной сферы, погружения в квазипрофессиональную среду, осмысления профессионально-личностных качеств будущими педагогами предлагается выполнить групповой проект «Клятва педагога на верность делу воспитания». Для творческого настроения целесообразным будет погружение в поэзию Е. Туркка, М. Львовского, Б. Чичибабина, А. Медведенко, Н. Сулеймановой. Рекомендуется объединить студентов в 2–3 подгруппы для выполнения проекта. Лучший вариант клятвы может быть произнесен на торжественной церемонии вручения дипломов.

Задания для обсуждения:

Выполнить проект «Клятва педагога на верность делу воспитания».

Материал к кейсу

*Благие зерна – чувством, мыслью, делом –
в сердца людей бросать не уставай.
Будь Сеятелем, добрым и умелым, –
и соберешь богатый урожай.*

*Трудна, бесспорно, земледельца доля,
но ждет его награда за труды. –
Приходит срок с возделанного поля
заслуженные пожинать плоды...*

*По всем законам – урожай созреет.
И очень верно говорит народ:
«То, что, весной, сеятель посеет,
он, осенью, в урочный час пожнет».
Посеять зерна трудно, всякий знает.
Еще труднее – зернам прорасти.
Но, иногда, еще трудней бывает –
законный урожай с полей собрать...*

*Ты, человек, не создан для страданий,
твое предназначенье – созидать.
И мысленную силу созиданья
тебе давно пора осознавать.*

*Ты сам – создатель собственных недугов,
несчастных или радостных путей,
ты, сам себе, творишь врага и друга –
освобожденной волею своей.*

*Лишь ты, один, из всех созданий тварных,
свободной волей – Сущим – наделен.
И сердцем, беспредельно лучезарным,
ты с БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬЮ – соединен.
Не доверяй высказываньям лживым,
что в бедах Мира «кто-то» виноват...
Ты Мир творишь... Твори ж его – счастливым,
преобрази весь Мир – в Прекрасный Сад!*

Е. Туркка

Достучаться до каждого сердца

*Достучаться до каждого сердца
Тех, кого ты решился учить,
И откроется тайная дверца
К душам тех, кого смог полюбить!*

*И какой-то проспавший мальчика
Опоздает на первый урок,
И проказница в прошлом девчонка
Пригласит на последний звонок!*

*И пройдут еще многие годы,
Может сложится чья-то судьба,
И исчезнут и боль, и невзгоды,
Прекратится повсюду стрельба!
А пока будут будни учебы
И ответы звучат у доски,
Без насилия мир и без злобы,
И подаренных роз лепестки!*

М. Львовский

*Покамест есть охота,
покуда есть друзья,
давайте делать что-то,
иначе жить нельзя.*

*Ни смысла и ни лада,
и дни как решето, –
и что-то делать надо,
хоть неизвестно что.*

*Ведь срок летуч и краток,
вся жизнь – в одной горсти, –
так надобно ж в порядок
хоть душу привести.*

*Давайте что-то делать,
чтоб духу не пропасть,
чтоб не глумилась челядь
и не кичилась власть.
Никто из нас не рыцарь,
не праведник челом,
но можно ли мириться
с неправдою и злом?*

*Давайте делать что-то
и, черт нас подери,
поставим Дон Кихота
уму в поводыри.
Пусть наша плоть недужна
и безысходна тьма,
но что-то делать нужно,
чтоб не сойти с ума.*

*Уже и то отрада
у запертых ворот,
что все, чего не надо,
известно наперед.
Решиай скорее, кто ты,
на чьей ты стороне, –
обрыдли анекдоты
с похмельем наравне.*

*Давайте что-то делать,
опомнимся потом, –
стихи мои и те вот
об этом об одном.*

*За Божий свет в ответе
мы все вину несем.
Неужто все на свете
окончится на сем?*

*Давайте ж делать то, что
Господь душе велел,
чтоб ей не стало тошно
от наших горьких дел!*

Б. Чичибабин

*Пока живу на этом свете,
пока огонь бурлит в крови,
иду дорогой столетий,
с душою щедрой для любви*

А. Медведенко

Молитва педагога

*Господь, прошу, коль ты избрал меня
Для миссии великой и святой,
Дай силы мне нести огонь Добра
По этой жизни в день и час любой.
Ребенка душу помоги понять,
И подскажи, как детям другом стать!
Господь, прошу, терпению научи,
В час испытаний за руки возьми,
Веди меня сквозь тернии, прости,
Когда собьюсь нечаянно с пути.
Господь, я каждый день благодарю
Тебя за миссию священную мою.
Поверь, Господь, я искренне клянусь
С достоинством пройти нелёгкий путь.
Огонь своей души не растерять,
В невзгодах жизни истину искать,
К гармонии стремиться, к красоте,
Служить ребёнку, Богу, и мечте.*

Н. Сулейманова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Педагог представляется нам как духовная, творческая, активная, целеустремленная личность, способная строить свою профессиональную деятельность на основе гуманизма, служения своему делу, стремящаяся к непрерывному духовному саморазвитию и самосовершенствованию. Подготовка такой личности требует и соответствующих педагогических условий – формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога.

В данном научно-методическом пособии представлены и обоснованы составляющие компоненты духовно-нравственных основ: профессиональное здоровье, нравственные чувства и переживания, профессиональный идеал, профессионально-нравственные ценности и профессиональная идентичность. Заявленные компоненты тесно взаимосвязаны между собой, дополняют и проникают друг в друга. Для формирования каждого из компонентов разработаны соответствующие кейсы, работа над которыми способствует осмыслению студентами одной из граней педагогической деятельности и закладки кирпичика в фундамент, на котором будет зиждаться человек как профессионал. Разделение кейсов по компонентам условно, в практике же происходит целостное формирование духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога. Так, практически в каждом кейсе содержится материал, анализ которого способствует активизации эмоционально-чувственной сферы студентов, формированию педагогических ценностей, устремлению к высшим профессиональным идеалам и т.д.

Работая над кейсами, студенты шаг за шагом познают свою будущую профессию, приобщаются к педагогическому сообществу, учатся работать в команде, анализировать, размышлять, отстаивать свою точку зрения, но при этом слышать, уважать и принимать иное мнение. Созданная благодаря кейс-методу, квазипрофессиональная среда способствует формированию умений работать в нестандартных ситуациях, развитию рефлексии, про-

фессионально-личностных качеств и, в целом, выработке профессиональной модели поведения педагога.

Кейс-метод, как показала практика, является эффективным методом формирования духовно-нравственных основ профессиональной модели поведения будущего педагога. Однако, наряду с кейс-методом следует применять и другие методы, используемые в высшей школе. Лекционные занятия обеспечивают теоретическую основу педагогического образования и способствуют развитию интереса у студентов. На лекциях будущие педагоги получают основы знаний и ориентиры дальнейшего профессионального развития, а кейс-метод позволяет применить эти знания, расширить их границы и сформировать профессионально-личностные качества.

Разработанные кейсы могут быть использованы преподавателями высшей школы на занятиях по педагогическим дисциплинам. К каждому кейсу прилагаются методические рекомендации для преподавателей, позволяющие понять позицию авторов научно-методического пособия и эффективно выстроить работу студентов над кейсом.

Хочется верить, что использование данных кейсов позволит преподавателям сделать занятия интересными и творческими, а самое главное – подготовить профессионального учителя с новым педагогическим мышлением, стремящегося нести свет и любовь молодому поколению.

Желаем творческих успехов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Адлер А. Наука жить / А. Адлер. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 259 с.
3. Азбукина Е. Ю. Роль рефлексии в профессиональном становлении педагога / Е. Ю. Азбукина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – №. 2. – С. 90–94.
4. Айкина Т. Ю. Метод кейсов в формировании коммуникативной компетенции студентов / Т. Ю. Айкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 58–61.
5. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие. Сост. Т. Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.
6. Амонашвили Ш. А. Как любить детей (Опыт самоанализа) / Ш. А. Амонашвили. – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2010.
7. Амонашвили Ш. А. Школа Жизни. Трактат о начальной ступени образования, основанного на принципах гуманноличностной педагогики / Ш. А. Амонашвили. – Донецк: Всеукраинская культурно-образовательная ассоциация Гуманной Педагогики, Артемовский Центр Гуманной педагогики, 2013. – 129 с.
8. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье / Н. М. Амосов; 3–е изд., доп., перераб. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 64 с.
9. Анализ, или Анатомия Кейс-метода / Под ред. д-ра социологических наук, профессора Ю. П. Сурмина. – К.: Центр инноваций и развития, 2002. – 286 с.
10. Ананьев В. А. Основы психологии здоровья / В. А. Ананьев // Кн. 1. Концептуальные основы психологии здоровья. – СПб.: Речь, 2006. – 384 с.
11. Аникушина Е. А. Инновационные образовательные технологии и активные методы обучения: Методическое пособие / [Е. А. Аникушина, О. С. Бобина, А. О. Дмитриева, О. Н. Егорова, Т. А. Калянова и др.]. – Томск: В-Спектр, 2010. – 212 с.
12. Аристотель Никомахова этика / Аристотель // Сочинения;

Т. 4. – М., 1984.

13. Архангельский Л. М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности / Л. М. Архангельский. – М.: «Знание», 1978. – 64 с.

14. Балашов Л. Е. Этика: Учебное пособие / Л. Е. Балашов. – М., 2003. – 137 с.

15. Баранов О. А. Фильм в воспитательной работе с учащейся молодежью: учеб. пособие / О. А. Баранов, С. Н. Пензин. – Тверь: Тверской государственный университет, 2005. – 180 с.

16. Баранов О. А. Художественный кинематограф в работе средней школы / О. А. Баранов. – Калинин: Изд-во КГУ, 1977. – 82 с.

17. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 444 с.

18. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

19. Березина Т. С. Становление профессиональной идентичности педагога / Т. С. Березина // Педагогическое образование и наука. – 2008. – № 7. – С. 24–27.

20. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс; пер. с англ. – М.: «Прогресс», 1986.

21. Блюмкин В. А. Мир моральных ценностей / В. А. Блюмкин. – М.: Знание, 1981. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. – Сер. «Этика». – № 8).

22. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.

23. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д. Й. Фельдштейна. – М., Воронеж: Ин-т практ. психологии, МОДЭК, 1995. – 352 с.

24. Большаков В. П. Особенности культуры в ее историческом развитии (от зарождения до эпохи Возрождения): Учебное пособие / В. П. Большаков, Л. Ф. Новицкая. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2000. – 160 с.

25. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 2007. – № 8. – С. 44–53.

26. Бражникова А. Н. Эмпатия как одна из составляющих нравственности будущего профессионала / А. Н. Бражникова, А. А. Юзя // Научно-теоретический журнал «Ученые записки уни-

- верситета имени П. Ф. Лесгафта». – 2011. – № 6 (76). – С. 12–16.
27. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 3–19.
28. Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б. С. Братусь. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 2000. – 88 с.
29. Валовик В. И. К вопросу о нравственности специалиста в контексте профессионального здоровья / В. И. Валовик, Т. Г. Целуйкина // Труды СГА. – 2010. – Вып. 2. Юриспруденция. Образование. Психология. Экономика. Философия. Лингвистика. – С. 46–54.
30. Вальцев С. В. Закат человечества / С. В. Вальцев. – М.: Книжный мир. – 2010 – 384 с.
31. Вульф В. З. Учитель: профессиональная духовность / Б. З. Вульф // Педагогика. – 1995. – № 2. – С. 48–52.
32. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Лев Семёнович Выготский; под ред. В. В. Давыдова. – М.: АСТ; Астрель; Люкс, 2005. – 671 с.
33. Выготский Л. С. Психология искусства / Предисл. А. Н. Леонтьева; коммент. В. В. Иванова; общ. ред. В. В. Иванова. – 3–е изд. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
34. Гарбузова Г. В. Эмпирические критерии формирования профессиональной идентичности студентов / Г. В. Гарбузова // Управление общественными и экономическими системами. – 2007. – № 1. – С. 3–14.
35. Грановская Р. М. Психология веры / Р. М. Грановская; 2–е изд., перераб. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
36. Гринева М. В. Роль эмпатии в формировании профессиональной идентичности экономиста-международника / М. В. Гринева // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 4. – С. 324–331.
37. Грузкова С. Ю. Кейс-метод: история разработки и использования метода в образовании / С. Ю. Грузкова, А. Р. Камалева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 6. – С. 24–24.
38. Гусакова Т. Ф. Гедонистическая мораль в современном обществе: социально-психологический аспект [Электронный ресурс? / Т. Ф. Гусакова. – Режим доступа: <http://www.rusnauka>.

com/4_SND_2015/Psihologia/12_186854.doc.htm.

39. Гуцин Ю. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе / Ю. В. Гуцин // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» *Dubna Psychological Journal*. – 2012. – № 2. – С. 1–18.

40. Да Винчи Леонардо Сказки, легенды, притчи / Леонардо Да Винчи; [перевод и предисловие А. Махов]. – М.: Изд-во А. П. Выродова, 2002. – 168 с.

41. Джанерьян С. Т. Системный подход к изучению профессиональной Я-концепции / С. Т. Джанерьян // Вестник Оренбургского государственного университета. – Приложение «Гуманитарные науки». – 2005. – № 4. – С. 162–169.

42. Долгоруков А. Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения [Электронный ресурс] / А. Долгоруков. – Режим доступа: http://www.vshu.ru/lections.php?tab_id=3&a=info&id=2600.

43. Драч С. В. Ціннісні орієнтації студентської молоді українського суспільства: сутність та динаміка / С. В. Драч // Збірник наукових праць Хмельницького інституту соціальних технологій Університету «Україна». – 2010. – № 2. – С. 26–30.

44. Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1977. – 334 с.

45. Дружилов С. А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход / С. А. Дружилов // Сибирь. Философия. Образование. – 2005. – №8. – С. 26–44.

46. Дружилов С. А. Профессиональное здоровье трудящихся и психологические аспекты профессиональной адаптации / С. А. Дружилов // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 6. – С. 34–37.

47. Дружилов С. А. Системный подход к изучению психологического феномена профессионализма человека / С. А. Дружилов // Вестник ТГПУ. – Серия: Психология. – 2005. – Вып. 1 (45). – С. 51–55.

48. Егоров Г. Единство и противоречия профессионального и личностного развития / Г. Егоров // Психология обучения. – 2010. – № 11. – С. 48–60.

49. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность / Е. П. Ермолаева // Психологиче-

ский журнал. – 2001. – Т. 22. – № 4. – С. 51–59.

50. Етика: навч. посіб. / [В. О. Лозовой, М. І. Панов, О. А. Ставевська та ін.; За ред. проф. В. О. Лозового]. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 224 с.

51. Желаевская Н. Ф. Профессиональная ответственность личности как детерминанта карьерного продвижения: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Надежда Федоровна Желаевская; Ин-т образ. тех. Рос. акад. образ. – Сочи, 2010. – 21 с.

52. Загвязинский В. И. Идеал, гармония и реальность в системе гуманистического воспитания / В. И. Загвязинский, Ш. А. Амонашвили, А. Ф. Закирова // Педагогика. – 2002. – № 9. – С. 3–10.

53. Занковский А. Н. Организационная психология: учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология» / А. Н. Занковский; 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2002. – 648 с.

54. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М., 1986. – 223 с.

55. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – М.: Школа-пресс, 1996. – 270 с.

56. Знаков В. В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры / В. В. Знаков // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 39–50.

57. Золотухина-Аболина Е. В. Курс лекций по этике / Е. В. Золотухина-Аболина. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. – 384 с.

58. Иванова Н. Л. Профессиональная идентичность как фактор конкурентоспособности личности в современном бизнесе [Электронный ресурс] / Н. Л. Иванова. – Режим доступа: <http://corp.yandex.net/?fmode=envelope&url=http>.

59. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Собрание починений: в 10-ти т. – М.: Русская книга. – Т. 1. – 1993. – 357 с.

60. Кант И. Сочинения: в 6-ти т. / под ред. В. Ф. Асмуса. – Т. 4. – Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.

61. Кармин А. С. Культурология / А. С. Кармин; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Издательство «Лань», 2003. – 928 с.

62. Квятковський Д. О. Соціально-гуманістичні ідеали української молоді в трансформаційному суспільстві (соціально-філо-

софський аспект): автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.03 / Дмитро Олегович Квятковський; Південноукраїнський державний педагогічний університет ім. К. Д. Ушинського. – Одеса, 2008. – 16 с.

63. Климов Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – М.; Воронеж, 1996. – 400 с.

64. Климов Е. А. Пути в профессионализм (психологический взгляд): учебное пособие / Евгений Александрович Климов. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 2003. – 320 с.

65. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. / Я. А. Коменский; Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 576 с.

66. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. / Я. А. Коменский; Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 656 с.

67. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. – М.: Педагогика, 1987. – 416 с.

68. Корчак Я. Как любить ребенка: книга о воспитании / Я. Корчак; пер. с польск. – М.: Политиздат, 1990. – 493 с.

69. Кошарный В. П. Трудовые ценности и установки студенческой молодежи / В. П. Кошарный, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 126–134.

70. Красношлыкова О. Г. Современное определение сущности профессионализма педагога / О. Г. Красношлыкова // Ползуновский вестник. – 2005. – № 3. – С. 88–92.

71. Крымський С. Б. Третя правда буття / С. Б. Крымський // Сучасність. – 1998. – № 4. – С. 99–107.

72. Крымский С. Б. Контуры духовности: Новые контексты идентификации / С. Б. Крымский // Вопросы философии. – 1992. – № 11. – С. 21–28.

73. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища / Н. В. Кузьмина. – М.: Высшая школа, 1989.

74. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М.: Высшая школа, 1990.

75. Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма / Пол Куртц;

пер. с англ. И. В. Кувакина, ред. В. А. Кувакин; изд. 2-е, испр. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 222 с. – Библиотека журнала «Здравый смысл».

76. Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Психология индивидуальных различий: хрестоматия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. – М.: ЧеРо, 2000. – 776 с.

77. Лаэртский Д. О. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. О. Лаэртский; пер. и прим. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979. – 624 с. – (Серия «Философское наследие»).

78. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. / Алексей Николаевич Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. – 392 с.

79. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства / А. Н. Леонтьев // Избр. псих. произведения в 2-х т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 232–238.

80. Леонтьев Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности / Д. А. Леонтьев // Гуманитарные проблемы современной психологии. – 2005. – № 7. – С. 16–21.

81. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 17 с.

82. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1993. – 43 с.

83. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 4–36.

84. Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений: опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи / В. Т. Лисовский // Социологические науки. – 1998. – № 5. – С. 98–104.

85. Лихачев Б. Т. Философия воспитания: спец. курс / Б. Т. Лихачев. – М.: ВЛАДОС, 2010. – 335 с.

86. Лихачев Д. С. Раздумья о России / Д. С. Лихачев // Сборник. – СПб.: Logos, 1999. – 666 с.

87. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.

88. Ложкін Г. Професійна ідентичність в контексті маргінальної поведінки суб'єкта / Г. Ложкін, Н. Воляннюк // Соціальна психо-

логія. – 2012. – № 4 (54). – С. 123–131.

89. Лукіяничук А. М. Модель розвитку професійної ідентичності майбутніх педагогів / А. М. Лукіяничук // Проблеми сучасної психології. – 2010. – Вип. 7. – С. 370–380.

90. Лурье Л. И. Педагогика как знаково-символическая система / Л. И. Лурье // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 7. – С. 25–28.

91. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования / С. Я. Лурье. – Л.: Наука, 1970. – 664 с.

92. Лялюк Г. М. Становлення професійної ідентичності майбутніх педагогів як психолого-педагогічна проблема / Г. М. Лялюк // Психологічні перспективи. – 2012. – Вип. 20. – С. 145–152.

93. Майер Б. О. Духовность и экономика / Б. О. Майер, Н. В. Наливайко // Школа духовности. – 2001. – № 5. – С. 28–33.

94. Майхнер Х. Е. Корпоративные тренинги / Х. Е. Майхнер. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 354 с.

95. Макаренко А. С. Избранные произведения в 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмоченко (председатель) и др.; изд. 2-е, исправ. и доп. – К.: Рад. шк., 1985. – Т. 3. – 592 с.

96. Макарова В. А. Формирование и развитие духовности будущего учителя в процессе профессиональной подготовки в вузе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Валентина Александровна Макарова. – Калуга, 2001. – 373 с.

97. Маловідомі першоджерела української педагогіки (друга половина XIX–XX ст.): хрестоматія / упоряд.: Л. Д. Березовська та ін. – К.: Науковий світ, 2003. – 418 с.

98. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990 – 368 с.

99. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.

100. Маркова А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 312 с.

101. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / Абрахам Маслоу; перевод с англ. А. М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.

102. Маслоу А. Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; пе-

- ревод. с англ. А. М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
103. Маслоу А. Психология бытия / Абрахам Маслоу. – К., 1997. – 304 с.
104. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общ. ред. и вступ. стат. М.А. Дыника. – М.: Гос. издат. полит. литературы, 1955. – 239 с.
105. Менг В. А. Учебный фильм в отечественной педагогике: от истоков зарождения к новым возможностям / В. А. Менг // Человек и образование. – 2012. – № 3. – С. 157–161.
106. Метод изучения ситуаций (case-study) в образовании: его история и применение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru>.
107. Митина Л. М. Концепция профессионального долголетия / Л. М. Митина // Директор школы. – 1998. – № 5. – С. 31–36.
108. Митина Л. М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях / Л. М. Митина // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 28–38.
109. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т Флинта, 1998. – 200 с.
110. Молодиченко В. В. Ціннісний контекст духовного світу сучасної студентської молоді / В. В. Молодиченко // Мультиверсум. Філософський альманах. – 2009. – Вип. 80. – С. 207–217.
111. Мурашов В. И. Духовность – принцип новой эпохи / В. И. Мурашов // Школа духовности. – 2001. – № 1. – С. 25–36.
112. Мурашов В. И. Духовные ресурсы мира: преодоление глобализации / В. И. Мурашов // Школа духовности. – 2001. – № 5. – С. 15–26.
113. Мэй Р. Любовь и воля / Р. Мэй. – М.: Ваклер, 1997. – 387 с.
114. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; 4-е изд., допол. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
115. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания учебное пособие / Под общей редакцией Е. В. Бондаревской. – М. – Ростов-н/Д: Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
116. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Ми-

щенко, Е. Н. Шиянов; 3-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2000 – 512 с.

117. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Т. А. Строкова и др.]. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.

118. Переломов Л. С. Конфуций: Лунь Юй / Л. С. Переломов. – М.: «Восточная литература», 2001. – 168 с.

119. Петракова Т. И. Гуманизм педагога как условие результативности духовно-нравственного воспитания [Электронный ресурс] / Т. И. Петракова. – Режим доступа: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num>.

120. Петракова Т. И. Святоотеческое учение и проблемы современной педагогики / Т. И. Петракова // Вестник ПСТГУ 4: Педагогика. Психология. – 2007. – Вып. 2. – С. 7–22.

121. Платов В. Я. Деловые игры: разработка, организация и проведение: учебник / В. Я. Платов. – М.: Профиздат, 1991. – 156 с.

122. Платон. Сочинения в 3-х т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с древнегр. – Т. 3. – Ч. 2. – М.: Мысль, 1972. – 678 с.

123. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессиональной идентичности / Ю. П. Поваренков // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 53–58.

124. Покушалова Л. В. Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения студентов / Л. В. Покушалова // Молодой ученый. – 2011. – № 5. – Т. 2. – С. 155–157.

125. Психология здоровья: учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.

126. Разин А. В. Этика: учебник для вузов / А. В. Разин. – М.: Академический проект, 2003. – 624 с.

127. Роботова А. С. Художественный образ в педагогическом образовании / А. С. Роботова // Педагогика Культуры. – 2005. – № 2. – С. 23–28.

128. Роджерс К. О становлении личностью / К. Роджерс; под редакцией д.пед.н. Е. И. Исениной. – М.: «Прогресс», 1994. – 256 с. – Психотерапия глазами психотерапевта.

129. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание / Сергей Леонидович Рубинштейн. – М.: Изд-во АПН СССР, 1957. – 328 с.

130. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Ру-

бинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

131. Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна) / А. В. Сагадеев. – М.: Мысль, 1980. – 239 с.

132. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи / В. Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 37–43.

133. Сентябова Т. А. Управление самостоятельной учебной деятельностью студентов с помощью кейс-метода / Т. А. Сентябова, Н. Б. Тимофеева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.

134. Скворода Г. С. Повне зібрання творів: у 2-х т / Г. С. Скворода. – Т. 1. – К.: Наук. думка, 1973. – 532 с.

135. Скугаревская М. М. Синдром эмоционального выгорания / М. М. Скугаревская // Медицинские новости. – 2002. – № 7. – С. 3–9.

136. Слободчиков В. И. Духовные проблемы человека в современном мире / В. И. Слободчиков // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 33–39.

137. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

138. Соколов В. М. Социология морали – реальная или гипотетическая? / В. М. Соколов // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 78–88.

139. Соколова Л. Б. Духовность как интегративная сила воспитания / Л. Б. Соколова // Школа духовности. – 2001. – № 1. – С. 41–46.

140. Соловьёв В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьёв. – Соч.: в 2-х т. – М., 1988. – Т. 1.

141. Соловьёв В. С. Смысл любви: Избранные произведения / В. С. Соловьёв; сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаев. – М.: «Современник», 1991. – 525 с.

142. Сорокоумова Г. В. Теоретические подходы к развитию профессионализма педагога / Г. В. Сорокоумова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3. – С. 175–188.

143. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое насле-

- дие / Сост. О. В. Сухомлинская. – М.: Педагогика, 1990. – 288 с.
144. Сухомлинский В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – М., Политиздат, 1973. – 272 с.
145. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина / В. А. Сухомлинский; пер. с укр. Н. Дангуловой; 3-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1979. – 335 с.
146. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – К.: Радянська школа, 1974. – 288 с.
147. Сухомлинский В. А. Сто советов учителю / В. А. Сухомлинский. – М.: Из-во Академии педагогических наук РРФСР, 1961. – 658 с.
148. Сущенко В. М. Професійна відповідальність юриста: деонтологічні та правові проблеми / В. М. Сущенко // Наукові записки. – Т. 20. Юридичні науки. – К.: Вид. Дім «KM Academia», 2002. – С. 4–6.
149. Теоретико-методичні проблеми виховання дітей та учнівської молоді. Збірник наукових праць. – Вип. 14. – Кн. 2. – Кам'янець-Подільський: Видавець Д. Г. Зволейко, – 2010. – С. 301–310.
150. Титаренко А. И. Нравственные основы общения / А. И. Титаренко. – М.: «Знание», 1979. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Этика»).
151. Тойч Ч. К. Духовность и самосознание личности / Чампион Курт Тойч. – М.: Издательство: Когито-Центр, СанРэй, 2009. – 176 с.
152. Толстой Л. Н. Педагогические статьи / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений; Т. 8. – М., 1860–1863.
153. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
154. Тугаринов В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Л., 1998. – 344 с.
155. Тулепбергенова Д. Ю. Сущность кейс-стади: педагогический аспект осмысления термина / Д. Ю. Тулепбергенова // Интеграция образования. – 2014. – № 1. – С. 82–88.
156. Турянская О. Ф. Воспитание ценностных ориентаций у подростков (на материале истории): дис. ... канд. пед. наук. – Луганск, 1998. – 211 с.
157. Турянская О. Ф. Теория и практика личностно-ориенти-

рованного обучения истории в школе: монография / О. Ф. Турянская; М-во образования и науки Украины, Гос. учреждение «Луган. нац. ун-т им. Тараса Шевченко». – Луганск, 2008. – 496 с.

158. Турянська О. Ф. Педагогічні ситуації, їх види, роль і місце в особистісно-орієнтованому навчанні історії в школі / О. Ф. Турянська // Духовність особистості: методологія, теорія і практика. – 2010. – Вип. 3. – С. 118–128.

159. Турянська О. Ф. Теоретико-методичні засади особистісно-орієнтованого навчання історії в школі: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.02 / Ольга Федорівна Турянська. – К.: АПН України, Інститут педагогіки, 2011. – 556 с.

160. Усов Ю. Н. Экранные искусства – новый вид мышления // Искусство и образования. – 2000. – № 3. – С. 48–69.

161. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. – М.–Л.: Из-во АПН. – 1948. – Т. 2. – 655 с.

162. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. – М.–Л.: Из-во АПН. – 1950. – Т. 11. – 727 с.

163. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии / Т. А. Флоренская. – М.: Институт психологии АН СССР, 1991. – 244 с.

164. Фонарев А. Р. Психология личностного становления педагога-профессионала: автореф. дис. ... док. психол. наук: 19.00.07 – «Педагогическая психология» / А. Р. Фонарев. – М.: Московский государственный университет технологий и управления, 2007. – 49 с.

165. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / [пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйсмана]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

166. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства / Зигмунд Фрейд. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД». – 1998.

167. Фролова С. Л. Инновационное понимание модели специалиста как образа профессионального идеала / С. Л. Фролова // Педагогическое образование в России. – 2010. – № 2. – С. 122–129.

168. Фролова С. Л. Классификация идеалов в педагогике / С. Л. Фролова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1. – С. 12–17.

169. Фролова С. Л. Мотивирующая функция профессионального идеала [Электронный документ] / С. Л. Фролова // Материалы международной заочной научно-практической конференции

«Тенденции развития педагогической науки» (23 октября 2010 г.). – Режим доступа: http://sibac.info/files/2010_10_23_Pedagogika/Frolova.pdf.

170. Фромм Э. Здоровое общество / Эрих Фромм. – М.: АСТ. – 2006. – 544 с.

171. Фромм Э. Иметь или быть? / Эрих Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

172. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм; под ред. Д. А. Леонтьева; пер с англ.; 2-е изд. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 224 с.

173. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. – Мн.: «Коллегиум», 1992. – 253 с.

174. Цвык В. А. Профессиональная этика: основы общей теории: учеб. Пособие / В. А. Цвык; изд. 2-е. – М.: РУДН, 2012. – 288 с.

175. Целякова О. М. Духовність і ціннісні орієнтації студентської молоді України в трансформаційному суспільстві / О. М. Целякова // Гуманітарний вісник ЗДІА. – 2009. – Вип. 38. – С. 222–233.

176. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека / В. Д. Шадриков. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2007. – 328 с.

177. Шаров А. Януш Корчак / А. Шаров. – К.: Радянська школа, 1988. – 25 с.

178. Шаталова Н. И. Деформации трудового поведения работника / Н. И. Шаталова // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 26–33.

179. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер; перевод Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского; общая ред. и предисловие проф. В. А. Карпушина. – М.: Прогресс, 1973. – 340 с.

180. Шевченко Г. П. Актуальные проблемы духовного развития личности / Галина Павловна Шевченко // Международная научно-практическая конференция (доклады, тезисы, выступления). – Ч. 2. – Донецк: Донецкий облсовпроф, 2004. – С. 188–196.

181. Шевченко Г. П. Проблемы образования и воспитания студенческой молодежи в эпоху постмодернизма / Г. П. Шевченко // Духовність особистості: методологія, теорія і практика. – 2011. – Вип. 3. – С. 200–209.

182. Шмалей С. В. Динаміка ціннісної свідомості молоді в сучасний період / С. В. Шмалей // Таврійський Вісник освіти. – 2008. – № 2. – С. 51–61.

183. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография / Л. Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

184. Шушерина О. А. Формирование ответственности как профессионально значимого качества у студентов: (на примере техн. ун-та): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ольга Анатольевна Шушерина; Сиб. гос. технол. ун-т. – Новосибирск, 1999. – 16 с.

185. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

186. Этика: учеб. пособие / [Т. В. Мишаткина, З. В. Бражникова, Н. И. Мушинский и др.]; под ред. Т. В. Мишаткиной, Я. С. Яскевич; 2-е изд. – Мн.: Новое знание, 2002. – 509 с. – (Серия «Социально-гуманитарное образование»).

187. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слову Божего / П. Д. Юркевич // Философские произведения. – К., 1990. – С. 69–103.

188. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

189. <http://www.liveinternet.ru/users/svetline/post234248375>.

Научно-методическое издание

Ирина Владимировна ЧЕБОТАРЕВА,
Светлана Владимировна КОРОТКОВА

**Формирование
духовно-нравственных основ
профессиональной модели поведения
будущих педагогов средствами кейс-метода**

*Под общей редакцией – И. В. Чеботаревой, С. В. Коротковой
Оформление обложки – П.С. Пыженко, Е.В. Копылова
Верстка – Е.С. Демьяшкина*

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Печ. усл. л. 28,6. Тираж 200. Зак. № 3.

Издатель «Альма матер»

Издательство Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642)53-65-37
e-mail: alma_mater@mail.ru
Свидетельство регистрации издательского дела МИ-СГР ИД 000001
от 29.10.2015 г.